ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения № 2 | 2025

Сергей Форостовский | Балаклавский мотив. 60х80, холст, масло. 2015 г.

Сергей Форостовский | Дом рыбака. 50х60, холст, масло. 2021 г.

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №2 | 2025

В номере

ДиН ПОБЕДА

Юрий Ромашков
3 Карпатская эпопея, или Последнее ранение Виктора Астафьева

Ефим Гаммер
8 Разминуться со смертью

Марина Саввиных
13 Военные пути-дороги

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

12 Надежда Мисюрова

32 Наталья Троицкая

53 Анатолий Галкин

68 Владимир Романенко

ДиН ПАМЯТЬ

Олег Ампилогов
22 АиБ: Служили два товарища

Евгений Татарников
33 Как Михаил Митьков волею судьбы стал красноярцем

ДиН ВРЕМЯ

Борис Андюсев
38 Десятый — пятый — второй…

ДиН СТИХИ

Иван Малов
54 Темою встреч-расставаний

Алексей Шихалёв
56 Красный Ключ

Иван Щитов
58 Весна в селе

Анисья Искоростинская
60 В мире чувств

Екатерина Громова
62 Выход к людям

Кристина Денисенко
96 Всё пройдёт, мой край

Наталия Черных
98 Завершение Святок

Андрей Сурай
100 Волшебная вьётся тропа

Игорь Торопов
102 Жить и верить

ДиН ПРОЗА

Людмила Кеосьян
65 Придурок

Сергей Кузичкин
69 Откос

ДиН СИММЕТРИЯ

64 Владислав Ходасевич

НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ

Оксана Мясникова
104 Деревня Надва

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Виктория Соловьёва
125 День путешествий налегке

Алла Касецкая
127 Время прощать

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ
Тамара Арбатская
132 Противостояние

ДиН РЕВЮ
Сергей Задереев
135 Погружение

ДиН ФАНТАСТИКА
Залина Лукожева
136 Пропасть Старости

ДиН ДЕТЯМ
Вячеслав Миронов
142 Золотые кони

СТРАНИЦЫ СОВЕТА МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ
Алексей Пчелёнок
179 Молчание

Яна Миронова
181 Сон

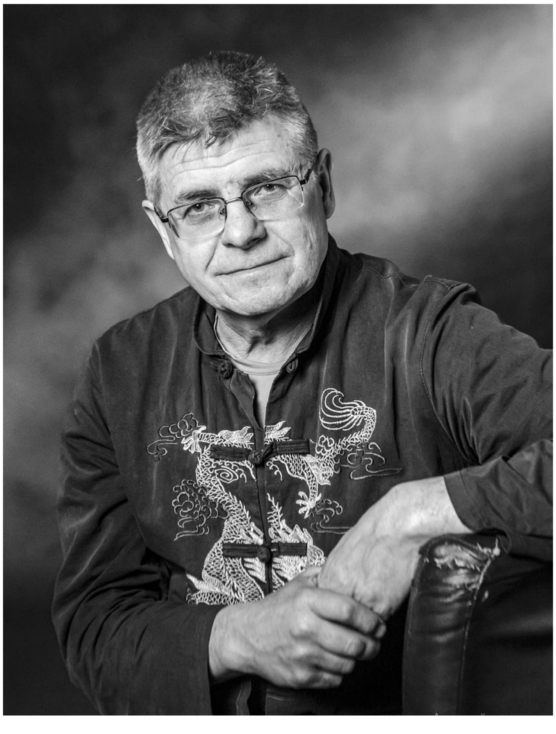
СИНЯЯ ТЕТРАДЬ
188 Удачи в игре по имени Жизнь!

192 Прогулки с Пушкиным и другие рассказы

196 ДиН АВТОРЫ

ДиН ГАЛЕРЕЯ

Крымские пейзажи Сергея Форостовского



Обложка апрельского номера «ДиН» за 2025 год посвящена очередной годовщине воссоединения полуострова Крым с Российской Федерацией. Одиннадцать лет назад крымчане вернулись в родную гавань, а «материковая Россия» приняла в свои объятия целый мир, когда-то несправедливо утраченный, мир, овеянный волшебством уникального климата и столь же уникальной истории. Кисть Сергея Форостовского, известного сибирского художника, мастерски передаёт ни с чем не сравнимую атмосферу Крыма — его чуть подёрнутое прозрачным туманом небо, серебристо-синюю рябь морских волн, виноградные лозы на белых и жёлтых камнях, белоснежные руины древних храмов, красные крыши рыбацких домиков и алые бока перевёрнутых лодок…

Сергей Викторович Форостовский родился 27 апреля 1966 года в п. Ольга Приморского края, окончил художественное училище и институт искусств во Владивостоке. Работал главным художником Красноярского Театра юного зрителя, в начале двухтысячных находился на творческой работе в Музее русского искусства в Харбине (Китай). Член Союза художников России и Союза театральных деятелей России. Куратор и участник многочисленных российских и международных творческих проектов. С декабря 2022-го года является председателем правления Красноярской региональной организации ВТОО «Союз художников России». Работы Сергея Форостовского представлены в музеях России, США, Китая, в частных коллекциях Болгарии, Германии, Франции, Китая, Кореи, Японии, США, Австралии, Новой Зеландии.

Юрий Ромашков

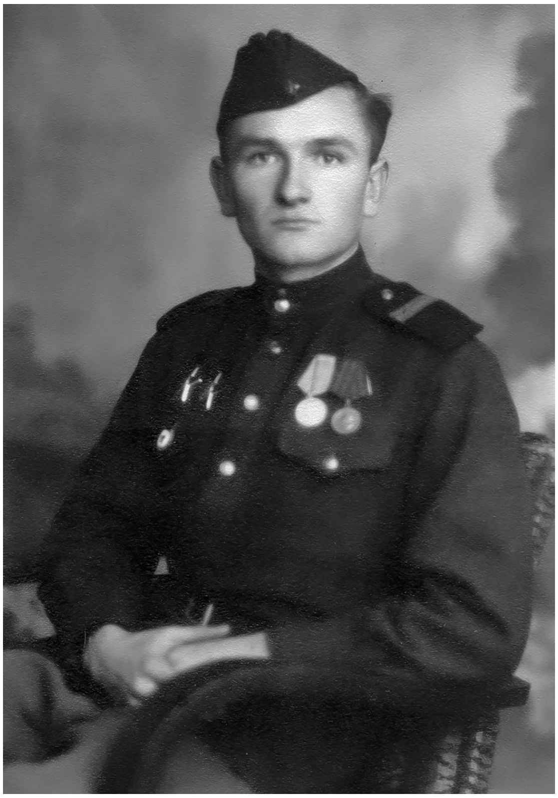
Карпатская эпопея, или Последнее ранение Виктора Астафьева

«Вскоре, я помню и никогда не забуду эту дату — 17 сентября 1944 г., меня тяжело ранило в предгорьях Карпат, и выводил меня, раненого, из полуокружения мой фронтовой друг Вячеслав Шадринов»[1], — рассказывал о своём участии в сражении за Карпаты Виктор Петрович Астафьев. После этого ранения он будет отправлен в тыл Красной Армии, пройдя несколько госпиталей, в том числе в станице Васюринской (в повести «Весёлый солдат» она упоминается как Хасюринская) на Кубани, и далее — в город Краснодар. Отсюда Астафьев прибыл в 15-ю запасную стрелковую дивизию (15-я ЗСД). Сохранился именной список одной из команд данного пункта, датируемый мартом 1945 года[2]. В этом списке фигурирует рядовой Виктор Петрович Астафьев. Собственно, здесь закончится фронтовая история будущего писателя и начнётся совершенно новая — послевоенная. Тем не менее именно в предгорьях Карпат Виктор Петрович примет участие в последних для себя боях, отголоски которых станут богатой иллюстрацией для фронтовых будней в повести «Весёлый солдат».

В.П. Астафьев и М.С. Корякина-Астафьева на встрече ветеранов 17-й артиллерийской Киевско-Житомирской дивизии прорыва. Фонд ККМ

1 *Ростовцев Ю. А.* Виктор Астафьев. Жизнь замечательных людей. Серия библиографий. Москва, 2014.

2 ЦАМО. Ф. 8216. Оп. 80298. Д. 4. Именной список № 76 от 14 марта 1945 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru



Вячеслав Фёдорович Шадринов. Фотография 1945 г. Фонд ККМ

Виктор Петрович Астафьев. Фото 1945 г. Фонд ККМ

Восточно-Карпатская операция войск Красной Армии, нередко именуемая «Девятым сталинским ударом», представляла собой не только масштабное событие в рамках очередной фронтовой операции, но и политическое. Маршал И. С. Конев, командовавший 1-м Украинским фронтом, после войны вспоминал: «События осени 1944 г. явились важной вехой на великом пути развития дружественных отношений между СССР и Чехословакией»[3]. Традиционно советская историография данную операцию делит на Карпатско-Дуклинскую и Карпатско-Ужгородскую. Остановимся подробнее на Карпатско-Дуклинской, которую проводили войска 1-го Украинского фронта, так как именно в ней очередные испытания войной выпали на долю Виктора Астафьева. Подразделению, в котором он нёс службу, — 92-й тяжёлой гаубичной артиллерийской бригаде (92-я ТГАБР) 17-й артиллерийской дивизии прорыва 7-го артиллерийского корпуса — предстояло поддерживать действия 38-й армии генерал-полковника К. С. Москаленко. Отметим, что изначально замысел освобождения Чехословакии строился с учётом обхода оборонительных позиций противника в Карпатах, что привело бы к минимизации потерь в личном составе. Но начавшееся 29 августа словацкое антифашистское восстание заставило пересмотреть планирование операции с целью помочь восставшим. В журнале боевых действий 38-й армии от 3 сентября появилась запись: «Ряд районов Словакии, по сведеньям чехословацких военных кругов, охвачен восстанием против немецко-фашистских захватчиков. Крупные бои с оккупантами происходят в районах: Братислава — Прешов»[4].

Таков был политический аспект сражения в Карпатах — руководство СССР решило прийти на помощь восставшим, атакуя немецкие позиции с востока, без долговременной подготовки, тем самым обрекая Красную Армию на большие потери. При этом имевшихся сил у 1-го и 4-го Украинских фронтов вполне хватало для преодоления обороны немецко-венгерской группировки. Поддержку советским войскам оказывали партизаны, а также регулярные войска словацкой армии, перешедшие на сторону антигитлеровской коалиции.

Советская сторона активно готовилась к боям. Это выражалось как в приёме маршевого пополнения, подвозе техники и боеприпасов, так

3 *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945 гг. Киев, 1987.

4 ЦАМО. Ф. 445. Оп. 9005. Дело 239. Журнал боевых действий войск 38-й армии за сентябрь 1944 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru

Виктор Астафьев с товарищем Рюриком Петровым. Фото 1944 г. Фонд ККМ

и во временной мере по экономии артиллерийских выстрелов. Так, в приказе по 17-й артиллерийской дивизии прорыва было предписано строжайше экономить боеприпасы, определяя по два выстрела на одну дивизионную 76-миллиметровую пушку. Орудиям большего калибра огонь был противопоказан вообще, «кроме пристрелки отражения контратак противника, на что в каждом конкретном случае будут даны распоряжения»[5]. Однако распоряжения в отношении сбережения боекомплекта и горючего в дивизии постоянно нарушались, что вызвало к жизни приказ от 5 сентября 1944 года, в котором, помимо прочего, отмечалось, что части, игнорирующие приказ, «наносят государству огромный ущерб»[6]. Наступление войск Красной Армии началось 8 сентября 1944 года, когда к боевым действиям перешли подразделения 1-го Украинского фронта. На следующий день — в атаку пошли части 4-го Украинского фронта. Немецко-венгерские войска сражались под общим управлением генерала вермахта Готхарда Хейнрици. В опубликованных после войны дневниках Хейнрици расскажет о чувствах, которые он испытывал после назначения на новую должность: «Тем не менее меня не покидает неясное чувство, что всей местной обстановке не слишком-то можно доверять. Как-то мне не по себе. Кроме немецких войск, под моим началом ещё целая армия союзников»[7].

Наступление соединений 1-го Украинского фронта проводилось после массированной артподготовки в шесть сорок по московскому времени. Пушкари 17-й артиллерийской дивизии прорыва поддерживали наступление 101-го стрелкового корпуса, перешедшего в атаку в восемь сорок пять после штурмового удара авиации. Противник ожесточенно оборонялся, и советские источники признают небольшое продвижение в глубь вражеской обороны. Согласно данным, только к восемнадцати ноль-ноль удалось продвинуться на пять-семь километров[8]. Рядовой Астафьев активно участвовал в боях, совместно с товарищами обеспечивая своевременную связь артиллеристов с наступающими пехотными подразделениями. Артиллеристам 17-й артиллерийской дивизии прорыва пришлось потрудиться: по данным 38-й армии, артподготовка продолжалась сто двадцать пять минут![9]

Постепенно советские войска взламывали оборону противника на перевале, создав к десятому-одиннадцатому сентября узкую полосу прорыва. Командование решило бросить в эту узкую брешь 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта В. К. Баранова. В ночное время соединение совершило прорыв в тыл противнику. Однако 14 сентября немецкие войска закрыли брешь, и корпус оказался в окружении. Обстановка стала настолько критической, что для помощи конникам пришлось привлечь два танковых корпуса. День 14 сентября 1944 года для Виктора Астафьева также стал памятным. С ним случилось то, что на войне становится обыденностью: рядовой Астафьев уничтожил солдата противника. Убил человека. «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвёртого

5 ЦАМО. Ф. 9639. Оп. 0000001. Д. 0042. Приказ по 17-й Киевско-Житомирской Краснознамённой ордена Суворова дивизии от 1 сентября 1944 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru

6 ЦАМО. Ф. 9639. Оп. 0000001. Д. 0042. Приказ по 17-й Киевско-Житомирской Краснознамённой ордена Суворова дивизии от 5 сентября 1944 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru

7 *Хюртер Й.* Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. (Notizen aus dem Vernichtungskrieg Die Ostfront 1941/42 in den Aufzeichnungen des Generals Heinrid). Пер. с нем. О. Бэйда, И. Петров. С. Петербург, 2018.

8 ЦАМО. Ф. 9639. Оп. 0000001. Д. 0011. Боевая история 17-й Киевско-Житомирской Краснознамённой ордена Суворова дивизии прорыва. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru

9 ЦАМО. Ф. 445. Оп. 9005. Дело 239. Журнал боевых действий войск 38-й армии за сентябрь 1944 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru

года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне. Случилось это на восточном склоне Дукельского перевала, в Польше»[10], — рассказывает он на страницах повести «Весёлый солдат». Виктор Петрович пишет, что в этот день немцы сильно контратаковали, в журнале боевых действий 101-го стрелкового корпуса постоянно отмечаются ответные действия противника. Например, 70-я гвардейская и 183-я стрелковые дивизии данного корпуса весь день вели бои, отражая контратаки частей вермахта. Указывается также, что враг атаковал как в дневное, так и в ночное время[11]. Возможно, во время одной из этих атак Астафьев из своего карабина и уничтожил немецкого солдата. В своей статье «Там, в окопах. Воспоминания солдата» Виктор Петрович подробно описал этот случай: «Я из карабина в Польше немца убил. Во время боя. Нет, нет, не матёрого эсэсовца, не тучного „обера“, а худосочного какого-то работягу или крестьянина, в редкой белёсой щетине. Котелок у него на спине под ранцем был, и этот котелок и сгубил человека — цель заметная. Под него, под котелок, я и всадил точнёхонько пулю, когда немец перебежками пошёл ко клеверной скирде, за которой, видать, сидел командир, а был „мой“ немец, очевидно, связным»[12]. А затем он совершил ошибку, характерную для бойцов, впервые одержавших победу, — после боя пошёл посмотреть на поверженного противника: «По молодой, беспечной глупости я после боя сходил посмотреть „моего“ немца — и с тех пор он преследует меня»[13].

Бои 15 и 16 сентября 1944 года для обеих сторон носили переменный успех. В тяжёлых условиях советским войскам приходилось продавливать глубокоэшелонированную оборону противника. К этому периоду времени вспыхнувшее словацкое восстание было отрезано немцами от передовых частей Красной Армии в Средней Словакии и изолировано от путей поставок оружия и продовольствия, что в дальнейшем предопределило его крах. К 17 сентября противоборство сторон продолжало сохранять равновесие: атаки немецких, венгерских, советских и чехословацких частей сменяли друг друга. Именно в этот день Виктор Астафьев получил очередное тяжёлое ранение и навсегда покинул передовую. «Там, в Карпатах, и я, мелкая песчинка в громадной буре, кружился и упал на твёрдую прикарпатскую землю, всё ещё скупо рожающую хлеб, овощи и фрукты, хотя и обильно полита она солдатской кровью, в особенности русской»[14], — образно поведал писатель о своём ранении в очерке «Там, где пролита кровь». Тогда на поле боя снова было жарко. В журнале боевых действий 38-й армии вновь появляются записи о больших контратаках противника. Например, сообщается, что «121-я стрелковая дивизия в девять ноль-ноль отбила контратаку силой до роты пехоты с четырьмя танками из района Лыса Гура в восточном направлении. <…> 70-я гвардейская стрелковая дивизия с тринадцати тридцати вела тяжёлые бои с противником, перешедшим в контратаку силами до полка пехоты с танками и 30 бронетранспортёрами в районе высоты 696 восточнее окраин Мысцова. К исходу дня, отразив контратаки противника, начала выход из окружения в направлении Ивля»[15]. Несложно заметить, что время от времени советские части оказывались в оперативном окружении, так как вражеское командование умело маневрировало своими подразделениями, опираясь на разветвлённую систему оборонительных укреплений у себя в тылу.

Без артиллерийской поддержки отбить мощные контратаки немцев было невозможно, поэтому действия артиллерийских расчётов 17-й артиллерийской дивизии прорыва были особенно ценны. Здесь нужно отметить, что специфика рельефа, на котором разворачивались боевые действия, а также начавшиеся осенние дожди оказывали воздействие и на способы ведения огня, и на способы доставки боеприпасов. В истории 17-й артиллерийской дивизии прорыва особо подчёркивается: «Личный состав дивизии на несколько сот метров подносил боеприпасы в гору на огневые позиции, так как никакой транспорт по размокшим дорогам не мог подняться на вершины гор»[16]. Там, в горах, и будет ранен рядовой Астафьев. Вспоминая обстоятельства своего последнего боя, Виктор Петрович рассказывал, что его подразделение позади основной линии траншей пехотных подразделений занимало оборону на склоне горы. Здесь он и попал под артналёт, получив лёгкое ранение осколком, который, к счастью, был на излёте: «Ударил разрыв, я спрятался в щель, подождал, когда осколки пролетели надо мной, и, вставши, потянулся к трубке телефона, чтобы проверить

10 *Астафьев В. П.* «Весёлый солдат». Собрание сочинений в 15 т. Т. 13. Красноярск, ПИК «Офсет», 1998.
11 ЦАМО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 2. Журнал боевых действий 101-го стрелкового корпуса за период 1943–1945 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru
12 *Астафьев В. П.* «Там, в окопах. Воспоминания солдата». Собрание сочинений в 15 т. Т. 12. Красноярск, ПИК «Офсет», 1998.
13 Там же. С. 155.
14 Астафьев В. П. «Там, где пролита кровь». Собрание сочинений в 15 т. Т. 12. Красноярск, ПИК «Офсет», 1998.
15 ЦАМО. Ф. 445. Оп. 9005. Дело 239. Журнал боевых действий войск 38-й армии за сентябрь 1944 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru
16 ЦАМО. Ф. 9639. Оп. 0000001. Д. 0011. Боевая история 17-й Киевско-Житомирской Краснознамённой ордена Суворова дивизии прорыва. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru

связь. И в это время зафурчал рябчиком надо мной осколок на излёте, да как саданёт под правую лопатку, ну ровно молотком»[17]. Но это было только началом испытаний.

Ещё накануне 92-я тяжёлая гаубичная бригада была придана частям 101-го стрелкового корпуса для огневого сопровождения наступления и отражения контратак противника. Ещё в начале операции советским войскам удалось освободить Кросно, и Астафьев упоминает этот город, в районе которого горели нефтяные промыслы. Началась артподготовка врага, а затем последовал налёт штурмовиков люфтваффе «Фокке-Вульф-190». При налёте штурмовиков Астафьев получил тяжёлые ранения и был выведен своим фронтовым товарищем Вячеславом Фёдоровичем Шадриновым с позиций в ближний тыл. Данный эпизод затем нашёл отражение в повести «Весёлый солдат»: «Через несколько дней с почти оторванной рукой выводил меня мой близкий друг с расхлёстанной прикарпатской высоты…»[18] Виктор Петрович получил сквозное осколочное ранение левого предплечья с повреждением кости (тяжёлое)[19].

На сегодняшний день практически невозможно точно установить документальную картину этого события, но если обращаться к документам, то журнал боевых действий 38-й армии свидетельствует как о массовых атаках противника, так и о наступлении советских подразделений, причём обе стороны успехов в этот день не имели. По некоторым деталям можно предположить, что последнее ранение Астафьева случилось в полосе действий 183-й стрелковой дивизии 101-го стрелкового корпуса, чьи действия и поддерживала 92-я тяжёлая гаубичная бригада. Документы 38-й армии свидетельствуют, что: «183-я СД совместно с одним полком 121-й СД в течение дня вела бои на рубеже восточного ската горы Лазы, севернее опушки леса, севернее горы Борек. К 13:00 отразили контратаку батальона пехоты противника, поддержанную 13 танками»[20]. Что касается налёта немецких штурмовиков, при котором пострадал Астафьев, то и он вполне мог быть: отчёт 101-го стрелкового корпуса упоминает активность люфтваффе: «Авиация противника группами по 5 самолётов вела разведку и бомбила боевые порядки частей корпуса в районе Глотце»[21].

Думается, что именно восточный склон горы Лаза стал последним местом боя будущего писателя, хотя это могло произойти и в полосе 70-й гвардейской стрелковой дивизии, чьи подразделения в этот день отразили семь контратак противника на восточных скатах высоты 650 и южнее горы Борек[22]. Так или иначе, рядовой Астафьев внёс свой скромный вклад в борьбу за освобождение польской и словацкой земли. Бои в Карпатах временно завершились 28 октября 1944 года, когда восстание в Словакии было окончательно подавлено немецкими войсками. По итогам операции Красной Армии так и не удалось прорваться на помощь восставшим, но при этом она смогла нанести значительный урон 1-й танковой армии немцев, а также 1-й венгерской армии. Были захвачены стратегические горные перевалы, с опорой на которые можно было строить будущую кампанию по освобождению всей Чехословакии.

Спустя годы Астафьев приедет на места прошедших боёв на границе Польши и Словакии, недалеко от старинного города Дукля (Дукла). Результатом этой поездки станут светлые впечатления от увиденного возрождения страны. И мысли, возникшие там, словно примиряясь с прошлым, он, как писатель, доверит бумаге: «Ради этого стоило воевать и пролить кровь. Ради этого стоит жить и работать. Ибо жива наша память и пока еще не покинула нас вера в человеческий разум»[23].

17 *Ростовцев Ю. А.* Виктор Астафьев. Жизнь замечательных людей. Серия библиографий. Москва, 2014.
18 *Астафьев В. П.* «Весёлый солдат». Собрание сочинений в 15 т. Т. 13. Красноярск, ПИК «Офсет», 1998.
19 *Яновский Н. Н.* Виктор Астафьев. Москва, Советский писатель, 1982.
20 ЦАМО. Ф. 445. Оп. 9005. Дело 239. Журнал боевых действий войск 38-й армии за сентябрь 1944 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru
21 ЦАМО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 2. Журнал боевых действий 101-го стрелкового корпуса за период 1943–1945 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru
22 ЦАМО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 27. Журнал боевых действий 70-й гвардейской стрелковой дивизии за 1944–1945 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа://https://pamyat-naroda.ru
23 Астафьев В. П. «Там, где пролита кровь». Собрание сочинений в 15 т. Т. 12. Красноярск, ПИК «Офсет», 1998.

Ефим Гаммер

Разминуться со смертью[1]

1.

Туман струится по сосновым корням, сбивается в пружинистые комки, и тогда, клочкастый, тягостно напоминает бельма. Эти бельма незрячие смотрят повсюду, и кажется, что мир ослеп, не видит самоё себя, не то что пять-шесть десятков бойцов.

От группы отделяется один — в ватнике и пилотке, с выгнутым финским ножом в руке.

…Полицай бродил вдоль сарая, приспособленного под склад ГСМ — горюче-смазочных материалов, который и предстояло уничтожить девятому спецподразделению, сформированному в Ленинграде Приморским военкоматом. Он шагал, сутулясь, и спиной своей, чувствительной к неприязненным взглядам, уловил опасность. Мгновенно обернулся, сдёрнул с плеча карабин и, в тумане различив метнувшуюся к нему тень, нажал на курок. Грохнул выстрел.

«На внезапность уже нельзя уповать»,— подумал лейтенант, командир спецназа, поднимая бойцов в атаку.

При первых же выстрелах немцы откликнулись автоматными очередями. Сначала вразнобой, потом плотней и плотней. Тёмные фигурки отделялись от приземистых домиков, собирались в цепи, уверенные, брызжущие свинцом, берущие отряд в полукольцо.

Лейтенант что-то кричал, отмахивая сжатым в кулаке наганом. Дикий напор атаки потерял свою силу. Строй смешался. Дима уже не различал рядом с собой Андрея. Он остановился, не понимая происходящего. Бойцы отряда отступали. Рядом с Димой упал вниз лицом пулемётчик. И тотчас над ним возник лейтенант. Выхватив из мёртвых рук пулемёт, он толкнул Диму в грудь: мол, уходи,— и обернулся к посёлку. Выпрямившись в полный рост, лейтенант держал изрыгающий пламя тряский «дегтярь» и медленно вёл стволом по горизонтали. Совершивший промах, он искупал его собственный кровью.

Словно незримый боксёр нокаутирующе вбил кулак под дых лейтенанту.

Дима отбежал от командира, но, повинуясь какому-то внутреннему приказу, оглянулся. Он видел, как лейтенант согнулся и упал головой в корневище сосны, напрягся, хотел закричать, позвать на помощь, но издал лишь неслышный в суматохе боя горловой звук.

Дима — к командиру. Взвалил тяжёлое тело на спину и рванул в лес. Но вдруг нечто упругое, похожее на волейбольный мяч, но гораздо более тяжкое, обрушилось на затылок.

Очнулся он в сарае. Сквозь щели в двери виден был часовой со «шмайсером» на груди.

2.

«Плен, плен, плен». Дима ощутил непривычную тяжесть в теле, тупо ныл затылок, на ладонях проступал пот. Перед ним проходили неясные видения.

Набережная Невы, Эрмитаж…

Совсем недавно он со своим братом Иваном, тоже глухонемым от рождения, прибыл в Ленинград из сибирского города Киренска, чтобы поступить в только что открывшуюся школу глухонемых. Предстояло начать новую жизнь, обрести, наконец, возможность общения с людьми.

Их принял помощник начальника политуправления речного пароходства Каюров. Вежливый, в меру степенный, он внимательно изучал протянутые Димой бумаги: «Податели сего — комсомольцы Корзенниковы, Иван и Никодим. Первый из них — столяр, второй — токарь. Оба — замечательные стахановцы. Но имеют большой органический порок — глухонемоту…»

Посетители в напряжённых позах сидели на краешке стульев, готовые тут же вскочить и, если ему что-либо неясно, тотчас по возможности объяснить.

— Вот что, учиться вы будете вечером, днём работать на заводе «Юный водник»,— сказал Каюров братьям.

Те понимающе кивнули. Это обрадовало Каюрова, придало бóльшую естественность его голосу, хотя, как он понимал, они его не слышат.

— Я сейчас позвоню в дирекцию завода,— он тронул рукой телефонный аппарат.— Вас

1 Очерк о единственном в мире глухонемом от рождения солдате Второй мировой войны — сибиряке Никодиме Корзенникове, бойце 9-го спецподразделения.

встретят, ознакомят с производством, предоставят место в общежитии. Договорились?

«Да», — кивком ответили Корзенниковы.

Казалось бы, как это было недавно. А потом… война. И невероятная борьба с неуступчивой медкомиссией за право быть добровольцем, защищать Ленинград. Он добился своего, доказав, что стреляет, как и положено сибиряку, без промаха. И был зачислен в спецотряд. Затем несколько рейдов в тыл противника, пяток зарубок на прикладе винтовки. И… Что теперь? Конец?

Запах сена, некогда милый, был сейчас ненавистен Диме. Он напоминал о родной сибирской стороне, о парном молоке и заливных лугах. Прочь молоко и луга — надо собрать волю в кулак! Всегда он рвался из себя наружу, чтобы стать понятным людям. Но теперь он обязан уйти глубоко вовнутрь, спрятаться в непроницаемом ящике своей глухоты и немоты. Он, глухонемой от рождения, должен был изображать из себя вполне здорового человека, красноармейца, отказавшегося отвечать на любые вопросы.

Дверь сарая распахнулась. На пороге стоял солдат и пальцем манил к себе:

— Ком, ком.

Под конвоем его вели к штабу. Дима шёл, глядя себе под ноги — ему было совестно показаться на глаза людям. А когда поднял голову, то увидел возводимую на деревенской площади виселицу.

Его ввели в комнату с низким потолком, с письменном столом в центре и кожаным диваном у стены — прежде в этом доме, видимо, располагался сельсовет. Окна выходили на площадь. Из-за стола поднялся коренастый человек в офицерском френче, с крестом на левом кармане и цветным язычком орденской ленточки. На правой квадратной петлице — молнии.

«Эсэсосовец», — понял Дима.

На диване сидели полицейские. От всех четверых, отличившихся в бою на рассвете, шёл сильный дух винного перегара. В комнате присутствовал ещё один человек, судя по всему, штатский. Он был одет в синий двубортный костюм. Ещё какое-то мгновение Дима рассматривал кабинет. Отчего-то его внимание останавливалось лишь на мелочи: прыщики под глазами у офицера, подрагивание рук у совершенно седого полицейского, забытая на стуле детская игрушка — ванька-встанька. Но тут он заметил, как человек в гражданском костюме принялся хватать ртом воздух.

«Приступили к допросу». Корзенников отвёл взгляд в сторону.

Полицейский по кличке Седой, сонный после попойки, клевал носом. Вкрадчивая речь переводчика усыпляла.

— Унтерштурмфюрер СС господи Краузе желает знать, какой путь изберёт доблестный солдат: жизнь или смерть? Просим отвечать сразу же, без проволочек. Если у солдата на уме второе, то он составит компанию ещё пятерым, взятым в плен на днях, и не далее как через час предстанет перед Господом Богом. Так чтó доложить господину унтерштурмфюреру?

Дима не видел слов, рождающихся в припухлых губах переводчика. «Говорить меня и силком не заставят». Горестная улыбка тронула его лицо.

— О, солдат настроен оптимистически. Значит… жить? — подхватил переводчик, по-своему истолковав подобие улыбки на лице красноармейца.

Корзенников резко отвернулся к окну. На площади заканчивали строить виселицу, перебрасывали верёвки через перекладину. Почему-то три верёвки.

Переводчик что-то сказал офицеру. Тот согласно кивнул, щёлкнул ваньку-встаньку по лбу и закурил.

— Как я догадываюсь, молчание — знак согласия, — продолжал штатский. — Доблестный солдат, который не покинул тело убитого командира, принимает наше условие и предпочитает жизнь смерти? А теперь перейдём к делу. Германское командование интересуют все данные о воинской части, атаковавшей посёлок: численность, вооружение, место базирования.

Дима наблюдал за споро идущей работой на площади: тугие узлы оплели брусок дерева, петли качались внизу.

Несмотря на Димино молчание, переводчик не сменил манеру ведения допроса, рассчитывая своим сарказмом сразить красноармейца. Но терпение терял, в голосе появились угрожающие нотки.

— Солдат изволит играть в молчанку? Не советую. Если солдат не понимает обходительного отношения, пусть пеняет на себя — примутся за него по-настоящему.

Стоило штатскому повысить голос, как это раздражающе подействовало на седого полицейского. Очень он не любил начальственного тона. Сонливость улетучилась: «Хоть бы шлёпнули его побыстрей, надоело».

— Солдат изображает из себя глухонемого? — продолжал переводчик. — Напрасно. Придётся об этом скоро пожалеть.

Когда Дима отвёл взгляд от площади, где раскачивались верёвки виселицы, он увидел, как офицер зло оттолкнул табуретку и шагнул к нему, поводя большим пальцем левой руки по костяшкам кулака правой. Приблизился, взглянул исподлобья. «Сейчас врежет», — уставился Седой на офицера.

Показное движение левой рукой, пленный отпрянул корпусом. И тут могучий апперкот правой поверг его на пол.

— Браво! Стопроцентный нокаут! — переводчик перешёл на немецкий. — Представляю себе, каким вы были на ринге, господин унтерштурмфюрер! Такого мощного апперкота мне не приходилось видеть и у профессионалов.

Второй удар пришёлся Диме в голову. Чёрное солнце рухнуло на него, придавило и обожгло. «Кровь», — мелькнуло в притуплённом сознании, когда он очнулся. Пальцы ощупывали мокрый пол. «Кровь? Нет, вода, — окатили».

Унтерштурмфюрер Краузе играл желваками, сжимал пальцы в кулаки. Непостижимо: он, ломающий людей, как трухлявую сигарету, не может развязать язык этому падающему и встающему, подобно дурацкой русской игрушке, человеку.

Седой озлобленно смотрел на немца. Подобное зрелище не для него — нервы не те. Рот полицейского хищно оскалился, веко передёрнулось. Схватив табуретку, вскочил, сделал стремительный шаг к стоявшему спиной к нему фашисту и с оттяжкой обрушил своё увесистое оружие на остриженный затылок.

Последнее, что он услышал, — это громкую боль в сердце и треск автомата.

Дима, сгорбившись, встал на ноги. У его босых грязных ступней лежал офицер со слипшимися в крови волосами. Чуть впереди с занесённой табуреткой в руке оседал седой полицейский. Стреляные гильзы, источая дымок, перекатывались по полу у сапог автоматчика-конвоира.

3.

«Вот и кончился ты, Никодим Корзенников. Поди, отвоевался. Неладно получилось. Смерть-то на людях надо принимать, чтоб кругом свои были, видели бы: не струсил Никодим, не склонил головы перед врагом, не молил о пощаде. Нескладная вышла у тебя жизнь, Никодим Корзенников, безмолвная. Лишь одним дано тебе утешиться: что от меткой пули твоей фашисты падали тоже безмолвно, даже не успев закричать».

Мозг раскалывался от не вмещающихся в него слов. Сердце переполнялось несбывшимся. Дима шёл по деревенской площади, запрокинув голову к солнцу. Это ещё была жизнь.

На площадь выехал грузовик с откинутыми бортами, остановился под виселицей. Два немца вскочили на платформу. Проверили крепость верёвок и взгромоздились на крышу кабины.

Под конвоем подвели к машине пятерых пленных. Почти все без гимнастёрок, в нательных рубахах. Один, как заметил Дима, в офицерской фуражке с зелёным околышем. «Пограничник». Перед ними суетился человек с закинутым за спину автоматом — вставал на колено, заходил сбоку, что-то высчитывал. Дима разглядел в его руках фотоаппарат. Немцы, сидевшие на кабине грузовика, что-то выкрикивали, смеялись.

Фоторепортёр нашёл, наконец, лучший ракурс: он вполз на платформу и, сидя, уставился в видоискатель, покручивая пальцами объектив. Тут произошло нечто невероятное: словно ураганный порыв ветра снёс фотографа на землю, сбросил его головой вниз у задних колёс. Тем же могущественным ветром сметены двое немцев с кабины автомобиля, рухнули на платформу в предсмертных судорогах.

Пленные бросились врассыпную.

Всё это было непонятно Корзенникову не более двух-трёх секунд. У его ног на пыльной земле возник ряд глянцевых капель. «Следы от пуль!» В следующее мгновение он уже бежал, хрипло дыша. Главное — пересечь открытую площадь, а там огородами недалеко до леса. Он споткнулся, упал на что-то тёплое. «Труп». Оттолкнулся руками, захватив ремень автомата. «Шмайсер». Перескочив через невысокий забор, оказался в огороде. В десяти шагах от себя увидел пограничника — тот бежал зигзагами, падая и поднимаясь. «Стреляют». До спасительного леса оставалось метров сто. Дима резко взял в сторону, бросился в траву, отполз, вскочил. Рывок, ещё рывок. Влетел в кусты, ветви стеганули по лицу, но боли он не ощутил.

4.

Разведчики возвращались с задания. Вёл группу раскосый тунгус Ваня, бывалый таёжный охотник, бьющий белку без промаха в глаз, но за моложавость и небольшой рост прозванный «мальцом». Внезапно он поднял руку: «Внимание», — и сделал знак скрыться. Разведчики затаились: блестящая после дождя тропа ничем не выдавала близкое пребывание людей. На тропе показался человек. Лицо — сплошной кровоподтёк, красноармейская форма разодрана, на плече — немецкий автомат. Человек не идёт, скорее, падает вперёд на непослушные ноги. Поравнялся с разведчиками, миновал их. Тогда Ваня выкрикнул ему в спину:

— Стой! Руки вверх!

Выкрикнул негромко, чтобы никто из посторонних, окажись неподалёку, не услышал. Красноармеец продолжал тяжело шагать, не обращая внимания на приказ.

— Стой! — повторил Ваня громче.

Результат тот же.

— Фашист, наверное, переодетый, раз нашего языка не понимает, — шепнул Сергей, в прошлом матрос Балтийского торгового флота. — Чесани его по ватерлинии.

Но Ваня, крадучись, двинулся сквозь заросли — знал, что на войне есть от чего человеку оглохнуть.

Дима не понял, что произошло. Только что он, усталый, шёл по тропе, придерживая автомат

за ствол, а сейчас, сбитый с ног, лежит в кустах и сжимает в кулаке горсть вырванной травы. Над ним нависла скуластая физиономия и непонятно, но безостановочно шевелит припухлыми губами. «Якут? С какой стати?» И тут он разглядел под капюшоном маскхалата пилотку с красной звёздочкой.

5.

С полчаса назад Ваня доложил начальнику дивизионной разведки о выполнении задания и теперь, забавно изображая в лицах, как всё было, заканчивал свой рассказ. По его словам, Диму приказали отправить в особый отдел: «Проверять надо».

Корзенникова ввели под конвоем в блиндаж, сложенный добротно, с массивным — в три слоя брёвен — перекрытием. Чуть позади него встал конвоир, опустив на земляной пол приклад трёхлинейки с отомкнутым штыком. За дощатым столом, напротив Димы, сидел бесцветный полноватый офицер в чине майора. Постукивая карандашом по чистому листу бумаги, внимательно изучал вошедших.

Дима не понимал, что происходит, но от взгляда майора ему стало не по себе, он робел и почему-то улыбался.

Офицер, удовлетворённый осмотром, указал на свободный стул, стоявший посреди блиндажа. Дима уселся на краешек. Он уловил момент, когда майор заговорил, и мысленно повторял следом за ним каждое угаданное слово.

Майор говорил с паузами, роняя фразу, как гирю:

— Поскольку ваша личность пока ещё не установлена, мы не можем быть уверены в том, наш вы человек или не наш.

Дима ухватился за угол стола, медленно поднялся, не сводя глаз с встревоженного лица офицера. Хватил ртом воздух, гневно ударил себя в грудь кулаком и, покраснев от натуги, выдавил:

— Фронта!

Потрясённый недоверием, он разыграл перед офицером пантомиму своего боевого прошлого. Однако его жесты и выкрики не дошли до особиста. И его могли бы счесть за немецкого лазутчика и расстрелять. Но вскоре стали поступать ответы на запрос оперуполномоченного. Военный комиссар Приморского райвоенкомата сообщил, что Никодим Михайлович Корзенников, глухонемой от рождения, был мобилизован двадцать пятого июня 1941 года. Далее бесстрастный документ сообщал: «Вышеназванный Корзенников Н. М. пал смертью храбрых при выполнении боевого задания».

Ошеломлённый майор вертел в руках отпечатанный на машинке бланк. Перед ним стоял заживо похороненный одним росчерком пера человек: истощённый, измученный, с коротким ёжиком недавно остриженных волос. Этот человек, как может, отстаивает свою правоту — закатывает глаза, ворочает непослушным языком, выдавливает из гортани нечленораздельные звуки.

В Приморский военкомат был направлен вторичный запрос с требованием прислать фотокарточку из личного дела красноармейца Корзенникова Н. М. и образец его почерка.

Дима вновь стоял перед особистом.

Майор, отделённый от него столом, ходил взад-вперёд по низкой землянке, заложив руки за спину. Наконец он остановился, и, указав на стул, придвинул Корзенникову пузатую чернильницу с ручкой.

— Пиши.

— …?

Неумело держа в пальцах ручку, Дима с недоумением смотрел на следователя, не понимая его приказания. Что писать? И как писать, когда не умеешь?

— Пиши, пиши. Что хочешь, то и пиши. Хоть автобиографию.

Заминка и неуверенность в движениях подозреваемого обеспокоили майора. Впечатление такое, будто ручки никогда не держал.

В персональном деле Никодима Корзенникова, присланном из Ленинграда, находилось заявление с просьбой отправить на фронт добровольцем. Оно старательно выписано ровным округлым почерком, а не теми каракулями, которые постепенно появлялись из-под пера сутуло сидящего человека.

Из-за его плеча майор разглядывал написанное. Разобрал несколько кривых печатных букв. Глядя на странного и жалкого парня, он не знал, как поступить. Переслать дело по инстанции? Там церемониться не станут, нет сейчас на это времени, — шлёпнут. А решать что-то надо. И сейчас…

Спустя несколько дней в ответ на новый запрос офицер для особых поручений доставил майору пакет от командира девятого спецподразделения. В сопроводиловке указывалось, при каких обстоятельствах пал на поле боя красноармеец Корзенников Н. М., о чём было сообщено его родным в похоронке. В пакете, кроме официальных бумаг, удостоверяющих личность Никодима Михайловича Корзенникова, лежало послание его товарища по оружию:

«Настоящим докладываю, что знаком с красноармейцем Корзенниковым на протяжении двух месяцев. Красноармеец Корзенников, несмотря на врождённую глухонемоту, был примерным воином, боролся с немецко-фашистскими захватчиками, не щадя жизни. На его личном счету подбитый вражеский танк, немалое количество уничтоженных метким огнём германских солдат и офицеров.

На вопрос: грамотен ли красноармеец Корзенников, — отвечаю: грамотен. На вопрос: умеет ли писать, — отвечаю: не умеет».

Это письмо, написанное Андреем, другом-однополчанином, определило Димину судьбу.

Положение на фронте было тяжёлое. Предстояло противостоять мощному натиску группы немецко-фашистских армий «Север». Людей катастрофически не хватало, в ротах насчитывалось по два-три десятка боеспособных солдат. Диму не вернули на завод. Прислушались к его настойчиво повторяемому «Фронта!" Фронта!» и определили вторым номером в расчёт ручного пулемёта.

6.

Следом за кряжистым сержантом в замаранных глиной обмотках пробирался Дима, нагнув голову, по извилистому ходу сообщения. Мимо сидящих на дне траншеи людей, мусолящих самокрутки, переговаривающихся в минуту затишья и равнодушно поднимающих взгляд на него — одетого в свежевыстиранное обмундирование.

Скользкая земля липла к сапогам, ногу приходилось ставить осторожно, чтобы не бухнуться в лужу. И всё же у входа в блиндаж, оступившись, Дима ткнулся плечом в стенку траншеи, но удержался, юркнул за сержантом в нутро командного пункта роты.

Старший лейтенант, разложивший карту на снарядном ящике, недоуменно спросил:

— Это и есть обещанное пополнение?

— Так точно, — сухо ответил сержант и добавил уже другим тоном, будто ему было неловко: — Глухонемой он.

Офицер с недоумением посмотрел на Корзенникова, и тот, боясь, что его отошлют, рявкнул:

— Фронта!

Комроты двинул кулаком по расстеленной карте, бросил сержанту:

— Ладно, ставь его на довольствие, зачисляй к себе во взвод.

И Дима вновь вступил в войну, защищая Ленинград.

Потом — тяжёлое ранение, и, в очередной раз разминувшись со смертью, он был эвакуирован на Большую землю.

Победу Дима встретил далеко от родных мест, в Краснодарском крае. В 1947 году с большими трудностями добрался до своего родного города Киренска и начал мирную жизнь. И только в 1970-м узнал о том, что в первый год войны был представлен к медали «За отвагу».

Через двадцать пять лет после Победы эта медаль была ему вручена в Киренском райвоенкомате.

Антология одного стихотворения

Надежда Мисюрова

Абакан, Республика Хакасия

Время тюльпанов

На тонком запястье часы, на них время тюльпанов,
Из лёгких индийских шелков цвета алой зари.
И рыжее солнце струится с небесных экранов,
В свой светлый, загадочный мир ты меня забери.
Но, знаю, тебя не догнать, ты как сон эфемерна.
Ты вечная девочка, муза поэта — весна!
Встречаешь рассвет в Амстердаме, а завтра в Палермо
Гуляешь средь томных аллей и опять влюблена…
В сиреневых гроздьях глициний сады утопают,
И пульс бытия в унисон в до-мажоре звучит.
По улице Роз ты идёшь, всех теплом обжигая,
И звонкий твой смех вновь по миру аккордом летит.
В соломенной шляпке, с тугим ремешком босоножек
И в платьице белом, что с вышивкой райских цветов.
Такие не сходят из глянцевых модных обложек,
Лишь только приходят однажды из песен и снов.
Не трогает время тебя, не страшат перемены,
Ты словно бы из ниоткуда рождаешься вновь.
Черты твои, голос, улыбка всегда неизменны,
И дивною музыкой в сердце играет любовь!
Не надо, прошу, не спеши! Это время тюльпанов!
Пожалуйста, дай насладиться цветением твоим!
Весна, ты приходишь ко всем, ты щедра и желанна.
Но быть на земле можно только лишь раз молодым!

Марина Саввиных

Военные пути-дороги[1]

Из девяноста шести лет, отпущенных Павлу Ивановичу Рожкову судьбой, он был директором Красноярского завода цветных металлов почти двадцать. До своего назначения в 1955-м работал здесь на руководящих должностях — лет девять. Получается тридцатилетие активной и плодотворной деятельности у всей страны на виду. Треть жизни… В семьдесят четвёртом директорский пост он вынужден был оставить и… продолжал работать на заводе инженером-технологом цеха № 7. Покинуть родное предприятие было для него немыслимо. Так что можно сказать, что П. И. Рожков трудился на «Красцветмете» до конца своих дней. До последнего дыхания. Личная история, незримая лестница, по которой каждый поднимается к вершинам судьбы или опускается в её провалы, личные радости и беды, вдохновения и разочарования, труды и дни — всё это было для него неразрывно связано с родным заводом, а значит, с разворачивающейся на его глазах и при его непосредственном участии историей двадцатого века. Рожков прошёл всю Великую Отечественную войну офицером-артиллеристом. Некоторые страницы моей книги о нём — предлагаю читателям «ДиН» накануне 80-летия Победы.

В двадцатых числах октября 374-я стрелковая дивизия — на отдых и комплектование — разместилась в Калинине. Здесь Павел Иванович Рожков приказом по армии был утверждён в должности начальника штаба 942-го артиллерийского полка, которую фактически принял во время выхода из окружения. Он по-прежнему много работает и скрупулёзно ведёт записи, благодаря которым теперь можно более или менее точно восстановить его служебную жизнь (личная — в дневниках почти не отразилась, и лишь по единичным, усердно «вымаранным» фразам можно догадаться, что она была! что Павел не только воевал, а тяжко переживал разлуку с родными, с оставленной дома семьёй… хотя вполне возможно, что «личные странички» дневника по разным причинам позднее были самим Рожковым из него изъяты… Что ж! это право моего героя — не пускать в свою интимную жизнь посторонних!). В Калинине впервые за всю войну началось более или менее обстоятельное оснащение полка. Прибывают новые лошадки — низкорослые невзрачные «монголы» и чуть ли не персидские скакуны! Да что лошадки! Полк получает пятнадцать автомобилей!!! В конце января Павел записывает: «Формирование закончено полностью. Никто раньше не предполагал таких результатов и лучшего ожидать не мог. У нас 100% личного состава, материальная часть по штату… Причём всё новое, только что с завода. Вместо тракторов получили автомашины ЗИС-42 на гусеничном ходу. Полк имеет очень серьёзный вид и обладает внушительной огневой силой. Об одном приходится сожалеть: нет времени на обучение людей. Подбор командного состава на этот раз слабее. Выучка командиров батарей — скоротечная. Придётся учить стрелять на фронте».

25 января эшелон № 30122 отправляется из Калинина на Ленинград. На фронт возвращались прежней дорогой — Лабутинская, Неболчи, Хвойная, Подборовье.

Дневник П. И. Рожкова (февраль 1943 года)

«5 февраля. 4.00. Записываю эти строки в вагоне. Все выгрузились, мы с командиром полка стоим в опустевшем вагоне. Ждём доклада об окончании разгрузки. Станция Глажево — новый пункт в длинной цепи наших военных дорог. Готовимся к боям. Я уверен в успехе на этом участке фронта. Мы впишем хорошую страницу в историю войны и этим положим начало настоящей боевой истории полка. До Ладожского озера — 30 км., до Войбакала — около 15.

6 февраля. Мы вошли в состав 54 армии. С 24.00 движемся дальше к фронту. Совинформбюро доставляет много радостей. Наши войска на юге

1 Из книги «Горизонты Рожкова», Красноярск, «Платина», 2008.

творят чудеса, бьют немцев. У Сталинграда взяты в плен 24 генерала, среди них фельдмаршал Паулюс. Более всего меня удивило, что среди тыловых организаций немцев имеется совсем не обычная для армии строительная организация Тодта. Становится понятной удивительная подвижность немцев в создании инженерно-фортификационных сооружений.

11 февраля. 6.00. Неизвестный лес в 12 км восточнее Любани. Прибыли сюда 9 февраля — и с тех пор круглыми сутками сижу, разрабатываю документы, планирую огонь дивизионов, управляю, воюю. Наш полк временно придан 281-й стрелковой дивизии, которой поставлена задача овладеть населённым пунктом Басино и дальше, выйдя на рубеж ручья Светречено, развивать наступление. Вчера в 10.05 начали артподготовку, а в 11.30 пехота пошла в атаку. Однако успеха нет. Досадно. Ещё нигде нам не удавалось сделать что-то полезное для Родины…

12 февраля. Сегодня третий день боя за Басино. Наша пехота на прежних рубежах. Продвижения нет. Вчера артиллерия совершила колоссальную работу, выпущено 1800 снарядов. Авиация работала также усиленно и в невиданном до сих пор масштабе. Только „царица полей“ как залегла, так и продолжала лежать. Раненых очень много. Мы потеряли лейтенанта Буняева, добродушного весельчака. Получили ранения подполковник Чистяков и капитан Щербань. Такие потери на второй день после вступления в бой!..»

Весна и лето 1943-го на Волховском фронте не принесли заметных перемен. Шли затяжные изматывающие бои. В июле командир 942-го артиллерийского полка Н. И. Чистяков был тяжело ранен, и в полк — под Вороново — прибыл новый командир, майор Бергер. Но с ним тут же произошёл трагикомический случай, из-за которого военная судьба Рожкова вновь круто изменилась. В штабе дивизии разрабатывалась новая наступательная операция; для получения боевого задания Бергер поехал к командующему артиллерией — как полагалось, верхом, но ездить он не умел — упал с лошади, сломал руку и был отправлен в госпиталь. Командующий, А. Г. Фомин, вызвал в штаб Рожкова и приказал принять командование полком, готовиться к наступлению. «Когда я вернулся в свой полк,— рассказывал Павел Иванович,— мои разведчики, побывавшие на передовой у пехотинцев, доложили, что они слышали, как немцы через рупор кричали: „Еврей Бергер упал с лошади, сломал руку и отправлен в госпиталь. Теперь полком командует сибиряк Рожков“. Вот как была поставлена разведка у немцев!»

До самого ноября военная судьба бросала Рожкова и его полк на разные участки фронта. И в одном из боёв осколком немецкого снаряда командир 942-го артиллерийского полка был ранен в голову. Правда, «крылатое счастье» Рожкова, видимо, и здесь сыграло свою роль! Осколок угодил в звезду на шапке-ушанке и буквально «вдавил» её в лобную кость. Армейская звёздочка смягчила удар. Он не стал для Павла смертельным, хотя и оставил у него на лбу глубокую отметину на всю жизнь. Ранение было тяжёлое, и до февраля сорок четвёртого Рожков находился на излечении в госпиталях Тихвина и Окуловки. А 374-я стрелковая дивизия уже в январе участвовала в освобождении Любани, за что и получила «прибавление» к порядковому номеру — Любанская. Это был настоящий военный успех, о котором Павел так долго мечтал, к которому так тщательно готовился и в котором, конечно же, были и его труд, и его кровь! И вот — дивизия приносит «пользу Родине» без него… Спустя много лет после войны Павел Иванович на основе воспоминаний одного из участников событий написал статью о Любанской операции сорок четвёртого. Вот она.

Бои за освобождение Любани

«В описании боевого пути 374-й Любанской стрелковой дивизии обязательно должен быть раздел, в котором рассказывается о боях с 25 по 28 января 1944 года. В то время вокруг Любани и других населённых пунктов этого района немецко-фашистские войска имели несколько опорных пунктов, связанных между собой укреплёнными оборонительными позициями с траншеями полного профиля, с оборудованными стрелковыми ячейками и противоосколочными перекрытиями. На подступах к переднему краю противник оборудовал проволочные заграждения и минные поля. Оборонительные рубежи перекрывались огнём артиллерии, миномётов и пулемётов. У немцев на небольшом участке фронта стояли батареи 150 мм орудий, три батареи 105 мм пушек, шесть автоматических пушек, много миномётов, крупнокалиберных и обычных пулемётов. На этих рубежах оборонялись подразделения 24-й пехотной дивизии, 12-й артиллерийской дивизии и 31-го пехотного полка фашистов.

Наша 374-я стрелковая дивизия с 22 января 1944 года вошла в состав 115-го стрелкового корпуса 54-й армии. Дивизией в то время командовал Борис Алексеевич Городецкий, ветеран дивизии, прошедший с нею весь путь, начиная от формирования её в городах Красноярского края осенью сорок первого года. Дивизия получила задачу развить успех на левом фланге корпуса в общем направлении на Чудский Бор — Померанье, преодолеть промежуточный рубеж обороны противника на реке Тигода, перерезать Октябрьскую железную дорогу, шоссейную дорогу Любань — Чудово, а в дальнейшем овладеть городом Любань.

Части дивизии 1242 сп, 1244 сп, 1246 сп и отдельный лыжный батальон, а также 942-й артиллерийский полк получили пополнение и провели обучение личного состава, привели в боевое состояние вооружение и технику, провели тщательную рекогносцировку противника. Войска дивизии после совершения форсированного марша из района Зенино с ходу вступили

в бой в ночь на 23 января. Преодолевая огневое сопротивление противника, отразив несколько яростных немецких контратак, поддержанных танками, части дивизии продолжали движение на Померанье.

К исходу дня 28 января передовые подразделения дивизии, сломив сопротивление врага, вышли к шоссе и к полотну Октябрьской железной дороги и овладели станцией и населённым пунктом Померанье. Овладев этими рубежами, дивизия отрезала с юга группировку немцев, находящуюся в городе Любань. К этому времени другие соединения 54-й армии перерезали дороги на Любань с севера. Немцам угрожали окружение и плен. Под усиливающимся напором сибиряков-красноярцев, взаимодействующих с другими соединениями армии, противник был вынужден спешно оставить Любань и начать отвод войск по дороге на Коркино — Апраксин Бор. В течение четырёх суток части дивизии вели упорные бои с группой противника, прикрывающей отход главных сил оккупантов. Таким образом, своим успехом в боях за Померанье 374-я стрелковая дивизия содействовала освобождению Любани от немецко-фашистских захватчиков.

В Приказе Председателя Государственного Комитета Обороны СССР Генералиссимуса И. В. Сталина от 28 января 1944 года в числе соединений и частей, участвующих в освобождении города Любань, упоминается 374-я стрелковая дивизия, с этих пор получившая право носить почётное звание Любанская.

Разведывательные группы дивизии после взятия Любани внимательно следили за поведением противника и обнаружили его отходящие колонны по дороге на Апраксин Бор. К 29-му января противник был окружён, дорога перерезана в районе 37,8 км. Эту задачу выполнили бойцы 1241-го стрелкового полка. В течение 30 января противник пытался прорваться, предпринимал неоднократные контратаки, поддерживаемые сильным огнём артиллерии, крупнокалиберных пулемётов и пехотного оружия. Одновременно немцы атаковали из Апраксина, чтобы обеспечить выход своим отрезанным подразделениям.

В течение суток 1242-й пехотный полк вёл бои по уничтожению живой силы противника. Другие два стрелковых полка (1244-й и 1246-й) отбивали контратаки немцев, идущих из Апраксина на помощь своим окружённым частям. Для отражения контратак противника на прямую наводку были поставлены орудия второй и седьмой батарей 942-го артиллерийского полка и орудия полковой артиллерии. В результате двухдневных боёв группировка противника была частично уничтожена и частично рассеяна. Было уничтожено много немецких солдат и офицеров, разбито 4 орудия, 8 пулемётов, 9 автомашин. В боях были захвачены следующие трофеи: орудий разных калибров — 34, пулемётов — 38, автоматов — 32, винтовок — 134, автомашин — 111. Было захвачено 15 различных складов.

С рассветом 31 января части 374-й Любанской дивизии перешли к преследованию противника в общем направлении на город Луга. В боях за освобождение города Любань многие солдаты и офицеры дивизии отличились мужеством, бесстрашием и прекрасной выучкой. Многие оставили жизни на полях под Любанью. Память о них останется в наших сердцах навсегда.

В боях за освобождение города Любань мне участвовать не удалось, так как 14 ноября 1943 года в боях перед Вороново я получил тяжёлое ранение головы и находился в госпитале. О сражениях 1944 года, в которых принимали участие войска 374-й Любанской стрелковой дивизии, мне рассказывал бывший заместитель командира первого дивизиона 942-го артполка майор Яков Иванович Жильцов, участник этих боёв, ныне проживающий в городе Красноярске.

П. Рожков, 22.01.1977 г. ».

В конце января советские войска прорвали блокаду Ленинграда. 900-дневная осада города на Неве закончилась. Закончилась и боевая судьба Волховского фронта. Его части были переданы Ленинградскому и Второму Прибалтийскому фронтам. Управление фронтом перешло в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Это произошло 15 февраля 1944 года. А 25 февраля Павел Рожков выписался из госпиталя и получил назначение на Ленинградский фронт — командиром 725-го артиллерийского полка 196-й Гатчинской стрелковой дивизии. И хотя воевать на Ленинградском фронте ему пришлось недолго, он вместе со своим полком участвовал в освобождении Прибалтики и ещё дважды был ранен: в июне сорок четвёртого — пулей в стопу левой ноги, в августе — в районе Лауры (Латвия) получил пулю снайпера в бедро. Павел Иванович считал эти ранения лёгкими, хотя именно они в конце концов стали причиной самых тяжких его физических страданий на склоне лет.

А в ноябре сорок четвёртого Рожков становится слушателем Высшей офицерской артиллерийской школы сначала в Ленинграде, а затем в Коломне — под Москвой. Здесь, в Коломне, Павел Иванович и встретил Победу.

«Как бы хорошо мы ни представляли ход военных действий на территории фашистской Германии, — вспоминает он, — сообщение Советского информбюро буквально поразило и необыкновенно обрадовало! Конец войне! И хотя мы уже не были участниками последних боевых операций, но нас, офицеров Советской армии, с огромной теплотой и сердечностью встречали, приветствовали, обнимали и целовали, не стесняясь слёз и дрожащего голоса, взволнованные мужчины, женщины и дети Коломны и Москвы».

13 мая 1945 года, успешно сдав выпускные экзамены, Рожков получил направление на Третий Украинский фронт — в город Субботицу, что в Югославии. Так началось «военное турне» Рожкова

по израненной Европе. По дороге к месту службы — в Вене — Рожков узнал, что штаб Третьего Украинского фронта из Югославии выбыл и теперь дислоцирован в Австрии, в предместье Вены — Бадене, знаменитом курорте, излюбленном месте отдыха русской богемы и аристократии, многократно воспетом на золотых страницах русской прозы… вот где неутолимая «культурная жажда» молодого русского офицера получила некоторое удовлетворение! Он бродил по улицам Вены, наслаждаясь красотой её архитектуры… восхищался разнообразием экзотических цветов и деревьев в роскошном Баденском ботаническом саду. Это были мирные впечатления, питавшие воображение молодого человека почти забытыми интеллектуальными импульсами… Всё говорило Рожкову о том, что война для него — закончена, и его, только что подтвердившего свою высокую военную квалификацию, неудержимо потянуло домой, к любимому гражданскому ремеслу — цветной металлургии.

В Бадене, в штабе армии, Павел получил направление на должность начальника штаба 985-го Будапештского артиллерийского полка 320-й стрелковой дивизии. Полк, как и другие русские войска, двигался на Родину шоссейными дорогами по только что освобождённой от немцев Европе, и Рожков — где поездами, где на попутных машинах — догонял свой новый полк, пока не догнал его в Румынии, в небольшом селении недалеко от города Клуш.

«Поездка по странам Европы, только что освобождённым Советской армией,— пишет Павел Иванович в военных записках,— позволила мне лично убедиться в горестном положении народов Польши, Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии и Румынии. Простые люди, пережившие ужасы фашизма, с большой благодарностью относились к нам, советским офицерам и солдатам, окружали нас вниманием, заботой, сердечной дружбой. Наши солдаты и офицеры оказывали нуждающимся людям всевозможную помощь и привлекли к себе доверие и любовь освобождённых от фашистского ига людей разных национальностей».

Сегодня эти искренние, бесхитростные строчки читаются с особым чувством! Волна надругательств над памятниками советским воинам-освободителям, прокатившаяся по Прибалтике в последние несколько лет… Злобное «оккупанты» о советских войсках, освобождавших Европу, на страницах рижских и таллинских газет… Потоки бессмысленных обвинений в адрес Советского Союза с высоких трибун в Латвии, Литве, Эстонии, за мирное свободное будущее которых сложили головы тысячи русских парней… Коротка память, да ложь длинна. И всё меньше остаётся свидетелей, которые могут собственным примером опровергнуть эту ложь. Павел Иванович Рожков не понаслышке знал аргументы против клеветы, возводимой на советского солдата. Как же болело его сердце, сердце ветерана Второй мировой, когда он с ней сталкивался!

985-й артиллерийский — стал третьим полком, в котором ему довелось служить, но родной 942-й всегда оставался для него самым лучшим, самым организованным и надёжным — по всем статьям! Павел Иванович отмечает в своих записках: «Побывав во всех подразделениях своего нового полка, познакомившись с личным составом штаба, я невольно с чувством гордости вспомнил свой первый родной полк, где всё было отлажено замечательным офицером-артиллеристом, умным и храбрым красноярцем А. Г. Фоминым».

Длинный путь полка на родину закончился в Каменец-Подольске на Украине. Здесь, в Прикарпатском военном округе, началась постепенная демобилизация — сначала рядовых солдат, а затем и офицерского состава. Последнее военное подразделение, штабными делами которого распоряжался Рожков,— 1837-й гаубичный полк 503-й артиллерийской бригады. Павел Иванович занимался его демобилизацией, мечтая о возвращении к инженерной работе. Наконец многочисленные просьбы начальника штаба об увольнении в запас были удовлетворены, и 28 июня 1946 года он едет домой, в Красноярск. В Москве — остановка. Надо ведь решить ещё проблему трудоустройства. Рожкова принимает начальник «Главникелькобальта» А. А. Миронов, которого Павел знал ещё студентом. Тот предложил Рожкову работу по специальности на комбинате «Печенганикель», расположенном на Кольском полуострове. В тот же день Павел познакомился с директором комбината Шевелевым. Состоялся долгий заинтересованный разговор… для отказа от назначения у Павла Ивановича вроде бы не было оснований. Директор и будущий специалист «Печенганикеля» договорились, что вместе вылетят на комбинат, как только закончится московская командировка Шевелева. Казалось, вот она, судьба! Но… «крылатое счастье» Рожкова и здесь напомнило о себе, в который раз спасая ему жизнь и круто меняя направление личной истории.

Благодаря предложению Шевелева, у Павла оказалось несколько лишних дней в Москве. Он потратил их на то, чтобы встретиться со старыми московскими друзьями, с дорогими его сердцу профессорами мицмиЗа. В первую очередь он отправился на Крымский Мост, 3, где тогда находился институт цветных металлов и золота. Ему повезло. Он смог в один день увидеться и поговорить и с В. А. Ванюковым, и с А. А. Цейдлером, и с академиками Д. М. Чижиковым и И. Н. Плаксиным.

«В знакомом мне кабинете,— пишет Павел Иванович,— где в тридцать восьмом году нашей группе мт-34 Игорь Николаевич читал факультативный курс металлургии благородных металлов, я увидел Плаксина и ещё одного человека с очень характерными чертами лица. Игорь Николаевич, знакомя нас,

подчеркнул, что мы — однокашники, выпускники „Минцветметзолота“.

„Селивёрстов… Николай Степанович, главный инженер Красноярского аффинажного завода“, — представил незнакомца Плаксин. Тут же завязался разговор. Селивёрстов с воодушевлением рассказывал о своём заводе, о перспективах его развития. И когда узнал, что я красноярец, что родители мои живут в Красноярске, стал настойчиво убеждать меня оставить идею поездки на „Печенганикель“, а вернуться на родную сибирскую землю. Игорь Николаевич предложение Селивёрстова решительно поддержал. И добавил, что директор аффинажного завода — тоже выпускник нашего института и бывший аспирант кафедры тяжёлых цветных металлов Николай Дмитриевич Кужель. „Кроме того, — сказал Плаксин, — мне хорошо известно, что на Красноярском заводе работает ещё один инженер-металлург нашего института, Дмитрий Васильевич Филатов“. Филатова я немного знал по институту. Он учился на курс старше меня. Таким образом, на Красноярском аффинажном заводе непроизвольно сформировалась серьёзная корпорация инженеров-металлургов Московской высшей технической школы. Всё складывалось наилучшим образом. Всё благоприятствовало моему возвращению к месту ссылки опального деда-украинца. Решение было принято. Я поблагодарил Игоря Николаевича, и видно было, что он удовлетворён.

Вместе с Селивёрстовым мы встретились с начальником Главного управления лагерей МВД СССР полковником Добровольским. Разговор был деловым, коротким. Добровольский отдал распоряжение о моём оформлении на Красноярский аффинажный завод.

Итак, проблема трудоустройства решена наилучшим образом. Необходимо перед отъездом в Красноярск заглянуть к Миронову. Когда я вошёл в кабинет начальника „Главникелькобальта“, Александр Александрович встал, пошёл навстречу, пожал мне руку и сказал: „Ты — счастливый человек!“ Естественно, я его спросил, в чём же моё счастье. И он рассказал, что директор комбината „Печенганикель“ Шевелев не стал ждать моего прихода в главк, чтобы оформить назначение и вместе с ним улететь на комбинат. Шевелев и его сотрудники поспешили очередным рейсом из Москвы вылететь на Кольский полуостров. Но случилось непредвиденное: самолёт потерпел аварию недалеко от комбината, и все, кто был на борту, погибли: и экипаж, и пассажиры…»

Так замкнулся — и тут же разомкнулся — очередной виток судьбы моего героя. Он начал войну старшим лейтенантом, закончил — майором. Заслужил боевые награды. Не раз смотрел смерти в глаза. Шесть раз был ранен и перед тем, как вступить на дорогу, открывающую новый горизонт, — чудом! — избежал трагического конца! Военный этап закончился для Павла Ивановича такой яркой, страшной и в то же время счастливой метой, что невозможно было не вдохнуть полной грудью ветер свободы и надежды, который настойчиво звал Рожкова в Красноярск! Он едет в поезде на родину, смотрит на пролетающие за окном вагона берёзовые рощи, горные перевалы, степи и тайгу — и вспоминает о городах и сёлах, ландшафтах и достопримечательностях тех мест, которые он наблюдал, следуя дорогами войны сначала с востока на запад, потом — с запада на восток. До австрийских Альп и обратно в Россию.

Из личного архива П. И. Рожкова. «О друзьях-товарищах…»

Журналист-краевед Иван Лалетин в заметке о Рожкове, опубликованной в газете «Красноярский рабочий» (3 ноября 2000 года), специально отметил: «Встречаясь с молодёжью, Павел Иванович рассказывает школьникам не столько о себе, сколько о тех замечательных людях, с которыми его сводили жизненные дороги — и фронтовые, и производственные». То же самое почувствовала и я, разбирая архив экс-директора «Красцветмета». Очевидно, он готовил материал для большой книги воспоминаний о войне. Сохранилось несколько почти готовых очерков о фронтовых друзьях, а также отрывки, наброски… Кое-что, видимо, предназначалось для работы журналистов. Один из очерков Павел Иванович заканчивает так: «Конечно, это очень беглое, поспешное и слабое повествование, и если вы что-нибудь из него получите, чтобы оставить память у норильчан об их земляке, я буду очень благодарен и удовлетворён». По сути дела, в этих простых словах заключено своеобразное завещание самого Рожкова, и я считаю долгом в этой книге отвести несколько страниц — воспоминаниям Павла Ивановича о фронтовых друзьях.

О В. А. Яковкине

Владимир Авенирович Яковкин закончил астрономическое отделение физико-математический факультета Ленинградского государственного университета задолго до начала Великой Отечественной войны. По зову сердца молодой астроном уехал на Чукотку, на самую отдалённую факторию, где находился астрономический пункт Академии наук СССР. Там, в девственной тундре, Яковкин вёл астрономические наблюдения на передвижных пунктах на некотором расстоянии от фактории. По ночам он занимался своей работой, а днём, после короткого отдыха, в одиночку ходил по тундре, изучая её природные особенности. Однажды каюр, местный абориген-чукча, который на собачьей упряжке перевозил Яковкина с аппаратурой к намеченному участку, посидев сутки в палатке, заявил, что ему пора, сидеть на месте он больше не может. Уговоры не помогли. Чукча уехал, как он объяснил, к своему старому другу, которого давно не видел и который живёт недалеко, «километров 60–70 отсюда». Яковкин не в шутку встревожился. Но сделать ничего не мог. Ему оставалось только ждать свой «транспорт» обратно. Но каюр слово сдержал (как, впрочем, и всегда впоследствии).

Он вернулся бодрым, радостным и разговорчивым. В гостях его хорошо угощали, о чём он поведал в деталях, энергично жестикулируя. Каюр огорчался: «Сейчас, куда ни поедешь, везде люди. Плохо. А вот раньше было хорошо. Выйдешь в тундру — тишина, никого нет, ни одного человека. Знаешь, как весело! Теперь скучно. Очень скучно».

Когда началась война, Яковкин покинул Чукотку. На это решение повлияла и его личная драма. Владимир Авенирович разошёлся с женой и с горечью оставил любимое дело. Приехав в Игарку, Яковкин встал на военный учёт, и его довольно быстро призвали в Советскую армию. Владимир был этому рад: жизнь не сложилась — так появился достойный выход! Между Игаркой и Красноярском курсировал тогда пароход «Спартак». На нём Яковкин и отправился «на материк». И здесь, на борту парохода, неожиданно встретил свою судьбу… Это была молодая, стройная, очень красивая девушка, студентка педагогического института. Она возвращалась с летних каникул на учёбу в Красноярск. Фамилия у девушки была интересная, звучная — Чернобровкина. Молодые люди, казалось, всю жизнь только и ждали этой случайной встречи! Шла война, никто не мог даже отдалённо предположить, какие испытания уже совсем скоро выпадут на долю всей страны и каждого, и, пока «Спартак» не спеша двигался по Енисею в направлении Красноярска, они решили пожениться. Вскоре в одном из красноярских загсов была зарегистрирована новая семья. Но совместная жизнь молодых продолжалась недолго. Владимиру нужно было ехать к месту службы — в Назарово, где формировался 942-й артиллерийский полк, вступать в должность старшего адъютанта второго дивизиона.

Мы с Володей подружились мгновенно. Наши отношения были почти идеальными. И хотя мы были равны по званию, я старательно учился у него. И недаром! Всё, что он делал, было отмечено основательностью и творческим походом. Его оперативные и топографические разработки были уникальны! Это заметил командир полка майор А. Г. Фомин, и положение Володи в полку изменилось. Его перевели в штаб полка на должность помощника начальника штаба по разведке (пнш-2). До этого должность пнш-2 занимали два кадровых офицера. Но получалось так, что Фомин и Тихомиров не слишком одобряли их работу. Мои отношения с ними также не ладились, потому что они были кадровые военные, а я — с гражданки, и… слишком разное у нас было образование. Приход Володи Яковкина в штаб полка был для меня как праздник! Конечно, он был интеллектуал высшей академической пробы! Но и практикой владел в совершенстве. Его отец, Авенир Алексеевич Яковкин, профессор, известный в стране астроном, работал в то время в Киевской обсерватории. Когда мы с Володей говорили о его отце, он как-то в порыве откровенности признался, что ничего не понимает в той астрономии, которой занимается профессор Яковкин. Может быть, в этом была доля свойственной ему скромности, но был, конечно, и особый смысл. Академическая наука всегда академична, а Владимир тянулся практике, к жизни. Наша совместная работа в штабе артиллерийского полка стала для меня интересна и необременительна. Находилось время для задушевных бесед, мечтаний, хотя объём нашей деятельности всё время возрастал. Ежедневная оперативная работа, сводки, доклады в штаб дивизии, разведданные за сутки… Но Владимир всё делал быстро, чётко, красиво. Помимо всего прочего, он хорошо рисовал, чертил, быстро делал сложные расчёты… Словом, во всём, что он делал, чувствовался талантливый математик.

После того, как Яковкина перевели в штаб полка на должность пнш-2, все дела разведки приняли другой оборот. Это было уже под Спасской Полистью, на Волховском фронте. Хорошо знавший математику, геодезию, топографию, новый пнш-2 изменил всё по существу. Разведка стала активной, действенной. Мы систематически, в разное время суток, выходили на наблюдательные пункты полка и дивизионов. Создавалась более полная разведсводка о противнике, его численности, передвижениях, инженерных работах, производимых солдатами… Так как стрелковый полк, который мы поддерживали, был размещён впереди, в первых траншеях нашей обороны, то мы с Володей Яковкиным решили побывать на участке одного стрелкового батальона — посмотреть, как обстоят дела у тех, кого мы поддерживаем огнём. Нам предстояло переправиться через речку Полисть, а затем по открытой местности перебежать на наблюдательный пункт командира батальона, в первую траншею. Наше «путешествие» совершалось «на глазах» занимавших Спасскую Полисть немцев. К всеобщему (т. е. нашему и пехотинцев, к которым мы двигались перебежками) удивлению, противник хотя нас и видел, но ничего не предпринимал, так сказать, наблюдал «молча». Наш «визит» для бойцов стрелкового батальона и их командира-старшины оказался приятной неожиданностью. Старшина показал нам свой участок обороны, его огневую систему, укрытия, всё хозяйство, пристрелянные их и наши артиллерийские цели. С самой выгодной точки его обороны старшина показал нам всю систему обороны немцев. Рассказал о том, как они и немцы соседствуют. Стояла ранняя весна. Общая обстановка не позволяла вести активные наступательные действия. Да и сил не было ни у нас, ни у немцев. Всё сводилось к взаимному строгому наблюдению за противником. Мы с Яковкиным перезнакомились с людьми, с хозяйством, с их образом жизни и во всех тонкостях условились, как будем держать связь, как будем отражать атаки, если немец решится атаковать. Наше гостевание у родной пехоты завершилось «званым обедом» с фронтовыми ста граммами. А затем — обратный

марш на КП артполка, в свой штаб. Наши друзья-пехотинцы были готовы прикрыть наш переход по предполью. Они внимательно следили за нашим перемещеньем по долине реки. Немцы сделали было несколько автоматных очередей. Но вскоре затихли. Видимо, друзья-пехотинцы успешно вступились за нас. Заставили немцев замолчать.

Благополучно вернувшись в штаб, мы подробно доложили Фомину и Тихомирову о состоянии батальона, его обустройстве и готовности к отражению противника. Готовность была перманентная…

В установившейся жизни полка изредка наступали светлые, радостные дни. В полк приходила полевая почта. Газеты фронтовики получали постоянно и во множестве. А получение писем — дело особое. Наступил момент оптимистический. Письма читали. На письма отвечали. Володя получил несколько писем от родителей. Они тогда жили в Свердловске. Авенир Александрович работал на Свердловской обсерватории. Мама занималась домашним хозяйством. Сестра Катя училась в аспирантуре. Все понемногу писали. Больше всех — мама Володи. Её письма были необыкновенно интересные, просто маленькие литературные шедевры. Светлые, лиричные. Щедрое на любовь сердце Володиной мамы, её высокий интеллект глубоко запечатлелись в её письмах. Мы читали эти письма всем составом штаба. Мы все её любили. До сих пор помню, как Володина мама проводила аналогии нынешней войны с Отечественной войной 1812 года. Она посвятила много строк героям той войны — Лунину, Раевским, Платову и другим героям-патриотам. Переписка продолжалась довольно долго, но ранения и госпитали в конце концов разорвали эту связь и для меня, и для Володи…

Во время Синявинских боёв Яковкин получил назначение на должность начальника штаба артиллерии 374-й дивизии, а ещё раньше наш командир полка А. Г. Фомин был назначен на должность командующего артиллерией дивизии. Когда под Синявино сложилась особенно острая обстановка, Фомин лично прибыл в полк и уже как командующий приказал майору Н. И. Чистякову принять командование полком. А я стал начальником штаба полка. 29 сентября 1942 года я принял штаб во время выхода наших подразделений из Синявинского окружения. С тех трагических дней я долго ничего не знал о Яковкине. Но неожиданно меня нашло его письмо. Он писал, что находится в городе Семёнове, является слушателем Высшей артиллерийской штабной школы и скоро заканчивает курс. А его жена благополучно закончила институт, приехала к нему в Семёнов, и они безмерно счастливы. Следующее письмо от Володи я получил спустя долгое время. Он писал, что командует артиллерийским полком. Его жена получила военную специальность и служила в полку вместе с мужем. Такие пары, женатого командира полка и его жену-военнослужащую, приходилось иногда встречать в некоторых дивизиях. Это было нормально, даже красиво. Но — стало причиной новой семейной трагедии Яковкина. Во время налёта немецкой авиации на командный пункт полка жена Володи погибла, а он сам получил тяжёлое ранение в ногу. Он был лишён возможности двигаться. В этот момент группа немецких разведчиков увидела раненого офицера. Немцы захватили Яковкина, уложили в плащ-палатку и ускоренным шагом двинулись на запад по шоссе. Но нашлись храбрые русские бойцы и бросились наперерез убегающим немцам, несущим в палатке раненого командира полка. За такой трофей немецких разведчиков ждала награда. Видно, от предвкушения они потеряли бдительность и попали под огонь наших солдат. Несколько немцев были убиты. Остальные рассеяны по лесу. Разведчики и связисты Яковкина вынесли своего командира из опасной зоны. А потом — госпиталь. Оттуда я и получил это печальное письмо.

Кончилась война. 25 июля 1946 года я демобилизовался. Первого сентября поступил на работу на Красноярский аффинажный завод. После фронта работа на заводе увлекла. Я много читал, экспериментировал, сделал несколько удачных исследований. В 1948 году мне вместе с группой инженеров завода за разработку методов получения чистых металлов была присвоена Сталинская премия. Это был первый итог инженерной работы металлурга, вернувшегося с фронта. Было много поздравлений, приветствий, торжеств… И вдруг приходит небольшое письмо. На конверте: «СССР. Лауреату Сталинской премии Рожкову Павлу Ивановичу».

Астроном-артиллерист Яковкин поставил верный прицел. Цель достигнута. Он нашёл меня. Полковник Владимир Авенирович Яковкин, как всегда, точен. Привет тебе, друг мой Володя. Астроном. Артиллерист.

О В. А. Елисееве

Среди личного состава 942-го артиллерийского полка, как и в составе других частей и подразделений нашей дивизии, было много выходцев из разных городов и населённых пунктов Красноярского края. В том числе — и из Норильска. Но за годы войны и долгие послевоенные годы имена и лица их исчезли из моей памяти. Но я никогда не забуду одного замечательного норильчанина, бывшего директора средней школы, Владимира Андреевича Елисеева. Когда я работал в Норильске (39–41 гг.), мы не были с ним знакомы. Может быть, он и слышал обо мне, так как нас, инженеров-металлургов, тогда было мало в Норильске, а я был на заметной должности. Наше знакомство состоялось в Назарово в октябре 1941 года. Елисеев начал свою службу командиром взвода штабной батареи. По характеру службы и работы мы с ним часто встречались. Он уже в то время отличался от многих офицеров полка внешней подтянутостью, строгой личной дисциплиной. И всё же особенно близко мы сошлись — и в личном, и в служебном

отношении, — когда полк весной 1942 года стоял в обороне после жестоких зимних наступательных боёв.

Главной отличительной чертой В. А. Елисеева была естественная человеческая простота. За всё время нашего пребывания в действующей армии и в мирное время я никогда не слышал, чтобы он повышал голос, его разговор всегда был ровным, спокойным, но таким убедительным, что повторения не требовалось. Всё было ясно. Так было, и когда он отдавал распоряжения подчинённым, и когда докладывал начальнику по службе в штабе полка. Офицерам, мобилизованным в армию в первые дни войны, как правило, выдавалось самое простое обмундирование. Гимнастёрка, шаровары, шинель, полушубок были точно такими же, как у рядовых солдат и сержантов. Но на Елисееве эта простая полевая военная форма сидела так ловко, так красиво, что казалось, будто он её подгонял с помощью умелого портного. На самом же деле это было обмундирование общего пошива, полученное с полкового склада и тотчас же надетое. Пистолет ТТ он носил в простенькой дерматиновой кобуре, а полевая сумка, тоже дерматиновая, — на плетёном матерчатом ремне. У других офицеров это всё было нескладно, торчало в разные стороны, а на Елисееве — выглядело настоящим офицерским обмундированием, сделанным из добротной кожи. Надо же было уметь так прилаживать на себе обыкновенное снаряжение, что даже тогда, когда Владимир Андреевич оказывался рядом с офицером, затянутым в роскошную командирскую портупею, то и тогда присутствующие замечали сначала Елисеева и только потом переводили взгляд на остальных офицеров.

Я вполне уверен, что в своей работе командира батареи Елисеев применял свой многолетний опыт педагога-воспитателя, недавнего директора школы. Он провёл большую работу по укреплению морально-бытовых качеств личного состава батареи. С большим умением и тактом Елисеев связывал командование людьми с политической работой. Его подразделение всегда отличалось особым боевым патриотическим духом. Военная зима сорок первого — сорок второго года в районе станции Мостки была очень суровая, снежная, а весна — тёплая и дружная. Снега сходили-таяли очень быстро. И все низменные участки были залиты вешними водами, а многочисленные лесные болота превратились в труднопроходимые топи. Озёрные заболоченные участки леса были непроходимы для артиллерии и танков. Продовольствие, боеприпасы и документы доставлялись только верхом или «пешим порядком». Елисеев в это время командовал штабной батареей, которую превратил в одно из самых успешных подразделений полка. Солдаты, сержанты и офицеры штабной батареи всегда имели бравый, опрятный, подтянутый вид, несмотря на крайне тяжёлые бытовые условия… Батарея обеспечивала командование полка информацией, связью, топографическими данными. Каждое утро, ещё до рассвета, Елисеев появлялся в штабном блиндаже и на командном пункте командира полка. Он всегда был впереди колонны бойцов, которые шли сменить своих товарищей, несущих ночную службу на КП. Как сейчас, вижу Владимира Андреевича в телогрейке, перетянутого ремнями, с пистолетом и планшетом на боку, с длинной палкой в руке — для безопасности на болоте. Он бодро подходит к штабному блиндажу, на ходу подавая голос, узнавая, все ли мы живы и здоровы, тепло и дружелюбно приветствуя нас. Это был человек огромной энергии, всегда бодрый, жизнерадостный. Офицеры штаба полка всякий раз искренне радовались его приходу. К подчинённым Елисеев был добр и справедлив. Он знал их заботы и нужды, и они платили ему доверием и уважением.

Когда я уже был начальником штаба полка, Елисеев стал моим первым помощником (ПНШ-1). В те моменты боя, когда все явления скоротечны, а приказы и распоряжения должны быть исчерпывающи, кратки, точны и ясны, наше взаимопонимание с Владимиром Андреевичем было главным средством успешного и быстрого решения всех вопросов, возникающих во время боя. В короткие промежутки между маршами и боями, в часы кратковременного отдыха мы разговаривали с Елисеевым о том, что интересовало и волновало нас обоих: о Норильске и его богатствах, о Завенягине, о его таланте руководителя и инженера, много говорили об исходе войны, втором фронте, о тех местах, где приходилось воевать или отдыхать, о литературе и искусстве…

Вместе с Елисеевым в штабной батарее 942-го артиллерийского полка служил молодой офицер Леонид Щербань, уроженец Сумской области, выпускник специального артиллерийского училища, которое он перед войной закончил с отличием. Щербань имел отличную военную и артиллерийскую подготовку, хорошо стрелял, быстро готовил данные для стрельбы по целям, умело управлял батареей, дивизионом и корректировкой огня. У капитана Елисеева не было специального артиллерийского образования, поэтому, подружившись с молодым офицером, он тактично и настойчиво использовал его знания для собственного совершенствования в военном деле, применял их в практике ежедневной боевой жизни. А Щербань, со своей стороны, «подпитывался» от старшего друга знаниями из области науки, литературы, истории, искусства. Это была прекрасная дружба двух боевых офицеров.

В сентябре 42-го года В. А. Елисеев в звании капитана был назначен помощником начальника штаба полка, я к этому времени получил назначение на должность заместителя командира дивизиона. Наши встречи стали реже, но я знал по документам, которые поступали в дивизион,

что и на новом месте Елисеев работает самоотверженно и квалифицированно. После неудачных боёв в течение почти всего сентября сорок второго в районе Синявино 374-я стрелковая дивизия и наш артиллерийский полк вместе с другими соединениями, участвовавшими в боях по прорыву обороны противника вокруг Ленинграда, оказались в окружении. Был получен приказ командира армии о выводе войск из окружения. Я выходил из окружения вместе с тогдашним командиром 942-го артполка майором Чистяковым. Капитан Елисеев тогда, рискуя жизнью, спас знамя полка и секретную штабную документацию.

Вскоре Владимир Андреевич был откомандирован для дальнейшего прохождения службы в штаб восьмой армии. Пришло время расставания с большим надёжным другом и верным товарищем. Как водится, мы немного посидели, хорошо побеседовали, выпили по фронтовой порции русской водки из алюминиевой кружки и расстались, договорившись, что встретимся « в шесть часов вечера после войны» в Красноярске, как тогда шутили на фронте. Я ему дал адрес моих родителей. Больше за время войны мы не встречались. Редкие фронтовые письма его извещали, что он получил назначение на должность начальника штаба миномётного полка и воевал где-то недалеко от меня на Волховском фронте. Уже в 44-м году мы получили известие, что капитан — а в то время, видимо, уже майор — Елисеев получил тяжёлое ранение в голову.

Я демобилизовался из рядов Советской армии летом 1946 года и возвратился на родину, в Красноярск, где с 1 сентября приступил к работе на Красноярском аффинажном заводе. В последних числах сентября в доме моих родителей был обычный семейный вечер — много гостей, родных и знакомых, у всех весёлое, бодрое настроение, за столом шла оживлённая беседа. Вдруг в окно, выходящее на улицу Маркса, громко постучали. Мама подошла к окну и спросила, кто стучит. Последовал вопрос: «Иван Павлович Рожков здесь живёт?» — «Да», — ответила мама. «А майор Павел Рожков здесь сейчас? А то мы договорились встретиться по этому адресу „в шесть часов вечера после войны“…»

Когда мама об этом сказала замолкнувшим гостям, я бросился навстречу дорогому Владимиру Андреевичу, как всегда, аккуратному, подтянутому, с гвардейской выправкой. Застолье продолжилось, но только ещё более радостное, праздничное. Ведь теперь это была ещё и встреча старых фронтовых друзей. Трудно передать словами чувства, которые охватили нас. И чувства удивления и восторга в душе гостей… В разговорах обнаружилось, что у нас с Елисеевым у обоих осколочные ранения в голову и что мы оба остались живы, благодаря случайности. Понятно, что мы тогда засиделись до глубокой ночи, а потом простились. Елисеев уехал опять в Норильск, а я продолжал жить и работать в Красноярске. За долгие годы работы на Красноярском заводе цветных металлов мне приходилось не раз по служебным делам бывать в Норильске, и мы, конечно, с Владимиром Андреевичем встречались. Я всегда был желанным гостем его семьи. Были разговоры, горячие задушевные беседы — ведь позади остались тяжёлые годы большой грозной войны. Вспоминали о друзьях-товарищах, однополчанах — капитане Щербане, старшем лейтенанте Литвине и других товарищах, сложивших головы в боях. Через некоторое время Владимир Андреевич переехал в Красноярск, работал заместителем директора Красноярского алюминиевого завода. Наши встречи стали чаще и были связаны не только с воспоминаниями о прошлой войне, но и с работой, так как оба завода входили в один Красноярский совнархоз, а позднее в одно Министерство цветной металлургии СССР. Владимир Андреевич и здесь был таким же пунктуальным и точным, по-офицерски подтянутым, несмотря на гражданский костюм. Солдат всегда и везде остаётся солдатом. Внезапная смерть друга поразила меня, эту тяжёлую утрату я тяжело переживаю и сейчас.

О К. И. Тихомирове

В Назарово, к месту формирования 942-го полка, капитан Тихомиров прибыл из Забайкальского военного округа, где служил в кадровом артиллерийском полку. С первой же встречи он произвёл на меня самое благоприятное впечатление. Высокий, стройный, атлетического сложения, он показался мне образцовым офицером. У меня было убеждение, что именно такие офицеры во все времена были красой, гордостью и силой русского воинства! Они рождались для военного дела и всю свою сознательную жизнь, всё, что имели, до последнего дыхания отдавали вооружённым силам Родины.

Олег Ампилогов

АиБ: Служили два товарища

К 30-летию выхода «Красной книги Красноярского края»[1]

Памяти художника Виктора Бахтина

В культурной истории Красноярского края, 90-летие основания которого мы отметили в ушедшем году, найдётся не так много событий в сфере медийного пространства, равных по значимости изданию «Красная книга Красноярского края». «Красная книга…» — не просто исторический объект актуальной информации о сохранении бесценных природных богатств нашей территории, но в высшей степени художественная, эстетическая вещь, произведение печатного искусства, невиданное ранее нигде и не имеющее даже близких аналогов в современной действительности. Книга — гражданский подвиг её создателей: составителей, художников, редакторов, печатников, выполнивших свой патриотический долг в нелёгкое эпохальное время нашего Отечества.

Но, впрочем, песня не о ней, о ней всё сказано, а о любви к книге, книжному искусству, художнику Виктору Владимировичу Бахтину. «Красная книга…» явилась, вне всяких сомнений, самым выдающимся творением в профессиональной карьере двух гениев красноярской книги — Олега Ампилогова и Виктора Бахтина. Выход беспрецедентного издания произошёл на сломе исторических эпох, но в годы, когда книга как социокультурный объект ещё сохраняла ключевую роль в формировании общественного сознания России. То есть несла гуманитарную миссию становления личности человека, его духовности. И данный факт даёт повод вспомнить историю её создания. выразить благодарность художническому подвигу Виктора Бахтина. И, пользуясь случаем, рассказать о совместном творческом пути в искусстве книги.

В мире искусства нередки случаи творческих тандемов: Ильф и Петров в литературе, братья Ткачёвы, Кукрыниксы в живописи, в музыке — «Битлз» (Дж. Леннон — П. Маккартни). Наиболее известны парные деяния в кинематографе. Знаменитые братья Васильевы («Чапаев» и «Мы из Кронштадта», любимые фильмы детства). Не менее имениты Алов и Наумов («Мир входящему», «Тегеран-43» и другие). Это когда режиссёры. Более сложные комбинации партнёров — Э. Рязанов и Э. Брагинский (сценарист), Н. Михалков и А. Адабашьян (художник). В песенном жанре имеют место тройственные союзы (композитор, поэт, исполнитель — неизвестно, кому отдать предпочтение). Как они делают свои вещи, как делят полномочия, каковы схемы и правила творческого процесса? Создание произведения вызывает пристальный интерес не в меньшей степени, чем само произведение, в таком варианте тем более. В смешанной версии картина творчества сложнее и неоднозначна. Неизбежно возникают трения. И непонимание критиками произведения как единого целого. Так, при упоминании фильма «Берегись автомобиля» отсутствует Брагинский, соавтор Рязанова. А в моей практике, как правило, при упоминании «Красной книги…» фигурирует только Бахтин. Реальность сурова, как басовый ключ.

Бахтин

Любовь — волшебная страна! В случае с книгой Бахтин — волшебник страны «Buch» («Bakht»). И как у любого волшебника, его судьба полна тайн и загадок, начиная с рождения. Он не хотел выходить на свет. Но врач, принимавший роды, буквально выковырял его из нутра матери спустя тридцать минут после рождения сестры Оли! В части рождения у нас есть нечто общее. И меня врач буквально вытащил с того света. Как много в нашей жизни решает профессиональная компетенция!

Магическая фамилия отсылает к северному правому притоку Енисея — реке Бахта с её прозрачными водами, бурными порогами и изумительными

1 **Красная книга Красноярского края. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных**
Красноярское книжное издательство, 1995
ISBN: 5747906372
Составители: Сыроечковский Е. Е., Рогачёва Э. В.
Проектная концепция, графическое оформление и макет: Ампилогов О. К.
Иллюстрации: Бахтин В. В.
Художественное редактирование: Соколова Г. В.
Техническое редактирование: Малышева А. С.

по красоте прибрежными ландшафтами. Имеет ли он к ней отношение — загадка для исследователя. Про мою фамилию, Ампилогов, мой учитель в художественной школе И. А. Фирер сказал: гордись, она звучит (созвучна Модильяни). С греческого переводится как «спорящий», «несогласный». Виктор — «победитель», Олег — «вещий»!

В художественном училище Виктор проучился всего год. Стало неинтересно (!), оставил его в 1969 году. И я по окончании художественной школы его проигнорировал. Предпочёл чистое искусство прикладному (дизайн) — и сразу в вуз. Но возникает справедливый вопрос: а где Виктор научился рисовать? В «полиграфе» этому искусству не учили. Невольно вспоминается наша ровесница, Надя Рушева (гений-самоучка). Мама Виктора вспоминает: рисовал Витя с детства всё подряд, но в особенности любил кошек. Его главный шедевр — моя кошка Дикси в книге «О наших любимцах». Профессиональная карьера Виктора началась техредом в книжном издательстве. Подрабатывал внештатным художником в газете «Красноярский комсомолец». Я начал свою карьеру ретушёром в типографии «Красноярский рабочий», в здании которого находилось тогда книжное издательство, где и произошла наша стыковка. Сомкнулись лёд (я) и пламя (он), прагматик и мифотворец. Так определился наш стрим в книжном искусстве. Московский полиграфический институт стал общей школой. Вдохновившись моим примером, он поступил в МПИ на заочное отделение с первого раза (у меня, на дневное, было три попытки) и успешно закончил. Наше течение в книжной графике началось в одном истоке — совместном иллюстрировании книги М. Ефетова «Валдайские колокольцы» — и продолжилось параллельными курсами, периодически пересекаясь, как у конькобежцев на длинной дистанции.

Победу отпразднует случай

В начале осени 1972 года Марк Феодосьевич Живило, художественный редактор Красноярского книжного издательства (легендарная личность, требующая отдельного повествования), поручил мне оформление повести М. Ефетова «Валдайские колокольцы» о приключениях маленького медвежонка, подобранного охотниками в тайге, которого писатель, автор, привёз в Москву. Более подробно о моём оформлении этой, теперь уже исторической, книги читатель может узнать из статьи «Моя первая книга» в журнале «День и ночь» (№ 4/2023). То есть я начал процесс, придумал стилистику иллюстраций, образ книги и в целом закончил повесть. А дальше случилось следующее. Привожу фрагмент своего рассказа.

«Два слова о Викторе Бахтине. Так случилось, что редакторский гений М. Ф. Живило свёл в одном издании двух будущих ведущих специалистов красноярской книжной графики. Процесс иллюстрирования шёл к успешному финалу, как вдруг возникло непредвиденное обстоятельство: в издание была добавлена вторая повесть — продолжение истории с Мишкой за границей. Физически для меня эта вводная была непреодолима, я и так намучился с первой. Она усугублялась тем, что если в первой повести был один персонаж фауны, медведь, с которым я с помощью Чарушина вполне справился, то в продолжении героями стал целый зоопарк. Задача Бахтина состояла в том, чтобы усилить команду оформителей и в этой части. Виктор с нею справился. Он без комплекса и натуги врисовывал зверюшек в мои сюжеты, сохраняя изначально заданную стилистику. Сохранял верность данному стилю в своих сюжетах и при этом сохранял в них свою индивидуальность (как тут не вспомнить „Битлз“? внимательный глаз без труда сможет выявить разницу между моими и его картинками, как в песнях Леннона и Маккартни). Виктор был виртуозный рисовальщик. Именно в этом издании выразился его талант изображения всякой живности (читатели, знакомые с творчеством Бахтина, знают, что в жанре анимализма ему не было равных), с таким блеском проявившийся в „Красной книге Красноярского края“. А ведь для него, как и для меня, это был также первый опыт работы в книге. Он пришёл из газеты „Красноярский комсомолец“, с которой сотрудничал на внештатной основе как шрифтовик заголовков, в издательстве же его держали как скромного техреда. В дальнейшем уникальный творческий тандем „А“ и „Б“ принёс книжному издательству Красноярска самые выдающиеся достижения в сфере книгоиздания. Получилось, что „Валдайские колокольцы“ знаменательны и в данном факте.

Дальнейший наш путь в книге продолжился самостоятельными произведениями книжной графики. Но Бахтин по указанию Живило некоторое время продолжал завершать мои книги по мелочам. Так, в следующем издании сборника рассказов о природе Б. Петрова «Почему — карась?» он дорисовывал в образовавшиеся пустоты макета иллюстрации птиц и растений. И хоть он выдержал и такую стилистику (псевдофотографика), его манера всё равно отличалась от моей, рисунки распознавались. В следующей книге, «Великан с реки Хантайки» В. Бороздина, также по указанию худреда на обложке он тщательно прорисовал лицо главного героя. А в главной иллюстрации перекрытия Хантайки, которая не вошла по параметрам в полосу (в страницу), ему было поручено расширить её композицию с обеих сторон. Меня не было на тот момент в Красноярске, учился в Москве. Бахтин, уже изучивший мои методы, подменил меня. Обычная практика в издательском деле (и не только). Я ему очень благодарен.

В дальнейшем в своих книгах, зная его выдающиеся способности воспроизведения стиля и точности рисунка, я обращался к редакторам с просьбой привлечь его для выполнения некоторых элементов оформления. Он охотно откликался и их делал филигранно. Так возникли прекрасная панорама летящей стаи гусей к книге Р. Штильмарка «Небо над Таймыром» (кки, 1979), великолепные портреты М. А. Булгакова, И. И. Пущина. Тургенева, Н. В. Басаргина на фронтисписах книжных изданий. Они были выполнены в стилистике определённых книжных эпох, изощрённо имитируя металлографию, литографию (Булгаков), в реальности прошлого этих портретов не существовало. Мифотворчество в чистом виде! Художественный метод (промо) и изысканный стиль квазигравирования практически стали фирменным почерком графики Бахтина.

«Борьба за огонь»

Завершающий период семидесятых. Мы делали свою книжную графику самостоятельно и параллельно, не пересекаясь. И книги Бахтина, проиллюстрированные в этот период, возникали передо мной внезапно, подобно вспышкам молнии. И тогда, и сейчас, с дистанции времени, я испытываю жгучий интерес, вглядываясь в их страницы. Нам больше известны книги Виктора, оформленные в восьмидесятые годы, а эти прошли как-то незаметно. А между тем они заслуживают не меньшего внимания. Первым изданием, оформленным Бахтиным в одиночку, были рассказы о природе Б. Петрова в сборнике «Кружка берёзового сока» (Б. Петров умел придумывать замечательные заголовки, сравните с «Почему — карась?», который оформлял я, — хочу вспомнить добрым словом красноярского писателя) в 1973 году. Что примечательно, Виктор продумал оформление сборника как штучную вещь, во всех деталях и подробностях, по всем правилам искусства книги. На переплёте увеличенного формата крупным планом как фон изображена кора берёзы. По нему чередой следуют, как облака в небе, тёмные пятна, характерные и узнаваемые штрихи берёзового ствола. Но если приглядеться, в этих пятнах узнаются фигурки лесных существ — волки, зайцы, ежи и другие жители леса (привет, Бойс!). Только недавно я обратил внимание на данную метаморфозу. Прекрасно исполнена красным тоном шрифтовая композиция, тонкая стилизация под типографский набор, заголовка сборника. Компьютера тогда не было, шрифты художники рисовали вручную и с фантазией. И этим искусством Бахтин овладел в совершенстве, тренируясь на заголовках «Красноярского комсомольца» (натурально, его книги имеют яркие рукотворные шрифтовые заголовки). Оригинальны и необычны иллюстрации. Они разбросаны по всей книге маленькими чёрно-белыми вкраплениями на полях и в оборку (внутри текста). Что особенно изумляет, они нарисованы тушью по-китайски, размывкой тона (подаренная мне книга-альбом «Ци Байши» свидетельствует о познаниях художника в китайской живописи). Издание печаталось высоким способом (других вариантов не было) и вступало в противоречие с растровой графикой — как в вёрстке, так и в воспроизведении тона прямоугольных клише. Отдадим должное мастерам цеха печатной формы (авторитет Живило и обаяние Бахтина сыграли свою роль), они «обтравили» (отмазали кисточкой по контуру силуэта) каждую клишинку, избавив картинки от прямоугольников-фонов (не исключаю, что художник самолично их обтравливал — Виктор может!). А верстальщики вмонтировали картинки в нестандартную вёрстку с полями. Немыслимая операция для того времени, фантастика! Сейчас это издание — ценный раритет времени.

Другим, следующим громким шагом книжной графики Бахтина стал роман «Борьба за огонь» (Жозеф Анри Рони-старший), изданный в 1976 году. Ещё не зная, не предполагая будущего, как-то придя к нему в гости, я застал его за столом, задумчиво разглядывающим журнал «Смена» (популярный молодёжный журнал того времени). Заметив мой вопросительный взгляд, он сделал круговой жест ладонью по глянцевой странице с крупной иллюстрацией (кадр из фильма А. Тарковского «Жертвоприношение», там его герой любовно разглаживал в альбоме репродукцию русской иконы): «Геннадий Новожилов — замечательный художник, очень мне нравится…» Броский динамичный сюжет, экспрессивная манера рисунка кистью по фактурной поверхности надолго определили формат так называемой журнальной (рекламной) графики, эксклюзивного жанра графического искусства. И погоду в ней делали рисунки Новожилова. И сейчас она впечатляет, а тогда смотрелась очень эффектно. Я же, скептически настроенный ко всякой внешней аффектации графики, перевернул страницу и, указав на следующую иллюстрацию, возразил: «Мне ближе Валерий Карасёв» («Смена» — пиар двух противоположных художников). Рисунки Новожилова по степени артикуляции были неимоверно сложны, не каждому художнику под силу. Но не для Виктора. Он, как уже упоминалось, сибирский Рушев, овладел техникой рисунка, как балерина Майя Плисецкая своим танцем. Освоил её в совершенстве и выполнил серию впечатляющих иллюстраций из драматичной жизни людей пещерной эпохи. Выразителен рисунок переплёта. Крупный план (сказывается влияние кино в современной графике) фейса пещерного неандертальца освещён контрастным светом встык, красным и фиолетовым (и здесь кино). Динамичная шрифтовая композиция настолько крута, в буквальном смысле,

что, как сказала героиня И. Печерниковой в известном фильме, «дальше некуда». К сожалению, небольшой формат издания не позволил в нужной мере понять и оценить новацию художника. Рисунки в нём мелковаты, их надо рассматривать через лупу: кто же знал? (Реальный размер их был крупнее.) Но однажды, увидев их на экране увеличенными во время презентации на встрече художника с читателями в клубе Академгородка, восхитился — так они были выразительны.

Период стиля «а-ля Новожилов» стал для него чрезвычайно плодотворным. Уже в восьмидесятые годы были оформлены таким образом «Царь-рыба» В. П. Астафьева, «Прощание с Матёрой» В. Г. Распутина, «Последний поклон» В. П. Астафьева и другие известные книги.

АиБ: служили два товарища

В 1978 году я завершаю обучение в МПИ. Получен диплом художника-графика, я возвращаюсь в Красноярск и приступаю к активной деятельности. Оформил ряд интересных книг преимущественно малого объёма. Впереди меня ждало неожиданное предложение.

Животный мир. В недрах Красноярского книжного издательства возник амбициозный проект энциклопедического издания «Животный мир Красноярского края» (составители Сыроечковский Е. Е., Рогачёва Э. В.). Объёмный том, полноцветный офсет, множество таблиц с животными. Ничего подобного до сих пор здесь не издавали. И он был поручен мне. Отнёсся к заданию ответственно, сделал выклеенный макет по всей форме требований к проектированию книжных изданий. Естественным образом возникла проблема, как быть с рисунками животных во внешнем оформлении. Придумал компиляцию их на переплёте (тканевый переплёт, офсетная печать — сказка!). Художник таблиц (Н. Кондаков) — хороший мастер, иллюстратор детской энциклопедии животных «Детгиза». Но стиль его рисунков был архаичен и меня совершенно не устраивал, чтобы использовать в оформлении, да и связь с ним отсутствовала. Конечно, я мог нарисовать сам, но получилась бы, что-то в духе Ватагина, скульптурная пластика, как учили в институте. А нужно, чтобы на фасаде была живая атмосфера зоопарка, чистое кино природы. Вспомнил опыт «Валдайских колокольцев» и предложил издательству идею — обратиться к Бахтину, пусть Виктор нарисует животных вместо меня. Кто, если не он? Согласие было получено. Обсудил с Бахтиным видение книги, выдал ему аналоги образцов рисунков фауны из своей книжной коллекции. В конечном итоге то, как он изобразил мир животных, превзошло всякие ожидания. Мало того, что Виктор безукоризненно сохранил мою композицию переплёта, образов животных, они были преисполнены естественным очарованием движения жизни (бегущий лось — красавец) и тончайшим техническим совершенством рисунка. Мне осталось только вклеить шрифт и издательскую атрибутику. Прошло сорок пять лет — до сих пор ничего лучшего в мире книжной графики этого жанра мне на глаза не попадалось. Виктор выдал уровень анималистического рисунка мирового класса!

Дальше — больше. Придя к твёрдому убеждению, что всё, к чему прикасается кисть Бахтина, становится художественным чудом, я оставил себе задачу генерировать идеи, а бензин предоставить партнёру. С рутиной я до сих пор не в ладу, а дизайн книги — процесс муторный (компьютеров не было). Для Виктора же рутины не существует, он рисует легко, играючи, натурально всё, что ни попадётся. На форзаце была запланирована карта края с множеством силуэтов его обитателей. В макете она представлена эскизом-концептом. Виктор сделал из карты на форзаце настоящий шедевр дизайн-графики. Выверенная структура макета, безукоризненная печать ленинградской типографии «Детская книга» завершили процесс. Отмечу неоценимый вклад в издание технического редактора издательства (кадры решают всё), подлинного профи редактирования, выпускницы МПИ Киры Семёновны Королёвой, лично контролировавшей процесс печати в Ленинграде, а также помощь ей в расклейке спуска полос Бахтиным (пригодился опыт техреда). В конечном итоге составитель книги, академик РАН, профессор Сыроечковский Е. Е. пришёл в восторг, сказав: «Мои труды печатались в двенадцати странах мира, но ничего лучшего я не видел…» В 1981 году на Всероссийском конкурсе «Искусство книги» издание признано лучшей книгой России! Как тут не гордиться за труды и свершения свои?

И вечный бой… Следующая совместная книга должна быть отнесена к категории *«не издано»*. Неизданная — то есть когда законченный проект застрял в коридорах издательства, вышестоящих инстанциях или задавлен бременем финансовых неурядиц. Из неизданного более вспоминаются с сожалением «Карлсон, который живёт на крыше», «Красноярские старты» (роскошный фотоальбом истории красноярского спорта) и «Щедрый жар» (история русской бани). Книги были полностью подготовлены для печати, последние дошли даже до пробных оттисков (держал их в руках) — грустная утрата для красноярцев. Но эта — о ней надо рассказать, как вспоминают о мертворождённом младенце.

1980-й. Директор издательства В. И. Замышляев предпринял дерзкую инициативу издания романа «Мастер и Маргарита» (и лучше выдумать не мог). Бестселлер М. А. Булгакова не то чтобы был запрещён в те годы, но «не рекомендовался» к изданию. Его известная укороченная версия была

опубликована только в журнале «Москва» (1966–67 годы), а полная — лишь в 1973 году и исчезла в небытие (30 000 экземпляров). Мотивы, по существу, подпольного издания были рискованны, но понятны. Обладатель заветного тома имел беспрепятственный вход в любой кабинет и мог в нём требовать необходимое (об издании Высоцкого никто не помышлял, даже Замышляев). Так или иначе, в обстановке повышенной секретности Бахтину было предложено реализовать инициативу. Легко сказать, а если сил невпроворот? Иллюстрировать такой текст в сжатые сроки (могли опередить конкуренты) немыслимо. И Виктор осторожно раскрыл тайну мне, поделился своими сомнениями. Я согласился помочь при условии, если меня возьмут в дело (засветиться в таком издании престижно). Я предложил ему решить проблему малой кровью. Вместо иллюстрирования ограничиться только внешним оформлением и макетом. Казалось бы, мне, «макетчику», в романе с простой, ясной структурой делать нечего вообще. Но у меня были свои соображения…

В недалёком прошлом Виктор дал мне пресловутый номер «Москвы» с известной публикацией для ознакомления. Я прочёл его летом, лёжа на пляже Красноярского моря, залпом, под палящим зноем июльского солнца. И ощущение поджаренного текста (буквы подобны чёрным семечкам) на яркой белизне журнальных страниц твёрдо осело в моей памяти. И он мгновенно реабилитировался (З. Кракауэр) в моём сознании. Кончилось тем, что Виктор согласился и уговорил дирекцию («доверьтесь художнику») отдать руль издания мне (магия Бахты!).

Образ книги до сих пор у меня перед глазами. Вытянутый формат (новация), мелкий, но жирный набор текста романа, портрет Булгакова на чёрном фоне фронтисписа, обрамление заголовка терновым венцом на титуле и переплёте (придумка Бахтина). А главное, конгениальная суперобложка (для ограниченного тиража), как некая мифическая декорация оперы по мотивам картин Марка Шагала (эскиз её, кисти Бахтина, был представлен взору изумлённой редакции и одобрен), была цветным контрастом чёрному тексту. Процесс пошёл, но ограничился только набором и изготовлением клише для переплёта. Если бы он был доведён до конца, уверен, лучшего издания роман бы не увидел. В то время — точно. Но директор совершил роковую ошибку. Распорядился сделать сигнальный экземпляр (без супера — стоил больших денег) и показал его высокому начальству в Комитете по печати России (это он поспешил). Разразился скандал. Столичные издательства бьются о стенку. Им не позволяют подобных вещей, а тут какая-то региональная издательская «контора» замахнулась на невозможное. Неслыханно! Был дан сигнал в компетентные инстанции. В наборный цех типографии «Красноярский рабочий» вошли аккуратные люди *в чёрном* и приказали ссыпать набор. Виктор, имевший доступ в цех, смог спасти только клише заголовка и венка (Р. Брэдбери, «Улыбка»). Где они хранятся сейчас? «Я толкал тележку с ящиком, доверху загруженным отливными строками для переплавки, — вспоминает рабочий наборного цеха Ю. Кирюшин (ныне известный книжный издатель). — Знал бы я, что везу, чей текст, — выбрал бы себе пару-другую на сувениры» (сейчас такой экспонат мог быть предметом гордости Литературного музея). Забегая вперёд, скажу: роман был издан семь лет спустя в издательстве госуниверситета в моём оформлении, и Шагал стал главным героем его (в числе других Мастеров). А нам с Виктором посчастливилось осуществить задуманное в других произведениях великого Мастера слова. Но это уже другая история.

…Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!» Невозможно поверить, но это действительно факт. 1976-й год. Я, студент четвёртого курса МПИ, придумываю книжку — сборник песен Владимира Высоцкого. В моём воображении это миниатюрное издание, выдержанное в серых тонах, стилизованное под аудиокассету (кассетные магнитофоны тогда только вошли в широкое пользование). Портрет поющего Высоцкого, строгий шрифт, никаких абстракций — чистый документ. К книге прилагался плакат: «Владимир Высоцкий. Военные песни». Владимир Семёнович с гитарой задумчиво стоит в чёрном свитере (образ уличного барда из фильма «Бегство мистера Мак-Кинли») на фоне стелы памяти погибшим воинам (в Новосибирске). Вместо фамилий героев — названия военных песен («Як-истребитель» и другие). Выполнено в любимой моей технике «фотографика» вручную. Для чего я это делаю? Кто бы знал… Я ведь даже не мог предложить замысел в качестве курсового задания. В лучшем случае не поймут. Скажут, убери, мы этого не видели. Ни мои отцы-командиры «полиграфа», ни я даже помыслить не могли, что песни Высоцкого вообще могут быть изданы. Ведь его и поэтом никто не признавал.

Прошло двенадцать лет. 1988-й год. Перестройка в разгаре. Меня вызывают в издательство и предлагают невероятное, но вполне реальное к тому времени — оформить сборник песен и стихов Высоцкого с вызывающим, броским названием «Клич». Название и идея издания принадлежат выдающемуся редактору, по-другому не назовёшь, Красноярского издательства — Владимиру Чагину (к нему мы ещё вернёмся). История повторилась. В издательских кулуарах сборник был предложен для иллюстрирования В. Б. (догадались?). В который раз отдадим должное Виктору. Он отказался, сославшись, что Высоцкий (как и Булгаков) не подлежит иллюстрированию (то, как его иллюстрировал М. Шемякин, пусть останется на его

совести — Бахтин абсолютно прав). И предложил передать его мне, заявив, что только Ампилогов может сделать книгу, достойную великого поэта и артиста (моё самолюбие и сейчас тает от таких слов). Я же, в свою очередь, потребовал полную свободу, а Бахтин будет куратором моего оформления. Чагин одобрил соглашение. Процесс пошёл.

Понятно, заголовок Чагина — это, по сути, знак-аббревиатура. Решение — вытянутый по вертикали формат. Твёрдый тканевый переплёт, по нему, вверх, тиснение чёрным курсивом прописью — *«клич»*. На форзацах — портреты поэта, его ответы на анкету (спасибо тому, кто мне её подложил). На оборотах форзацев — фотографика (настоящая, освоил технологию): кассета (SONY) с надписью *«В. Высоцкий»* выпрыгивает лягушкой из гнезда кассетника «Весна» (аллегория: если в прошлом — оттепель, в настоящем времени — весна). На шмуцтитулах дань оттепели — обрывки лент катушечных магнитофонов. Виктор одобрил целиком, безоговорочно. Но я переживал: вдруг зарубят редакторы? И когда представлял концепцию редколлегии, он стоял рядом, как командор (визави героя Высоцкого в фильме Швейцера), скрестив руки, и незримо, молча, всем видом давал понять: согласовано со мной. Проект был принят к производству без шума и пыли.

В награду и в благодарность я специально для куратора придумал к оформлению бонус-эксклюзив (как в «Мастере», суперобложку). Постер-трансформер, сувенир для ограниченного тиража (продавался в книжном магазине отдельно). При желании счастливый обладатель книги мог лёгким движением ножниц перекроить из него футляр. На чёрном фоне постера (ночное небо) поёт Высоцкий, за его спиной по диагонали падает в пике подбитый «Як». Как и в случае с «Животным миром», я тщательно прорисовал композицию. Виктор же воплотил замысел в стиле «фотографика» — в отличие от моей в книге, вручную (!). Мне осталось только вклеить шрифт и издательскую атрибутику. Постер получился на загляденье. Смотрится и как футляр, и как отдельная вещь в розницу. Что касается Высоцкого, из множества появившихся его портретов версия Бахтина, на мой взгляд, самая точная и яркая. Вряд ли кто сможет возразить. Гений и Мастер в одном флаконе…

Сказка — быль. Из всех «тандемных» книг, оформленных с Бахтиным, наиболее смутной для меня является сборник А. Н. Афанасьева «Русские народные сказки», изданный в 1988 году. В том смысле, какова была необходимость привлекать к ней Бахтина? Издательство госуниверситета в годы перестройки стремительно набрало обороты и стало соразмерным конкурентом Красноярского книжного. Чем я не преминул воспользоваться (одно издательство хорошо — два лучше). Книги, которые оно выпустило в моём оформлении, достойны не меньшей гордости. М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» (1988), М. М. Зощенко «Рассказы. Голубая книга» (1989), Б. Л. Пастернак «Стихотворения» (1992) дорогого стоят. В то время как у Бахтина не вышло ни одной, он с ними не сотрудничал. С одной стороны, сказки — не научная энциклопедия «Животный мир», допускают условность в любых границах. И у меня уже был опыт стиля «а-ля русс» (лубок), вполне успешный, в издании «Погодой год припоминается» (ККИ, 1984), а в дальнейшем — не менее успешный в книге пословиц и поговорок С. В. Максимова «Крылатые слова» (ККИ, 1989). То есть я мог бы и сам справиться. С другой стороны, книги шли потоком, восемь изданий за год — не шутки (ресурс на исходе). Возможно, у Виктора был «простой», что вряд ли, но тем не менее его помощь была очень кстати (кашу маслом не испортишь). Мимоходом (натурально Леннон) нарисовал восхитительные иллюстрации. В соответствии с моим замыслом, он создал множество миниатюр-жемчужин (их надо разглядывать через лупу) с самыми разными сказочными сюжетами. Плюс элементы оформления и заглавную картинку (скоморох едет верхом на свинье задом наперёд) на обложку (сюжеты придуманы мной). Герои его иллюстраций, атрибуты и аксессуары действий не только исторически точны и достоверны, по сути — энциклопедичны, но, что немаловажно, они наполнены тонким юмором и иронией. Люди, звери, птицы, как положено в сказке, живые характерные (гротескные) персонажи со своей индивидуальностью и пластикой движения. Искромётные перлы, нарисованы легко, изящно, как может только Бахтин. Книга получилась яркой, нарядной, современной (в то время в ходу был тренд мягких изданий, новейшие технологии брошюровочных процессов дошли и до сибирской глубинки). И сейчас берёшь её в руки, раскрываешь — загорается свет, звенят бубенчики, слово молвится, сказка сказывается.

По следам «Мастера». 1989-й год. Конец перестройки. Что можно было, уже вынуто из подвалов и опубликовано. Удивить нечем. И только изобретательность редактора В. Чагина сделала невозможное. Из пыли архивов были вынуты и представлены к изданию забытые, мало и совсем неизвестные произведения А. М. Булгакова. Так был сформирован сборник «Дьяволиада и другие невероятные истории». История повторилась… АиБ дудели на трубе. То, как протекал процесс, иначе как триумфом творческой воли не назовёшь. Получен карт-бланш, другие времена. Впервые издательство инициировало издание с расчётом на творческий ресурс двух мастеров искусства книги, реальный опыт их совместной практики. Наш союз зафиксирован на обороте титула логотипом «А-Б». Наработки прежних оформлений

с блеском развернулись на страницах произведений Булгакова. Рассказы, повести, пьесы подверглись глубокому философскому, историческому анализу. В оформлении структуры макета линии «А» преобладали театральные мотивы и перформансы, в линии «Б» — иносказательные нарративы и аллегории. В соответствии с проектом, Виктору были предложены к исполнению фронтиспис, шмуцтитульные иллюстрации, элементы оформления структуры макета. Я выполнил шрифтовой образ переплёта, форзацы и их обороты, графические (негативные — «вывороткой») метаморфозы иллюстраций на шмуцтитулах (иллюстрации возникали на их оборотах).

Конечно, и здесь мастерство Бахтина проявилось в самой высшей степени (дальше некуда уже, а он ещё!). Иллюстрации на этот раз были лишены сатирического сарказма, они глубоко продуманы в идейном и философском аспектах. В техническом плане они безупречны. Квазигравирование как стиль утвердилось фирменным почерком графики Бахтина. Сюжеты точны по идейному смыслу, изобретательны и оригинальны. На фронтисписе титула призрак Сталина поднимается по ступеням Мавзолея. «Дьяволиада» представлена как замысловатая метаморфоза-ребус. Шариков — герой нового времени, весьма точный прототип персонажа одноимённого фильма (фильм выйдет на экраны чуть позже). Рептилии из роковых яиц ползут во все стороны, как в блокбастере, ужасают своим правдоподобием. «Театральный роман» представлен как голгофа драматурга. Иван Васильевич — перевёртыш игральной карты. Адам и Ева — предупреждение, пророчество тревожного будущего. Не забыта история с неудачей первого издания «Мастера». На первом обороте форзаца в чёрную дыру проваливаются литеры заголовка сборника (ссылка на ссыпанный набор прошлой драмы). На втором — из подвала вылетают дьявольские фантасгармошки. За всём действием с форзацев наблюдает писатель-пророк. Переплёт стилизован под белый парадный мундир вождя, в прорезях которого подглядывают мрачные пуговицы-сексоты (прототипы современных видеокамер). Немаловажной особенностью издания является факт, что в нём учтён формат и вид главного творения Булгакова — «Мастера и Маргариты», изданного госуниверситетом годом ранее. И поскольку я имел к нему прямое отношение, то предложил Чагину сделать «Дьяволиаду» как бы продолжением «Мастера». В итоге образовался единый двухтомник, где «Мастер» в чёрном образе, а «Дьяволиада» — в белом. Их соединяют символы на переплётах: белый на чёрном круг «Мастера», чёрный квадрат на белом — «Дьяволиады» (ссылки на Малевича). В домашних библиотеках красноярцев они стояли вместе и были легко узнаваемы. Издание имело очередной успех. На Всероссийском конкурсе «Искусство книги» 1989 года оно было отмечено специальным дипломом за оригинальность оформления.

Любимого должно быть много. Добавлю к сказанному о единстве противоположностей АиБ — любовь к животным. У меня в квартире жили две кошки, три собаки, черепаха. У Виктора — две кошки, змея (уж, постоянно дремавший у него на шее) и гигантские бурые тараканы из Бразилии, страны диких обезьян, предмет особой гордости владельца живности. Кошкам была предоставлена, как и положено, абсолютная свобода — форточка для них была постоянно открыта (он жил на первом этаже). Его рабочий стол стоял у окна. Однажды какая-то из них, возвращаясь с гулянья, спрыгнула, по обыкновению, прямо на стол, где он рисовал. Опрокинула флакон с тушью на разворот роскошной книги с иллюстрациями животных (предоставлена мною в помощь для работы — подарок жене от сестры-собачницы) и была такова. С виноватым видом художник возвратил книгу владельцу с извинениями. На что я ответил: у Гашека в «Приключениях Швейка» было намного хуже. Теперь этот «меченый» разворот — почётный памятник былого содружества. Сам Виктор отождествлял себя с птицей. Летал на дельтаплане с Крестовой горы подобно аисту (видели другие, видел я). Однажды даже потерпел крушение, ходил месяц в гипсе. Уверял, что, подобно Калифу-аисту, понимает язык животных и птиц. Сам был свидетелем его диалога с диким гусем в «Живом уголке Крутовской» на «Столбах» (на фотографии он жестикулирует руками, как крыльями, у клетки с гусем). Живя в Америке, сделал радиоуправляемую модель журавля и обучал с её помощью летать птенцов (см. фото на форзаце «100 знаменитых красноярцев). Так что, когда мне предложили к оформлению книгу «О наших любимцах» (домашних животных), я сразу вспомнил Бахтина.

Девяностые годы прошлого века характеризуются многими обстоятельствами издательского процесса. Главные из них — степень свободы и современные технологии печати. И конечно, они стали главными катализаторами оформления, «Наших любимцев» в том числе. Тотальный офсет снял все ограничения в замысле формы (крути-верти). В образ справочника «О наших любимцах» был заложен мотив библиотечной картотеки, начиная с переплёта, с характерным углом-закладкой, уходящим «в обрез» (жест, невозможный при высокой печати). Внешнее оформление отсылает читателя к изданию «Животный мир Красноярского края». В переплёте «Любимцев» применён тот же метод. Мною в эскизе была сделана тщательная компиляция животных (кошек и собак), а Бахтин, в свойственной только ему конгениальной технике, воплотил замысел в реальный образ. Главным героем переплёта стал фейс нашей кошки-сибирячки

Дикси, её крупный план лицевой стороны. Память фиксирует уникальные способности художника. Чтобы её нарисовать (по моей просьбе), Виктор специально приходит ко мне домой (благо мы жили по соседству в Академгородке). И устраивает «кастинг» Дикси. Я приношу её к нему в коридор (сославшись на занятость, гость отказался пройти). Он берёт кошку на руки, смотрит ей прямо в глаза и произносит: *сфотографировано*. И всё. Далее мы видим феноменальный портрет Дикси крупным планом на переплёте. Глаза её горят, судьба её печальна. Десять лет спустя, уже живя в Северном, она ушла из дома и не вернулась. Неделя поисков ни к чему не привела (трагическая судьба сэра Джона Франклина, бесследно исчезнувшего во льдах Северо-Западного прохода в Атлантике). Глядя в её глаза, я плачу слезами леди Джейн, вдовы контр-адмирала.

На форзацах был повторён тот же приём, что и в «Животном мире», только на этот раз их сделал я. На первом — силуэты пород собак (чёрные). На втором — кошек (белые). Виктор же нарисовал полосные иллюстрации (навылет) для шмуцтитулов в излюбленной технике квазигравюры (сюжеты их подсказаны мной). В разделе кошек мы видим самого Виктора (автопортрет, ставший знаменитым), рисующего за своим столом иллюстрацию, в окружении уже описанных выше питомцев (тараканов не заметил). Художник долго упирался, скромничал. Пришлось настаивать (скромность украшает человека, но не всегда — Рембрандт изобразил себя в шестидесяти автопортретах). В разделе собак он нарисовал гуляющего поэта-приятеля, тоже жителя Академгородка (прототип — Томас Манн, ежедневно прогуливающийся со своей собакой по утрам). В разделе «Болезни» нарисован трогательный образ страдающего бассета. Порода, ставшая популярной по сериалу «Лейтенант Коломбо», в исполнении американского актёра Питера Фалька (не путать с Робертом), чей герой никогда не расставался со своим любимцем. В разделе «Уход за любимцами» моделью образа хозяйки, расчёсывающей «шотландца», стала Ирина, его жена. Благодаря оформлению и рисункам Бахтина книга стала очередным событием в книжном мире Красноярска. И меня нисколько не смущает своеобразие бедности печати текста (больше походит на тиражную ксерокопию). Эстетика переходной типографии девяностых, к ней надо привыкать. В наши дни господства торжествующего глянца рекламы скромность типографии издания — исторический памятник прошедшей эпохи.

Увы, «Наши любимцы» стали последним совместным «твором» в искусстве книги. Девяностые годы — неоднозначное время. Книга как авангард общественного сознания, вслед за кинематографом, плавно уступила свои позиции наплыву массовой коммерциализации всего и вся. И в конечном итоге прекратила своё существование как художественное явление. Она стала уделом энтузиастов-одиночек. Бойцы вспоминают минувшие дни. Виктор уехал в Америку. Там, в далёких Штатах, его ждал недолгий успех художника-анималиста. Но книги, книг нет…

Краснее красного

Краснее красного моя любовь. Мы возвращаемся к тому, с чего начали,— к «Красной книге Красноярского края». И как она создавалась.

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твоё лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Строки великого поэта (А. Блок) по неизвестной причине вдруг ожили в моём сознании. Загадка: к чему они призывают? Пока не понял, намекают на «Красную книгу», они её портрет! Проверил по дате выхода (1995) — так и оказалось…

Красноярское книжное издательство возглавил новый директор, А. П. Паращук — деятельный, энергичный руководитель. При нём издательство буквально ожило книжным «ренессансом». Александр Петрович не просто поднял производственную планку издательства, он сделал его элитной структурой известной организации. Что не могло не сказаться на социальных преференциях его скромным сотрудникам. Издательские продуктовые спецпайки (эпоха тотального дефицита) перепадали и мне, человеку «за штатом». И конечно, как при всяком талантливом руководителе, я чувствовал себя комфортно, повсеместно ощущая заботу и поддержку. Период его директорства отмечен удачными изданиями, но главное и немеркнущее — «Красная книга Красноярского края».

В 1985 году, помня об оглушительном успехе «Животного мира», издательство предприняло ещё более грандиозный проект выпуска книги об охране исчезающих и находящихся под угрозой исчезновения животных. «Красные книги» стали престижным трендом того времени. Уже вышли «красные» тома СССР и РСФСР. Но чтобы выпустить региональную (!), надо иметь смелость (идея и авторитет поддержки, скорее всего, принадлежала Е. Е. Сыроечковскому, составителю «Животного мира»). Но риск был оправдан, стартовала перестройка — не те времена, предприимчивость и инициатива в фаворе. Началом издательского процесса стало памятное совещание в кабинете директора. Присутствовали (помимо директора) Е. Е. Сыроечковский (прибывший специально из Москвы), главред В. П. Зыков, худред Г. В. Соколова (выполняла функции секретаря,

протоколировавшего совещание, по моему настоянию) и я — как художник предполагаемого издания (моя кандидатура, предполагаю, была рекомендована также Е. Е. Сыроечковским). На столе директора лежали два уже упомянутых «красных» тома. Составленные как обычные научно-популярные справочники, они принципиально мало отличались, разве что в российской версии в конце была добавлена иллюстрированная вкладка из фотографий и переплёт был из красного ледерина (под кожу), в отличие от академически-коричневого союзного. Собранию объявлено решение о выпуске красноярской «красной» версии, мне же предложено выполнить оформление, придерживаясь изданных прототипов (по образцу и подобию). Я решительно возразил, заявив: «Красная книга» не Конституция СССР, исчезновение редких животных не может быть предметом гордости. Поэтому золото тиснения на кожаных переплётах и глянцевый пафос типографии в деле охраны животных неуместен — «Красная книга» не роскошь, а необходимость (А. В. Суворов). Издательство должно искать свой собственный путь уникального издания, прагматичной коммуникации, не имеющий аналогов ни в прошлом, ни в будущем (так оно и случилось). Исключительным прецедентом производственного процесса должен быть факт составления текста и иллюстрирования книги на основе жёсткой проектной структуры контента, заданной дизайнером (тогда этот термин только входил в издательскую сферу деятельности). Его (дизайн-проекта) диктата, с чистого листа. Такого в практике издательства до сих пор не случалось. Художник (дизайнер) получал на руки в большинстве случаев текст и иллюстрации к нему в готовом виде, как это было, к примеру, с «Животными миром Красноярского края». В нашей ситуации дизайнер (художник), подобно режиссёру в кино, руководит (рулит) всем творческим процессом создания книги.

Имея такие козыри, как Е. Е. Сыроечковский и В. В. Бахтин, я сообразил, что судьба даёт мне шанс сделать в своей карьере нечто, что невозможно вообразить, и должен, просто обязан его использовать (в дальнейшем этот шанс почувствовали как составитель, так и иллюстратор издания) «на все сто». Жест поднятой руки директора в попытке приструнить риторику разгорячённого художника был заморожен улыбкой Е. Е. Сыроечковского, сказавшего: «Слушайте его, он знает, что говорит, лучшего специалиста нам не найти…» Пример академика — другим наука. Он подчинился рекомендациям О. К. Ампилогова и беспрекословно их выполнял. У меня сохранилось письмо к нему с наставлением, как следует составлять контент справок, охранных карточек животных, включая сомнительную терминологию их научной квалификации («слабый ареал»). Так же поступил и Бахтин. Рекомендации (правила, ставшие законом дидактики дизайна) соблюдались неукоснительно всеми сторонами и контролировались (были попытки свернуть процесс в книгу СССР, но подписанный участниками совещания протокол сделал своё дело) мною. Описанное заседание сравнимо разве что со знаменитым застольем А. Станиславского и В. Немировича-Данченко в «Эрмитаже» — закончилось тем же. Общим соглашением. Протоколом о намерениях. И я приступил к делу.

Дело длилось пять лет без малого. Так долго ни до, ни после процесс оформления в моей практике не затягивался. А общее время (с включением в процесс иллюстрирования В. Бахтиным) до выхода в свет — десять лет — даёт право на включение «Красной книги» в Книгу рекордов Гиннесса. Но обо всём по порядку.

О братьях наших меньших. Проектная концепция издания, дидактика составления и иллюстрирования были придуманы сравнительно быстро и выданы составителю и иллюстратору с необходимыми комментариями. А далее с маниакальным упорством, из года в год, я многократно рисовал структуру макета, детали и нюансы коммуникации, пробовал разные версии. Уточнял, минимизировал, обобщал. Ошибка в таком издании исключалась (позднее было ещё и кемеровское, но дважды в одну воду не входят). Особенно тяжко давалось внешнее оформление. Но дно было, наконец, достигнуто, а пик преодолён. Сразу, без сомнений, был задан формат квадрата (благодарность Малевичу). Фас (лик) книги обрёл максимальную выразительность при минимальных средствах.

На красном фоне цельнобумажного переплёта (задуманный тканевый не состоялся, но, может, и к лучшему — выиграла прагматика замысла) легли в соподчинении заголовок и расшифровка названия книги. На обороте — их английская версия (она же, зеркально, красным повторяется на развороте титула). По низу квадрата вырезано окно-плашка, на ней графическими символами-силуэтами выстроились виды охраняемых животных. Её аналог на обороте констатирует статусы охраны разными цветовыми кодами. Помимо функции, они привнесли в сдержанное красное дополнительную декоративность. В центре корешка стоит крупная точка — декларация особи охраняемого вида. От него и к нему сосредотачиваются сигналы структуры текста. Так возникал феномен целого в мотивах частного. Контент его формировался таким образом, чтобы информация об охраняемом субъекте на разных уровнях можно было получить из разных источников. На форзаце расположилось лаконичное «Содержание» с рельефной картой Красноярского края рисунка Бахтина (его симметричная версия дана на втором форзаце). Оборот его запечатан чёрным тоном, авантитул (первая

страница книги) — красным (реальность актуального супрематизма). Соответственно, последняя страница с выходными данными также чёрная, но оборот второго форзаца — белый (незапечатанная бумага).

Структура контента состояла из четырёх автономных разделов (блоков). 1 — каталог «Красной книги» (беспрецедентная новация, ничего подобного в вышедших «Красных книгах» не было). В нём в системном порядке как бы регистрировались субъекты охраняемых видов. Каждый из них представлен чёрно-белым рисунком (миниатюры кисти Бахтина), они же стали моделями знаков-символов (избранный представитель вида закрашивался мною в чёрный силуэт — в различных масштабах они красовались по всей книге). В карточке животного давалась ссылка на страницу базового контента и на страницу иллюстративного. 2 — основной (базовый контент — текст) открывался шмуцтитулом, обозначенным специальным знаком, его видовые подразделы — спуском полосы со знаком вида животного. Каждая справка о животном сопровождалась увеличенным рисунком из каталога и расширенным комментарием к распространению его ареала. И сопровождалась ссылкой поиска его в каталоге (по номеру) и страницы иллюстративного блока. По нижнему полю полосы давался структурный колонтитул, обеспечивающий, как сейчас принято называть, навигацию контента. 3 — иллюстративный раздел (блок) состоял из полноцветных таблиц с рисунками «краснокнижных» особей, расчленённых по видам так же, как и в основном контенте. И так же сопровождался ссылками на каталог и базовый блок контента. Ориентироваться в книге было легко. Цветные таблицы — главное притяжение «Красной книги». Их количество (сто пятьдесят видов — по одному на страницу!), разнообразие, качество рисунков и печати изумляет и сегодня. Данный блок — безраздельное царство искусства В. Бахтина и требует отдельного рассказа (см. «Сто знаменитых красноярцев» — Виктор Бахтин). 4 — приложения, в которых представлены списки животных (алфавитная, латинская версии — каждый вид обозначался цветным кодом статуса охраны и ссылками на страницы каталога, контента и иллюстративного блока — очередная новация), список литературы. В конце — суммари контента на английском языке (шампанское на финал — высший шик).

Как много в мире кошек. Снежный (саянский) барс, камышовый кот — любимцы Виктора Бахтина. Они нарисованы в первых листах и показаны в качестве промоушинга (продвижения) иллюстративного блока. Но и другим, каждому животному, досталась своя толика любви художника, так тонко и проникновенно они изображены им (птицы — его особая страсть). Иногда на его столе можно было наблюдать прелюбопытную сцену: на одном листе была только разметка, на другом композиция уже определена в целом и почти выполнена в цвете, на третьем — идеальное завершение. Таков Бахтин.

В соответствии с проектным замыслом (иллюстративную часть мы обсуждали вместе), художник получил принципиальную схему (модульную сетку) структурирования полосы, что служило ему предписанием к исполнению (точно так же строились производственные отношения М. И. Петипа и П. И. Чайковского при создании балета «Щелкунчик»). В задачу иллюстратора входило документальное изображение животного в подлинных реалиях его жизни. Взрослые особи (самец и самка), их детёныши (в разделе «Птицы» — птенцы и яйца), что тоже стало несомненной новацией в красноярской «Красной книге». Художник был вправе самостоятельно располагать объекты на полосе соответственно своему замыслу композиции индивидуальной особенности жизни животного, соблюдая структуру макета. Неизменным (постоянным) оставалось только место расположения карты-схемы его ареала в границах края и комментария к нему (но и она в некоторых эпизодах сдвигалась). Он получил необходимую степень свободы и распорядился ею в полной мере. Рисовал предельно объективно, на основе подлинности источника информации. Только реальная модель, никаких репродукций, чужих фотографий, в лучшем случае — натуральное чучело (компромисс). В поисках их он исследовал музейные фонды (исколесил всю страну), рисовал натуру в заповедниках. А однажды, уже в приснопамятные девяностые годы, в поисках очередной редкости предпринял авантюрную экспедицию в Китай, не имея ни гроша в кармане. Весь гонорар, выданный ему сразу по утверждении макета, был «съеден» девальвацией рубля последующей сменой экономической системы (кто помнит — не забудет). Умудрился вернуться целым и с ценным багажом натурных зарисовок.

Оценить практически его иллюстрирование не представляется возможным (сто пятьдесят листов сложнейших цветных рисунков акварелью на бумаге «Госзнак»). Единственно (издательство сжалилось), он был освобождён от рисования животных водной среды (китов, тюленей, рыб) и насекомых. По старой дружбе Е. Е. Сыроечковский попросил выполнить эту часть иллюстратора «Животного мира» Н. Кондакова. Его рисунки, хоть и добротные в исполнении, своей безыскусностью отличались от бахтинских изысков, не вписывались в проект. К счастью, их было немного, и общую картину они не испортили. «Красная книга Красноярского края» — безусловная заслуга Виктора Бахтина, его высочайшего профессионализма, упорства в достижении цели и уникального таланта рисовальщика.

Я вышел ростом и лицом. Судьба издания тоже была крутой и извилистой. Она была вручена иллюстратору и целиком зависела от него. Его никто не торопил, издатели с пониманием отнеслись к сложности исполнения рисунков. Процесс затянулся. Осложнился сменой политического строя, возникшими в связи с этим финансовыми затруднениями. То, что казалось раньше трудной, но вполне реальной и разрешимой задачей производства, в новых условиях оказалось фактически невыполнимым. Казалось, проект заглох и не подаёт признаков жизни. А мечта о книжном эксклюзиве превратилась в несбыточный сон. Оказалось — нет: и явь, и свет. Издательство невообразимым образом добилось финансирования, издание ожило. Я срочно сделал подробный технический макет. Книга была сдана в печать в теперь уже санкт-петербургскую типографию «Печатный двор» и вышла в свет в 1995 году. А в 1996 году её ждал заслуженный успех. На Всероссийском конкурсе «Искусство книги» она была признана лучшей книгой России. Это ли не счастье?..

Сейчас, по истечении тридцати лет, кажется невероятным сам факт подобного издания. Возможен ли он в наше время? Не берусь судить. Но что-то подсказывает: нет. Книжное искусство умерло вместе с кончиной МПИ, не стало и художника Виктора Бахтина. «Красная книга Красноярского края» — бесценный памятник и тому, и другому, художественное свидетельство истинной красоты природы Сибири, от юга до севера. *Давайте любить и хранить её…*

P. S. На днях моя внуча показала мне не без гордости свою «Красную книгу» (миниатюру размером в ладошку), куда она внесла своих любимых животных, сочинённых и нарисованных ею же. *Жизнь продолжается…*

Антология одного стихотворения

Наталья Троицкая
Белый Яр, Республика Хакасия

Спас на крови

Одному только Небу ведомо,
Кто был прав в веках, кто неправ…
Там, где спит канал Грибоедова,
Храм возносит свои пять глав.

За свободу ли рьяно ратуя,
Здесь фанатик казнь сотворил?
Там, где кровь лилась императора, —
Храм Спасителя на Крови…

В день холодный, прозрачный, ветреный
Я стою у входа в тиши.
Символ Жизни и Смерти Жертвенной
Шепчет путнику: не греши…

Взгляд Христа исцеляет душу:
Как жить дальше – не всё равно.
Божью заповедь не нарушу —
Зло не может творить Добро!

Смолкни, споров разноголосица,
За идею не нужно битв…
Колокольным звоном разносится
Вековое эхо молитв…

Слышишь, снова Ангелов пение
Отрицает ложь нелюбви?..
Символ Веры, Света, Прощения —
Храм Спасителя на Крови.

Евгений Татарников

Как Михаил Митьков волею судьбы стал красноярцем[I]

Митьков Михаил Фотиевич родился в 1791 году и происходит из дворянского рода. Его дед, коллежский советник Михаил Васильевич Митьков, купил в 1790 году имение в селе Варварино Юрьев-Польского района Владимирской губернии. 3 марта 1804 года, в возрасте тринадцати лет, Михаил поступил на учёбу во 2-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге. 10 декабря 1806 года в звании прапорщика определён в Императорский батальон милиции (в 1806 году в Стрельне из служителей и мастеровых загородных дворцовых усадеб был сформирован батальон Императорской милиции). Михаил — участник войны 1806–1807 года. За сражение при Фридланде в возрасте шестнадцати лет награждён орденом Святой Анны III степени. 22 января 1808 года батальон был причислен к гвардии и переименован в лейб-гвардии Императорский батальон милиции. 24 апреля 1809 года получил звание подпоручика, поручика — с 12 декабря 1810 года. 19 октября 1811 года батальон был развёрнут в лейб-гвардии Финляндский полк.

Митьков был храбрым офицером, участником многих сражений, имел три боевых ордена и медали, а за битву при Бородино — золотую шпагу с надписью: «За храбрость». Участвовал в битвах при Тарутино, Малоярославце. За битву под Красным награждён орденом Святого Владимира IV степени с бантом. Участвовал в заграничных походах 1813–1814 годов: за битву при Бауцене и Лютцене награждён орденом Святой Анны II степени, Дрезден, Кульм, за битву при Лейпциге награждён алмазными знаками ордена Святой Анны II степени. 18 марта 1814 года участвовал в боях при взятии Парижа. С полком дошёл до Парижа.

Митьков Михаил Фотиевич (1791 —1849 гг.) — русский офицер, полковник лейб-гвардии Финляндского полка, член Северного общества, декабрист и метеоролог

В двадцать семь лет производится в полковники лейб-гвардии Финляндского полка.

Из заграничного похода полк вернулся в июне 1814 года. Митьков принадлежал к числу передовых, весьма образованных и начитанных офицеров, знал языки, во время пребывания за границей изучал передовые социальные учения и политические устройства ряда стран. Суждения его были последовательны и смелы. Он — сторонник установления республики, отмены крепостного строя и сокращения срока солдатской службы.

I Источники:

1. *В. Колесникова*. «Усладительная болезнь моего сердца…».
2. *А. Е. Розен*. «Записки декабриста».
3. *Георгий Чернов.* Статья «Сибирские письма декабриста М. Ф. Митькова».
4. *Н. Дубровина*. «Живые отзвуки далёкого прошлого» (Письма Михаила Митькова).

И было вполне закономерным, что Митьков встал на путь освободительного движения.

Михаил был масоном, с 1816 года по 1821 год — член ложи «Соединённые друзья», девиз которой был «Солнце, наука, разум», а цель работ — «стереть между человеками отличия рас, сословий, верований, истребить фанатизм, суеверия, уничтожить национальную ненависть, войну и объединить всё человечество узами любви и знания». Митьков, несмотря на статус видного военачальника, не обладал крепким здоровьем и болел чахоткой. В августе 1823 года он ушёл в отставку в звании полковника и занимал одно из ведущих мест в Московской управе Северного общества.

С 9 января 1824 года Михаил находился на лечении за границей. В 1824–1825 годах в Париже посещал лекции по философии, истории, французскому красноречию. В сентябре 1825 года вернулся в Россию. Жил в имении во Владимирской губернии, позднее переехал в Москву. В Москве жил в доме своего дяди, богатого вельможи Александра Соймонова по улице М. Дмитровка, 18. А. Соймонов был племянником статс-секретаря Екатерины Второй и был хлебосольным хозяином, любил устраивать пышные балы и обеды, дружил с Василием Пушкиным, дядей великого поэта. Александр Пушкин, скорее всего, тоже бывал у него в гостях и заглядывал вместе с внебрачным сыном Соймонова, Сергеем Соболевским, известным библиофилом и литератором. В усадьбе Александра Соймонова декабристы проводили собрания Северного тайного общества, а в 1823 году приняли устав. Курируя работу московского отделения Северного общества, Митьков старался объединить усилия с другими ячейками. 15 декабря 1825 года на его квартире прошло собрание, где декабристы решали, как помочь своим петербургским соратникам. Многочасовое совещание завершилось ничем: общий план действий согласовать не удалось, а плохая связь с Санкт-Петербургом усугубляла ситуацию. Чуть позже пришло сообщение о разгроме восстания на Сенатской площади, что фактически обозначало крах революции. Михаил Митьков был арестован в Москве 29 декабря 1825 года по приказу от 27 декабря 1825 года. Доставлен в Санкт-Петербург на Главную гауптвахту в Зимнем дворце. 2 января 1826 года М. Ф. Митькова переводят в Петропавловскую крепость.

Декабристы в своих воспоминаниях нечасто упоминают Митькова. В мемуарах барона Андрея Розена, поручика лейб-гвардии Финляндского полка, участника восстания на Сенатской площади и однополчанина Митькова, есть рассказ о гражданской казни декабристов. Дело происходило 13 июля 1826 года. Каждого декабриста заставляли встать на колени. Палач ломал шпагу над склонённой головой, сдирал с него мундир и бросал в пылающий костёр. Вслед за мундиром в огонь летели и боевые ордена. Эта процедура лишала арестанта чинов, звания и имущества. После этого на осуждённых надевали госпитальные полосатые халаты и вели обратно в крепость. Декабрист А. Е. Розен в своих мемуарах упоминает: «Когда Митьков в Петропавловской крепости получил из дома узел с бельём и с английским фланелевым одеялом, спросил, все ли товарищи получают от родственников книги, вещи, табак. Выслушав отрицательный ответ, он снова завязал узел и просил возвратить его, сказал, что он может обойтись без этих вещей. Здоровье его было вообще расстроено. Этот поступок его в крепостных стенах согласовался с его характером, с его правилами. Я помню, когда и прежде на парадах и манёврах он командовал нашим батальоном и во время отдыха или привала приносили барону Саргеру большие корзины с завтраком, то Митьков каждый раз отказывался от угощенья, прося его извинить по нездоровью, но в действительности причина заключалась в том, что он не мог разделить эту закуску с целым батальоном».

Первое письмо — это скорее записка. Оно датировано 29 декабря 1825 года. Михаил пишет брату: «Зделай одолжение, Любезный друг и брат Николай Фотиевич прими в своё распоряжение всё моё движимое и недвижимое. Оброки получа, деньги положи в Ломбард, лошадей отправь в деревню и во всём распоряжайся как ты найдёшь за лучшее. Прощай, Любезный друг — будь покоен, я надеюсь, зная себя невинным в непродолжительном времени опять быть с вами. Искренне тебя любящий брат М. Митьков декабрь 29 дня». Верховным уголовным судом Митьков в числе тридцати одного декабриста был приговорён к смертной казни «отсечением головы», заменённой Николаем I двадцатью пятью годами каторжных работ, сокращёнными позднее до десяти лет.

Каторга

21 октября 1826 года Митьков был отправлен в Свеаборгскую крепость (Великое княжество Финляндское), прибыл туда 25 октября 1826 года. Откуда он писал 17 января 1827 года мачехе Прасковье Лукиничне Митьковой, которая его воспитала. Своей родной мамы, Александры Максимовны, Михаил лишился на четвёртом году жизни. Письмо написано, вероятно, в ответ на послание из дома: «Нету слов, Милая любезнейшая Матушка, выразить чувства, какими наполнено моё сердце. Прошу всевышнего сохранять вас для счастья ваших детей! Милосердие божеское столь велико, что я живу спокойно и здоровье моё зачинает

поправляться. Я с покорностью и благодарностью приму всё, что проведение пошлёт мне в сей жизни. Покорнейше вас благодарю за посылку тулупа и сорочек, всё, что означено в письме я получил. Зделайте милость, когда будет случай пришлите мне библию на французском языке…»

Затем, 4 октября 1827 года, Митькова перевели в Свартгольмскую крепость, оттуда 15 марта 1828 года — в Кексгольмскую крепость, где находился в одиночной камере. 24 апреля 1828 года он был отправлен в Иркутск, куда прибыл 18 июня 1828 года.

Чита

11 июля 1828 года в Читу прибыли Лунин, Митьков и Киреев. В Сибири уже жили несколько жён декабристов. Декабрист Якушкин пишет, что декабристам не разрешали поначалу писать домой, но жёны, имевшие право переписки, извещали родных арестантов, делая это в иносказательной форме. «Каждая дама, — пишет Якушкин, — имела несколько человек в каземате, за которых она постоянно писала, и, переданное ей от кого-нибудь письмо, она переписывала начисто, как будто от себя, прибавив только: „Такой-то просит меня сообщить вам…“». Одна княгиня Трубецкая переписывала и отправляла еженедельно более десяти писем.

А. Е. Розен пишет в мемуарах: «… В Чите жили мы четыре года. Это заключение было временное; постоянное же готовилось для нас недалеко от Верхнеудинска, в Петровском железном заводе, когда в первый год прибытия нашего в Читу посланы были инженерный штаб-офицер с помощниками выстроить огромную тюрьму, по образцу исправительных домов в Америке. Это новое капитальное здание было окончено летом 1830 года, и комендант наш получил повеление переселить нас туда. Сборы наши были не важны: уложили чемоданы, подарила жителям овощи и плоды огорода и всю деревянную побуду нашего хозяйства. Назначено было идти двумя отрядами, потому что дорогою предстояло худое тесное помещение, по местности ненаселённой. Первую партию вёл плац-майор подполковник Лепарский, племянник нашего коменданта, а вторую — сам комендант. Каждая партия имела достаточное число конвойных солдат и казаков. Для вещей были наняты подводы; ехать было дозволено только больным и раненым, как-то: Фонвизину, Трубецкому, Лунину, Волконскому, Якубовичу, Швейковскому, Митькову, Давыдову и Абрамову. Через каждые два дня перехода имели днёвки; поход наш, слишком в семьсот вёрст, продолжался сорок восемь дней. Дамы наши провожали нас несколько переходов, но, не имея спокойных помещений, поехали вперёд до Верхнеудинска, откуда дорога вела по местам, хорошо населённым…»

Десятилетний каторжный срок окончился в 1835 году, и Митьков был выведен сначала на поселение в село Ольхинское Иркутского округа, но ввиду болезненного состояния (туберкулёз) был временно оставлен для лечения в Иркутске. А затем по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского ему разрешили постоянное поселение в Красноярске.

Декабрист Михаил Митьков в Красноярске

«Картина большой почтовой дороги в Сибири представляет предметы, свойственные стране малонаселённой. Город от города отстоит на 500 вёрст; деревня от деревни на 30 вёрст; зато горы, леса и реки в большом размере тянутся на сотни вёрст. Жители, коренные русские, также мало представляют разнообразия: там лица, одежда, язык не разнствуют так резко, как мы то видим в Европейской России от Петербурга до Одессы, где почти каждая губерния имеет свой наряд, своё произношение, своё наречие. Зато в Сибири самым приятным образом поражает вас опрятность; не только столы, скамейки и полы чисто вымыты, но даже стены и крыльцо моют мылом; печи всегда выбелены. Сёла и деревни имеют вид наряднее и веселее уездных городов, где строения все деревянные и где сосредоточиваются чиновники и приказные. Губернские города походят на наши города, и несколько улиц обстроены каменными зданиями в несколько этажей, имеют красивые церкви и большие площади. Меньший из губернских городов Красноярск, но он, красив местностью, при впадении Качи в Енисей, окружён с трех сторон горами, улицы вымощены природой мелким щебнем и песком…» — писал декабрист Андрей Евгеньевич Розен («Записки декабриста»).

С 1839 года М. Ф. Митьков снимал квартиру в слободе Теребиловке, на западной окраине Красноярска, в доме мещанина из поселенцев Антона Петрова. В Теребиловке жили люди низших сословий, и своё название она получила из-за того, что здесь было много воришек, которые «теребили» прохожих на неосвещённых улицах.

Со временем Митьков построил себе дом на Благовещенской улице (ныне — улица Ленина), которая начиналась от Благовещенской церкви. О своём доме он писал брату Платону Фотиевичу: «… я люблю свой домашний приют… у меня дом тёплый, не боится никаких морозов, имеет нужные удобства для больного». Красноярск нравился Митькову: «Здесь мне жить хорошо, только что климат очень суровый, но со всем тем почитается лучшим из всех губернских городов Сибири».

В другом письме он писал: «… У нас зима необыкновенная: в начале ноября 12 (дней) сряду

были порядочные морозы, от 20 до 28 градусов, и с тех пор погода стоит умеренная, какой при мне не бывало: днём редко бывает до 10 градусов, а случается и маленькая оттепель. Для меня это хорошо, я могу пользоваться воздухом, а то бы пришлось сидеть, запершись в комнате: одышка при большом морозе не позволяет мне выходить на воздух. Жаль, что до сих пор снегу нет, должны ездить на колёсах… Я был очень болен, когда получил письмо твоё…»

12 июля 1845 года Митьков писал брату: «У нас нынешний год лето чудное, погода другой месяц постоянно стоит прекрасная, дождей перепадает столько, сколько нужно, чтоб освежить воздух. Урожай, говорят, совсем необыкновенный. Моё наслаждение проводить большую часть дня в моём садике-цветнике… Если бы не мучительная болезнь, я мог бы назвать себя счастливым и довольным тем положением, в котором нахожусь».

По соседству с ним жил декабрист из Южного общества — Василий Давыдов, с которым сложились тёплые отношения. «Властителем дум» называли Василия Львовича жители Красноярска. С ним и его семьёй Митьков был очень близок, о чём он писал брату: «… известно из моих писем, в каких дружеских отношениях я нахожусь с семейством Василия Львовича Давыдова… Я у них как родной… кроме искренней приязни, мы и духовно породнились, одна из дочерей его — моя крестница, премилый ребёнок. Я её очень люблю, и она меня любит, как скоро увидит, что я приехал, кричит: папа, крёстный приехал, и бежит встречать».

В. Л. Давыдов. Рисунок Пушкина. 1821

Часто в доме Давыдовых собирались друзья-декабристы, образованные чиновники, студенты. К услугам гостей был клавесин Александры Ивановны — жены Давыдова, великолепная библиотека. Звучала музыка, читались стихи, ставились театральные инсценировки. Обладая литературным дарованием, Давыдов писал стихи, в которых преобладали политические и гражданские мотивы. Желая дать хорошее образование своим детям, Василий Львович и Александра Ивановна создали домашнюю школу, в которой учились и дети из семей близких друзей. Давыдов вёл переписку с другими декабристами. В его окружение входили чиновник князь Н. А. Костров, ставший видным этнографом и писателем, доктор Лессинг, семья горного инженера и архитектора Ледантю, инженер-изобретатель И. А. Лопатин, сын купца и золотопромышленника Н. В. Латкин, впоследствии автор ряда работ по экономике и природным богатствам, а также другие известные люди.

Проезжающие через Красноярск декабристы навещали Митькова, о чём упоминает в своих «Записках» А. П. Беляев: «Михаил Фотиевич Митьков, прекраснейший и в то же время очень оригинальный человек, жил совершенным философом. Он имел хорошенькую небольшую квартиру, которая содержалась в самой педантической чистоте… Тут буквально нельзя было найти пылинки. У него была большая библиотека. Чтение было его страстью…»

Митьков много читал. В своих письмах к брату он то и дело просил присылать ему книги. От него М. Ф. Митьков получал все московские газеты и журналы. Митьков следил за культурной жизнью Москвы, за новым течением в литературе, в каких книжных лавках продаётся та или иная книга. Брат всегда посылал просимые им книги. «Сделай одолжение, — пишет Митьков, — подпишись для меня на Историю Гос (ударства) Рос (сийского) Н. М. Карамзина».

Митьков первым на Енисее начал метеорологические наблюдения и, несмотря на болезнь, в течение десяти лет ежедневно их вёл. Измерения Митьков проводились по «Руководству к деланию метеорологических наблюдений» петербургского физика Адольфа Купфера, который отправил ему в Красноярск самые совершенные приборы. Он выполнял такой объём наблюдений, какой на современных метеостанциях выполняют три-четыре человека. Сейчас записи Митькова хранятся в Красноярском краеведческом музее.

В Красноярске Митьков при доме разбил сад, завёл парники и огород, о чём писал брату: «Моё

наслаждение проводить большую часть дня в моём садике-цветнике, который занимает пространство до 5 квадратных сажен». Сад Митькова, а также солнечные часы в том же саду, устроенные декабристом Павлом Сергеевичем Бобрищевым-Пушкиным, жившим на поселении (в 1832–1839 годах) в Красноярске, приводили в восхищение жителей близлежащих улиц. В Красноярск декабрист П. С. Бобрищев-Пушкин жил в доме декабриста П. Н. Свистунова и вёл жизнь самую деятельную: врачевал гомеопатией, за что получил прозвище Гомеопат, рисовал, писал басни, перевёл Б. Ласкаля, занимался ремёслами. Отчаянно бедствуя вместе с психически больным братом Николаем, о котором трогательно заботился, он получал в год 114 рублей 28 $^{4}/_{7}$ копейки серебром казённого пособия. По воспоминаниям дочери тобольского прокурора М. Д. Францевой: «Личность Павла Сергеевича Бобрищева-Пушкина была замечательна по его глубоко религиозному чувству; он в полном смысле был христианин и словом, и делом; вся жизнь его была одним выражением любви к ближнему и посвящена была на служение страждущему человечеству…»

Даже будучи тяжелобольным, М. Ф. Митьков неустанно трудился. Лечил его, как он сам писал в письмах, Егор Иванович Бетигер, а известный московский врач Фёдор Иноземцев давал заочные консультации. «Присланное тобою наставление доктора Иноземцева порадовало надеждою, что, может быть, предлагаемое лечение облегчит мои припадки», — писал Митьков своему брату Платону. Болезнь постепенно делала своё разрушительное дело. Об этом Митьков часто писал брату: «Я и так был худ, а теперь еще похудел и ослабел так, что когда несколько посижу за каким-нибудь занятием и вдруг встану, то делается кружение головы… Здоровье моё почти в том же положении, как и было. Лечился много, терпеливо, не позволял себе ни малейшего уклонения от докторского предписания, а пользы было мало. Здесь нет ни одного хорошего медика. Суровость климата также имеет на меня влияние, но делать нечего — в Сибири лучшего не найдёшь…»

23 октября 1849 года Михаил Митьков умер в своём доме. Его похоронили на городском кладбище. На могиле был поставлен памятник-колонна на стилобате, пересечённый рустом, увенчанный урной с крестом. Комитет в составе И. И. Пущина, В. Л. Давыдова и М. И. Спиридонова, получив разрешение генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского, продал дом М. Ф. Митькова и другое имущество, составил ведомость на вырученные деньги и раздал их неимущим декабристам, живущим в различных местах Сибири. Ровно через шесть лет рядом с Митьковым схоронили его бывшего соузника и товарища В. Л. Давыдова.

Эпилог

Когда Михаил Митьков отбывал срок на каторге, его брат Валериан чудил в своём родовом имении; не будучи знакомым с Пушкиным, он его «сильно подставил» перед Николаем I. И если бы не разобрались с одной рукописью поэта, пошёл бы, наверное, Пушкин на каторгу в Сибирь. А дело было так.

Митрополит Серафим (Глаголевский) 28 мая 1828 года пишет статс-секретарю Муравьёву Н. Н.: «Один из дворовых людей отставного штабс-капитана Митькова В. Ф. лично подал ему от дворовых людей Митькова В. Ф. прошение на имя императора о том, что их помещик развращает их, читая им поэму Пушкина „Гавриилиада“, рукопись которой была приложена к указанному прошению». Митрополит пишет: «Поэму сию Митьков, часто прочитывая с приятелями своими, решился потом читать её и людям своим в том намерении, чтобы внушить в них презрение к религии». В письме митрополита есть и такие слова: «Поистине, сам сатана диктовал Пушкину поэму сию! И сия-то мерзостнейшая поэма переходит из рук в руки молодых, благородных юношей. Какого зла не может причинить она, тем паче, что Пушкина выдают нынешние модные писатели за отличного гения, за первоклассного стихотворца?» В конце письма митрополит просит совета у статс-секретаря: «Что мне делать с сим прошением и сею рукописью? Препроводить ли мне их в секретный комитет или куда-либо в другое место?»

После долгих разбирательств со скандальной поэмой, 31 декабря 1828 года на докладную записку статс-секретаря Н. Н. Муравьёва о новых распоряжениях к отысканию автора «Гавриилиады» царь наложил вполне самодержавную резолюцию: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено».

Борис Андюсев

Десятый — пятый — второй…

К пятнадцати часам с бунтом в военном городке было закончено…

Оставшихся в живых согнали к девятнадцатому корпусу — пехотному полковому клубу офицерского собрания. Здесь несколько сотен: стоят группы — сотоварищи, лежат, скорчившись от ран или раскинув руки, многие сидят, обхватив плечи, сжимая головы руками. Тут и там мелькают наскоро перевязанные, одетые в белое исподнее. Алыми пятнами крови украшен многоцветный людской пейзаж. Зелёное, серое, красное, белое — живописная картина, достойная кисти баталиста. Гул толпы; спадающее возбуждение, стоны, ругательства, вскрики раненых. Краешком серой массы низших званий более плотной отдельной группой стоят унтер-офицеры из восставших. К ним из клуба вышел казачий офицер и начал читать нотацию: зачем, мол, восстали против власти?

— Каждый мог быть офицером, как я.

Один из группы унтеров отвечает:

— Мы кровопийцами быть не хочем.

Это взводный-семь Кузнецов, руководитель.

Его тут же с грубыми тычками повели в штаб полка.

Парнишка-солдатик молоденький бьётся в истерике: тонкая шея, не по росту складчатая гимнастёрка. Годов восемнадцать, не более того, не жил ещё толком. Двое постарше рядом, из своих, успокаивают.

Мучает жажда…

— Сейчас напоим! И накормим заодно!

Это уже голоса из поодаль растянутой вокруг редкой цепи казаков и солдат. Нисходящая на нет злобно затухающая перебранка; былая горячка боя; насмешки-подковырки победителей. Впрочем, если бы *другие* победили, картина была бы практически такой же. Штыки — косым частоколом в сторону побеждённых. Десятка полтора офицеров стоят двумя небольшими шеренгами у входа и нагайками «пропускают» по десятку на суд к подполковнику Смирнову. Отдельно, пока «не при делах», офицеры стоят группами «по свойству», средь них прохаживаются в любопытных желаниях юные вольноопределяющиеся.

Отдельно стоят старшие офицеры.

— Если бы не Волегов со своими на левом, до ночи бы не управились.

— Нет, господа, пушкари выручили.

У двух пушек, что на прямую наводку, неспешно трудятся, очищая их от нашлёпок грязи и нагара, молоденькие артиллеристы, похоже, из студентов, под окрики степенных и усатых наставников.

Подбегает прискакавший из города чернявый и скуластый поручик, явно из «гуранов», придерживая бьющую по ноге шашку. Сапоги у него — что тебе зеркало. Не меряли они сегодня длину-протяжённость склона горы под огнём *не своих*, да и не стали бы. На лице хозяина сапог довольное штабное превосходство в смеси с любопытством.

Выделяются формой и неуловимой вольностью казаки. Пару раз к ним подъезжал свой, штаб-офицер казачий, но чин не позволил ему слоняться без должного важного дела.

В многообразии казачьих рангов, чинов и званий стоят в переживании победы группами есаулы, сотники, хорунжие; отдельно нижние чины — подъесаулы, вахмистры, урядники, приказные, «по старине» рядом стоят простые казаки с близкими «зауряд-хорунжими», «зауряд-сотниками», «зауряд-есаулами». У казачьих свой строй — конечно, по «должности-чину», но и в соответствии с положением в службе, заслугами, выслугой лет, с военной и специальной подготовкой. Сближают енисейцев лампасы, околыши фуражек и погоны красного цвета. Впрочем, здесь есть среди них иркутяне и забайкальцы с жёлтыми отличиями в форме.

Тут и там, там и сям пёстрые мундиры, гимнастёрки и даже чекмени казачьи, офицерские, солдатские, разных фасонов и цветов: песчаные, тёмно-зелёные, чёрные, оливковые, серые и тёмно-синие. На головах фуражки, суконные «колчаковки», чёрные папахи с плоским верхом и без донышка, за спиной у многих башлыки. Нижние чины, разделённые промежностью вдоль плаца, составляют всё же большинство; и *свои*, и *другие* — в пожелтевших, побелевших гимнастёрках, в тёмных проплешинах испарин на плечах и спинах. И все они при погонах солдат доблестной армии правителя России.

У православных, кто по ту сторону штыков, и у тех, кто по эту сторону, — добавка к вере всё же коренная, «по политике». По эту сторону единяет всех в верности Верховному происхождение, или выслуженное «благородие», или, ещё с германской, ненависть к «большакам», однако более — прежние присяга, вера и верность Рассее даже без государя.

В одно место сносят кого из городка, кого с поля *своих* убитых на расстеленные шинели и всякие полотнища. Укладывают *этих* в рядочки, укрывая лица от назойливой мухоты. Увезут к ночи в мертвецкую храма Троицкого и на третий день по обычаю христианскому похоронят на кладбище. Пока ждут, когда прибудут за ними подводы. Жара спадает вроде, но мухи понаприлетали со всей округи. Живым и мёртвым от них равно…

Тех, поймавших на лету пули или осколки, лежащих сейчас там и сям по рёлке и вдоль продолговатого склона, стаскивают за руки-ноги на дальний склон оврага в беспорядочные навалища. Стаскивают беспардонно-грубо и сноровисто, без всякой жалости. И бьются *те* солдатики, и обдирают лица свои навсегда молодые о начавшую жухнуть позднеиюльскую траву. Рядом с ними уже начали углублять овраг траншеей какой-то подозрительной длинноты. Отбирают копать из *тех* живых, группами отводят сюда из общей «сборни» за штыками…

Привели до целой роты часок погодя на суд в соседний клуб офицерского собрания артполка, к подполковнику Смирнову. Вышедших после суда офицер и пара солдат десятками отводят ко рву. Все в кровавых отметинах: видно, били их там, внутри, плетьми-кнутами, нагайками и шомполами.

— Стройсь! Первой шеренге — марш на десять сажен.

— Стой, садись, разувайсь, раздевайсь!

Шеренга роты быстро разулась, разделась до исподнего и вновь выстроилась в шеренгу. Команда — шеренга повалилась. Привели вторую шеренгу на то же место, поставили и расстреляли. Затем третью, четвёртую, пятую. И так всю роту первого дня.

Наступил вечер, начинало темнеть.

Первый день расстрела закончился. Эти малость миновали кнутов, нагаек и шомполов до кровавых лоскутьев дней последующие.

Назавтра, с утра, всё те же.

Для кого-то в двадцать шестом корпусе артполка и в девятнадцатом — клубе пехотного офицерского собрания — продолжался суд с расспросами и составлениями списков. Но уже к одиннадцати часам выводили группами с гауптвахты и из ротных казарм — просто арестуют, вывезут, разденут, поставят взвод и уже под дулами винтовок: «Указать большевиков». Вот привели к траншее человек десять уже раздетых. Отвели правее в сторону, поставили, расстреляли. Вот ведут группу: один спорит — его стреляют на дороге, оставляют корчиться в мучениях. Находится «милосердный» поручик. Ствол винтовки, ломая зубы, толкает в рот. Стреляет, рвёт голову бедолаги пулей и выхлопом огневым. В расстройстве грубо выражается и уходит, чтобы очистить сапоги от крови.

На́ тебе, сделал доброе дело.

Ко времени обеда собрали причастных к бунту венгров-мадьяр. В приказ на них вписали как большевиков двадцать четыре человека. С ними «по-свойски» рьяно расправились чехи.

Из казармы привели новую партию солдат. Эти вообще в большинстве из новобранцев; на некоторых ещё «однорядки». Отобрали десяток, провели на суд уже в клуб артполка. И так, за десятком десяток, ещё сотню в этот день отвели ко рву, к команде расстрельной из казаков.

Расстреливали урядники и кричали смене своей:

— Идите сюда, ужо мы устали.

— Заменим.

— Только с Федей дербальнем по одной, веселей будет, — вернёмся…

И сегодня опять среди приговорённых одни плакали, другие крестились, третьи ругались, проклинали. Иные шли и героями, поворачивались грудью, били в себя кулаками, что-то кричали… Сердобольный врач, по уставу для порядку сидевший здесь, уже не мог есть: как выстрел — бросал еду. Покрепче был офицер-квартирмейстер, что ходил второй день с собакой на дальнюю, засыпанную уже часть могилы в промежутках. Когда его собака начинала рыть землю, он в могилу стрелял в усердии кого ещё живого.

Страшные дни торжества расправы над *теми* за свой страх в те пять часов первого дня… Трое суток вылавливали, выявляли в казармах, привозили раненых из округи, расстреливали днями. Пленённые живые копали далее ров могилы и складывали новых убиенных. Раненных ружейным огнём добивали с «берегов» траншеи.

З-з-залп! И падают, словно куль с отрубями, и стекают на землю верёвкой… И падают, раскинув руки вкривь и вкось… и на упавших, и поперёк… И вдоль них падают и с разворотом, и лицом вниз. А кто-то и делает последний бросок вперёд на пару-другую метров пытаясь уйти от пули… И десятки ещё корчатся среди мёртвых… И десятки ещё пытаются ползти на грани жизни, царапая землю… И есть ещё в сознании, видящие рядом мёртвых, раненых, но в сознании, в криках отчаяния, боли и рвотных кровавых хрипах… Кто умирает в муках сам, а другим помогают умереть выстрелами в упор… Пули рвут лица, взрывают ткань гимнастёрки, выворачивают фонтанами кровавые ошмётки из живота, фонтанами яркой крови шейных артерий… Добивают, не щадя никого… Жалость и милосердие ушли на небеса…

здесь лютуют злоба и месть… Здесь бушует поток уходящих душ из жизни за смертную грань…

В третий день, последний, оставшихся в живых выстроили на плацу в одну общую шеренгу. Ярость продолжала бушевать. Из трёх тысяч мятежников до половины живых ещё ждали наказания. Осудили скопом.

Приказано общим решением: сначала расстрелять десятого, затем каждого пятого, далее — «в расход» каждого второго… Останутся кому повезёт, что с тех уже взять, вконец безвольных, — сборной маршевой ротой на фронт.

А днями ранее…

Глубокий тыл. Сибирский губернский город на Енисее.

Гражданская война. Война без истинно праведных и неправедных.

Война как виновных во смертных грехах каиновых, поднявшихся в душегубстве своём аки брат на брата, так и без вины виноватых… Но это там, за Уралом, в Рассее. Вот уже год полыхает огнём фронтов. Здесь, в глубинной Сибири, лишь бегали на просторах огоньки, тлеющие и мерцающие опасными искрами. Режим неугоден многим. Здесь ненависть объединяет не столько «за», сколько «против». Нет, сибиряки стоят на втором году ныне не за власть, что прошлась годом раннее недолгим катком по краю с полномочными и комиссарами, развёрсткой и реквизициями. Когда всем она надоела, быстро её свернули в июне восемнадцатого; из всех уездных окраин вышли на «губернию» и поскидали тогда красные флаги с крыш, позатолкали по кутузкам тех комиссаров. И вернулись к своим дворам, разошлись по селениям и весям. Не до свары и разборок было тогда крестьянам — старожильцам сибирским. Кто хлеб будет ро́стить и убирать?

Но жаждущих до этого хлебушка оказалось много: пошло-поехало, хрен редьки не слаще. Что ни власть новая — всяк стращает. То ближние уже, омские, власти стали ближе к осени прижимать, то правитель адмирал Колчак к зиме объявился. К первой радости, порядка вроде стало больше. Такой и должна вроде бы и быть, строгой и беспрекословной, власть-то, однако. Чтоб не было самоуправства местных с револьверами и трёхлинейками. Но с Колчаком на местах в «глубинке» вышли из губернской воли и управства казачьи атаманы и помогли утвердиться власти Верховного. А кто её кормить-содержать будет? Старожил природный, новожил, что начал обрастать жирком за десяток лет земли и воли, да переселенец «столыпинский». Хотя с этих-то и взять ещё нечего, и в дружины скорее пойдут вместе с казаками помогать власти удержаться, питать фронт против большевиков. Крути-верти — невозможно оказалось Колчаку выжить без тех же развёрсток, реквизиций и мобилизаций.

Возмущались мужики. В лавках нечего брать из барахла носильного, да и попривыкли к гимнастёркам и шинелишкам за время войны с германцами. А тут все стали изымать, отбирать «мущество».

— Армейское казённое сдать всё велено, да по развёрстке хлебной…

Главное, сапоги отбирают! Мол, воинам белоправедной армии не в чем ходить. Но ладно, «мущество», скрипя зубами, отдают мужики. Казённое — оно-то казённое и есть.

— Но пороть-то не следовало бы, господа хорошие! Отродясь на Сибири честь превыше всего. Это из Рассеи живые ещё старики «крепость» помнят с поркой батогами, прутьями да шомполами.

— На Сибири традициё-то иное.

— Не замай свободного старожила.

— С «обчеством» говори да договаривайся. Ужо мы-то сами на мирском согласии порешим, как и сколько платить; власть на то она и есть власть, без своего не останется. Всегда с христьян своё брала и будет брать.

Но гребёт из амбаров да сусеков да бьёт и издевается вечно пьяный «под турахом», «назюзившийся с утречка» свой же, кажись, по уезду соседней станицы, но нутро иное.

Казаки — белые косточки. Не крестьянского роду. Да ещё ездят по деревням разудалые, пьяные да песни с присвистом выводят:

У моей милёнки карие глаза,
С голубым отливом, словно бирюза…

И раньше, бывало, деревня на станицу «рукопашкой» шла за землькой, что казакам вдвое больше прирезали за счёт «обществ» крестьянских. Понятно, что при власти любой будут порядок казаками наводить.

Но всё же. Всё же. Всё же…

Всё можно было выдержать, но тут пошла массовая порка и унижение казаками чести сибирского мужика, да не только казаками, но и «злыми чехами». Те, нехристи, вообще не смотрели: мал, стар, болезен — всё едино. Жгли, насиловали, расстреливали.

И пошёл сибирский мужик в отместку в тайгу — партизанить. Винтовочку из-под крыши завозни и патроны в мешочке из ямки подамбарной, дёрном накрытой, достал и ушёл в балаганы на дальние пашни, на лесные дровяные деляны, по избушкам на охотничьи «ухожья». Не за идею, не за власть «большаков и коммуняков», но за добро своё, честь свою и правду дедовскую.

Так, по принуждению, сыновья многие возраста призывного оказались не по своей воле в армии правителя Верховного. И по всей Сибири, по городам и уездам, раскинулись запасные полки.

Крестьянские парни.

Строевая и уставы.

Марши по окрестным лесам.

В большинстве пехота-матушка.

Как и со старины повелось, армейский порядок. Строгое обращение. Дикости и смертоубийства солдат нет, да и кормят довольно сносно, даже водочку по праздникам дают. Но расцвело прежнее, ушедшее было, разделение сословное. Даже в германскую такого не было. От напыщенных офицериков на каждом шагу сквозь зубы: «Чернь!» Произвол, зуботычины…

«Большаки» тут и там среди солдат шныряют, подначивают, агитируют. Говорят, что Красная армия то ли на Урале, то ли уже Урал перевалила и по Сибири идёт. Говорят, что Колчак только за счёт чехов и броневых поездов и держится. Говорят, что ротами и полками целиком, связав офицеров, переходят сибиряки на сторону красных. Ежели Колчака скинут, то справедливость станет, мужик свободу хозяйствования получит. Ленин обещает всем крестьянам землю и волю.

— Ты, паря, заливашь, поди? Ежель ты рассейский, то Красна армия ваша придёт и зажмёт опять мужика здешнего.

— Да и не нужна нам от Ленина земля-то. Её на Сибири всегда хватало. Захватом скуль надо, столь и пахали.

— Да и воли у нас здесь столько, что с вами, рассейскими, поделимся.

— Ну ладно тебе делить-то: рассейские, сибирские. Ныне все заодно должны быть. Обчий у нас враг-то — Колчак, да казаки, да чехи злые. Побьём их всех и тогда разберёмся, где правда, где кривда. Подниматься надо всем скопом и мужикам деревенским, и вам, солдатам.

— Так-то оно и так, чево уж говорить. Зырь-ка, што из деревни пишут-то. Реквизуют и отбирают всё подчистую.

— А у нас в деревне семерых выпороли. Дык двое-то из них кавалеры, с Георгиями с германской вернулись! Как на Георгиев-то нагайка поднялась?!

— Нехристи и баскаки…

— Вот-вот, я про то же.

— Ещё у нас, сказывали земляки, чуть было село-то наше казаки не сожгли. Мужики завелись яростью, за оглобли похватались, чуть было до крови не дошло. Заступился наш, сельский, с фронта — штабс-капитан. По ранению дома живёт. Отстоял село, в зубы дал есаулу тому казацкому, но не дал сжечь. И ещё объявился, говорят, в тайге с деревенскими нашей волости, с мужиками, отрядом из лапотников, што ли, пермяцкий. Но мужики-то наши старожилые с ним заодно ушли.

Так всё и началось.

Сначала говорили промеж собой.

Спорили и гадали, стоит ли затевать бунт.

Потом сорганизовались во всех трёх полках военного городка.

Выбрали ли, то ли сам организовал всех взводный Кузнецов.

Короткими июльскими ночами по двое-трое солдаты уходили в самоволку с горы в город, в мастерские железнодорожные. Там разговоры откровеннее были. Те работные — не коммуняки ссыльные всякие, свои. Руки в мозолях. Говорят, что гвозди словами забивают. Вместе нужно подняться. Миром скинуть Колчака. И про Рассею эти уже не сами домысливали, а газеты умные читали.

— Во всех ротах подбирайте своих людей. Вместе держитесь до сигнала общего. Ежели скопом будет и неожиданно, то верняк победим.

— Оружия у нас маловато на руках. Заперто по оружейкам. Да и офицеры стали по казармам ночевать с доглядом за нами. Кабы чаво не углядели.

— Не успеют. Скоро уже выступаем. Как сигнал будет, офицеров под арест, замки сбивайте и с оружием на город из Иннокентьевки жмите. Главное, не дать опомниться. Успеть надо за городом на «железке» подмогу ихнюю перехватить. Ждите сигнала. Готовьтесь, товарищ к товарищу, земляк к земляку. Все свои.

Те вынюхивают. Что-то затевается. У *этих* сжатые кулаки. Взгляд исподлобья. Что-то неразборчивое цедят солдатики сквозь зубы.

— По-вто-рить!

— Ваш скродь! Это я ногу натёр, вот и выразился!

Сговаривались терпеть. Но не выдержали.

Выстрел в ночи!

Взводный-семь Кузнецов стрелял. В офицера. Кровь пролилась.

— Р-р-рота, подъё-ём!

Восстание…

К полночи с двадцать девятого на тридцатое июля.

Вторник на среду, двадцать девятое июля 1919 года; день по Пятидесятнице Седмица восьмая, глас шестой. В этот день солдатам был прочитан тропарь об историческом содержании дня:

Яко необоримую стену и источник чудес
Стяжавшие тя рабы Твои,
Богородице пречистая,
Сопротивных ополчения низлагаем.
Тем же молим Тя:
Мир граду Твоему даруй
И душам нашим велию милость…

Всё могло согласно случиться: «Мир даруй… душам нашим велию милость…»

Но идёт самое страшное противостояние, страшнее любой из войн. Гражданская война. Война без истинно праведных и неправедных. Война как виновных во смертных грехах каиновых, поднявшихся в душегубстве своём аки брат на брата, так и без вины виноватых… Выплеснулось воинство тридцать первого и третьего Сибирских запасных стрелковых полков в казармах военного

городка сибирского Красноярска и даровало дням этим смерть. Не потомкам судить… Не судить верно и праведно было и самим солдатам. У каждого своя правда. Правые… Виноватые… С двух сторон в этот день полились потоком вражда, ненависть и кровь по мерилам своей правды. И покатилось с ночи, с раннего утра на три дня вперёд. И не вернуть уже невозвратное. И невозможно уже взводному-семь Кузнецову отменить команду «Рота, подъём!», как было невозможно уже вернуть пулю в патрон в барабане его револьвера.

Покатилось…

В нарастающем ожесточении…

По законам страшного противостояния, согласно законам военного времени гражданской войны, без истинно праведных и неправедных…

Покатились валом аресты офицеров.

Отлетали в стороны сбитые замки с дверей оружеек.

И охватила восставших нервная горячка и недолгая радость победы.

И не таились солдаты.

Весело переговаривались при арестованных.

При ведомых на гауптвахту офицерах окликались по фамилиям.

Громко, не таясь, без скрытности, громко и лично каждому солдату отдавались приказы новых командиров.

— Все свои, полчане, сослуживцы взводные…

Это для большинства *не своих* ротных, полковых офицеров они незнакомы. Но сейчас арестованные «господа офицера» идут под конвоем и запоминают все фамилии-имена солдат тех. Потом отомстят вволю за страх и унижение, за насмешки и за часы в карцерах в неопределённости…

Отомстят за прожитый страх, за свои жизни…

— Топай, топай в карцер, яз-зи тебя в душу, господин штабс-капитан…

— А ты, Шутов, винтовку на взводе держи крепко, ствол не спущай-то…

С полуночи и до утра бурлит восстание, идут аресты офицеров, редкие стычки, отдельные выстрелы. Но спит большей частью военный городок: в казармах четвёртый полк; спит обслуга, гражданские обыватели. Лишь редкие на ночных улицах прохожие. И вряд ли они всполошились из-за мерного шага солдатских сапог и ботинок. И даже из-за команд, окриков и ругательств.

Началось восстание солдат в военном городке в целом стихийно и, казалось вначале «на радостях», было успешным. Должны были выступить вместе с мастерскими железной дороги в городе. Вышло иначе. Измена четвёртого полка, но тридцать первый и две роты третьего поднялись! Кто постарше, те ушли по утрянке к Щетинкину в тайгу с пулемётами, остались более тугодумы, не рисковые. Пулемёты выставили в сторону города. Убили полковника и ещё двоих, зашли в собрание, а там офицеры пьяные: их закололи и постреляли.

Молодняк и рад этому…

— Победа наша!

Но не поднялся город. Где-то нарушилась цепочка связи с рабочими с «железки». Где-то сами виноваты, не нашли общего согласия в дальнейших действиях. Сразу по ночи не пошли на город, не заняли вокзал и не вычистили «губернские» и штабные кабинеты. Не нашли общего согласия с артиллерией и комендантскими, с солдатами-железнодорожниками.

Утром, скорее ближе к обеду, начался бой. Показали, на что способны, и *эти,* и *те*. Бились, где яростно схватываясь на штыках, где отстреливаясь лениво, лёжа в цепочках друг против друга. Ломаная линия по-за городом широким полукругом охватила военный городок, Иннокентьевскую слободу.

И так продолжалось почти весь день.

К пятнадцати часам всё было кончено…

Восстание подавлено верными служивыми Верховного правителя.

Оставшихся в живых согнали на плацу у клуба.

Здесь много-много сотен: стоят, лежат, раскинув руки, сидят, сжимая головы руками, перевязанные, одетые лишь в исподнее.

Перемешались алое, зелёное, серое, красное, белое.

Перемешались возбуждение, стоны, ругательства, вскрики раненых.

И пошла кровавая карусель в те три дня с утра до вечера.

Строй живых, затем ругательства и удары плетей, прикладов в рваные неровные шеренги, суд не суд, но видимость есть, а дальше — группами ко рву под казачьи пули, под залпы…

И по новой: новый строй живых, ругательства, плети, суд, выстрелы и ров.

И новые неровные шеренги, суд, который не суд.

И уже урядники казачьи устают стрелять к третьему дню этой карусели.

И вот он, третий день.

Остатки всех тех трёх тысяч мятежников рано утром осудили скопом. Приказано общим решением: расстрелять десятого, пятого, затем туда же — каждого второго, пока вконец безвольных — сборной ротой на фронт.

И ждут своей участи солдатики, поддерживая слабых и раненых полчан своих, вяло переговариваются, прощаются.

Те, кто в возрасте, мудро смирились в особенности с судьбой.

Молодняк ещё надеется…

— Первый, второй, третий, четвёртый… девятый. *Десятый — выходи!*

— Первый, второй, третий… девятый. *Десятый — выходи!*

— Первый… Девятый. *Десятый — выходи!*

И залп за залпом, команда за командой… Десятые — в расход!

Дали — «вольно». Устали.

Офицерам и казакам «отбой» на отдых…

И вот по новой.

— Стройсь! Р-равняйсь! Смир-рно! В-в-вольно…

Новый строй — и по новой.

Выводят-выхватывают «пятых».

Попутно ходят вдоль строя, окликают фамилии, кого ночью запомнили… Ходят вдоль строя, у взводных сличают фамилии солдат, услышанные ночью. Выводят из строя солдат «офицерской ночи страха». Выводят. Сгоняют к новой порядочно длинной траншее третьего дня… К траншее, в которой пулями уже уложены полторы сотни «десятых»

— Шутов, Есяков, Вшивков… выйти из строя!

— Прощайте!

— О-ого-онь, п-пли!

— Будьте вы прокля…

Крики, ругательства, проклятия.

Это не ярость боя.

Это столкновение ярости победы, мести и бессилия.

— Это ты меня ночью арестовал? — выстрел.

— Что, гад, воззырился? Не признал? Зато я запомнил! — удар шашкой.

Развал кровавый. Пьяное застолье победителей.

Конвульсии тел. Крики, стоны. Объятия и прощания земляков…

Кровь закипела от ужаса. И забегал вдоль строя полковник.

— Господа офицер-ры, прекратить беззаконие!

При этом счёт «пятых» продолжается; это законно; это решение суда…

Продолжается.

— Первый, второй, третий, четвёртый, пятый. *Пятый — выходи!*

— Первый, второй, третий… пятый. *Пятый — выходи!*

— Первый, второй… пятый. *Пятый — выходи!*

Отводят десяток — залп. Команда за командой, залп за залпом.

«Пятые» — в расход!

С дикими от ужаса глазами и дёргающимся от нервного тика плечом стоит среди прочих молоденький, двадцати лет от роду, парнишка по имени Сысой. Он с мая месяца находится в роте по мобилизации и отбытии карантина. Предыдущие две ночи взаперти в чужой казарме провёл он в полуроте с тремя мобилизованными деревенскими земляками. Успели они только на выходе из казармы приобнять Сысоя, попрощаться. Развели их, повели в общий строй разными командами. Даже встать рядом не вышло.

И вывели их, пофамильно окликнутых, из шеренги и повели, озиравшихся, к траншее. Шутов, Есяков, Вшивков уже никогда не вернутся к родным.

Стоит теперь Сысой, как сирота, в строю вместе со всеми, словно во сне, озираясь. За два дня ужаса и две ночи в бреду не может он очнуться от пережитого. В глазах то туманная расплывчатость, то резкая, до боли, ясность. И в этой туманности как-то мимо даже прошёл отсчёт «десятых»: попал в средний промежуток. Стоял себе столбом, а сознание его закрыло от удара понимание происходящего. И вдруг будто удар ужасом и резкое просыпание от борьбы, от толчков в бок: рядом с его плечом упирающегося солдата незнакомого, чернявого, «пятого», буквально выдернули, вытащили из строя.

Тут же проводивший перекличку поручик шагнул к нему.

— Первый!

— Есть! — ответил-выдохнул ему в ответ Сысой.

Офицер дальше, к соседу, — второй; ещё пару шагов — третий; пошёл дальше, считая, вдоль шеренги за новым «пятым». И до конца шеренги двое солдат, что за спиной офицера, вывели ещё два десятка «пятых», отмеченных роковой судьбой.

Закончились, наконец, «пятые».

Успокоились и «мстители» за «ночь страха».

Вновь дали команду «вольно».

Вновь офицерам и казакам «отбой» на отдых…

Устали от «пятых», да и солнце-то уже за полдень выкатилось…

Отдыхают *уработавшиеся.*

Лежат, раскинувшись свободно, сидят группами, прохаживаются.

Кто-то пьёт воду взахлёб. Кто-то освежается от жары, наклонившись, сняв фуражку и китель. И с красивой, широкой, загорелой его спины стекает, сверкая на солнце, водопад. А в сторонке казаки на дерюжине наметали съестное и устроили быстрый перекус… Рядом расслабление, отдых, успокоение от нервной горячки. А в сотне метров — траншея с телами, вдоль которой прохаживаются выделенные казаки. Время от времени вскидывают винтовки и завершают дело. И здесь же, на месте шеренги, беспорядочной лентой раскинулись на траве хорошо поредевшие остатки от «десятых» и «пятых», и поодиночке, и малыми кружочками. Все они здесь с утра, уже в белом исподнем, в рубахах и солдатских кальсонах, дабы сократить возню с раздеваниями прежних двух дней.

Как и в повседневности старых традиций, здесь незримо ходят рядом с теми и другими «старая с косой» и «молодуха с цветущим венком на голове».

Жизнь и смерть. И Судьба незримо парит над ними на крыльях, отмечая «перстом указующим» этого, того, третьего, четвёртого… Смерть и жизнь.

И вот новое построение.

— Стройсь! Р-равняйсь! Смир-рно! В-в-вольно…

Новый строй и начало нового отсчёта тем же поручиком.

Даже без команды, что и как, выводят-выхватывают *каждого второго*.

— Первый — *второй*, первый — *второй*…

— Первый на месте, *второй — на выход*.

Понимать — *в расход*…

И тут паренька осенило наконец, протрезвел словно.

Сделал резко шаг вперёд, взглядом пересчитал быстрее офицера всех солдат, стоявших впереди него в строю. Только сейчас, только в третий раз, с новым счётом, вдруг осознал он суть страшного счёта — «первый-*второй*».

Получалось — *он второй*!

Его сейчас *убьют*!

Этого не должно случиться. Несправедливо это!

Но он же ещё толком не пожил на этом свете!

Побелел. Покачнулся. Едва не упал.

Первый — второй, выходи…

А офицер всё ближе…

Но сейчас он идёт медленнее — прерывисто. Каждые двадцать солдат построения дают шеренгу команды из десятка впереди строя: нужно время на их выход, сопротивление многих, отвод под конвоем ко рву.

И вдруг стоявший рядом, годов тридцати пяти, старослужащий, при погонах, с двумя нашивками из галуна, увидел юнца белее бумаги. Быстро отсчитав, понял, что сейчас случится. Резко хватает Сысоя за плечи и вдёргивает впереди себя, *первым*. Сам теперь стоит по счёту *вторым*.

Стоит спокойно, ожидая своей участи.

Идёт вдоль строя офицер; вот прошёл мимо Сысоя:

— Первый.

Подходит к «спасителю»:

— *Второй — выходи*!

Поручик даже не делает попытки «помочь» выйти из строя — не впервой.

— Прощай, паря, живи за мня! Долго живи!

И пятернёй своей, прощаясь, как тёплым отцовским объятием, по плечам, по шее, голове Сысоя — прогладил…

Ушёл «замыкающим» ко рву спокойно, с достоинством и лёгкой улыбкой.

«Вторых» новыми десятками продолжили сгонять к траншее.

— Прощайте!

— Будьте вы прокляты!

— Прокляты!

— П-пли!

Деревенский парнишка двадцати лет от роду стоит без фуражки: ещё в первую ту ночь где-то впопыхах утерял; в выданных два месяца назад стоптанных сапогах с заплатой на левой голяшке; левый бок в высохших ошмётках глины. Стоит солдатик, по-волчьи вертит головой… Неужели? Заканчивается не сон, но явь… Холод смерти… Всё ещё чудятся винтовки прямо в глаза… Чёрные зрачки их… Не верится…

Последние десятки «вторых». З-з-залп… невдалеке!!

Пронесло!.. Будем жить, Сысой, долго жить!

…Часам к семнадцати всё заканчивается. Семь сотен крепких телом, молодых, красивых лежат навалом в тех двух рвах.. И упокаивается постепенно шевеление тел, спадают предсмертные звуки, затухают зрачки, и рты застывают в криках и стонах… Через час-полтора груда тел немеет и стынет в позах каждого в сугубо своих положениях… Повторов тел нет… Остаётся запах крови, запах выделений и рвотных выплесков, запах кислый, тошнотный, но и будоражащий и бодрящий других, стреляющих и отдающих команды… Вот и сотворена общая земляная домовина в двух рвах для семи сотен расстрелянных и свезённых сюда ранее убитых в бою…

Ров начинали копать и скидывать беспорядочно тела в первый день… Уже на второй день убитых если скидывали, то рядочком, и даже стараясь второй-третий послойно между телами нижних… И уложены новые к исходу третьего дня во рву уже по-христиански — головой на запад, ногами к востоку… Всё-таки как-никак христьяне здесь легли по вере своей…

Часам к семнадцати всё заканчивается.. Эти *устали* от запаха крови. Перекипели. Спадает ярость мести. Накатывает тупое похмелье от содеянного.

Успокаиваются все: подполковник и штабные, поручик и его подчинённые, офицеры, унтер-офицеры и солдаты цепи ограждения, казаки расстрельной команды. Успокаиваются солдаты в шеренге оставшихся в живых…

Осознаннее взгляды.

Спокойнее команды.

Но лица распаренные.

Фуражки набекрень. Глаза навыкате, дёргаются губы. Руки трясутся. Не сразу удаётся стволом в кобуру. Но руки в крови… Кровь стекает с клинков. Кровь обильно разбрызгана по траве. Бесценная жидкость…

Сразу явственнее, различимо, яснее, отчётливее становятся запахи дыма дорогих папирос и простых самокруток, сивухи, запахи дёгтя и ваксы солдатских и офицерских сапог. Но долго ещё в воздухе военного городка не оседают былые запахи: вязкая едкая смесь порохового дыма, крови, животной убоины. По мере захоронения расстрелянных, закидывания траншеи вынутой раннее землёй, создания могильной гряды наступает вечер. Вялость всеобщая — и среди людей, и в августовской природе. К тому же остывающее небо

начинает затягивать серой пеленой приближающейся облачности.

Немудрено. Завтра Ильин день. Как всегда, дождь. Но сейчас он вдвойне нужен — омыть строения военного городка, землю, траву, деревья от следов людского кровавого норова и, хотя бы внешне, вернуть в мир Божью заповедь «не убий», вернуть праведные нравы старины…

И остаются стоять в рваном, неровном строю не более полутора-двух сводных рот двойного комплектования…

Стоят, сидят, лежат в изнеможении упадка сил и былого азарта… Они также отходят сейчас от крови и ненависти… Не верят в своё спасение. Что мимо них прошёл зловещий счёт «десятый — пятый — второй». Против общей судьбы за три дня семи сотен лежащих в земле друзей-товарищей…

Прощайте, други… Простите…

Земля вам пухом…

Проходит в тяготах службы неделя, две. Не юноши, но поседевшие солдаты внешне безвольно смирились. Только глаза уже в осознанной, кровью омытой ненависти из-под бровей к казакам и офицерам. Кровью и *эти* умоются. Ужо если мы будем когда стрелять вас. Будет и на вас кара вдвойне.

Скрежет зубовный безмолвный, огонь в душах. Война идёт гражданская.

Одновременно в душе Сысоя вера укрепилась за эти дни. При любой возможности в храм ходили живущие с благодарными молитвами, благодарственными свечами и подарками.

После чудесного спасения приходило ощущение праведности пред Ним.

— Боже, да святится имя Твое, за жизнь…

А не далее как в середине августа…

Военный трибунал приговорил…

— На фронт всех… Кровью вину свою!!..

— Перед кем вина-то?

— Да будь проклят Антихрист!

— Да будут прокляты навечно казаки и *эти* в золочёных погонах…

— Да чтоб дальше собаке Колчаку служить?

Договорились…

Всё готово…

Ждём…

Наступило время…

— Ты, Сысой, возьмёшь на себя ротного. Ещё тот скотина, зубы крошит солдатские… перчатки у него в полосках бычьей кожи… За всякую мелочь…

— Вот и расквитаюсь с ним. Святое душегубство без убийства души… Нет её у офицеров… Антихрист в них сидит… для него и пули не жаль будет…

— Нет, Сысой, ты не будешь стрелять, не вздумай. Пусть революция осудит. Сдадим трибуналу красных. Для отчёта, для правды нашей отмытой. Вяжи крепко, до синевы. Покорчится, за всё ответ сдержит, получит своё.

— Понял, дружище-старшой в нашей затее.

Ночь…

Удар!

Пинок во вражину.

— Получай. Помнишь, как стрелял в наших? Кляп тебе в рот и верёвка по рукам, да с узлами взатяжку, да ноги бы тебе к шее примотать, но нельзя. Тебе ещё бежать до красных с нами и веры, что мы свои, товарищи красные дорогие наши…

— Успокойся, в-ваш-благородь… не дёргайся, сопи себе в нос… и топай впереди меня до кучи ваших…

Наши все скопом ринулись в радости из траншеи в темноту…

— Погоны долой! Хватит, наносились! Метка колчаковская…

— Товарищи, не стреляйте! Мы свои! Всей ротой переходим к вам!

— Свои мы! И их благородия с нами, захватили с собой…

— И по правде к вам пришли от них, и гляньте — без погон, сорвали…

— Мы теперь сродни с вами!

— Свои мы таперича…

— И глотки им будем рвать…

— В красных мы не за страх, а за месть нашу, за Сибирь нашу!

— Бой за боем, в наступлении, воюем за правду свою, красную…

— За мир, проклятьем заклеймённый, за мир голодных и рабов…

— Праведные мы!!

…Беда пришла в промозглом ноябре. Тиф. Горячка. Санитарный поезд.

…Екатеринбург…

— Эх, Сысой, угораздило же тебя вошью-паразитом свалить с ног…

…Тифозный барак… Живые вперемежку с мёртвыми… Стоны. Всхлипы… Крики… Ругань несусветная… В бреду мама родная стоит, руки протягивает! Широкий в кости Сысой, родом деревенский, похудевший донельзя. парнишка двадцати годов, а по весу-то лет тринадцати, не более… мечется в горячечном бреду… Мамаша, отец, дом, казарма, «второй — десятый», липкий страх, я — не я. Всё вперехлёстку. Чёрные с проседью волосы разметались по подушке… Слюна течёт с края губ… Впалые глазницы… Глаза из щели век проблёскивают искрами… Пальцы худые, скрюченные впиваются в серое, грязное, с бурыми отметинами кровавыми одеяло… И комкают, и тянут на себя в мерзлотной икоте, и тут же скидывают с себя это одеяло в горячке…

Потолок, стены, балки давят на грудь… Воздуха нет… Пот градом…

— Дышать!!

Речь бредовая, очередями пулемётными невпопад…

— Пи-и-ить!!

А из серой с рыжими подтёками стены винтовки казачьи целятся… чёрные зрачки их глаз в глаз…

Почему-то прицепился ротный… так и норовит тростью ткнуть… всё приказывает встать в строй по стойке да по спине, под дых и по коленкам той тростью. И снится изматывающий сон, как стоит Сысой за малую провинность в наказание по стойке «смирно»… За плечами ранец, а в нём пуд кирпичей…

И давят они, и ног не чувствует, дрожат и подгибаются…

Из ниоткуда выныривает тот поручик и опять орёт и бьёт по коленям… «Не сгибай!! Стой прямо!»

А то ещё снится со страхом, что украли у него ещё первый мундир с большими карманами на груди, колом стоящий и натирающий шею и подмышки… Отцу тёлку придётся продать, да срочно в город доставить за утрату казённого имущества… Хорошо, что друзья и уважение появились к этому времени. Нашли на замену не хуже…

И постоянное ощущение от холода стоящей Смерти наискосок от кровати.

Успокоение наступало от долгого глядения в блестящий шар на спинке кровати соседа: приходила дремота, уходила боль, и наступал глубокий сон…

Разве что на пару часов…

И опять…

…*Второй* — пронесло…

…*Пятый* — пронесло…

…*Десятый* — не меня…

И залпы, залпы, залпы…

Удары в уши…

Хлопнет кто дверью палаты — залп из десятка винтовок в упор…

— Сволочи, не возьмёшь!!

…Потом пришло выздоровление и спасение…

И опять сверхсрочнослужащий унтер-офицер в строю подхватывает, как мальца, как курёнка, под мышки и ставит вместо себя первым, а сам — *второй,* идёт под пули. Сколько будет жить, будет Сысой молиться за упокой души того солдата… Незнакомого, но уже пожившего, лет за тридцать пять…

Стойкий парнишка, деревенское упрямство и настырность…

Встаёт Сысой на ноги, выходит на дрожащих ногах с палочкой на прогулку. Но для этого же надо одеться! Вот работа так работа! Ноги путаются в пижамных чембарах, руки не попадают в рукава. То наизнанку, то воротом назад. И в сапоги ноги руками вставлять не легче. И так изо дня в день…

Медленное выздоровление…

Не верится!..

Домой!

Паровоз, вагоны, стук-перестук колёс…

Будем жить, Сысой.

Свою жизнь, за товарищей своих.

Долгая жизнь дарена свыше…

Девяносто восемь лет…

***

— Кхе-кхе-гхак-кхе…

Старик медленно повернулся на бок.

Опять приснилось старое…

Впрочем, он даже был в последние годы рад таким снам…

Просыпается посередь сна, резко, ажно с судорожным ударом в ногах.

С остатками сна даже не в глазах, но, точнее, на белой стене, словно в кино…

Развеялось…

Светлеет за окном…

Правая рука потянулась было к кружке с водой.

К новой фарфоровой кружке, что дочка подарила.

Кружка расписная, золотом искрится в полутьме…

Полусонная золотистая искра попала в глаза…

И не дотянулась рука до кружки и втянулась на перину…

Мягкая она, перина-то, ласковая, ещё с послевоенных лет, когда, до Хрущёва ещё, он держал большое стадо гусей, много кур. Как же без этого пухового добра в деревне? И было в те годы из чего делать-набивать те перины его жене. Матушкой она зовётся уже много лет в этом доме; за переборкой дощатой матушка спит сейчас. И слышится её тихое сопенье, которое время от времени прерывается внимательной тишиной. Привыкла она чутко проверять, как там дед её. Проверила — и опять сопит себе в нос…

Именно новая кружка стала старика ввергать в утренний сон…

Словно гипноз нападёт — и рука не дотягивается… Это опять воспоминание из той юности, когда мобилизовали его в колчаковскую армию, но доброе, мягкое. Мобилизовали силком, но отец благословил на эту службу. Повелось так, как по обычаю. И сам под Гатчиной в лейб-гвардии; вспоминал, как приходилось там постоянно, год от году похвальнее.

По весне прибыли крестьянские парни в «губернию».

По весне во все времена легче начинать службу воинскую.

Легче не легче, но приятнее по теплу привыкать к службе.

Красноярск не фронт, но тяжко пришлось. Готовили молодое пополнение по полной. Гоняли «молодняк» по всем позициям те, кто прошёл германскую войну, кто прошёл восемнадцатый

год на Волге и в Пермском крае. Таких, бывалых, как-то выделяло «божеское» отношение к солдату; нет, не по службе — здесь требования были очень жёсткие. Но в свободное время…

И приглянулся Сысой такому прапорщику добрейшей души. Стал тот приглашать иногда к себе в каморку с тыльной стороны штаба. Каморка та была небольшая: кровать под казённым одеялом, всегда идеально заправленная, стол с родительской скатертью у окна, печурка, а на ней пара чугунков и чайник. Но были здесь и две гордости прапора.

Первая — небольшая полка для книг. Столько книг в жизни не видел: десятка два, да в переплётах. Испив чаю, офицер даже читал деревенскому юноше небольшие рассказы.

Во-вторых, поставец — перевозимый с собой шкафчик с дверцей для столовой посуды из родительского дома. Маленький, но тарелочки и кружки для чая там стояли плотной памятью о довоенном детстве, юности и родителях. И кружки домашние те были почти такие, как сейчас у старика, с позолотой и вязью в мелкий цветочек.

И пили они тогда чай, и расспрашивал прапорщик о деревне, о хозяйстве, о тех-других ремёслах, о семье их старожилой Минусинской Сибири, об обычаях и правилах деревенских. А был он родом из «рассейских», и занимало его всё. Душа изливала внимание и доброе расположение к Сысою.

Это не было дружбой: какая может быть она между офицером и солдатом?.. Но недолгое приятное обоим общение. Недолгое. Через пару месяцев прапорщика отправили на передовую, а вскоре прошёл слух, что убили того в оренбургской степи… И осталось в сознании Сысоя яркое, до слёз тёплое ощущение красивой, звонкой, прозрачной кружки в ладонях «с позолотой и вязью в мелкий цветочек». Хотя прапорщик называл её чашкой, деревенскому парню было это странно слышать: кружка — это кружка, а чашка-то — совсем иное и для иного на столе…

Подарила же на старости дочка на радость и грусть почти такую же фарфоровую кружку. И стоит она на стуле у кровати; и стала частью уклада теперь. И как теперича без неё; как прежде без будильника на комоде, что будил ранёшенько по утрам?.. Да-а.

— Хм, чашка, кружка, чашка…

Старик улыбнулся сквозь погружение уже в светлый, приятный сон.

Каждое утро кружка эта пробуждает воспоминания. И убрать бы её в шкаф к остальным кружкам-сестрёнкам, но стала помощницей старику, словно даёт команду защитную уходить от кровавых снов…

Проходит полчаса, час.

Светает за окнами.

И вновь старик в пробужденье медленно поворачивается на бок. Правой рукой вновь тянется к той кружке с водой на широком табурете у кровати, берёт её охватом и, приподняв голову, отпивает глоток-другой.

Рука обратно возвращается на цветное лоскутное одеяло. Больше не спится…

Проходит ещё два часа…

Мысли, мысли, мысли…

Уже и матушка заглянула, справилась о здоровье, о задумках на день: надо бы пройтись по ограде, строениям всем, дрова в бане в печь уложить с растопкой — чиркнуть спичкой только. Всё же суббота завтра — банный день. Воды из колодца набрать во всё банное… Да есть и ещё какая ни есть работа по мелочи: калитку в огород надо бы проволокой на угол стянуть, чтобы по земле не бороздила. Так утро давно уже начинается с поиска работы на день.

Давно уже уяснил истину: жизнь — для работы, а работа — для жизни.

Ушла бабуля вроде на часок, но тут всё непредсказуемо. Скоро восемь часов: продуктовый откроется. Вот дед мысленно и отслеживает: хозяйка, должно быть, уже стоит в очереди. Не встанешь вовремя, дык и без хлебушка можно на сутки остаться. Угораздило же какого-то умника закрыть на селе пекарню. Пока хлеб-то сейчас на полста вёрст довезут.

— А раньше со всего району за нашим хлебушком попутно заезжали.

Сказано это было то ли в мыслях, то ли вслух — не понял… Давно уже перестал замечать за собой… Хотя уже должны и подвезти… Матушка, поди, скоро и вернётся. Стол накроет, сядем завтракать ближе к обеду… А куда сейчас спешить?

Запершило в горле. Время курить…

Опираясь на полусогнутую левую руку, старик медленно приподнялся, правой сдвинул одеяло в сторону. Вот опущена с кровати одна нога, вот другая. Вот и сел прямо. На старике исподнее: кальсоны и рубаха, частью заправленная, частью легла низом на бедро… Старенькое всё, но чистое; себя уважает… Да-а-а-а… Сейчас бы по тревоге за секунды, пока спичка горит в пальцах, не подскочил!

Ложится обратно на цветастое лоскутное одеяло.

«Московское время четыре часа. Передаём последние известия…»

Прислушался было к новостям, но как-то вроде одно и то же… Напрягся от голоса Михаила Сергеевича. Тоже особенный. Много их прошло в жизни старика. Как бы ни старался «Никитка», старик по-прежнему в мыслях своих, не в разговорах с кем — упаси, почитает Вождя… И портрет его из старого журнала висит рядом с зеркалом. На картонке приклеили, на кнопках. Когда матушка белит стены, старик снимает — и вновь

на четыре кнопки. Леонид Ильич для него был как продолжение Вождя, который обещанную тем жизнь наконец на волю выпустил. Сам жил, другим давал. Не давил: народ жить стал по своему усмотрению, спокойно, без дёрганий. Время, казалось, растянулось надолго-надолго. Когда умер, старик даже всплакнул: ушёл родной, как дальний заботливый родственник. А сейчас с утра радио утомляет своей пустой болтовнёй. Слова вроде правильные, как сейчас вот. Прислушался: «В своём выступлении Михаил Сергеевич предложил отказался от тезиса о необходимости преодоления застойного состояния общества и придания его развитию ускорения…»

Старик даже резко вздохнул булькающим выдохом, поперхнулся.

«Это что, выходит, два года кажный день только и слышать про перестройку и ускорение, и тут нам говорит, что курс надо править?»

«Михаил Сергеевич заявил о том, что необходимость перемен связана с опасностью нарастания кризисных явлений в обществе. Главными причинами этих явлений Михаил Сергеевич назвал сложившийся в предшествующую эпоху внутри советской системы механизм торможения».

«Вот те на! Доускорялись до торможения… Теперь будем с этим воевать…»

Старик даже смехом залился. Хозяин весь из себя хитромудрый, в словах болтается. Посмотри-ка, это же надо — себя и высечь. Наговорил — не повторить: «Из этого сделаны два принципиальных вывода: о необходимости кадрового обновления всех этажей власти и слома механизма торможения путём демократизации общества и реформирования политической системы…»

«О-ох, всё одно и потому. Опять что-то будут ломать… И до нас край волны дойдёт скоро. К чему придём? Совхоз бы сохранить. Без него кто дрова, сено людям привезёт, огороды вспашет по весне? Всё же налажено, люди работают, вот и заработки наладились. И это у Горбача торможением стало?»

Старик поднялся и выкрутил ручку радио.

Хотя немного погоды включил: как-то пусто стало в доме без голоса оттуда, но уже не прислушивается.

Пусть себе бормочет.

«Вот и восемь с лишком часов по нашему набежало. Продуктовый открылся. Хозяйка стоит, должно быть, в очереди… Очередь. Как без неё? Дык и без хлеба остаться можно».

Опять запершило в горле. Время курить.

Опираясь на полусогнутую левую руку, старик медленно приподнялся, сел. Правой сдвинул одеяло в сторону. Вот опущена с кровати одна нога, другая. Всё. Сел путём, нагнувшись, нашарил валенки. Обулся в два приёма.

«Вот и, кажись, сегодня без старухи всё сделал. Полегчало. Примета складывается, кажись. Сегодня, глядишь, на улку выйду, пройдусь, за воротами на лавке посижу…»

Для него теперь «на улицу» — громко сказано будет. На завалинку разве что. «Но на лавочку-то за воротами надо непременно», — дал себе команду.

Радио как говорило, так и продолжает свою работу: «На ирано-иракском фронте существенных изменений не произошло. Прошлой ночью иранские самолёты…»

«И что это имя неймётся? Что делят в этих песках? Ишь, семь лет, говорят, воюют. Народу-то почём зря столько гробится… э-э-эх. Всё же о мире заговорили. Скоро, поди, и сговорятся…»

Текут мысли…

Между всем этим старик привстал, потянулся к изголовью кровати, достал со стола четвертушку газеты. Оторвав положенный кусочек, мелко-мелко перебирая пальцами, придал бумажке нужную форму. Кисет под подушкой. Достал. Изжелта с синевой пальцами полез в кисет, загрёб хорошую щепоть самосада. Своего, с огорода.

Свернуть самокрутку сразу не удаётся. Рассыпал табак на газетку.

Благо уже учён, на коленях её давеча развернул.

— Яз-з-зви её!

Это было уже сказано вслух и метко по случаю…

Всё сначала. Скручивает повторно. Через пару минут — дымит.

Старик благородно красив. Седые белые волосы редкими прядями спадают на высокий лоб. Из-под мохнатых бровей стреляет цепкий взгляд выцветших, но зорких для его возраста глаз. Удивительно, но читает газеты старик всё ещё без очков. Нос тонкий, с небольшой горбинкой. Серовато-жёлтого цвета усы и борода с крупинками рассыпавшейся махорки на лёгких волнах. Вот он, портрет человека той зрелой поры, когда позади не только запоздалый румянец с бани сентябрьской осенней поры, но и слёзно-струйные морщины октября. Здесь портрет позднего ноября. Стылый утренний налёт то ли снежной, то ли белёсости пока ещё инея без снега. Даже мысли старика уже слабо шелестят страницами по номерам. Уже не по порядку, но всё более случайными порывами неровного дыхания. Властвуют сейчас в теле морозные декабрьские позывы расслабления, да такие, что старик часто стал ощущать окоченения в пальцах рук-ног. Да так ясно оно движется вверх, что внезапный страх смертного окоченения встряхивает его тело и оживляет… Это уже частое воскрешение волной доходит до лёгких и даёт иной, булькающий кашель. Тот, что идёт к сердцу и шевелит кровь…

Вот и пальцы стали теплеть. Ожил. Оживают и думы.

«Ужель дожил я почти до девяностых годов? На днях исполнилось восемьдесят девять».

И сам ещё считает, мысленно в голове откладывает, да и дети напоминают: то телеграмму отправят, то вызовут на телефон. Благо почта напротив, загодя сообщают, что вызов на переговоры пришёл. Только телефонный разговор как-то всё больше выходит ни о чём: как по кругу про здоровье, да про погоду, да про обещания наведать летом. Не в обиде старик, недалеко они живут, «в районе» и в селе, что рядом. И ладно, что по три бывает гостевания, дел невпроворот. Это раньше сезонам и работали, и отдыхали: полгода труда сутками, полгода гостей и гулянок зимами. Сейчас все они при рабочем дне и должности. Будь добр с утра и до вечера на работе.

И опять…

«Ужель живу почти на десятом десятке? И ходится ещё, и по мелочам держу сам домохозяйство при собаке и кошке без иной живности».

В голове сколь уже годов всё более как от Бога мысль: живу я долго за друзей своих, убиенных казаками…

«Э-эх, Коля Вшивков, да ещё Николай Есяков… Так и звали их по-разному: бесшабашный, юркий, белёсый Коля и серьёзный, медлительный, чернявый Николай. С малых лет так именовались. Э-эх, порубленные ваши головушки… И вам бы было сейчас годов по столько же».

Старик затягивается самокруткой. Время от времени левой пятернёй, точно лопатой, сгребает клубы дыма в сторону от себя. Так же и кашель тут резкий, выбивающий тот же дым из «нутра» как поршнем. Подумал про кашель этот «поршнем» и сам себе усмехнулся: «Такие слова отец и знать даже не знал. А может, и узнал уже. Всё же в Гатчине под Питером служил. Техника там уже была…»

Да-а-а-а-а-а… сколько же всего прошло и идёт за жизнь на глазах старика…

«В „малых“ рос с лошадью, телегой, плугом… Да ещё, сколько помнится, была лампа трёхлинейная на столе, на керосине. А уже за шестьдесят когда стало лет — и космонавты стали своими…»

Такая вот короткая долгая жизнь.

Вновь закашлялся…

«Что-то чаще и дольше кашель-то… Ужель курево надо забросить?»

Затянулся. Выдохнул. Отгрёб дым.

Жёлтые, прокуренные пальцы с нанизанными на них бесформенными утолщениями суставов, с полушариями чашечек ногтей разлаписто сидят на истончённых худобой кистях рук. Кожа кистей также желтовато-синюшная; вздутия вен, что раньше змеились хребтами, стали спадать и дрябнуть. Но в руках, в развороте плеч, в широких костях тела чувствуется ещё былая сила.

Всего-то годов четыре-пять назад держали в хозяйстве корову и старик сам накашивал на неё сено. Один, литовкой-девяткой. На своём покосе, на острове напротив села. Всё бы ничего, но в ощущениях старика река год от года становилась шире и быстротечнее. И сил для него требовалось больше, чтобы добраться. Надо было сначала на лодке-дощанике подняться подальше вверх на шесту, потом, загребая веслом, выйти к берегу острова. Раннее утро. Рассвет только начинал заниматься на востоке, а старик уже косил, сушил сено, ставил стожки небольшие на стожарах для продуха и верной просушки. Потом по зиме, с декабря, на лошади вывозил по льду в ограду; здесь и намётывал стог, раскладывал под крыши. И про запас на осень надо было думать, чтобы дождаться крепкого льда на реке…

Всё это было в общей круговерти сельского труда. А покос сейчас зарастает сосняком-березняком. Нет на него охотников. Всё больше машиной привыкли. Соберутся артелью друзьями или роднёй, поставят за день по два-три зарода. И вершить-то зароды разучились по-путнему. Скинут зимой пару-другую шапок с макушки со снегом. Сена много, не жаль. По весне остаётся цельный стог, и втридорога есть что продать.

А иному и до стайки, до коровы поднести сено лень. Огородит зарод за навесами в огороде жердями и выпускает скотину туда. Что съедят, что потопчут, загадят. Сено-то дурное, легко достаётся; если бы своими руками да с литовочкой — глядишь, к сену по-хозяйски относились бы.

Всё чаще обращается к «старикам из детства-юности»: «Эх, встали бы из земли, ох и попало бы внукам-правнукам за все их беспутства. Слава Богу, у многих нынешних осталась истинная жилка крестьянская… Ещё можно пересчитать многих и многих, чей двор крепок, где каждая вещь, инвентарь знает своё место, где каждый гвоздь ли, щепка ли идёт в дело. А те, кто без совести потерянной? На покос такие идут ради застолья вечернего после работы; благо — водка без меры. К чему придём?»

Старика опять «понесло», как доча выражается.

Рассуждая в думах о нынешнем коловращении жизни, старик всё же видит и истинных праведных сельчан. Кто совесть села́, на ком всё держится. Более такие те, кто не успел по возрасту на ту Великую войну и с малых лет держал с женщинами на себе тыл. Они совесть земли. А те, кто постарше был, не вернулись, полегли. Но корни совестливые не погибли. Прирастают молодыми с головой и руками.

Крестьяне!

Только не теребить бы их сверху «перестройками», «ускорениями» да по мелочам от «умников» районных да достойно платить за труд…

Мечтаниями так всю жизнь.

«За жизнь светлую боролись…»

Вот так или почти так изо дня в день роятся в голове старика мысли о старом и настоящем,

о правде жизни. Но некому высказать, по душам поговорить. Давно уже никто не спрашивает совета, а сказать есть что.

Как те старики говорили: «Тяму-то с годами через край выливается, подходи, горстями черпай…»

А сам разве пойдёшь выше, у кого права и возможности есть, с советами-то?

«Стоп, сводка погоды по радио».

Радио-то говорит себе самому как бы между прочим, не уставая, с утра до вечера. Иногда притягивает к себе. Как сейчас: «Сводка погоды». Привык, что знать будет, что будет сегодня-завтра, вёдро или дождик. Вроде уже не крестьянствует, но всё ещё жизненно.

Старик настроился, внимательно прослушав сводку, хмыкнул: три дня наперёд, сказали, дождя не будет. Кому надо, вырвут люди сено у погоды.

«До Ильи и под кусточком сохнет, а после и на кусту гниёт, и коси, коса, пока роса; роса долой — коса домой», — ещё отец его и дед говаривали…

Докурил. Встал, прошёл к окну, глянул на черёмушник и забор соседский, вернулся на кровать. А мысли — дальше…

«Слава Богу, кажись, взаправду полегчало… Надо будет к вечеру на табаке пасынки обломить. Самый рост сейчас. Цвет набирает. Иначе сок не впрок».

При этом чудятся старику тяжёлый маслянисто-дурманящий запах, желтизна цветочных кистей, хруст пасынков, ядовито-приторная клейкость на пальцах. Последнее в ощущении так явственно, что даже пальцами растёр невидимый табачный сок.

«А в каком это годе-то пришлось сено в сентябре косить? Дважды кошенное сено летом сгнивало. То зальёт, то подсушит. Сволгнуло всё сено, что не сгнило в валках, то сгорело в копнах. Да-а… А после ведь в сентябре такая погода установилась невиданная, что до самого дня Покрова теплынь простояла… Накосились сена из сушины да отавы».

В каком же году это было?

Пытается старик вспомнить и не может…

Да ладно… было так было. Тяжелее пришлось, когда в начале сентября пошёл дождь со снегом и картошку в этой каше ледяной пришлось копать… Тоже год не припомнит…

Всё, пора вставать, как до́лжно. Вышел в переднюю часть избы, что кухней зовётся. Сначала к рукомойнику в закутке. Присел на лавку у окна. Здесь оно выходит на проезжую часть улицы. Сквозь листья акации в садике видна почта. Люди стоят, подходят, уходят. Всё идёт чередом утрешним. Глянул туда-сюда. Рядом на лавке горкой одежда к утру: матушка приготовила, как всегда. Старик тут, на лавке, и оделся: брюки, рубаха, сверху душегрея, носки, пусть и лето, плотные, тапки домашние.

К зеркалу. Надо же хотя бы пятернёй пройтись по голове и бороде. Расправил, причесал. Сел к столу в переднем углу на другую угловую лавку. Глянул вверх, с Николой Угодником переглянулся. Что-то сегодня нет настроя на крест троекратный. Мысленно извинился: «Да приидет Царствие Твое… Аминь…»

Усердия к молитвам как-то по жизни не было у старика; у матушки, наоборот, без молитвы ни дело не делается, ни день не строится с пробуждения до сна. Старик же считает, что общаться в мыслях, житейских просьбах, в благодарствиях — оно-то угоднее Ему. Девять десятков данной ему жизни доказали, что живёт он в единении с Ним. Под защитой и с Ангелом за спиной.

Сложил троеперстие, поднял, малое крестное знамение сотворил… Теперь и чай с печи можно налить. Кружка тут другая, большая (называет её сиротской в насмешку…), какого-то металла, ещё с войны, из Германии привёз. Хранится уж сколько — износу нет. Только темнеет она, патиной натягивается. Чистая, споласкивается сразу, но темнеет. Старухе не терпится её содой отшоркать, но дед запрещает. Новое — оно и есть новое, а тут чем старше, тем роднее; вместе с этой кружкой столько времени в солидном виде. Есть где-то в буфете вилка оттуда же, серебряная, тоже потемневшая. Но она как-то в ящике без пользы живёт себе, просто как память…

И медали сейчас как память уже, но это совсем с другой войны, не с той, гражданской, с Великой войны. За образами они в малом полотенчике завёрнуты вместе с документами да благодарностями от Верховного… Медали — не кружка-ложка, святость заслужили, чистятся мелом к Маю.

Сидит он, потягивает чай с шаньгами с чашки зелёной поливной на столе, на скатерти, да прикрытой краем рушника расшитого.

А за окном своя жизнь, уже размеренная.

Утренняя активность спадает.

В деревне первое-то утро началась раненько для тех, кто коровку держит ещё.

С бульканья звонкого по подойникам попарно-па́рных струек молока.

Но первее первого утра, ещё до того затемно, доярок совхозных Женька соседский на своём «автобуске» увозит на дойку на выпасах. Для домашней скотины первое утро заканчивается попозже, когда вытягивается с подворий в проходящее стадо. С каждой улицы — в своё стадо. В заключение везде отшумели крики женщин, шлепки бичей пастухов. Да и здесь уже давно разучились щёлкать с оттягом, ленивые шлепки только.

Второе утро — для совхозных рабочих. Старик сегодня не вышел, пропустил и проходящих по утрянке мужиков к совхозной конторе на разнарядку. А при колхозе раньше в конюховку-то

собирались утром на часок, может, раньше, чем сейчас. Успеют, что нужно за день сделать. Дни-то сейчас долгие, да на технике-то вмиг в полях будешь. Это тебе не по два часа на телеге трястись.

Промчалась утренняя суета: вот и третье утро идёт по селу. Утро магазина, хлеба, почты, сельсовета. Голосистые доярки уже вернулись с утренней дойки. Техника на полях. В мастерских работа.

Выходит по правде, что старик уже не участник, а свидетель жизни. Хотя и по привычке просыпается он с петухами, с зарёй, встаёт, ложится, опять встаёт, дня ждёт. Ждёт, словно новый день принесёт с собой что-то новое, необычное, поманит, втянет в себя важным делом. Увы, новый день тоже, видно, постарел вместе со стариком. Что было вчера, будет и за-поза утре, будет и по-на той неделе. Старик давно уже постиг суть вечного тока жизни и своё в ней назначенье. Спокойно живёт и ждёт…

«Никак Ивана внук на рыбалку подался. Кажись, он. Кузнечков, поди, с вечера наловил. Мало́й ещё, но рыбак неплохой растёт. Глядишь, белячков-то на ужин натаскает, а может, что и покрупнее».

Острое чувство светлой зависти шевельнулось у сердца. Сколько себя помнит, старик любил рыбалку, с увлечением и необходимостью. Иначе какое тут разнообразие летом на столе? Зелень только. А у них рыба не переводилась разная. Где сам сбегает и до, и после работы, чаще самоловы или вентерь поставит в укромном месте. И родню всегда одаривал рыбой.

А потом — уже в колхозе. Неделями на пашне жили. Питание скудное. Уйдёт, бывало, поблизости в ночь к реке с товарищем, наловят что. Глядишь, и сытнее работается. Да и на трудодни по первости мало что получали. Вот и спасала рыба. Да тайга ещё по-доброму. А работали в те годы зарывно! Весело и без оглядки! Стога ставили: десять человек на конных волокушах летают, а старик один успевал за всеми наверх намётывать. Да не просто кидать, а укладывать с переворотом рядочками ровными. На пенсии уже больше для баловства продолжал рыбачить; вот тут точно для души.

«А вот трое закадычных друзей подалече соседских с тележкой к переулку прошли. Одеты для леса. И сумка при них, и топорище выглядывает. Точно, пошли веники на всех готовить берёзовые. Навяжут. Вернутся к вечеру с уложенной и обвязанной горой зелёных, банных. Так и во всём сейчас: летом день год кормит. А здесь день работы год будет парить все три семьи. Молодцы, ребятишки, правильными растут… А это Санька промчался вот на мотоцикле… Не по делу, а просто с сеновала слез и… и по газам, как сейчас выражаются. Не угомонится он никак. Давно уже и учиться вроде закончил, а всё без работы. Хм-м… Саньку, мол, армия выправит, воспитает. Нет уж, если кривой с детства, то не так-то просто „горбатого“ выправить. Ишь, только и гоняет туда-сюда пыль по улицам. Как помнится, с детства хулиганистый. К вечеру опять пьяненький будет рисоваться. А мать-то труженица, каких мало… Вот и почта открывается. Девять на ходиках. Женщины давненько притянулись. Явно не наши. Городские, видно. Много их на лето наезжает. Сколько молодыми их разъехалось, а всё тянет обратно, хотя бы на недельку. Корни-то местные. Марья разве наша. Подошла с посылкой опять. Опять своему беспутному Витьку́ отправит. Третий раз уже посадили. Когда жить начнёт? Может, он уже в нашей-то жизни на воле разучился?»

Старик вздрогнул от такой догадки.

Может, там только Витёк и жизнью живёт понятной и для него свободной. Накормят, оденут-обуют, работой по силам займут, спать уложат. И голова не болит, как себя обустроить. У начальства разве что о нём забота.

«Да-а-а… Так и есть. Дались ему те доски у конторы? Только вернулся из тех мест, неделю-другую с родителями встретился. Среди бела дня те доски казённые на лошади к своему забору и перевёз. На кой? Точно, специально сделал эту пакость. Для себя. Так и увезли Витька́ по новой в начале лета. На третий срок…»

Опять курит…

Смахивает слезу, выжатую кашлем, дымом и жалостью к Витьку́.

А какой же он с малых добрейшая душа! Как пробыл недолго дома, все соседи успели на нём «проехаться»: как ни день, забор кому починит, крышу перекроет, кому гравий к воротам привёз, засыпал сток дождевой. Но что-то без азарта, невесело работал, всё, видимо, думал, как вернуться «к себе», к таким же, не могущим жить в мире этом. Да-а-а.

Успокаивается…

День уже в полном расцвете.

Солнце искоса акацию расцветило под окном. В избе посветлело. Матушка точно к обеду придёт. Опять с магазина зашла к кому. Да ладно, скучно ей и тоже тяжко в этом повторенье. Она же всё-таки помоложе на пятнадцать годов будет. Сошлись они уже в годах, после войны. У неё муж первый, гармонист, где-то в лагере немецком сгинул. Старик тоже не войне из письма узнал, что жена, венчанная ещё с ним в церкви, померла зимой от простуды. Вот тогда она, матушка для него будущая, с дитём малым сама, взяла двоих стариковых по-соседски к себе и дождалась уже как законная жена по увольнении со службы на втором году после войны. И было им тогда годов сорок семь и тридцать два, но как-то вышло, что местных детей уже не народилось.

Так троих детишек как общих своих и вырастили, внуков дождались.

Потеплело как-то у старика на сердце. Всё же правильно с матушкой они тогда без оглядки сошлись, детей вырастили, ни разу серьёзно не ругаясь, прожили. Оба сроднились ведь по судьбе…

Глаза невольно обратились к раме с десятком фотографий под стеклом между окон. Светло стало, что и ясно можно всех разглядеть. Впрочем, старик всё и так помнит, кто и как, с кем, в чём и по поводу какому на фотографиях. Лишь три довоенные, с прежних семей. Одну только фотографию, которая «от Колчака», чекисты приезжие ещё в тридцать первом году забрали в край в обмен на книжку красногвардейца с красными корками. Потом была Великая война, и всё с гражданской оказалось забыто. От второй войны осталось малопонятное групповое взводное фото, на которой тогда ещё бравый старшина Сысой Николаевич со своими ребятами.

Есть ещё и пара снимков нынешней семьи с ребятишками, есть в колхозе на сушилке. Вот и последние, уже на пенсии. На одном старик с мужиками в зимних одеждах у клуба стоят. А другое фото — особенное. На пенсии был, за шестьдесят, но ещё работал посильно. Вспомнил, как его снимал Володька-киномеханик на рабочем месте, на пароме. Видно, что погрузили машину, народ сел, отчалили от берега, пошёл паром по натянутому тросу через реку на тот берег. Тут Володька его и сфотографировал. С канатом в руках. Только готовился сбросить на берег.

А смех-то памятный с этим снимком дальше был по ходу. Старик хмыкнул, затем рассмеялся полукашлем с выдохами. А было так.

Паром ходил от берега к берегу под скалой по туго натянутому тросу железному. Попеременке перекладывались большие дощатые рули сзади с бортов. Вот вода и двигала паром. А тогда, только Володька свернул аппарат в чехол, трос-то возьми и лопни на трети пути, на быстрине течения. Ну и понесло их, с машиной, с людьми на палубе парома. И ограждения есть, и лодки большие под ним разведены широко, но качнуло туда, обратно, крутануло резко. Это сейчас смешно, но тогда неуправляемый паром понесло вниз по течению. Хорошо, там ниже остров начинается. Косу песчаную по весне намыло. Вот на неё и вынесло. Пришлось на ходу крепко вёслами подгребать, чтобы наискосок хотя бы, не бортами лодок; вообще бы лодки те раздавило, набок бы завалились всей платформой парома. Но выгребли, в общем, удачно. Сила у старика была ещё и сноровка.

«А Володька-то хорошим был механиком. Кино крутил справно. И весёлым был человеком. Всё шутил. „Кино, — говорил, — сегодня про волков…“ Или: „Сегодня подводная лодка в степях Украины будет…“ Но более помнят люди его по фотографиям, что в каждом доме в альбомах и на стене висят. Каждого на селе, считай, на память заснял. Которых давно уже нет, как и самого киномеханика. Как-то умер нежданно он совсем молодым. Болел, правда, сильно временами. Простыл в мальцах сильно, в ногах осталось, всё хромал. Как отца-то на фронте убили, почти без дров замерзали одну зиму с матерью Анной. Слегла она от переживаний. Люди и спасали их. Механиком кино стал. Дело знал. Таких в работе сейчас мало. Говорили люди, лучшим по своей специальности в крае признавался. Добрую память оставил о себе Андреевич, сын Митрофаныча…»

Задремал. А мысли текут, путаются, переплетаются…

«Красивая до невозможности была в молодости Люба, соседка. Привёз её с войны Иван — старшина геройский. А родитель его, тоже Иван Иванович, и на порог не пускал. Из староверов они были. Но покорила их Люба-медичка, смягчила сердца. Приняли. А она их на руках выхаживала и, можно сказать, на тот свет на руках снесла… Все на моих глазах прошли… И сколько было таких судеб… И сколько же судеб друзей моих не состоялось… Что-то матушка моя припозднилась. Неужели я на неё напраслину про гостевание у кого наговариваю? Неужели хлеб не привезли? Долго же… И сколько же дён-то до пенсии нам осталось дожить? Деньги-то есть, но детям бы отправить по сколько-то, радости прибавить им…»

Старик прилёг, задремал из лёгкого дрёма в долгий сон.

И ушёл он вновь в юность, к ровесникам, друзьям своим. Пришёл к ним, к молодым, весёлым, говорливым. Только что-то в последнее время перестаёт старик их понимать, о чём они говорят. Но говорят же, смеются. Да всё по-доброму, обращаются к Сысою по-свойски… И он их там узнаёт. Всех. Правда, проснётся и лежит, вспоминает, а как же того, другого, третьего звали. Во сне ведь с ними здоровкается по имени… И себя старик как со стороны видит — парнишкой молодым, двадцати лет от роду, в гимнастёрке, на ярком крутояре над рекой почему-то. И даль, и высь безбрежные перед ним, над ним тянутся. Да ярким светом всё залито. И глаза слепит. И стоят все они, молодые ребята, на берегу. И говорят — не наговорятся… Только бы вспомнить ему поутру, о чём говорили. И узнать бы ему, как звали того солдата старослужащего, в возрасте, сверхсрочного рядом, что спас его от смерти, переставив вместо себя первым, а сам ушёл под пулю вторым…

А мысли всё ещё с ним остаются из сна в явь. И, размышляя, вспоминая то потрясение дней юности, старик всё больше видит в мелочах, как жизнь брала верх над смертью на грани смерти и жизни. Как человечное сохранялось.

И всё больше старику приходит в малых деталях тот третий день. Особенно видит он в мудром

осмыслении завершения жизни, что к концу третьего дня вспомнили даже палачи, что людей хоронят. Вспомнили, как до́лжно хоронить человека по обычаю.

Вспоминает сейчас старик в полусне, как принесли казаки какие-то полотна, холсты, накрывают сверху, а уж затем закидывают землёй до длинного, протяжного ряда могильного холма… Явственно вспоминает сейчас старик поступки человечные: кто копал и укладывал убитых, кто сейчас засыпает, многие по горсти земли бросают — вместе служили-дружили, пуд соли съели. По вере так положено… Горсть земли в могилу… Главное, офицеры не пресекают, отворачиваются.

Понимают и сами уже, обмякнув в душе, молитвы сотворяют: «Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на Небеси, и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть Царствие и сила и слава во веки. Аминь».

Укротил фронт, укротили и те, и другие в том гражданском противостоянии, укротил военный городок в далёком тылу от фронта ярость и безумие своё. Успокоились мало-помалу, когда и *те*, и *другие* осознали, что нет единой правды на земле, есть правда веры в мою правду, которую надо уважать. Белые-красные лишь цветили свою веру православную в смыслах ненависти в этом российском стоянии за свою правду. Цветили белым и красным цветами по своей совести и своему оправданию пролития крови…

И в этом стоянии была и есть высшая связующая ценность — Россия.

И сон пришёл. И ребята ушли, растаяли в дымке…

А на прощанье: «Живи долго, Сысой, живи за нас!»

Антология одного стихотворения

Анатолий Галкин
Дивногорск, Красноярский край

● ● ●

Капель обучается Морзе.
С утра: та - та - та, та - та - та.
Стучит: «Подойдёт ли мимозе
Сибирской весны теплота?»

И вдруг из-под снега ль, из лужи
Промёрзшей земли шепоток:
«Подснежник не хуже, не хуже,
Подснежник красивый цветок».

Почудилось, или я спятил,
Услышав природную речь?
И сердце стучит, словно дятел,
Старается предостеречь:

«Тук-тук» – без тире и без точек.
Настойчиво, «чёрт подери»:
«Букетик, хотя бы цветочек,
Но свой отыщи, подари!»

Рассеянно, без интереса,
Под елью, у старой сосны,
На тёмных проталинах леса
Ищу я посланцев весны.

По снегу бреду неуклюже.
И словно забытый урок:
«Подснежник не хуже, не хуже!» —
Над ухом твердит ветерок.

Иван Малов

Темою встреч-расставаний

Бегущей строкой

В ночь увозя пассажирский покой
И свет оконных мельканий,
Двигался поезд бегущей строкой
Темою встреч-расставаний.
Двигался по расписанию в ночь
Точь-в-точь, точь-в-точь…

* * *

В ночь уходящий мужчина
Смотрит на спящего сына.

Медлит ступить на порог
Всех невозвратных дорог.

Не провожает жена.
Сонно-угрюма она.

«Лучше не будет!» — сказала.
Вышел. На поезд. К вокзалу.

Горечи замкнутый круг:
«Лучше не будет!»

…А вдруг?..

* * *

Помнит сын: отец уходит
Из семьи, из детских лет.
Словно на войну уходит,
С болью мать глядит вослед.

Не вернулся… В целом мире
Нет прощения вины.
Помнит дочь: она в квартире
Испугалась тишины.

Семья

«Не спорить! Ссоры — не игрушки», —
Дитя в кроватке в полусне —
Судья — посредством погремушки
Их призывает к тишине —
Мать и отца вблизи развода…

Уличный разговор со знакомым

— Куда идёшь?
— Не знаю…
— Хм! — руку жму. — Привет!
— Да вот… жене мешаю.
— И детям?!
— Детям — нет.
Они обоих любят.
Студенты — сын и дочь. —
Эх, трудно тут помочь.
Бог весть, что дальше будет.

Он продолжил:
— Скажу я тебе,
Не от пьяного зелья не мил. —
О своей неуютной судьбе
Говорил, говорил, говорил.
И умолк — взволновали слова.
Переполнен напастью такой,
Боль сердечную выдохнул: — А-а! —
И махнул безнадёжно рукой.

Печальный краткий разговор

— Как живёшь, землячка Валя?
В мужа, помню, влюблена.
— Мужа пьяницы украли… —
И заплакала она.

Просьба

Он решил: «Уйду — и точка».
Дни идут. И нелегко
Для отца расстаться с дочкой.
Не с женой расстаться — с дочкой —
И уехать далеко.

Уходя, в семейной теме
Он запомнил на всю жизнь
Просьбу: «Папа! В дневнике мне
Распишись…»

* * *

Отец на свидание к сыну,
Волнуясь, в квартиру войдёт.
Игрушку подарит — машину.
Обнимет. И книжку возьмёт.

Вслух сказку о зле о проклятом
Читает, а время летит.
Ребёнок, родители рядом
Сидят, и добро победит.

Но странно:
Не радует взрослых
Про Настеньку сказки конец.
Вздохнёт невесёлый отец,
Угрюмая мать отвернётся.
Сынишка — родимый птенец, —
Отца обнимая, смеётся…

Выше омута обид

Выше омута обид
Поднимусь и выстою.
Птицей радость прилетит,
Ласточкою быстрою.

Обниму, прижмусь к плечу
Головой повинною:
Я разлуки не хочу
С грусть-тоской полынною.

Маятник

Виноваты сами,
Что в семейной стыни
Сеял зло меж нами
Маятник гордыни.
Осознали, чтоб
Для гордыни — стоп.

Июнь луговой

Синеву просвечивает летом
В кронах леса влажная листва.
В луговой июнь спешат с рассветом
Земляки — там с ягодой трава,

И цветов пестрящие ладошки
Пчёл влекут нектаром — вот он, мёд!
И клубника волглая в лукошке
Над травой, как по волнам, плывёт.

Явью, сказкой на приволье звонком
Над рекою видится заря:
От воды дубы идут пригорком,
Словно тридцать три богатыря.

Синеву просвечивает летом
В кронах леса влажная листва.
Земляки в луга спешат с рассветом:
Там ещё не скошена трава.

Велосипедисты детства

Вслед за солнышком вставали,
Мчались в луговой озон.
Под ногами — две педали,
Как ступени в горизонт.

Спиц мельканье, радость, гонка,
Шин узорные следы.
Мой звонок, над нами звонко
Пели птицы с высоты.

Ты звенел: июнь чудесен.
Нас манили, уводя,
Километры птичьих песен,
Сельских далей и дождя.

Я дождя начало слышал
На крыльце. О, так легки
Первых капелек по крыше
Голубиные шаги!..

* * *

Поглядел на левое запястье —
И часы ответили: «Пора».
Отдохнул. Спасибо вам за счастье
Здесь побыть, степные клевера́!

Вам спасибо, летние тропинки,
К лесу выводившие меня.
Слышу я, как шепчутся травинки
В зное остывающего дня.

Этот лес, июнь, речные воды,
Звуки предвечерние от них —
Плоть и голос радостной природы
От дождей желанно-проливных.

Голубиные шаги

На крыльце я дождь услышал —
Были поутру легки
Первых капелек по крыше
Голубиные шаги.

Окропив цветы у дома,
Летний дождик всё сильней
Шёл и — хлынул после грома
В самый раз в округе всей.

Чудной он сменил погодой
Сушь июльскою порой.
Был восславлен, словно одой,
Свежей радостью людской…

Я дождя начало слышал!
Были поутру легки
Первых капелек по крыше
Голубиные шаги.

Алексей Шихалёв

Красный Ключ

Октябрь

Октябрь переехал в мой дом над рекой,
Раскинул осеннюю грусть.
Стихи шелестит пожелтевшей листвой
И ветром поёт наизусть.

Октябрь переехал и в дымке речной,
На склоне холодного дня,
Туман собирая в рукав дождевой,
Настойчиво манит меня.

Он эхом заплачет в окрестных лесах,
На ветках сосны вековой:
«Пойдём погоняем задумчивых птах!
Сыграем, Алёшка, с тобой!»

Мой мир

Земля проталиной чернела.
Лес оживал от тишины.
Везде в природе было дело,
Как будто не было войны.

Как будто не было раскатов,
Ревущих мин, снарядных трасс,
Как будто живы те ребята,
Что нет в отряде среди нас.

Опять распаханы дороги,
День застилает сизый дым,
И внемлют каменные боги
Безумным сыновьям своим.

Среди ручьёв капели звонкой,
Среди оттаявших равнин
Горит мой мир лучинкой тонкой,
И я сгораю вместе с ним.

Фонарь

Я шёл с собой наедине
При свете фонарей.
Был тусклым свет,
И лишь один
Сиял чуть-чуть бодрей.

Я поравнялся с фонарём
И в дымке заводской
Услышал осторожный скрип
И тихое:
«Постой.

Я вижу тысячи людей,
Спешащих по утрам.
Светить для них тоскливо мне
Среди огней реклам.

Никто не пишет писем мне,
Не скажет мне: „Привет“.
А я в ответ дарю вдвойне
Свой бирюзовый свет.

Вот двое рядом на скамье
Влюблённых городских
Взирают блики дальних звёзд,
И я свечу для них.

Сейчас погасну.
Будет тьма.
Опомнятся тогда,
Что старый уличный фонарь
Важнее, чем звезда».

Сибирская весна

Скачет, скачет белый мячик,
Гонит прочь седую мглу.
Солнце лучиком мастачит
Разноцветную юлу.

Скачет, скачет, выбивает
Из заснеженных полей
Капли ветреные стаей
В фиолетовый ручей.

Суетливо греет тайно,
Серебрит,
Бежит вперёд,
Разгоняет снег хрустальный
По окраинам болот.

Припустил,
Летит, как птица.
Зяблик. Иволга. Орлан.
На крылах его искрится
Бирюзовый океан.

Льды тяжёлые ломая,
Ускоряя новый день,
Солнце журавлиной стаей
Возвращается в Тюмень.

Больница

Я помню сельскую больницу,
Резных дверей её овал,
Где терапевт — знакомый рыцарь —
Над рецептурой колдовал.

Я помню, недопитый кофе
Стоял на тумбочке твоей.
А в коридорах кто-то охал,
Что жизнь становится больней,

Что не находятся лекарства
В аптечке старой у поста,
Что где-то есть иные царства,
Где жизнь прекрасна и проста.

Врачи — болезням властелины.
В больницах царствует уют,
А пациенты-побратимы
Им славу вечную поют.

Здесь, на окраине станицы,
Весна вошла в вечерний сад.
А терапевт — усталый рыцарь —
Дежурил третий день подряд.

Красный Ключ

День за окошками мается,
Топчет свою колею.
Я, как законченный пьяница,
Жизнь допиваю свою.

Мне бы уехать отседова,
Бросить постылый уют,
В логово доброе дедово,
Где по старинке живут.

Мне бы в сарае поленницу,
В ней озорные дрова,
Чтобы Большую Медведицу
В зимнюю ночь согревать.

Кошку, собаку весёлую,
Пару гусей под окном,
Жизнь православную новую,
Жить христианским трудом.

Месяц, другой,
Дело к осени.
Дождь.
Поредел косогор.
Скоро декабрьские проседи
Сядут на старый забор.

Что-то не видно Алёши нам.
Кстати, а где он вообще?
Ходит.
Счастливый, взъерошенный.
С Господом.
В Красном Ключе.

Деревня

Ах, деревня, родная деревня,
Мир отцовский бревенчатый древний,
Покосились заборы твои.

Зарастают поля понемногу,
И — хвалу деревенскому Богу —
На рассвете поют соловьи.

Ах, деревня, родная деревня,
Временами привидится в ней мне
Между ёлок мерцающий путь.

Мчимся с горки на саночках с братцем
От февральских снегов отряхаться
И на тёплых полатях уснуть.

Иван Щитов

Весна в селе

Любимый край

Любимый край, прошу, не умирай!
Не умирайте, ветхие деревни…
Как дикий зверь от огнестрельных ран,
От рук людей — духовного отребья,

Что разделили загодя трофей
И без стыда освоили добычу.
Горланил зверь, сопротивлялся зверь…
Но доверял овечьему обличью.

Живи в веках, хоть в памяти живи,
Забытый край — заброшенные избы.
Таёжный храм на каторжной крови —
Последнее прибежище Отчизны.

Тебя распнут… как некогда Христа,
Не чувствуя народной катастрофы.
В гнилых столбах — подобиях креста
Крестьянский путь на Русскую Голгофу.

Лишь век свой человеческий живя,
Любя, как мать, свою родную землю,
Как хорошо, что не увижу я
Последних дней затравленной деревни.

* * *

Век мой «каменный»… «дремучий»…
Я за то тебя люблю,
Что среди сердец беззвучных
Сам с собою говорю.

Не от мира этот говор,
Не от века этот глас,
Не для разума, в котором
Божий свет давно погас.

В автобусе

Жизнь моя — сплошная скука:
Бренный труд… бетонный кров…
Я не видел остров Кука
И Карибских островов,

Не катался по Аляске
На собаках ездовых
И не выдохся от пляски
На мадридских мостовых,

Озорную бразильянку
Не затаскивал в кровать…
На работу спозаранку
Так не хочется вставать,

Ждать обшарпанный автобус,
Что, колёсами пыля,
Крутит их, как грязный глобус,
По орбите бытия.

В запотевшее оконце
В полумраке не видны
Ни египетское солнце,
Ни индийские слоны,

Ни цветов предгорных стебли,
Ни вершины Пиреней…
Словно я не трогал Землю,
Будто и не жил на ней.

Робкий сон — мой верный компас
Серой будничной поры.
Крутит старенький автобус
Заржавевшие миры.

Стареют женщины

Стареют женщины… стареют…
Девчонки, девушки твои,
С кем юность — сказочная фея —
Свершала таинства любви,

С кем до утра тебе хотелось
Бродить в осколках темноты
И, отыскав задор и смелость,
Душой напиться красоты.

Чего нам сплетни, пересуды?
Ворчанью мира грош цена…
Стареют гордые сосуды
Для драгоценного вина.

И в каждой встреченной морщине
Я вижу — чувствую внутри —
Укор любимому мужчине
За окончание любви.

Послать бы эту старость к чёрту…
И кануть вновь в мечтаний дым,
В глазах приветливых девчонок
Оставшись вечно молодым…

Воспоминания не греют
И не зовут уж так назад…
Стареют женщины… стареют…
А нам им нечего сказать.

Священный зов

Умчался день мальчишкой конопатым —
Домой его никак не заволочь.
Рябиновые ягоды заката
Вороной чёрной склёвывает ночь.

Как будто бы согбенные старушки,
Глядя слепыми окнами на лес,
К земле прижались ветхие избушки,
Придавленные маревом небес.

Тайга угрюма, сумрачна и сонна.
Благую тишь не вычерпать ведром.
Свинцовой шали звёздные узоры
Утюжит в речке маленький паром…

И не унять душевную истому,
Священный зов таинственной земли.
И глохнет мир, чтоб слышать эхо грома
За сотни вёрст от родины вдали.

Кочевая

Ни о чём не жалей…
Красота — как цыганское золото.
Лишь проверишь его
И поймёшь, что желал не того…
Нет таких лошадей,
На которых догнать можно молодость,
На которых легко
Ускакать от себя самого.

Как лиха и быстра
Жизнь земная —
Цыганочка вольная.
Сбросит юбку с ноги,
За собой заурядно маня…
Нет такого костра,
Что согрел бы
Весь мир обездоленный.
Нет туманов таких,
Чтобы спрятать всю скорбь бытия.

Кочевая душа,
Для чего тебе бредить погонями?
Нет дороги такой,
Где бы ты не прошла босиком…
Только годы спешат
К водопою сокрытыми ко́нями
И несут за собой
Пыльный шлейф одиноких стихов.

Весна в селе

Весна в селе… Распаханы поля.
Янтарный плуг прошёл по ним лучами.
Взлетает к небу рыхлая земля
Испуганными чёрными грачами.

Весёлый май преображает лес.
Душа тайги в истоме обновления.
И первый гром срывается с небес,
Как с уст лобзаний первые стремления.

Повсюду жизнь… Благая суета,
И нежится томительное солнце
На маковке церковной и крестах,
Заглядывая в редкие оконца.

Пожаром белым на ветру горят
Черёмухи протянутые руки.
И верится, что нет ни сентября,
Ни осени, ни смерти, ни разлуки.

Анисья Искоростинская

В мире чувств

Врастаю

Чувствуешь, я врастаю
В голос твой и в улыбку?
Ещё чуть-чуть, и растаю
В любовном мареве зыбком.

На стук твоего сердца
Сердцем своим отзываюсь.
Мне бы обнять тебя крепко,
Но я с тобой вечно прощаюсь.

А всё расстоянье — метры,
Да трудно к тебе прижаться,
Словно ревнивцы-ветры
Тебя не дают касаться.

Укором маячит прошлое,
Томит и не исчезает,
И всё, что случилось хорошего,
Тускнеет, линяет, тает…

Беспутный ветер

Осенний ветер заприметил двух:
Берёзку в золоте и жаркую осинку.
Он в страстном танце закружил подруг,
Сорвал одежды,
Бросил на тропинку.

Увидев жалких веток наготу,
Вертелся возле них ещё немного,
Стремясь поднять опавшую листву,
Что безрассудно кинул на дорогу.

Кружились листья, на ветру шурша,
На ветки возвращаться не хотели,
И ветер, неуёмная душа,
Помчался в бор, где сосны зеленели.

Месяц воспоминаний

Каждый год свой след оставил,
Не щадя и не шутя…
В мире чувств, где нету правил,
Я — лишь глупое дитя…

Память бьёт воспоминаньем:
Боль в глазах твоих стоит, —
В мире чувств, где нету правил,
Через годы жизнь казнит.

Но… весною окрылённость
Нас подводит вновь и вновь:
Мы короткую влюблённость
Принимаем за любовь.

Кружат голову закаты,
И в руке лежит рука,
Сердце катится куда-то,
Как по камешкам река…

Раскалённою стрелою
Промелькнул июльский жар,
И прохладною рукою
Август сердце придержал…

……………………………

Волны-годы отплескались,
Размывая берега,
Только сны о них остались,
Где вот так — в руке рука…

Снова август тронул сердце,
Новым золотом даря, —
В память вновь открылась дверца,
А за нею — ты и я…

● ● ●

…И всё же пришла пора
Сердцу спокойно биться:
Хотела тебя любить,
Да не смогла влюбиться.

Одной в пустоте мне жить…
Сердце смятенной птицей
Тоскует: хотела любить,
Но не смогла влюбиться.

Смотрю я в твои глаза:
В них тёплого чувства сила…
Как правду тебе сказать —
Тому, кого приручила?

● ● ●

Не знали ни печали, ни тоски…
Прибрежный воздух, напоённый влагой,
Через речушку зыбкие мостки,
На гальки пестроте — мальки ватагой.

Запруда на излучине речной
Напор воды едва-едва держала,
И солнце над парящею землёй
Простое наше детство согревало.

Клубничный косогор — бесплатный дар
Нам, босоногим, не познавшим неги.
И радостно катиться было нам
По бездорожью в дедовой телеге.

А в доме чуть не с дюжиной окон
Привычные герани полыхали,
На стенах, в рамках, жили те, о ком
Мы, ребятня, совсем немного знали…

Пришло — ушло… Но сладкий детства зов
До нас доходит из далёкой дали —
Из трепетных, сумбурных, ярких снов…
Мы взрослые. Об этом все мечтали…

● ● ●

Я верю: до рожденья своего,
До появленья голоса и тела
Желала я от жизни одного —
Я на земле вот этой жить хотела.
Люблю я свет берёзовых лесов,
Мне чистота ключей ночами снится
И песни птиц на сотни голосов —
В них родины заветная частица.

И если мне когда-нибудь потом
Позволит Небо в чём-то воплотиться:
Берёзой стать, ручьём или цветком, —
В Сибири я хотела бы родиться…

В полях костры весенние жарков,
Волненье нивы на исходе лета
И белизна рождественских снегов —
Всё это милой родины приметы.
Лугов июльских пряный аромат
И щедрость наших ягодных угодий
Как будто манят: «Оглянись назад!
Мы ждём тебя, мы здесь, мы не уходим!»
И если через тысячи веков
Мне суждено хоть в чём-то воплотиться:
Стать нивой, ягодой или костром жарков, —
В Сибири я хотела бы родиться.

Твердят, что у Вселенной края нет,
А значит, где-то есть миры иные,
Но если родилась я на Земле,
То здесь мой дом, места мои родные.
Есть у людей любимые края,
О них немало песен было спето.
Моя любовь — сибирская земля,
Она как неразменная монета.
И если через много-много лет
Мне суждено хоть в чём-то воплотиться —
Земли милее и желанней нет —
В Сибири я хотела бы родиться.

Екатерина Громова

Выход к людям

● ● ●

Каждый выход к людям — что к голодным тиграм,
Боязно остаться вне твоей души.
Если мне придётся слиться с этим миром,
Я согласна только в северной глуши.

И, привыкнув к небу, к всполохам зарницы,
Научусь дождями я поить траву.
Или стану серой, неприметной птицей
И в её обличье горе проживу.

Пусть тропа лесная след мой позабудет,
Голос растворится в шорохе ветвей…
Словно в лапы тиграм — каждый выход в люди,
Каждое мгновенье вне души твоей.

● ● ●

В морозном небе серебрится
Луны прозрачный лепесток.
Зима с достоинством царицы
Плывёт в наш сонный городок.
Парят снежинки над рябиной,
Ноябрьский ветер слаб и тих.
Иду по улицам пустынным,
И волшебство струится в них.
Темно отныне ранним утром,
Но отражённый снегом свет
Сгоняет тьму, и в перламутре
Берёзы светятся в ответ.
Завял, погиб сорняк тревоги —
Его укутал белый шум…
По вытканной Зимой дороге,
Сквозь сказку я к тебе спешу.

● ● ●

Везёт мне — я с миром играть буду вечно,
Ведь вечность как космос, а космос — мой дом.
Грешна — ну а кто в наши дни безупречен?
Зато я уже и в Сейчас, и в Потом.

Умела — и нынче умею, наверно,
Ошибки свои выдавать за судьбу…
Считавшая счастье — и счастьем, и скверной —
Такой, что нет-нет да прикусишь губу.

Но слово гуляет по снам и страницам,
За слово влюблялись, ругали порой.
Судьба моя — вечно кому-нибудь сниться,
А значит, я буду всё время живой.

● ● ●

Выйду ночью однажды к подъезду я,
чтобы звёзды собрать опавшие,
ни одной из них не побрезгую —
ни одной, ни одной пострадавшею.
Я верну их обратно — мне всё равно,
что загаданное не сбудется,
если небо из света соткано,
то весь мир — непроглядная улица.
К покалеченным звёздам лучики
пришивать буду нитью белою,
чтобы им на Земле не мучиться —
я живыми их снова сделаю.
Пусть, вернувшись, они потрудятся
за живых попросить, за будущих,
за планету — огромную улицу
пилигримов, маршруты спутавших.

● ● ●

Я звёзды читаю взамен новостей —
Понятный и близкий космический слог
Не жжётся углями горячих статей,
Не топит ручьями из точек и слов.

Я смыслы и тайны храню на руках,
Созвездья на коже своей отразив,
По ним узнаю я себя в зеркалах
В иных оболочках, в обличьях других.

Я звёзды читаю в попытке найти
Дорогу в далёкий пустующий дом,
Увидеть намёк, очертанье, пунктир,
Увидеть, куда возвращаться потом.

Но закольцевалась однажды строка,
И точки нача́ла по разным углам
Швырнула провиденья злого рука,
С тех пор я себя всё ищу по мирам…

* * *

Не возьмёшь меня за руку больше,
Не коснёшься лица и волос…
Утекает песком из пригоршни
Тишина недомолвок и слёз.
Остаётся бесчинствовать память,
Наши тайны в себе схоронив.
Я глазам разрешу чуть поплакать,
Безразличье своё заглушив.

Вытру слёзы, к подруге поеду,
У неё есть вино и коты.
Но разрушу молчаньем беседу,
Так как в сердце по-прежнему ты.
Как оно велико, но нелепо —
Не умеет любовь отторгать.
Вместо снега мне видится пепел,
Из него бы другою восстать —

Принимающей счастье свободы
Как подарок на день именин.
Не бросающей душу и годы
На холодные руки мужчин,
Не погасшей от ливня эмоций,
Ощутившей последний предел…
Белый космос над городом вьётся,
Но простить он меня не сумел.

* * *

Новые крылья — подарок минувшей зимы —
не волочи, а расправь и к Луне подними,
чтобы она бересклетовым цветом зажглась,
чтобы все знали, зачем ты сюда родилась.
И хоронить не пристало тебе птичью суть.
Чёрным пером ты способна как сердце проткнуть,
так и писать — по-людски и по-птичьи страдать.
Женщина. Птица. Ты, строк многодетная мать,
боль утопила в болоте, а в памятник ей —
вырос багульник, расцвёл увядавший кипрей.
Крылья свои не испачкай болотной водой,
чтобы Луна не погасла над новой тобой.

* * *

Время счастья без права на мокрый платок
Мною принято в дар от Вселенной.
Это время — исток, это время — итог.
Это то, что едино и ценно.
Не растратить его бы на мелочный быт,
Все мгновенья, как дым, пропуская,
Я замечу, как в небе красиво летит
Голубиная лёгкая стая,
И услышу, как тихо в кроватках сопят
Наши дети, во сне улыбаясь.
Если б что-то хотелось прожить мне опять —
Только время, где всё начиналось.

Дачное

Рассматривать узоры на ковре,
Взлетая в сон под песенку кошачью,
Не ведать о дедлайнах и хандре,
Впадать в июнь у бабушки на даче.

И босиком помчаться во всю прыть
На нашу кухню сдобным ранним утром.
Доев оладьи, ящериц ловить.
Тогда простое было самым мудрым.

Залезть в песок, сокровище найти,
Пускай им был угрюмый серый камень.
Сходить на речку, ну а по пути
Нарвать люпинов бабушке и маме.

На берегу соседской детворе
Сказать про то, что видели мы зайца,
И увидать в закатном янтаре
Драконов, фей и с ними попрощаться.

Мои драконы машут мне хвостом,
Играют зайцы меж цветов у речки.
…На том конце — ждёт бабушка, а дом
Пустует и грустит по-человечьи.

* * *

Робкие бабочки — листья медовые —
Крыльями гладят холодный гранит.
Солнце иконой висит в изголовии
Тусклого озера, слабо блестит.

Лился по сердцу нектар созерцания
Осени, песней на выдохе став.
Берег напротив овеян сиянием,
Здесь — только звон погибающих трав.

Кажется в эту погодную смуту мне —
Сквозь облака различим Божий глаз…
Небо предвестием снега укутано,
Будто бы спрятано Богом от нас.

* * *

Я и радуюсь этой весною,
И люблю… но от мира таю,
Как внутри проступает тоскою
То, что предали мы забытью.

Ностальгия, а может, иное
Шевельнётся порою во мне.
Да и ветер за стенами воет
По загубленной нами весне.

Горы снега, растаяв, не сгинут —
Обернутся бессмертной водой.
Не печалься, что мной ты покинут, —
Лучше радуйся вместе со мной.

Владислав Ходасевич

Мне хочется сойти с ума…

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идёт безрукий в синема.

Мне лиру ангел подаёт,
Мне мир прозрачен, как стекло,
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошённым рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идёт по улице домой.

Ремянный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венетийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

«Pardon, monsieur, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять, —

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте пёрышко одно:
Пускай снежинкой упадёт
На грудь спалённую оно».

Стоит безрукий предо мной,
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

Людмила Кеосьян

Придурок

(Глава из повести «Полигон»)

Дёмин ехал на работу под впечатлением прекрасного сна, увиденного им под утро. Перед глазами всё ещё стоял сад, цветущий, благоухающий; над головой — чистое, без единого облачка, голубое небо. И живая мама с полным ведром чистой родниковой воды. Она смотрела на него с присущей ей той особенной улыбкой, с какой смотрит мать на только что рождённое дитя и от которой так и хочется положить свою уже поседевшую голову ей на грудь и почувствовать себя защищённым от всех бед и несчастий. Дёмин кинулся к ней, перехватил вёдра, с тревогой бросив взгляд на натруженные её руки с выпуклыми синими жилками. «Пойдём, сынок, я твоих любимых пирожков напекла на завтрак». — «С грибами?» — «И с грибами, родной, тоже». Они вошли в дом. И тут этот ненавистный звонок будильника ровно в пять тридцать, прервавший этот чудный сон.

А в семь утра он, прораб участка по ремонту и монтажу электролизёров, уже был на своём полигоне, весь в заботах и планах на сегодняшний день. Через час на участке закипела жизнь: трактор К-700, этот незаменимый на производстве труженик, привёз катодный кожух в ремонт; заскрипели козловые краны, засверкала сварка.

— А где Иванов? — подойдя к бригаде газорезчиков, спросил прораб у бригадира.

— Понятия не имею. Заболел, видно, наш придурок.

— Слушай, хватит! Какой он вам придурок? Сколько лет одно и то же!

Обойдя все бригады, удостоверившись, что всё идёт как и запланировано, пошёл в свой вагончик. Взглянул на часы: десять с четвертью. Давно должен быть на работе Алексей. «Надо позвонить жене, может, случилось что», — решил Дёмин. Набрал номер домашнего телефона Ивановых.

— Алле?

Михаил сразу понял, что Муза явно навеселе. «С утра», — с неприязнью к этой женщине щёлкнуло в голове.

— А где Алексей, Муза? Его на работе нет. Не заболел?

— Так дома он. В ванной, — и со смешком в голосе, — от говна отмывается.

— Муза, алло, Муза… — но в трубке уже послышались короткие гудки.

Ничего не понял Дёмин. Что случилось? Но ведь что-то действительно произошло с нашим приду… тьфу, чёрт, — Ивановым. Раздражённый, вышел из вагончика.

Алексей появился через час, запыхавшийся, взъерошенный — видно, очень спешил. И сразу — в прорабскую, к Дёмину.

— Извините, Михаил Яковлевич, я… это… опоздал сегодня, — газорезчик никогда не отличался красноречием, из-за чего над ним часто подтрунивали ребята.

— Ладно, Лёша, успокойся. Иди работай. Напарник уже заждался тебя. Потом объяснишь, что у тебя случилось. Извини, я ухожу, что-то в цехе АВЧ не ладится у нас.

В обеденный перерыв Алексей зашёл к Дёмину в вагончик и сразу, без предисловий, начал рассказывать, что произошло с ним в этот день.

— Ну, вышел я из дому, как всегда, в семь. Я ведь никогда не опаздываю, — взглянул на своего начальника Иванов.

— Да знаю я, знаю, — улыбнулся подбадривающе Михаил.

— Ну вот, иду. Вдруг — слышу какой-то писк: то ли кошка мяукает, то ли ребёнок попискивает. Ну, думаю, какой может быть ребёнок, время-то раннее, да и писк какой-то странный больно. Иду дальше. А потом как будто меня кто-то остановил: стал запинаться, и ноги неожиданно, помимо моей воли, повернули меня назад. Не верите? Честное слово! Никогда такого со мной не было. А мяуканья те не умолкают. Ну и пошёл я, как лунатик, по направлению этих звуков. Там дом строят, туалет поставили для рабочих. И звуки, оказалось, идут как раз из этого туалета. Открываю дверь — вонь такая! Заглядываю в яму, а там — батюшки-светы! — ребёнок, живой! Среди этого дерьма! В тряпье каком-то. Не помню как, но оказался я в этой яме. Только когда стал с ребёнком оттуда вылезать, удивился: откуда там лестница взялась? Вот даже не помню, где я её нашёл, как туда опустил. Словно в отключке был: может, и правда у меня с головой того? — Иванов покрутил пальцем у виска, с тревогой взглянув на прораба.

— Да всё у тебя, Алексей, нормально, не хуже, чем у наших умников. А дальше что?

— Ну, ребёнок плачет, голодный, видать; оба мы в дерьме. Вылез, значит, и бегом в детскую поликлинику, хорошо хоть бежать пришлось всего ничего — метров двести, от третьего микрорайона до Кольцевой. А там дверь оказалась заперта. Стал барабанить. Сторожиха ещё не сразу открыла. Сторонится меня, губы кривит — от нас же несёт, да и измазан весь. Но позвонила в скорую и заодно в милицию. Первой приехала скорая, а минут через двадцать и милиция. Допросили меня. Рассказал, как всё было. Сказали, ещё вызовут. Ну, вот и всё. Домой забежал, помылся. Да ещё Муза там… А время-то уже почти девять. Вот и опоздал. От проходной вообще бежал бегом.

— Да мог бы и не бежать со своим артрозом: что я, неужели бы не понял? Ребёнка спас! Жизнь человеческую!

— Да вы бы поняли, а вот напарник… начал бы ворчать…

— А ребёнка куда увезли?

— Да я поинтересовался. Там врачиха оказалась такой хорошей барышней: молоденькая совсем, личико улыбчивое, доброе, погладила меня по плечу, не посмотрела, что от меня вонищем тянет, да и грязный весь, даже поблагодарила за спасенье ребёночка. Сказала, что повезут в третью детскую. А где эта больница — я и не знаю.

— Молодец, Алексей! Дал бы я тебе отгул за такое дело, но… сам знаешь, конец месяца.

— Да какой отгул! И так почти полдня не работал. Да и Семёнов там один запарился. Вы уж извините меня, — и Иванов, нахлобучив на голову каску, выскочил из вагончика.

Когда узнали об этой истории рабочие, мнения разделились. Большинство одобрительно хлопали Алексея по плечу: «Молоток, Лёха!» Но были и другие, говоря: «Придурок — он и есть придурок, в дерьмо полез, да я бы — ни за что!»

Дёмин частенько задумывался: почему к такому хорошему мужику приклеилось обидное прозвище «придурок»? Может, потому, что вот уже второй десяток лет живёт, мучаясь, со своей женой-алкоголичкой, да к тому же женщиной, не способной иметь детей? Мужики сколько раз его убеждали бросить эту Музу и зажить нормальной человеческой жизнью. А он краснел, хмурился, смотрел на них исподлобья: «Ребята, ну как я её брошу? Пропадёт же она без меня, — а потом вдруг на лице появлялась виноватая, смущённая улыбка. — Да и люблю я её…» Такие разговоры заканчивались всегда обычной фразой: «Ну и придурок ты, Лёшка!»

Прораб почувствовал, что сегодня невозможно вздохнуть полной грудью. Поднял голову. Над полигоном, территория которого располагалась рядом с электролизными корпусами, нависло плотное сизое облако смога. В этом виноваты были электролизные корпуса и цех анодной массы, извергающие из себя фтор и другие вредные для здоровья соединения. Вздохнул удручённо: его люди на полигоне болели постоянно бронхитом в хронической форме, многие страдали заболеванием суставов, но считалось, что они работают на свежем воздухе и не имеют права на надбавку к зарплате за вредность. Болел и Иванов, даже чаще других, особенно последнее время.

Для всех оказалось большой неожиданностью, когда узнали, что именно он, тихий, незаметный человек, начал борьбу за справедливость. Решил доказать, что его заболевание — профессиональное. Сначала обратился в заводской отдел труда и зарплаты, затем в профсоюз работников металлургической промышленности, через некоторое время, поскольку вопрос так и не решался, в Екатеринбург (в то время Свердловск) — там находился институт, занимающийся как раз такими делами. В конце концов дошёл и до Москвы, написав письмо (уже совместно с Дёминым) в своё министерство. С отправки того письма прошло два месяца.

Михаил спешил на полигон, возвращаясь из цеха капитального ремонта электролизёров взвинченным. Сборка металлоконструкций двух электролизёров задерживалась из-за нерасторопности отдела снабжения. Заходя на территорию полигона, заподозрил неладное: около одного из рабочих вагончиков стоят милицейский «газик» и скорая. Сердце оборвалось: неужели несчастный случай? Навстречу Дёмину бежала сварщица Степовая:

— Иванова хотят забрать в психушку! Доигрался наш придурок!

Михаил не раздумывал:

— Люба! Быстро всех туда!

Подошёл к машинам. Возле них два человека в белых халатах — оказалось, что это санитары, — с верёвками в руках. Милиционер в чине старшего лейтенанта, сверкая на солнце золотыми коронками, яростно жестикулируя, показывает рукой в сторону кантователя катодных кожухов. Михаил взглянул: там с резаком в руках стоял Иванов, а несколько поодаль — начальник участка и заместитель главного инженера по технике безопасности Гусинский, видимо, уверенные, что спецоперация обойдётся и без их непосредственного вмешательства.

Минут через пять вся смена, человек тридцать, кто с металлическим прутом, кто с монтировкой — что попало под руку, — стояла рядом с прорабом. Все с тревогой смотрели на него. От их начальника сейчас зависит многое. Как он поступит? Хотя и верили в него, зная, что он не даст в обиду своего подчинённого. Дёмин подошёл к старлею:

— Здесь производственный участок. Что вы тут делаете?

— У меня приказ забрать Иванова Алексея и увезти его на обследование.

Глухой ропот прокатился по толпе монтажников, послышались крики:

— Не выйдет! Только попробуйте!

И тут подходит Иванов. Санитары двинулись к нему со своими верёвками. Дёмин сделал три шага, похожих на тройной прыжок в спорте, и встал рядом с Алексеем:

— А ты почему здесь? У тебя есть задание? Иди и выполняй!

Иванов послушно повернулся и пошёл обратно. Санитары — за ним.

— А вы куда? Стоять!

Михаил побледнел. Он всегда бледнел в стрессовых обстоятельствах и знал это за собой. И рабочие знали. Насторожились. По характеру своему Дёмин был очень сдержанным человеком, но с состоянием наличия встроенной внутри сжатой пружины, которая, если его вывести из себя, молниеносно расправится, и тогда мало не покажется никому — он за себя не отвечает, — это, пожалуй, единственное отрицательное качество прораба. К рабочим относился по-отечески, хотя многие были старше его по возрасту. Может, из-за этих черт характера он в своё время ушёл с поста начальника участка, а впоследствии отказался от должности заместителя начальника управления по производству, как бы ни уговаривало его высшее начальство, ублажая и машиной персональной, и совместными охотой да рыбалкой. Но тут Михаил всё-таки совладал с собой. Санитары остановились в нерешительности, вопросительно вперив взгляд в старшего лейтенанта, который, закусив губы и прищурив глаза, молча смотрел на Дёмина, видимо, раздумывая, как ему поступить.

— Тоня! — позвал Дёмин крановщицу козлового крана. — Быстро перегороди дорогу катодным кожухом!

У Антонины только пятки засверкали. Минута — и она уже на кране. Стропальщики без приказа всё поняли, застропили кожух весом двадцать тонн, и вот уже он стоит поперёк дороги, перегораживая выезд с полигона. А другой дороги нет.

Послышался звонок телефона в прорабском вагончике. Выглянувшая из двери нормировщица крикнула:

— Генеральный! Просит Гусинского!

Тот сломя голову бросился на вызов. Михаил решительно пошёл следом за ним. В телефоне оказалась включена громкая связь. Голос генерального загремел на весь вагончик:

— Ну что, отправили Иванова?

Гусинский недовольно, бросив искоса взгляд на Дёмина, пробурчал:

— Нет, Евгений Семёнович, Дёмин его не отдаёт. Настроил тут баррикад, — и, нажав на блокировку громкой связи, вытирая пот с лица, молча слушал своего шефа, время от времени кивая головой.

По-видимому, генеральный настаивал на своём. Михаил, не выдержав, перехватил трубку у Гусинского:

— Это Дёмин.

И тут же его ухо заложило от режущего крика директора:

— Что ты там себе позволяешь? Немедленно приказы…

— Я с вами на эту тему говорить не буду, — сколько позволяли силы, спокойно сказал Михаил. Но потом всё-таки не выдержал и резко, повысив голос, чувствуя, как по щекам пробежал холод, отчеканил, разделяя слова на слоги: — Иванова вам не отдам! — и положил трубку.

Возбуждённый, пнув ногой дверь, отчего нормировщица подпрыгнула на своём стуле, вышел из вагончика. Подошёл к санитарам:

— Уезжайте, не накаляйте обстановку, тут ненормальных нет. Поищите их в другом месте, — и повернулся к милиционеру.

Два человека разного возраста, одному — за пятьдесят, другому нет ещё и сорока, всматривались друг в друга. И молчали. Во взгляде милиционера сквозило вроде как одобрение, запрятанное далеко внутри себя. А может, так показалось Демину. И он не выдержал первый:

— Мы своих не сдаём, лейтенант! Уезжайте!

Наконец лейтенант разлепил губы:

— Где ты служил, Михаил Дёмин? В каком звании?

— В Бресте, в конце пятидесятых. После учебки — командир танка, старший сержант, потом заместитель командира взвода.

— А я — в Афгане. Думал, и ты, — минуту помолчав, выдавил из себя: — Блин, всё, ухожу из этой милиции. Возьмёшь к себе на работу? Знаю сварку. Меня Павел звать, — и сплюнул в сторону сгусток сухой слюны.

Михаил понял, какие чувства обуревают сейчас этого, наверное, неплохого человека. За свои пятьдесят с лишним научился разбираться в людях, вон их сколько у него — и молодых, и предпенсионного возраста: одним словом — семья.

— Приходи, поговорим. Дорогу сейчас знаешь, — и оба одновременно протянули друг другу руки.

Дёмин дал отмашку крановщице, наблюдающей за происходящим с высоты из своей кабины, та подняла катодный кожух, освободив выезд с полигона.

Вот так закончился тот день. Но самое интересное, что после этого инцидента Иванова придурком больше никто не называл. Как сговорились.

А тогда, в конце рабочей смены, в вагончик к Дёмину вновь заглянул Иванов.

— Заходи, Алексей, садись!

— Михаил Яковлевич, это самое… боюсь я, что они по дороге меня… — и, потирая вспотевший лоб ладонью, замолчал, не находя нужных слов.

— Не бойся, с тобой пойдёт вся твоя бригада. Доведут до квартиры. Только вы с Музой двери ночью никому не открывайте. Понял?

— Понял. Спасибо вам, что не отдали меня, защитили. Без вас сейчас бы уже кололи меня чем-нибудь.

— Ребятам спасибо скажи. И Антонину не забудь. Как она лихо дорогу-то перекрыла!

На следующий день Дёмин узнал, что их Лёха не спал всю ночь: стоял у окна и ждал, не приедет ли скорая и милиция. Не приехали. Видно, кто-то наверху дал команду оставить человека в покое. Великое дело — коллектив и человек, не боящийся взять на себя ответственность.

К сожалению, для Дёмина эта история не прошла без последствий. На тот момент в их управлении, переименованном в акционерное общество, было принято решение: за высокие трудовые достижения и многолетний труд в отрасли представить его к награждению медалью «За трудовое отличие». И вдруг сразу всё переиграли. Наградили одного из тех начальников, что стояли в сторонке, с интересом наблюдая, как их работника будут связывать и повезут в психушку.

Жена Михаила, узнав, что произошло на полигоне и последующую историю с медалью, взлохматив по своей давней привычке начинающие седеть волосы мужа, сказала:

— Да ладно, Миша, как говорится, — «не до ордена, была бы Родина»…

И оба вдруг услышали голос сына-подростка из-за приоткрытой двери его комнаты:

— …«с ежедневными Бородино».

Улыбнулись, обнялись, а жена добавила:

— Как хорошо, Михаил, что сейчас у нас мирное небо над головой.

И он понял, о чём она сейчас подумала.

Иванов спустя некоторое время обратился к Дёмину с просьбой дать ему характеристику. Он собирал документы на усыновление ребёнка, которого спас. Они с Музой спустя неделю усыновили этого малыша. Назвали Мишей. Говорят, в честь Дёмина. Муза перестала употреблять алкоголь вообще. Вот такая история.

Антология одного стихотворения

Владимир Романенко
Абакан, Республика Хакасия

Пушкину

Ещё высокий снег летает,
Ещё лицо не колет вспург,
Ещё нарядами блистает
В салонах светских Петербург.

Ещё метелью не задуло
Следы на чёрном рубеже.
Но целит пристальное дуло
Под сердце Пушкина уже.

И вот опало комом эхо,
И ничего нельзя вернуть —
Ни шага лёгкого, ни смеха,
Ни взгляда — быстрого, как ртуть.

Уже всё в прошлом, в прошлом, в прошлом…
Снега колючи, как пески.
Сшивает вьюга белой прошвой
Равнин саванные куски.

И кажется, Россия бредит…
Но нет ещё на свете нас.
И Лермонтов лишь только едет
Служить куда-то на Кавказ…

Сергей Кузичкин

Откос

Главы из романа

Продолжение. Начало в «ДиН» № 2,4/2024

Путевой обходчик

Знать и верить

Повседневная жизнь — лучший показатель нравов человека.
Блез Паскаль,
французский математик, физик, литератор и философ

1.

На переезде обходчика обогнал плуговой снегоочиститель — ЦУМЗ. Обходчик несколько раз видел, как прикреплённый к толкающему его паровозу плуг веером отбрасывал летящий из-под него снег на несколько метров от пути.

— Прямо как ледокол режет, — сказал, увидев работу снегоочистителя, старший мастер. — Ты смотри, браток, осторожно, отходи подальше, когда ЦУМЗ идёт. Не то засыплет с головы до ног.

Несколько раз обходчик попадал под снеговал, будучи на трассе. Его, конечно, не засыпало ни с головы до ног, ни с ног до головы, но если машинист не сбавлял хода, увидев его, и сам обходчик не успевал сбежать с пути вниз по сугробам, то приятного для него было мало.

— Так, брат, тебя точно засыпать могут и не заметят даже… Будешь, как медведь в берлоге, до весны лежать, — шутила с ним младшая сестра, когда он рассказывал ей, что повстречался со снегоочистителем.

— Ну и ладно, сестрёнка, отдохну, полежу до весны! Тебе же забот по дому меньше! — отвечал он ей.

ЦУМЗ — это Центральное управление машиностроительных заводов. Как говорил старший мастер, на нескольких предприятиях, ещё до войны, по заказу наркомата путей сообщения стали делать, помимо путеремонтных и путеизмерительных, ещё и снегоочистительные машины.

Кто, как не обходчик железнодорожного пути, видел, сколько неприятностей приносят снегопады и снежные заносы? Из-за них ломается график движения поездов, сотни людей и техника днём и ночью расчищают километры пристанционных и подъездных путей, перекидывают тонны снега на больших станциях, разъездах, перегонах.

С самой первой зимы его работы на железной дороге обходчик узнал, что такое борьба со снежными заносами. На открытых участках, в нескольких метрах от насыпи, защищая путь от заноса, путейцы ставили заградительные щиты. Сплошные тяжёлые и более лёгкие переносные, решётчатого типа. На особо продуваемых ветрами участках щиты по весне не убирали, и они стояли там круглый год. Огораживали пути от снега и «живыми щитами» — лесонасаждениями. Высаживали вдоль путей на определённом расстоянии и сосёнки, и молодые ёлочки. Ещё до Великой Отечественной войны по всей железной дороге стали организовываться производственные участки, занимающиеся лесонасаждениями. В начале пятидесятых годов такой участок был образован при конторе станции. Несколько человек из числа путейцев назначались туда на работу, и был у них свой мастер. Обходчик много раз встречался на перегоне с мастером участка лесонасаждений. Случалось даже, что они вместе выходили на обход и смотрели, в каких местах путь чаще заносит снегом. Подконтрольная территория мастера участка лесонасаждений был гораздо больше, чем у обходчика пути. Она простиралась на запад и на восток. На запад — до Бирюсинского моста, а на восток — до станции Разгон. Это более тридцати километров от Тайшетграда. Обходчик и не сравнивал свою работу с работой мастера лесонасаждений. Тот часто отправлялся на объезд на дрезине или ехал на определённый участок с хлебно-пассажирским поездом.

Лесонасаждения — ёлочки и сосёнки — бесспорно, защищали железную дорогу от заносов, но снег не только наметало на пути, он ещё падал с неба. И тут ничего нельзя было с ним поделать.

— Если только всю железную дорогу навесом накрыть! — шутил по этому поводу старший мастер.

Обходчик помнил, как ещё до революции расчищали снег с рельсов — с помощью ручных

плужков. Работа была нелёгкой и малопроизводительной. Как рассказывали мастера пути, применяли для расчистки железнодорожной колеи и конную тягу. Запрягали лошадку, а то и две, и они тянули снегоочистительный плуг. Обходчик такой картины не видел, а вот как снег таял под воздействием паровозного пара, наблюдать ему приходилось. Специальный вагон, называемый снеготаялкой (или просто — таялкой), в паре с паровозом растапливал на путях снег. С помощью таялок очищали и переводные стрелки. Снег таял, но на рельсах и возле них образовывалась наледь, с которой тоже надо было бороться. Наверное, поэтому снеготаялка оказалась неэффективной и проработала на станции недолго.

За время работы на железной дороге обходчику пришлось наблюдать в действии разные снегоочистительные машины. Их называли и роторными, и плугами Бурковского. Работали на станции и плужные двухосные снегоочистители «Бьёрке» с ручным управлением. Проходили по его участку и снегоочистители, разбрасывающие снег в обе стороны. Но такой машине раздольно было там, где проходил один путь, а на двухпутке они не годились — снег отлетал и на соседнюю колею. Снегоочистители системы ЦУМЗ, отбрасывающие снег в одну сторону, казались обходчику самыми действенными в борьбе со снежными заносами.

Многое поменялось за его бытность на железной дороге. К 1959 году в паровозном депо появились и уже успешно работали новые необычные машины-локомотивы — тепловозы. Им, как паровозам, не нужны были уголь и дрова, а значит и кочегары. Тепловозы работали на дизельном топливе — солярке. Всё чаще и чаще тянули они, а не паровозы, по Транссибу пассажирские поезда, а при подаче вагонов на подъездные пути и формировании новых составов они были ловчее казавшихся теперь неуклюжими по сравнению с ними паровозов.

— У тепловозов тоже век недолгий, — говорило на планёрках железнодорожное начальство. — Скоро всех вытеснят электровозы. По стране идёт электрификация железных дорог, скоро придёт и к нам. Поставят высокие столбы, протянут провода, и под ними пойдут локомотивы, работающие от электричества.

Про электровозы показывали им кинофильм в клубе железнодорожников, и обходчик, глядя на новые машины, не представлял себе, как будут выглядеть станция и его участок, когда установят большие столбы-опоры и опутают всю дорогу проводами.

— Увидишь скоро, как будет! — улыбаясь, говорил ему старший мастер. — А увидишь — так и привыкнешь к такой картине. Быстро привыкнешь. Год-два пройдёт — будешь считать, что так всегда и было. Разве могли мы даже подумать ещё десять лет назад, что поезда пойдут от нас на север, к реке Лене? А вот ходят. И на юг скоро от Тайшетграда пойдут. От Абакана к нам железнодорожный путь планируют проложить.

Обходчик, как и многие старожилы станции, только покачивал головой, стараясь ничему не удивляться.

Будут, наверное, и электровозы, и окончательно уйдут за ненадобностью со станции и всей железной дороги неуклюжие паровозы. Но пока они, привычные ему паровозы, ещё работают, и помогают расчищать снег, и тянут от станции к станции грузовые и пассажирские поезда. И, наверное, без присутствия людей с лопатами и метёлками ещё долго не обойдётся железная дорога. Как бы ни убирал снегоочиститель снег с путей, а за ним подчищать лопатой всё же нужно.

Вот и сейчас, в декабре 1959 года, снегоочиститель, толкаемый паровозом, ушёл к Бирюсинскому мосту и пойдёт ещё дальше — за речку Бирюсу, к станциям Юрты и Ключи, а на перегонах остались рабочие-путейцы с бригадиром и мастером пути. Они подчищают снег с междупутий, топят печурки в избушках и в доме на седьмой версте.

2.

Протяжный гудок паровоза заставил людей остановить работу и перейти на свободный путь. Большинство путейцев с метёлками, ломами и лопатами встали на выступающие шпалы на краю второго пути, подальше от проходящего поезда. Некоторые спустились ниже по откосу, с обратной стороны идущего на восток поезда. Чтобы снег из-под колёс вагонов не летел им в лицо, они отвернулись и стали смотреть на заснеженную дорогу, замёрзший ручей и деревья чернеющего на горизонте леса. И только сигналист, строго следивший за безопасностью на путях во время снегоочистительных работ, замешкавшийся в этот раз и оказавшийся по левую сторону от движения поезда, стоял с развёрнутым жёлтым флажком, глядя на приближающийся паровоз.

Обходчик тоже сошёл на откос и встал метрах в трёх от сигналиста. Приближающийся паровоз, было видно, ещё больше сбавил скорость на повороте, и выискивающий сигналиста, видимо, сначала справа от движения машинист, увидев его на откосе слева, понимающе приветливо махнул ему и дал ещё один гудок.

Когда последний вагон товарного поезда отошёл метров на пятьдесят, обходчик, вместе с сигналистом и несколькими путейцами поднялись снова на путь.

Не прекращающийся с утра снегопад сводил на нет снегоочистительную работу, но делать её — убирать с пути снег — было необходимо. Борьба со снегом велась на нескольких участках, и группы

путейцев из пяти-семи человек работали друг от друга на расстоянии трёх-четырёх километров.

Обходчик здоровался со всеми, проходя мимо них. Кто-то кивал ему молча, кто-то махал рукой. Некоторые, останавливая работу, подходили к нему и здоровались за руку. Кто-то спрашивал закурить. На этот раз по пути туда и обратно обходчик спускался к каждому домику — стряхивал с одежды и валенок снег, проверял, как топятся там печурки, грелся, пил чай, если ему предлагали.

Мысли его и при ходьбе, и в избушке, когда он разговаривал с путейцами или молча смотрел на огонь, подбрасывая поленья в топившуюся печку, вольно и невольно уносили в прошлое. Так же вольно и невольно сравнивал он времена прошлые с временем нынешним. И удивлялся переменам, и, как все пожилые люди, грустил о невозвратном.

3.

Перемены, перемены…

Жизнь меняется на глазах. Каждый год появляется новое и удивительное. Снегоочистители, путеизмерительные вагоны, тепловозы, электровозы, электрификация железных дорог, новые железнодорожные ветки, новые подъездные пути, новые предприятия: строительная организация, ремонтно-механический завод. И новые люди. Большей частью молодые грамотные инженеры.

Всё это радует и вдохновляет, хочется жить дальше, жить долго и увидеть новую технику, новые предприятия и других новых людей.

Такое же предчувствие счастья и желание жить было у обходчика перед войной. Тогда стала появляться на железной дороге новая техника, в городе строились новые дома и промышленные здания, приезжали новые люди: специалисты по пропитке шпал креозотом, мастера по ремонту подвижного состава. Город преобразовывался. Открылись сад железнодорожников и железнодорожный клуб; вдоль новой улицы, названной именем поэта Пушкина,— городской парк; напротив него — стадион; между улицами Юго-Вокзальной и Кирова построили целый ряд магазинов — промтоварных и продуктовых, а на углу Кирова и Чапаева — первый в городе сложенный из камня кинотеатр. Казалось, что ещё немного — и придёт ко всем долгожданное счастье. Придёт постоянная, не проходящая радость жизни. Газеты писали о достижениях людей в труде: рекордах по добыче угля, небывалых ранее урожаях, росте производства и производительности труда.

Небывалый ранее урожай пшеницы собрали в 1940 году и на полях колхоза, где трудились его мать и отец. Вся Баера радовалась победе в районном соревновании. С лиц людей не сходили улыбки, и старики и старушки, не отставая от молодых, как будто сами помолодели каждый на несколько лет. Отец с большим желанием сделать что-то полезное для колхоза уходил на работу, и, глядя на него, никто не верил, что за его плечами восемь десятков прожитых лет. Да и мать была ему под стать в свои семьдесят четыре года.

Из района в Баеру специально прислали несколько грузовиков, и новый урожай повезли на только что открывшийся в районе новый элеватор торжественно, украсив борта автомобилей красными полотнами.

Наверное, это и было счастье. Счастье всеобщее, коллективное и счастье каждого в отдельности. Вся семья радовалась успеху колхозников.

Каждое утро, начиная с лета 1938 года, когда обходчик уходил на свой участок, его провожала бодрая музыка, слышимая на большое расстояние, из установленного на Базарной площади громкоговорителя. Дикторы под музыку призывали всех делать утреннюю гимнастику, звучали бодрые марши и песни:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.

Когда вдогонку обходчику звучала эта поднимавшая настроение утренняя песня, ему казалось, что Москва — это его родной город и родной город всех советских людей и что она совсем рядом. Что стоит только дойти до Бирюсинского моста, перейти его — и выйдешь прямо на Красную площадь, к стенам древнего Кремля.

Песню любили все. Мастер путейцев белорус Алесь Тиханович, услышав её, подхватывал слова и вслед за певцом Наумом Хромченко, громко пел на свой лад: «Просыпается с рассветом Белоруссия моя!»

Сначала это вызывало улыбки на лицах железнодорожников, но потом обходчик стал замечать, что некоторые тоже переиначивают слова на свой лад: «Просыпаются с рассветом наши рощи и поля!», «Из Москвы летят с приветом на восток к нам поезда!». А кто-то напевал с юмором: «Просыпается с рассветом даже милая моя!» Сам обходчик, уходя на маршрут и слушая эту песню, подпевал тихо: «Просыпается с рассветом вся тайшетская земля!»

И это тоже было счастье.

4.

Ну а потом пришла война. И предчувствие счастья сменилось тревогой. Тревога поселилась в душе, а на плечи тяжёлой ношей легла непредсказуемость. И хотя бои шли за тысячи километров от Сибири: под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Курском,— война всё равно была близко, рядом с каждым человеком — колхозником,

железнодорожником, строителем, молодым и старым.

Тревожное предчувствие беды нет-нет да и закрадывалось раньше. В 1939 году произошёл вооружённый конфликт СССР с Японией у реки Халхин-Гол, на территории Монголии. Тогда всё завершилось разгромом японцев и подписанием мирного договора. Поучаствовал в тех боях и племянник обходчика — сын старшей сестры, танкист. Перед войной, весной 1941 года, он приезжал в отпуск к родителям старшим лейтенантом, командиром танковой роты.

Племянник так и остался служить на Дальнем Востоке. Все годы войны с Германией на границах с Китаем и Монголией ожидали нападения японцев на СССР. Нападения не случилось, но племянник обходчика в августе 1945 года освобождал от японских захватчиков Монголию и Северный Китай. В следующий раз племянник приезжал в отпуск в 1946 году, имея уже звание майора и должность командира танкового батальона.

Но это было потом, уже после войны. А летом 1939 года мирный договор СССР подписал с Германией, и многим казалось, что войны уже не будет и не будет больше никаких межгосударственных конфликтов; однако в конце того же 1939 года осложнились отношения с Финляндией, и вспыхнул ещё один военный конфликт. Тогда тоже дело закончилось подписанием мирного договора, но тревожное чувство нарастало, и война, настоящая война, уже стояла у границы.

— Не оставят нас в покое империалисты, — говорил старший мастер путейцам и обходчику, когда они встречались на перегоне. — Им наше социалистическое государство как кость в горле. Не сегодня, так завтра развяжут войну. Надо нам быть готовыми встретить их…

Слова старшего мастера путейцев не давали покоя обходчику, и он нет-нет да задумывался над ними и спрашивал себя и других: будет ли война?

Утром двадцать второго июня 1941 года, в воскресенье, обходчик прошёл свой маршрут и доложил начальству, что замечаний на его участке нет. Уходя домой, он встретил в коридоре станции встревоженного начальника вокзала.

— Война, брат ты мой! Война! — сказал на ходу, тяжело дыша, начальник. — Не сдержал Гитлер обещания, напал сегодня ночью… По нашему времени около девяти часов утра… Вот только сообщили…

5.

Война многое поменяла в жизни всех окружающих обходчика людей. Молодые почти все ушли на фронт. Приказом по наркомату путей сообщения в тылу по производственной необходимости оставили опытных машинистов паровозов, мастеров-ремонтников, путейцев, ценных специалистов по пропитке шпал на шпалозаводе. В колхозах дали «бронь» нескольким агрономам, зоотехникам и трактористам.

Рвался на фронт и каждый день ходил в военкомат сын соседки-барыньки Анны Георгиевны — Николай.

— Да что за должность у меня — заведующий клубом? — жаловался он соседу-обходчику, когда приходил проведать мать. — Любая мало-мальски грамотная баба может клубом заведовать. А я же бывший военный, партизан. Имею опыт, участвовал в боях. Мне всего-то сорок пять лет, вполне могу сам воевать и молодых учить, как это делать надо. А мне говорят: «Работай, ты нужен тут, поднимай детей…»

Николай Григорьевич, как показали дальнейшие события, действительно оказался очень нужным на месте заведующего железнодорожным клубом.

Новобранцы, призванные в армию, порою по двое суток ожидали прибытие своего эшелона, и концертная бригада железнодорожного клуба давала концерты для них и в клубе, и на вокзале, и даже на перроне.

Железнодорожный клуб, выстроенный в начале тридцатых годов, состоял из деревянного здания с небольшим фойе, залом на сто мест, сценой и кинобудкой. Располагался клуб по улице Транспортной, на въезде к вокзалу, рядом с железнодорожным садом. В штате клуба, помимо заведующего, состояло ещё три человека. Пятидесятилетний, высокий, кучерявый, темноволосый, хромой Валентин Чипанцев, получивший ранение в ногу ещё в Гражданскую, числился сторожем клуба и дворником. Его сорокавосьмилетняя, не потерявшая красоты и привлекательности, супруга, которую все, от детей до стариков, звали просто Шурою, была кассиром и уборщицей. А семнадцатилетний паренёк Васька Рукосуев, закончивший перед войной курсы киномехаников, показывал вечерами солдатам, железнодорожникам и всем, кто приходил в клуб, художественные и документальные фильмы. Васька, хотя и был штатным работником железнодорожного клуба, частенько по распоряжению городского и районного отдела культуры привлекался как киномеханик крутить кино и в Дом культуры воинской части НКВД, и в клуб шпалопропиточного завода, а иногда и в центральный городской кинотеатр, где фильмы по праздникам и по воскресным дням начинались с десяти часов утра и заканчивались около полуночи. Киномехаников в городе не хватало, и Николай Григорьевич каждый раз, как у него забирали Ваську, ругался с начальницей городского и районного отдела культуры, убеждая её не дёргать его киномеханика, а оставить в клубе на его основном рабочем месте, добавляя, что по выходным и праздничным дням и в железнодорожном клубе тоже нужны утренние и дневные киносеансы и что он готов их организовать.

— Вы, Николай Григорьевич, делайте больше упор на концертную программу, — говорила ему главный культработник города и района по имени Надежда Васильевна. — Больше привлекайте людей в клуб на концерты. А с кино мы сами решим. Мне ещё, кроме Тайшетграда, надо обеспечить прокат фильмов в сёлах и посёлках района. У нас две кинопередвижки простаивают, и туда нужно киномехаников привлекать.

— Да с кем я концерты делать-то буду? — возмущался Николай Григорьевич. — Вы мне артистов не даёте. Я сам на сцене и за сценой то подпеваю, то в ладоши хлопаю. Всех своих работников, кроме Василия, на выступления привлёк. Уже и детей своих соседей зазываю помогать. Два сына мои участвуют в концертах и племянник.

— Ну и хорошо! — кивала одобрительно заведующая культотделом. — Значит, воспитываете заодно и молодое поколение, укрепляете в них дух патриотизма, учите любить прекрасное!

И действительно, штатные работники железнодорожного клуба и дети заведующего клубом постоянно участвовали в концертах. Валентин Чипанцев играл на старой, доставшейся ему от его отца гармошке. Его жена, Шура, иногда подыгрывала мужу на другой, если удавалось на время выпросить ещё одну гармонь у кого-нибудь из жителей города. Шура как могла пела. Чаще одна, но бывало и на пару с мужем.

В этот вечер в танце карнавала
Я руки твоей коснулся вдруг,
И внезапно искра пробежала
В пальцах наших встретившихся рук, —

начинал Валентин.

Если любишь — найди,
Если хочешь — приди,
Этот день не пройдёт без следа.
Если ж нету любви,
Ты меня не зови,
Всё равно не найдёшь никогда, —

подхватывала Шура, а за ней половина зрителей, собравшихся на концерт в клубе или на вокзале.

А про синий платочек Шура Чипанцева пела одна:

Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч,
Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь.

Песня про синий платочек каждый раз заканчивалась долгими аплодисментами. Женщины не сдерживали слёз и кричали: «Молодец, Шурочка!» Шуре это нравилось. Она улыбалась и, забрасывая свою длинную толстую пшеничную косу через плечо себе на грудь, долго кланялась зрителям.

С музыкальным номерами выступал на концертах и средний сын заведующего клубом, четырнадцатилетний Женька. Он выучился играть на балалайке «Яблочко» и «Ах вы, сени, мои сени». Бойкий паренёк с балалайкой садился на табуретку посередине сцены и без объявления начинал играть. И тут же рядом с ним появлялись в белых рубашках и бескозырках два его старших брата — родной Коля и двоюродный Санька. Коля с Санькой ходили вокруг балалаечника, сначала подбоченившись, а потом, по мере того как Женька входил в азарт и бил по струнам сильнее, начинали приседать.

— Эх, яблочко, да на тарелочке!.. — выкрикивал из-за кулис в зал Николай Григорьевич, а за ним и супруги Чипанцевы.

Когда Женька играл «Сени», Коля с Санькой выбегали на сцену с белыми платочками и крутили их над головой.

Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решётчатые! —

напевала громко в такт танцующим и балалаечнику из-за сцены Шура.

— Эх! Эх! Эх! — хлопали в ладоши и выкрикивали сторож клуба и заведующий.

«Яблочко» и «Сени» тоже пользовались успехом у зала. Многие зрители сопровождали танцы хлопками, а наиболее смелые выкрикивали: «Эх! Эх! Эх!»

Часто зрители просили юных артистов повторить номера. И радостные и счастливые в этот момент подростки кланялись публике и с согласия Николая Григорьевича исполняли просьбу зала. И снова Женька уверенно бил по струнам балалайки, а Коля и Санька приседали в бескозырках и махали белыми платочками.

Но гвоздём программы в конце небольшого концерта была песня, которую исполняли все его участники. По задумке Николая Григорьевича, артисты выстраивались на сцене рядами. Впереди стояли жившие недалеко от дома заведующего клубом по улице Партизанской три брата Козодоевых. Двенадцатилетний Степан и десятилетний Серёжка выдвигали вперёд, почти к краю сцены, семилетнего Витальку. За ними вставали Женька, Коля и Санька. А в последнем ряду — взрослые: супруги Чипанцевы и сам Николай Григорьевич.

Валентин растягивал гармонь, а маленький Виталька Козодоев начинал тоненьким, но звонким голоском:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один.

Со следующего куплета подключались Степан и Серёжка:

Орлёнок, орлёнок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Третий и четвёртый куплеты пели уже все участники концерта. Голоса Шуры, Валентина и Николая Григорьевича, сливаясь с детскими, не заглушали их, а придавали песне новый патриотический колорит.

Орлёнок, орлёнок, гремучей гранатой
От сопки врагов отмело.
Меня называли орлёнком в отряде,
Враги называют орлом.
Орлёнок, орлёнок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

В этом месте зрительницы обычно начинали плакать и тихо, вытирая слёзы, подпевать артистам. Песня пробивала чувства и немногих мужчин, пришедших на концерт. Они вместе с подростками громко выкрикивали слова очередного куплета, порой заглушая стоящих на сцене:

Орлёнок, орлёнок, товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат комсомольцы-орлята,
И жизнь возвратится ко мне.

Заключительные слова пел весь зал, стоя и аплодируя:

Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна!

Последние две строчки песни повторялись всем залом по нескольку раз.

Обходчик часто бывал на концертах и в клубе железнодорожников, и на вокзале, и видел, как артисты выступали на перроне перед солдатами, уезжающими на фронт.

Несколько раз он встречал в фойе клуба соседку Анну Георгиевну, пришедшую посмотреть на сына и внуков. Иногда на концерт приходила заведующая отделом культуры города и района Надежда Васильевна. Как и все женщины в зале, она тоже подпевала артистам и вытирала платочком слёзы. Наведывались в клуб и руководители местных железнодорожных предприятий: начальники станции, путейской части, паровозного депо, вагонных мастерских и даже директор шпалопропиточного завода.

Шпалопропитчики перед войной построили свой клуб. В длинном одноэтажном здании недалеко от проходной завода располагались библиотека, бильярдная, буфет. Чтобы войти в клуб, нужно было сначала преодолеть высокое крыльцо на шесть ступенек. На широкой площадке перед входом, огороженной перилами, стояли скамейки, где перед началом сеанса можно было посидеть на свежем воздухе рядом с зарослями черёмухи или покурить. Светлое фойе с двумя большими окнами, через которое зрители проходили в кинозал на сто пятьдесят мест, в дни выборов депутатов в Верховный или местные советы становилось избирательным участком. В такие дни в клубе всегда было многолюдно. Проголосовавшие обычно торопились в буфет, где тоже было много народа и найти свободный столик сразу получалось не у всех.

На заводе была своя художественная самодеятельность, и заводчане нечасто, но тоже давали свои концерты. До войны клуб шпалопропиточного завода пользовался даже большей популярностью, чем клуб железнодорожный. По воскресеньям там перед каждым киносеансом в фойе играл духовой оркестр и выступали артисты. В основном пели песни и частушки. Но когда началась война, все до одного мужчины — артисты и музыканты — ушли на фронт. В коллективе художественной самодеятельности остались только женщины. В военные годы, при содействии профкома завода, в клубе шпалопропитчиков проходили небольшие концерты в День железнодорожника, в День Красной Армии и на Первое мая.

В День Красной Армии и на Первомай открывал двери для всех желающих и Дом культуры «Дзержинец» воинской части НКВД. Там тоже на входе встречал всех духовой оркестр, сохранившийся и в военные годы.

Обходчику случалось быть и в клубе шпалопропиточного завода, и в большом Доме культуры воинской части, тоже с просторным светлым фойе, буфетом и залом на двести пятьдесят мест. Там было по-своему интересно, но всё-таки свой железнодорожный клуб и его коллектив обходчику нравились больше.

До войны и у железнодорожников был духовой оркестр. Музыканты репетировали зимой в красном уголке станции, а летом на эстраде железнодорожного сада. Играли они на День железнодорожника и на танцевальных вечерах, которые проводились в выходные дни летом. А руководил ими, насколько знал обходчик, директор железнодорожного сада.

Война сделала свой расклад. Сад отдали в распоряжение заведующего железнодорожным клубом, музыканты ушли на фронт, а их трубы,

кларнеты и саксофон хранились теперь в красном уголке станции.

В 1942 году в сторону Иркутска пошли с запада санитарные поезда, и дел у работников железнодорожного клуба прибавилось. Некоторые из этих поездов останавливались, пропуская спешащие на фронт составы, и простаивали на запасных путях станции по три-четыре дня. И тогда Николай Григорьевич со своим коллективом, не считаясь со временем, устраивал концерты для раненых бойцов и медицинского персонала. Артисты сами на скорую руку оборудовали площадки для выступления, выбирая место около запасных путей, где стояли поезда, и начинали концерт, иногда даже не предупредив зрителей. Бывало, что к тяжелораненым в санитарные вагоны поднимались Валентин и Шура Чипанцевы и пели там для них «Синий платочек».

А однажды, летом 1942 года, когда на станции остановились сразу три воинских эшелона и два санитарных поезда, заведующей отделом культуры пришла в голову мысль сделать для отбывающих на фронт и раненых сборный концерт. Для этого она пригласила в подмогу артистам железнодорожного клуба духовой оркестр и солиста из Дома культуры «Дзержинец», а также двух голосистых певиц из художественной самодеятельности шпалопропиточного завода. Общее руководство сборным концертом было поручено Николаю Григорьевичу, и он отлично справился с поручением. Без репетиции, на ходу составив репертуар, сначала рассадил на перроне вокзала на скамейках и табуретках музыкантов, а когда те заиграли, стал объяснять остальным, что им, когда и как делать.

Это был незабываемый для всех присутствовавших концерт, о котором долго вспоминали и после войны.

Сначала грянули трубы, и над перроном, над вокзалом взлетела музыка и понеслась по железной дороге на восток и запад, поплыла по улицам Тайшетграда, залетая в открытые окна домов:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

С самых первых аккордов музыки слова «Песни о Родине» из всеми любимого кинофильма «Цирк» стали напевать десятки людей, собравшихся вокруг музыкантов.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

На музыку и песню шли, тянулись новые люди с улиц города, от дальних вагонов стоявших поездов.

А оркестр, не умолкая, играл, сопровождая песни своего солиста и артисток из клуба шпалопропиточного завода. И «Синий платочек» Шура пела под музыку труб вместе с солистом из ДК «Дзержинец», а пытающийся подыгрывать на старой гармошке Валентин Чипанцев подозрительно сверху вниз смотрел на невысокого капитана, стоявшего рядом с его женой, улыбающегося и подмигивающего Шуре.

Ещё дважды жители Тайшетграда собирались на большие концерты на свежем воздухе.

Следующий сборный концерт, но уже с бóльшим количеством участвующих, состоялся в июне 1945 года. В Москве в тот воскресный день прошёл Парад Победы, а в Тайшетграде, в железнодорожном саду,— большой концерт.

Люди спешили на музыку духового оркестра в железнодорожный сад. Все скамейки возле эстрады были заняты уже в первые минуты, и пришедшие чуть позже становились полукругом в несколько рядов за сидевшими. Припоздавшие, отчаявшись пробраться ближе к эстраде и увидеть артистов, садились на расположенные вдоль дорожек сада скамейки и издали слушали музыку и песни.

Но, пожалуй, самое грандиозное культурное мероприятие с большим скоплением народа прошло в один из воскресных дней июля 1945 года.

Из Москвы на Дальний Восток ехал Краснознамённый ансамбль красноармейской песни и пляски, и — по своей ли инициативе, по приказу ли свыше или по просьбе городского и районного начальства — на несколько часов артисты задержались в Тайшетграде.

Сначала решено было выступление артистов провести на эстраде железнодорожного сада, где, конечно же, не смог вместиться весь коллектив ансамбля. На сцену вышли около двадцати певцов и музыкантов и около десятка танцоров. Железнодорожный сад в считанные минуты, как только разлетелась весть о приезде московских артистов, заполнился людьми. Военные, железнодорожники, женщины и мужчины в штатском, подростки стояли на всех дорожках сада, начиная от входа. Ребятня забиралась на невысокий забор сада, пытаясь усидеть на штакетнике, выломав его в нескольких местах.

Концерт уже было начался, но вскоре был остановлен и перенесён на перрон, где уже выстроился весь Краснознамённый ансамбль и вышли все танцоры. Такого скопления народа обходчик потом ещё долго не видел. На концерте было столько военнослужащих, что, казалось, весь личный состав воинской части НКВД прибыл поддержать своих товарищей — артистов в военной

форме. Немногим меньше на перроне было людей и в железнодорожной форме.

Перрон вокзала в Тайшетграде будто бы специально строился для большого скопления людей. От здания вокзала до первого пути было около тридцати метров, а чуть восточнее вокзала, напротив виадука — перехода через пути над рельсами, построек не было, и перрон расширялся ещё метров на сорок — до улицы Северо-Вокзальной. Вот на этой площадке и выстроился Краснознамённый ансамбль с певцами, музыкантами и танцорами.

Зрители в несколько рядов окружили выступающих, заполнили все ступеньки виадука, несколько смельчаков забрались на крышу вокзала и смотрели концерт оттуда.

На крышу вагона проходящего и остановившегося на пять минут пассажирского поезда, чтобы сфотографировать ансамбль и всех желающих, окруживших артистов, после концерта забрался и фотокорреспондент местной газеты, чуть было не уехавший в сторону Иркутска. В газете потом на первой странице появилась фотография. И хотя она была большой — почти на треть страницы, лица некоторых людей узнать было сложно, но обходчик себя отыскал, запомнив, что стоял близко от заведующего клубом и начальницей городского и районного отдела культуры. Не один раз потом он с гордостью доставал этот номер газеты и тыкал пальцем в одну из фигурок, показывая снимок своим родным и знакомым.

Какова была роль в организации этого грандиозного по меркам города и района концерта заведующей отделом культуры и заведующего железнодорожным клубом, обходчик не знал, но догадывался, что без их усилий не обошлось. И он радовался тому, что в первый послевоенный год и Надежда Васильевна, и Николай Григорьевич в День железнодорожника были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Медаль вручал им и лично прикреплял на грудь сам первый секретарь районного комитета партии.

6.

Война, война…

Как хочется забыть обходчику эти годы. Большая беда, можно сказать, обошла его родных стороной. Воевавший артиллеристом племянник — сын младшего брата со станции Зима — был контужен, а затем тяжело ранен в левую руку. Он вернулся домой в конце 1944 года. Покалеченный, но живой. А сколько молодых ребят, которых увозили на запад из Тайшетграда воинские эшелоны, не вернулись в родной город, оставшись навечно лежать в Белоруссии, на Украине, в Польше, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Германии… Сколько безногих и безруких солдат привозили поезда после Победы в мае, июне, июле, августе 1945 года. Их высаживали из вагонов на перрон, и на некоторых из них было тяжело смотреть. Их никто не встречал, а они не знали, куда им идти. Примерно с десяток человек почти месяц жили в зале ожидания вокзала и кормились тем, что им подавали отъезжающие на поездах пассажиры и сотрудники железнодорожной милиции. Только у двоих или у троих нашлись позже родственники и забрали их к себе. Остальных определили в дома инвалидов — увезли в Нижнеудинск и Тулун.

Май 1945 года принёс много радости и вселил надежду на светлое, хорошее будущее.

— Разбили фашистов проклятых! Вот теперь-то заживём как надо! Никто не помешает строить нам социализм! — говорили уверенно многие железнодорожники между собой и на собраниях, обещая работать ещё лучше, чтобы приблизить светлое будущее. Своё и своих детей.

Радость от победы над фашизмом в Великой Отечественной войне притупилась в августе победного года, когда началась война с Японией. Снова в дома жителей Тайшетграда пришли похоронки, снова в глазах людей появилась тревога. Но ненадолго. В сентябре война завершилась.

«А ведь Краснознамённый ансамбль красноармейской песни и пляски не случайно ехал в июле на Дальний Восток, — размышлял про себя обходчик. — Артисты-то, наверное, и не знали, что едут выступать перед теми, кто скоро пойдёт воевать с японцами. Да и никто не знал, наверное, кроме руководства страны».

Все четыре года войны отец и мать обходчика, несмотря на почтенный возраст, трудились в колхозе — на полях и на ферме родной Баеры. Отец до конца жизни не оставлял работы и умер на работе, в возрасте девяноста двух лет, в 1952 году, разгружая сено с подводы. Упал прямо на сено с вилами в руках. До девяноста одного года дожила и мать. Она до последнего дня оставалась в своём доме в Баере, не желая слышать о переезде к детям в город. В последние два года с ней каждый день была младшая сестра обходчика. Теперь в родном их доме в Баере никто постоянно не живёт. Зимой он пустует, а летом сёстры и зять, приезжая туда, сажают картошку в огороде, разбивают парники и грядки. Иногда ночуют. Не каждый год, но, бывает, наведывается на недельку-другую со станции Зима в родное село младший брат обходчика, с женой, с детьми и внуками, и тогда снова наполняется жизнью старый родительский дом.

7.

Он заканчивал свой обход, приближаясь к западному переезду, когда по соседнему пути его обогнал возвращающийся на станцию снегоочиститель.

Обходчик шагал к конторе станции, и параллельно с ним шагал по планете декабрь 1959 года.

Шли последние дни последнего месяца года. Приближался новогодний праздник, новый год с непривычной ещё предпоследней цифрой «шесть» в календаре.

Календарь (численник, как говорил его отец) за 1960 год уже был куплен обходчиком и лежал до поры в тумбочке на кухне. Ещё несколько дней — и он сменит исхудавший отрывной календарь 1959 года и займёт своё место возле кухонного стола, на стенке между окном и входной дверью. Там, где висели уже десятки численников-календарей в десятые, двадцатые, тридцатые, сороковые и пятидесятые годы. Всё время, сколько жил обходчик в доме по улице Северо-Вокзальной.

Евгений-Володя

Успеть и оглянуться

Чтобы найти верную дорогу,
сначала надо заблудиться.
Бернар Вербер,
французский писатель

1.

Стук колёс разошедшихся в разные стороны поездов смолк, и снова стало темно и тихо.

«Надо же, как раз в этом месте, прямо надо мною, два поезда встретились… Пошли один на восток, другой на запад… Вот зацепиться бы за какой-нибудь из них и ехать и ехать… Подальше отсюда. Но где же милиция? Где облава? Наверняка доложили уже, что в поезде стреляли и человек выпрыгнул из вагона под откос в этом месте… Решили ждать до утра? Навряд ли… В городе есть воинская часть, внутренние войска — зеков на зоне охраняют… Вполне могли бы солдатиков уже снарядить на поиски…»

Мысль о том, что его будут искать, и искать обязательно, не оставляла Евгения. Он думал об этом и делал усилия, чтобы быстрее ползти вверх. Боль по-прежнему преследовала его, отзываясь на каждое движение по всему телу, но уже не была пронзительно-острой.

«Организм, видимо, свыкся с ушибами и переломами… — подумал Евгений. — А может, и нет у меня никакого перелома? Может, только вывих какой? Ну даже если и так, что я могу сделать? Нужен врач или хотя бы кто-то, кто сможет осмотреть, сделать диагноз, помочь…»

Он глянул, вниз. Там, в темноте, всё так же едва просматривалась мокрая от дождя неширокая ленточка дороги, а за ней — чернеющие кусты вдоль небольшого ручья, и дальше — лес. Если бы он выпрыгнул удачно из вагона, то ему одна дорога — через ручей, в этот спасительный лес… Сейчас он был бы далеко отсюда.

Но этот путь теперь не для него. Ему надо вверх. Он приподнял голову и посмотрел наверх. В нескольких метрах можно было различить стальную полоску рельса.

«Рельсы уже близко. Ещё три-четыре подтяжки — и можно достать рукой…»

Евгений сделал ещё одну подтяжку, перехватил рукой проволоку повыше и вдруг почувствовал, что хочется есть.

2.

После удачной сделки Константин повёл их в ресторан гостиницы «Ангара». Володя хорошо запомнил число и день: тридцатое мая 1980 года, пятница.

Он, да и Витя-Перец, и Исаак впервые тогда оказались в таком шикарном, по их пониманию, заведении.

Два огромных зала освещались, несмотря на обилие многоламповых люстр, неярким светом и настраивали вошедших на неспешные действия.

Они, неторопливо выбрав свободные места в первом зале, сели за боковой столик, разделённый с двух сторон перегородками. Почти сразу возле них появилась официантка, и Константин стал делать заказ. Он не посчитал нужным посоветоваться с товарищами, но товарищи и не возражали. Витя с Исааком, не скрывая любопытства, приоткрыв рты, рассматривали и зал, и столик, и официантку, и посетителей этого часа. Володя, как и его приятели, с любопытством глядел на отдалённую эстраду с музыкантами, на немногих танцующих под музыку людей, не слушая, что говорит девушке-официантке Константин.

Как за боковыми, так и за столами в центре зала сидело несколько военных в окружении шикарно одетых дам возрастом за тридцать. Были здесь три или четыре молоденьких девчонки, видимо, студентки, опекаемые солидными мужчинами в костюмах-троечках.

Для похода в ресторан приятели тоже оделись торжественно. Витя-Перец и Исаак принарядились в новые костюмы и белые рубашки. У них были одинаковые синие галстуки с олимпийской символикой — башенкой со звездой и олимпийскими кольцами.

Володя к тому времени новый костюм себе не купил, надел старый, ещё не изношенный, в котором поступал на подготовительное отделение. А вот синяя рубашка и неброский чёрный галстук были куплены им вчера. Ну и, конечно же, Константин не был бы Константином, если бы не выделялся из их четвёрки. Впрочем, в тот день он выделялся из всех посетителей ресторана «Ангара», а может быть, и вообще всех мужчин города Иркутска. Константин был во френче. Чёрный с отливом френч, с воротником-стоечкой и накладными карманами на груди, напоминал китель.

— Тебе бы, Костян, ещё погоны — и был похож на адмирала или командира военного

крейсера,— сделал комплимент другу Володя, когда они вышли из общежития и поймали такси, направляясь в ресторан.

— А то! — засмеялся в ответ Константин.— Мы не хуже адмиралов отдыхать и расслабляться умеем!

Пока приятели всматривались в зал ресторана, Константин не без удовольствия смотрел на них. Вскоре на столе появились четыре рыбных салата, нарезанный дольками лимон, разломанная на несколько частей плитка шоколада на блюдечке, четыре рюмочки-тюльпанчика, похожих на маленькие фужеры, и графинчик с коньяком.

— Я решил коньяк молдавский заказать — «Белый аист»,— сказал приятелям Константин.— Отец мой его всегда предпочитает другим. Салатик у нас с омулем. Позже принесут пельмени, а на десерт — кофе и мороженое. Это на пока, а там видно будет.

— Как масть пойдёт? — улыбнулся Исаак, изменившийся и выглядевший солидно в своём новом костюме.

— Вот именно! — ответил Константин, потирая руки.— Как говорил в фильме «Бриллиантовая рука» Андрей Миронов Юрию Никулину в летнем ресторане «Плакучая ива»: «Ну-с, начнём, пожалуй!» Исаак, наливай!

Сияющий Исаак тоже потёр руки и взялся за графин.

3.

От первой мысли — предложить товар «небедным студентам университета» — Константин, поразмыслив, отказался.

— Лучше в универе не светиться,— сказал он, выдавая товарищам, как он выразился, «джинсу» — юбки, брюки и рубашки.— Сто процентов слух разойдётся, что мы барышничаем. Дойдёт до преподавателей… Лучше разделим город на участки, и каждый будет работать на своём.

— Да уж, работа… — язвительно сказал тогда Володя, найдя сочувствие только в глазах Вити Перцева.

— Да, работа! — как можно серьёзнее возразил ему Константин.— Да, непростая и рискованная работа. Но прошу отметить, что ещё и благодарная, если хорошо её сделаешь…

Его пояснения вызвали блеск только в глазах Исаака.

Реализовать товар они решили в самых оживлённых местах. Участок в районе центрального рынка, включая сам рынок, корпус сельхозинститута, театральное училище по улице Тимирязева и прилегающие точки общепита, достался Володе. Исаак сам вызвался курировать автовокзал, надеясь реализовать заграничный товар землякам-бурятам и туристам, следовавшим к Байкалу. Витю-Перца, скромно высказавшего пожелание: «Не попасться бы на глаза землякам-сельчанам за этой работой. Позору потом в деревне не оберёшься…» — Константин направил в район аэропорта.

— Деревенские твои на самолётах не летают,— сказал он,— так что будь там спок. А я гостиницы возьму на себя и железнодорожников: вокзал, поезда, электрички. Если, Витёк, у тебя ничего не получится, то пойдёшь ко мне стажёром — покажу, как надо дела такие делать!

— Да я сам попробую, может, получится… — смутился Виктор.

— Ну и хорошо! — засмеялся Константин.— Всё у нас получится. А чтобы поднять ваш интерес к предстоящему мероприятию, будет такой расклад: я каждому из вас выдаю товару на семьсот рублей. Это за весь комплект: двое брюк, две рубашки, одна юбка. Хотите — продавайте оптом, хотите — поштучно. По семьсот рублей вы мне возвращаете. Если брюки отдать хотя бы по двести рэ, юбки за сто пятьдесят, а рубашки по сотне — и то навару получится полтинник. Но обычно брюки-джинсы предлагают за двести пятьдесят и торгуются — скидывают десятку-другую, юбка за двести, край за сто семьдесят идёт, рубашки от ста двадцати до ста пятидесяти рублей. Так, что при умном подходе сотни две, а то и три срубить с реализации на свой карман можно.

Исаак с азартом потёр руки.

— На тысячу навряд ли, но за девятьсот или восемьсот пятьдесят рублей, думаю, я смогу своим землякам предложить,— сказал он, сияя.

— Ну, ты можешь им, землякам, по блату и за семьсот десять всё отдать. Десятку себе оставишь — разок в кафе сходишь: на коньячка рюмочку, мороженое и кофе хватит,— подмигнул ему Константин.— Или вообще за семьсот один рубль отдай. В столовке суп-харчо и чай с пирожком возьмёшь — и довольно на первый раз.

Все, включая никогда не обижающего на замечания друзей Исаака, засмеялись.

Смех и весёлое настроение опытного в таких делах Константина придавали уверенности начинающим фарцовщикам, и в один из воскресных майских дней они вышли на первое в своей жизни уголовно преследуемое дело.

4.

Много раз потом Володя думал и об этом дне. Много раз мечтал вернуться к его началу и всё исправить, сделать по-другому.

«Всё могло быть по-другому, в моей жизни — уж точно, если бы я не продал тогда ничего и вернул бы вещи Костяну… Если бы не пошёл в торговый комплекс…»

5.

Он пришёл к центральному рынку со спортивной сумкой в начале девятого утра. Начинался

хороший солнечный день, и народ уже тянулся за покупками. Частники на подходах выкладывали урожай прошлого лета — овощи и фрукты — на деревянные столики, предлагали свежую черемшу и зелёный лук. Внутри рынка оживали мясные и колбасные ряды. Любители рыбы шли к отделам, где торговали омулем, хариусом и красными, ещё трепещущими карасями.

Володя обошёл вокруг уличных рядов и два зала рынка, присматриваясь к продавцам и покупателям, сделав вывод, что лучше товар предлагать стоящим за рядами продавцам мяса или рыбы: у них и оборот побольше, и деньги всегда есть. В дальнем ряду, где торговали рыбой, он обратил внимание на полную, улыбчивую, громко зазывающую покупателей даму лет сорока и, выбрав момент, когда у прилавка не было покупателей, подошёл.

— Чем, соколик, интересуешься? Копчёненькая, солёненькая, свежая рыбка… Какую хочешь? — быстро заговорила продавщица, улыбаясь ему.

Володя подался чуть вперёд, нагнувшись над прилавком. Продавщица поняла и наклонилась ближе.

— Джинсы, джинсовые юбки, рубашки не интересуют? — спросил он тихо и быстро.

Толстушка, немного отпрянув, изменилась в лице.

У прилавка рядом с Володей остановились мужчина и женщина, разглядывая рыбу.

— Это же смотреть надо… — сказала, снова наклонившись к нему продавщица. — Сейчас не получится… Начало дня, торговля только начинается, а к обеду мне ещё рыбки подкинут, принимать нужно будет… Если не продашь, приходи часам к пяти вечера, посмотрю…

— Ладно, — кивнул Володя и с облегчением отошёл от прилавка.

Было уже начало одиннадцатого, когда он решил ещё раз обойти рынок вокруг. Возле автобусно-трамвайной остановки по улице имени академика Тимирязева стояла белая «Волга» с чёрными квадратиками на дверце — такси. Таксист, видимо, поджидая пассажира, сидел за рулём с развёрнутой газетой.

— Джинсы, джинсовые юбки, рубашки не интересуют? — спросил его сразу, подойдя к приоткрытой дверце автомашины, Володя.

Водитель приподнял голову.

Лицо молодого парня-бурята показалось Володе знакомым.

Парень тоже с любопытством глядел на него.

— Сапрунов? Володька? — спросил он неуверенно.

— Ханкаев? Дамир! — узнал Володя.

— Садись, поговорим, — пригласил Дамир армейского товарища, открывая ему противоположную дверь «Волги». — Я тут ещё полчаса, не меньше, простою. Клиентов привёз в торговый комплекс, а там рядом нигде не припарковаться, я тут остановился. Они просили подождать. Вот жду, — сказал он, когда Володя сел с ним рядом. — Я второй год тут на тачке работаю. Перебрался из деревни… У меня дядя здесь, в Иркутске, инженером в таксопарке работает… Помог устроиться. У него пока живу. Ну а ты как?

— Я студент. Учусь на историческом, в универе.

Володя почувствовал, как краска выступает на его лице. Неудобно получилось. Надо было сначала подойти, поздороваться с таксистом, посмотреть, кто за рулём…

Но Дамир, кажется, уже забыл, с чего началось их общение. Он был искренне рад встрече.

— Молодец! — похвалил он. — Я помню, что ты хотел на подготовительное отделение поступать. Поступил тогда?

— Да, поступил на подготовительное, а потом на первый курс зачислили. Скоро экзамены курсовые, а там — на второй.

— Ну и отлично! А как наш боевой сержант Юраня Матзагир? Вы же с ним, помнится, из одного района в армию призывались.

— Да. Юрка зиму у себя в посёлке, в леспромхозе, поработал, а потом в мореходку на Дальний Восток уехал.

— Помнится, он о чём-то таком мечтал, — сказал Дамир и вздохнул. — Ну, молодцы вы: стремитесь к своей задуманной цели… А я вот баранку кручу, вожу пассажиров по Иркутску… Иногда за город. Один раз вот так же, как тебя, возле рынка Травкина встретил. Помнишь его, он из Бурятии?

— А как же! — воскликнул обрадованный Володя. — Толик Травкин!

— Он тоже в Иркутске. На охотоведа учится.

— Да охотоведческий факультет же здесь, на Тимирязева! Рядом с рынком! — продолжал удивляться Володя. — Я сколько раз проходил там мимо!

— А я его два раза подвозил от вокзала. С сумками прямо на занятия, — продолжал рассказывать Дамир. — И Зот наш тут тоже — Зотченко. Он в Свердловском РОВД, в милиции, служит. Сержант патрульно-постовой службы. Учится заочно в школе милиции.

— И Зота видишь? — снова удивился Володя. — Ну ты, Дамир, даёшь — со всеми контачишь! А я вот уже полтора года как в Иркутске, а только тебя за это время и встретил…

— Ну, тебе когда по городу разгуливать? Тебе гранит науки грызть надо… — улыбнулся Дамир. — А я по городу катаюсь и днём, и ночью… Нет-нет да встретишь старых знакомых. Вот и тебя сегодня…

Искринки погасли в глазах Володи, когда он вспомнил, при каких обстоятельствах встретил

Дамира Ханкаева. Если бы не пришёл к рынку вещи продавать, то и не встретил бы.

— А ты, как я вижу, не только науку постигаешь, ещё и с дефицитом в стране борешься,— сказал Дамир, заметив перемену в лице однополчанина, и кивнул на сумку, стоящую на коленях Володи.— Предлагаешь гражданам импортный товар. Пофарцевать решил? Денег подзаработать?

— Да как сказать…— смутился Володя, глядя на свою сумку.

— Да скажи как есть…— спокойно отреагировал на смену тона в разговоре Дамир.— Я всё понимаю. У самого работа такая: бывает, и левака подвезёшь, и сверх таксы возьмёшь… Дядя меня строго предупреждает, и я стараюсь его не подвести, но случается всё равно… Не мы такие — жизнь такая. Вот и английский помаленьку учу — разговорник купил, чтобы с интуристами легче общаться было. Они хорошо платят, не скупятся. А некоторые наши любители выпить, с горящим нутром и безумными глазами, ловят ночью таксистов и просят продать им водки или вина. По червонцу предлагают за бутылку, а то и больше. Я водку с собой не вожу, но иногда особо страждущих доставляю по нужным им адресам. Небескорыстно, как понимаешь… Так что, если хочешь, расскажи мне про свою фарцовку. Может, какой совет дельный дам. Бескорыстно! Как другу!

Дамир засмеялся, сделав ударение на последних словах.

— Ты мне, наверное, не поверишь,— сказал вполголоса, подняв голову и глядя на улыбающегося Дамира, Володя.— Я в первый раз сегодня… Студент один наш, вместе в комнате живём, из Ангарска, предложил нам с товарищами подзаработать — продать вот это барахлишко. Ну, вот я и решил попробовать… Деньги, сам знаешь, лишними не бывают, особенно у студентов…

— Из Ангарска студент, говоришь? Да, там они такие…— Дамир, продолжая улыбаться, покачал головой.— Знаю я этих ангарчан…

— Да, из Ангарска,— подтвердил Володя.— Я вот взялся, но сразу понял, что не моё это дело. Зря согласился… Хожу тут уже больше двух часов и к тебе только да к продавщице рыбного отдела на рынке обратился… Смелости и наглости у меня не хватает. Не по мне всё это… Наверное, верну Константину товар его…

— Ты знаешь, я всё больше и больше убеждаюсь, что в этой жизни всё не случайно,— вдруг, сделав лицо серьёзным, сказал Дамир.— Все наши поступки, все наши встречи как будто кем-то заранее придуманы и расписаны. Указано как будто, кому в каком месте быть, и мы по этой указке там в нужное время оказываемся. У тебя такие мысли ни разу не появлялись?

— Появлялись,— кивнул Володя, не поняв, к чему Дамир вдруг заговорил об этом.

— Так вот, я думаю, что сегодня как раз такой случай,— сказал Дамир.— Я сейчас подвозил парочку интересных людишек: мужчину, примерно за сорок, и женщину, ей около тридцати. По их разговору понял, что они приехали в торговый комплекс «сориентироваться по ценам», как женщина выразилась. Они о шубах говорили, что по весне на них цены должны упасть, и про золотые изделия. Вроде как, наоборот, золото должно вот-вот подорожать. Я это к тому говорю, что, может, их заинтересует то, что у тебя в сумке…

— Может,— согласился Володя.— Ты предлагаешь их подождать здесь?

— Нет. Лучше будет, если они не заподозрят, что мы знакомы и что я на них тебя навёл. Ты иди в торговый комплекс, сначала в отдел шуб, а если их там нет, то пройди в ювелирный. Ты их сразу узнаешь. Мужик в чёрной короткой кожаной куртке, кудрявые волосы русые, до плеч, а баба в синем полупальто, и платок на ней большой такой цветастый, концы по пальто свисают. Сразу не подходи, прицениcь к ним, но и долго их не разглядывай, подозрение можно вызвать. Постарайся выбрать момент — и предложишь мужику… Лучше, когда бабы не будет рядом.

— Ну ладно,— кивнул Володя,— попробую. Всё равно кому-то надо предлагать. Спасибо, Дамир. Пойду поищу мужика в кожанке.

— Удачи! — пожелал Дамир.— И давай не теряйся. Скажи мне адрес твоего общежития, а я тебе сейчас свой запишу. Я на Байкальской улице живу.

Володя назвал адрес общежития. Дамир записал в блокнот, а затем, сделав ещё запись, вырвал страничку и протянул листочек Володе.

— Вот мой адрес. Думаю, несмотря на твои экзамены скорые и мою работу, выберем время, посидим где-нибудь. Или в Листвянку, на Байкал, съездим. Друзей своих возьмёшь, я вас на «Волге» с ветерком прокачу.

— Добро! — заулыбался Володя, выходя из машины.— Буду иметь в виду экскурсию на Байкал. Спасибо ещё раз, Дамир!

Дамир тоже вышел из автомобиля и пожал Володе руку.

— Ну, ни пуха! — пожелал он.— Потом расскажешь: как всё прошло.

Володя кивнул и, набросив ремешок сумки на плечо, пошёл к торговому комплексу.

6.

Всё в тот день произошло как по предсказанному Дамиром и действительно будто кем-то написанному сценарию. Поднявшись на второй этаж торгового комплекса, Володя сразу же увидел идущих ему навстречу мужчину в чёрной кожанке и женщину в шикарном платке и синем полупальто.

От неожиданности Володя остановился. А дальше, действительно как по сценарию, мужчина,

поравнявшись с ним, сказал женщине, чтобы она ждала его на первом этаже, а сам свернул влево. Володя понял, что он идёт туда, где располагается мужской туалет, и пошёл следом.

«Это шанс!» — подумал он, вспоминая слова Дамира о предопределённости всего, что происходит вокруг.

Володя зашёл в туалет следом за мужчиной и остановился возле умывальника. Пока он разглядывал себя в зеркале и умывал руки, мужчина в кожанке тоже подошёл к умывальнику и встал рядом с ним.

«Сейчас или никогда!» — решился Володя.

— Вас случайно джинсы, рубашки не интересуют? — спросил он вполголоса, когда мужчина стал умывать руки.

Мужчина медленно повернул голову в его сторону, посмотрел оценивающе на него, потом на сумку.

— Это у тебя всё с собой? — спросил он как бы нехотя, тоже вполголоса, закрыв кран умывальника и вытирая руки салфеткой.

Володя кивнул.

— Покажи,— приказал мужчина, голос его уже был погромче и поувереннее.

Володя тут же снял сумку с плеча, обхватил её на уровне груди и открыл замок.

Мужчина приподнял двумя пальцами лежавшую сверху рубашку, заглянул под неё, убеждаясь, что там ещё что-то есть.

— Давай не здесь. Сюда в любой момент могут зайти,— сказал он.— Спускайся вниз, к пивной. Знаешь где?

— Знаю,— Володя снова утвердительно кивнул.

— Ну вот, жди меня возле пивной. Я минут через десять подойду.

Пивбар находился в подвале торгового комплекса. Володя с приятелями-студентами был там за время учёбы раза три и каждый раз замечал какие-то перемены. В пивбаре постоянно проводились перестановки столов и менялись порядки. То продавали пиво только в комплекте с резанной на тарелочке и окроплённой луком селёдочкой, то отдельно от неё, но не более двух кружек на человека.

Володя ждал недолго. Мужчина в кожанке и женщина в платке подошли почти следом. Женщина в обуви на тонких каблуках-шпильках была чуть выше своего спутника, но чуть пониже Володи, рост которого, согласно ещё армейскому замеру, равнялся одному метру и семидесяти пяти сантиметрам.

«Шикарная дама!» — восторженно подумал, глядя на неё, Володя.

— Инессочка, подожди меня в машине, а я тут с молодым человеком пообщаюсь,— сказал мужчина даме, когда они остановились возле Володи.

Поразительной красоты глаза Инессочки — большие, карие, с подчёркнутыми тушью ресницами и тонкими бровями над ними,— внимательно и пристрастно осмотрели Володю, остановившись на его сумке. Она кивнула мужчине и молча пошла дальше, постукивая по асфальту тонкими высокими шпильками своих полусапожек. Шла она, как подумал Володя, глядя ей вслед, «грациозно и фигурно». Стройные ноги её в белом капроне, коричневые полусапожки, полупальто и платок смотрелись на ней красиво и завораживали.

— Ну что, дружок, пойдём по кружечке пивка через организм пропустим? — улыбнулся мужчина в кожанке, давая возможность Володе оторвать взгляд от уходящей женщины и первому спуститься по лестнице в подвал.

Ничего, как показалось Володе, не изменилось с его последнего прихода в пивбар. Длинные, в два ряда, столы вдоль стен, за которыми сидело с пивными кружками несколько человек.

— Степаныч здесь? — спросил мужчина, поздоровавшись с девушкой за барной стойкой.

Та улыбнулась ему.

— Валерия Степановича нет пока,— сказала она.— Но могу позвать Ольгу Алексеевну. Она за него сейчас…

— Позови, пожалуйста,— подмигнул ей мужчина.

Девушка ушла и через минуту вернулась с кучерявой, невысокого роста, пожилой женщиной в белом халате. Завитушки кудрей её выглядели ненатурально, а волосы были окрашены в белый цвет

— Сергей Иннокентьевич! Здравствуйте! — просияла женщина, увидев Володиного спутника.— Давно не были у нас. Вам поговорить?

— Да, как обычно, Ольга Алексеевна,— сказал ей, поздоровавшись, Сергей Иннокентьевич.— Если можно…

— Ну, вам всегда можно,— продолжала улыбаться ему крашеная блондинка и показала на дверь справа от барной стойки.— Проходите, пожалуйста!

За дверью была небольшая комната: стол, четыре стула, в углу прибита вешалка.

— Присаживайтесь,— сказала Ольга Алексеевна.— Сегодня у нас пиво тёмное бархатное и светлое жигулёвское.

— Нам светлого по кружечке,— сказал Сергей Иннокентьевич.

— К пиву селёдочки или омуля? — спросила Ольга Алексеевна.

— Давайте омуля. Гулять так гулять! — засмеялся Сергей Иннокентьевич и показал Володе на стул: — Располагайся.

7.

Сколько раз вспоминал позже Володя и ту встречу, и ту сделку и всегда спрашивал себя: «С неё ли

всё началось?» — чаще всего давая утвердительный ответ. Иногда Володя говорил себе: «Если бы этот Сергей Иннокентьевич не взял бы у меня тогда товар, то вся бы моя жизнь сложилась по-другому». Но, подумав и взяв под контроль эмоции, соглашался с тем, что можно было бы остановиться и после этой сделки. И позже не соглашаться на другие предложения Константина. Ну а та его первая сделка в пивбаре торгового комплекса, видимо, действительно была предрешена. Всё сложилось так, как должно было сложиться: он пришёл в нужное время на рынок, подошёл в нужный час к «Волге», где увидел Дамира, а потом, в нужную минуту, вышел прямо на Сергея Иннокентьевича и красотку Инессу.

«Нужное время, нужный час, нужная минута… Кому нужные? Мне? Сергею Иннокентьевичу? Инессе? Дамиру? А может, Константину? Кому? Кто от этого выиграл тогда? Кто-то стал богаче? Счастливее? Навряд ли…»

8.

Сергей Иннокентьевич ни к пиву, ни к омулю не притронулся.

— Ты давай пей, не торопись, а я пока посмотрю, что у тебя тут, — сказал он Володе, по-хозяйски открыв его сумку и доставая оттуда вещи. — Тебя как зовут-кличут?

— Владимир…

Володя сделал пару глотков. Пиво было свежим и приятным на вкус. Сразу захотелось есть. Он откусил хлеб, подцепил на вилку кусочек рыбки. И омуль, и даже хлеб — мягкий и хрустящий — показались Володе необычайно вкусными.

— Работаешь где или учишься? — снова спросил Сергей Иннокентьевич, доставая из сумки вещи.

— Студент Иркутского госуниверситета. Исторический факультет! — отрапортовал, как рядовой командиру, Володя и сделал ещё глоток из кружки.

— А-а-а-а! Понятно! — развеселился вдруг Сергей Иннокентьевич. — А я-то думаю: кого ты мне напоминаешь из исторических персонажей? Теперь понял: Владимира Мономаха!..

— Это чем же? — удивился Володя.

— Да, наверное, тем, как ты имя своё произнёс: Владимир! Торжественно, по-царски, точнее — по-княжески. Ну а меня как зовут, ты уже слышал. Пей пиво и из второй кружки и ешь всю рыбу, мне не оставляй!

Сергей Иннокентьевич перебрал джинсы и рубашки, рассмотрел этикетки и, аккуратно свернув и сложив вещи обратно в сумку, спросил:

— Сколько просишь за всё?

— Тысячу… — неуверенно произнёс Володя, уже чувствуя, что он должник своего покупателя.

— По-княжески! — сказал, улыбаясь, Сергей Иннокентьевич, присаживаясь рядом. — Ну, косарь за это многовато, конечно. За восемьсот могу взять.

— Девятьсот! — вырвалось у Володи, и он сам удивился своей смелости. — Девятьсот двадцать… — сказал он тут же, уже тише, вспомнив, что две недели назад занимал двадцать рублей у Константина.

Сергей Иннокентьевич засмеялся:

— А двадцать-то почему ещё?

— Надо мне… — опустил голову Володя.

— И мне надо… — сказал, вставая, Сергей Иннокентьевич. — Прояви ко мне хоть своё княжеское великодушие! Я сам уже давно такими делами не занимаюсь. Пройденный этап моей жизни. Но сегодня меня утром моя соседка ни с того ни с сего вдруг попросила достать ей кое-что… Как раз джинсы, рубашки, юбки… Я ей не обещал… Так, поговорили, и всё. И вдруг ты с нужными ей вещами возник… Как волшебник с барахолки.

Сергей Иннокентьевич встал, хлопнув по плечу тоже поднявшегося из-за стола Володю.

— Правда, соседка две юбки просила и рубашки четыре, как мне помнится… Да, думаю, что и от лишней парочки джинсов она не отказалось бы… У тебя ещё что-то из такого же на продажу есть?

— Есть, — сказал Володя, подумав о Вите-Перце, о том, что он навряд ли что-либо продал. — Есть ещё такой же наборчик.

— Ну хорошо, — снова присел на стул Сергей Иннокентьевич. — В общем, так: даю тебе за всё девятьсот рублей. Забираю товар вместе с сумкой. В качестве компенсации оплачиваю пивбар. А ты поговори со своими. Могу взять ещё один такой же комплект за восемьсот восемьдесят рублей. Но только один раз и только ради тебя, твоего княжеского имени. Если будет ещё, то самая большая цена — восемьсот пятьдесят. Понял?

— Да… — сказал Володя, присаживаясь на свой стул.

— Согласен?

Володя кивнул.

— Ну и хорошо. Если с дружками решите, то сегодня с семнадцати до восемнадцати часов можем встретиться снова.

— Здесь?

— Нет. «Баньку» знаешь? Кафе-мороженое напротив управления железной дороги?

— Знаю… Был там…

— Вот там и жди, если надумаешь. Приходи один, с товаром. Ну, на худой конец, для подстраховки, с приятелем. Большой толпы не надо. Ясно?

— Ясно.

Сергей Иннокентьевич достал из внутреннего кармана пачку десятирублёвок и, оторвав ленточку с торца, отсчитал десять купюр, вытянул их из пачки, свернул вдвое и спрятал в боковой карман куртки.

— Вот твои девятьсот, — протянул он пачку Володе. — Посиди пока тут. Пива попей. Денежки

пересчитай. А минут через сорок, через час после того, как я уйду, выйдешь. Лады?

— Лады,— сказал Володя, взяв початую пачку десятирублёвок.

— Ну, пока! — Сергей Иннокентьевич встал, протянув Володе руку.

Володя поднялся, пожал руку новому знакомому.

— Сейчас тебе омулька ещё принесут, обслужат как князя,— сказал Сергей Иннокентьевич и, забросив ремешок Володиной сумки на плечо, спросил: — Твоих вещей там никаких нет?

— Нет,— сказал Володя, прощаясь с сумкой, которую он купил по осени, по приезде на учёбу.

Сергей Иннокентьевич, махнув Володе на прощание, вышел.

Володя сел и быстро пересчитал деньги. Он впервые в жизни держал в руках столько красненьких бумажек, что разволновался и в спешке, косясь на дверь, насчитал сначала восемьдесят девять штук, потом — восемьдесят восемь.

Он хотел пересчитать в третий раз, но в дверь постучали.

Зашла Ольга Алексеевна.

— Вот — вам. Как было заказано Сергеем Иннокентьевичем,— она поставила на стол тарелочку с нарезанной рыбой.

— Спасибо!

— Рады услужить! — улыбка Ольги Алексеевны молодила её лицо.— Друзья Сергея Иннокентьевича — наши друзья! А вы, позвольте спросить, тоже из иняза?

— Нет, я в университете учусь…— ответил Володя.

Для него была неожиданной новость, что Сергей Иннокентьевич как-то связан с институтом иностранных языков. Неужели он там преподаёт?

— Да-а-а…— словно удивившись, произнесла Ольга Алексеевна, и Володя подумал, глядя на неё, что она, скорее всего, ещё не достигла пенсионного возраста, как ему показалось сначала.— В игу учитесь? Не на журналиста?

— Нет, я на историческом…

— Молодец! — похвалила Ольга Алексеевна.— Археологом, наверное, будешь? На раскопки разные выезжать, старинные поселения открывать?

— Хотелось бы,— смущённо сказал Володя.

— А мой младший сын журналистом мечтает стать,— вздохнула Ольга Алексеевна.— Заметки разные пишет, стихи сочиняет… Он в этом году школу заканчивает, летом поступать будет. Его заметки печатали в заводской газете. Редактор их хвалил.

— Ну, раз редактор его поддерживает, значит, поступит,— сказал Володя, подумав про Исаака.— У меня друг на журналиста учится. Его там, где он живёт, в районе, своя, местная редакция рекомендовала в университет, и он поступил. Правда, через подготовительное отделение… Но у всех редакторов газет, я думаю, есть связь с факультетом журналистики. И вашему сыну хорошую рекомендацию напишут.

— Дай бы Бог, чтобы поступил…— снова вздохнула Ольга Алексеевна.— Если не поступит, в армию заберут. А ты в армии был?

— Да. Я после армии в университет поступал.

Ольга Алексеевна одобрительно покачала головой и вышла.

А Володя, уже совсем успокоившись, вынул пачку денег из кармана куртки и теперь неспешно, не озираясь на двери, насчитал девяносто бумажек.

9.

Выйдя из пивбара, он решил сразу ехать в аэропорт.

Витю-Перца долго искать не пришлось. Тот сидел на скамейке недалеко от конечной автобусной остановки. Наверное, любой человек, не только Володя, глянув в эту минуту на выражение лица Виктора, сразу бы решил, что нет сейчас на всей земле человека несчастнее его.

Витя выглядел растерянным, подавленным, сконфуженным. Он сидел на краю скамейки, закинув ногу на ногу, подперев одной рукой подбородок опущенной вниз головы. Локоть упирался ему в колено. Синяя спортивная сумка была им небрежно брошена на другом конце скамьи, и можно было подумать, что Витя не имеет к ней никакого отношения

— Мне сейчас один мужик чуть по морде не дал,— сказал он, увидев приятеля.— Я ему джинсы предложил, а он лётчиком оказался… Схватил меня за грудь и сказал, что если я не уйду сейчас же, то он милицию на меня натравит.

— Так и сказал: натравит? — спросил, стараясь улыбнуться, Володя.

— Сказал: «Натравлю на тебя сейчас милиционера»,— откинувшись на спинку скамейки и складывая руки на груди, сказал Витя.— А я вот сел здесь и жду. Пусть милиционер приходит. Мне всё равно. Зачем я согласился? Это же совсем не для меня. Не могу я барыжничать: ни подойти не могу, ни предложить уверенно… Только надумаю, решусь, а тут сразу и ноги, и руки трястись начинают… Как будто краденое в сумке у меня лежит. Будто спёр у кого-то и пытаюсь сбыть… Такое вот чувство. А у тебя?

— Да, и у меня такое же чувство,— Володя сел рядом с другом, положил ему руку на плечо.— Чувство не самое лучшее, но коли согласился…

— Согласился! — Виктор встрепенулся и повернулся к Володе.— Согласился, не подумав хорошенько!

— А ты в аэропорт-то заходил? В зал ожидания? — спросил Володя.

— Заходил, обошёл зал вокруг и вышел… Там все своими делами заняты, им не до меня,

не до купли-продажи. Хотел к буфетчице подойти, так около неё постоянно народ. А вышел — нарвался на этого… Откуда я знал, что он лётчик? Он был в гражданской одежде, в плаще. А оказалось, что он тут чуть ли не командир всех лётных экипажей. Заорал на меня: «Ты кому предлагаешь барахло своё? Барыга несчастный!» Схватил за грудки, чуть не придушил…

— Ну ладно, забудь… — сказал Володя, глядя в бегающие, растерянные глаза приятеля. — Не всегда всё сразу получается. И у меня не сразу вышло. Но не буду тебя томить. С тебя бутылка. Кажется, сегодня мы сбагрим и твою партию.

— Кому? — удивился Витя, опустив руки на колени. — Ты что, уже продал своё?

Володя кивнул, стараясь изобразить на лице загадочную улыбку.

Но Витя, вдруг резко сбросив руку товарища, поднялся со скамьи.

— Знаешь, а мне уже точно ничего не надо! — сказал он громко. — Я уже натерпелся унижений и оскорблений! Забери вот всё, вместе с сумкой! Продай сам за сколько сможешь и возьми всю разницу себе. Мне не надо!

— Тихо, тихо, тихо! — встав рядом с Виктором и поймав его за руку, проговорил Володя. — Давай без всякой паники. Успокоимся сначала. Мы же с тобой друзья, Витёк. Однокашники. Не одну кастрюльку за время нашего знакомства каши разной съели. Сейчас зайдём в кафешку какую-нибудь, перекусим спокойно. Угощу тебя кофе. Потом поедем в общежитие, отдохнём, а к пяти часам отвезём твою партию куда нужно, отдадим, получим денежки…

— А куда нужно везти? — спросил успокаивающийся Виктор.

— Мы об этом в кафе с тобой поговорим, — сказал Володя, взяв его за плечи и убеждаясь, что приятель успокоился. — Бери свою сумку, и пошли на остановку.

В курс дела он ввёл Витю, когда они сели за столик в кафе недалеко от планетария.

Володя взял для приятеля макароны с котлетой, бутерброд и кофе. Себе — кофе и бутерброд. Он хотел заказать по сто пятьдесят граммов вина, но решил, что после пива вино ему будет не на пользу и лучше отметить удачную сделку вечером, после того как они получат деньги за Витину партию шмоток.

— Пойдём вдвоём, а разговаривать с покупателем буду я, — пояснял другу Володя. — Отдадим, заберём деньги. Они все твои будут. Хорош бы я был тебе друг, если бы ещё от твоей доли себе отрезал…

— Но ведь это ты, получается, организовываешь и продаёшь, а значит, я ни при чём. Весь навар — твой, выходит! — возражал Виктор.

— Твой! — убеждал его не менее горячо Володя. — Твой это навар будет! Тебе выдали вещи — значит, они твои! А я тебе просто как друг помогаю. В другой раз ты мне поможешь. С твоей доли мне ничего не надо. Разве что бутылку водки купишь… Обмыть сделку, как полагается в таких случаях…

10.

В «Баньку» их, прогуливавшихся как-то после занятий по городу, в первый раз, ещё зимой, затянул Константин.

Почему небольшое кафе-мороженое, где, кроме белого лакомства с джемом и шоколадом в железных чашечках, продавали на розлив сухое и полусладкое вино и варили необычайно вкусный кофе, называли все «Банькой», никто толком объяснить не мог. Всезнающий Константин на этот вопрос ответил так:

— Я слышал две версии названия. Первая: из-за алюминиевых листов с гофрированием под цветочек, какими оформлено кафе внутри. Такое же оформление в банях бывает. А вторая версия: когда в кафе собирается много народу, окна начинают запотевать, и с улицы ничего и никого не видно. Какой-то остряк, имя его неизвестно, сравнил это местный феномен с парной в бане. Выбирайте любую версию. Кому какая нравится. Можете свою придумать — глядишь, тоже приживётся…

11.

Володя с Витей-Перцем подъехали к «Баньке» примерно без двадцати пять. В кафе сидели три девушки и два парня. Один столик был свободен, и Володя, кивнув Виктору, чтобы присаживался, пошёл к стойке и заказал два мороженых с земляничным джемом и кофе по-венски.

— Красиво живём! — воскликнул Витя, увидев мороженое, а когда им принесли кофе, добавил, что у него нет слов это комментировать.

— Все комментарии и реплики потом, — сказал ему на это Володя.

Они просидели в кафе, как им показалось, очень долго. Съели мороженое и выпили кофе, а Сергей Иннокентьевич не появлялся.

— Половина шестого уже, — сказал Виктор, заметив, что приятель нервничает и постоянно смотрит на входную дверь.

— Закажи ещё два кофе по-венски, — сказал ему Володя, протягивая трёшку.

— Пока мы твоего покупателя дождёмся, ты всю прибыль свою просадишь, — покачал головой Витя, принимая три рубля.

Пока Виктор заказывал кофе, за столик к Володе подсела парочка, по-видимому, студентов. Парень с девушкой.

Виктор отставил уже вторую выпитую им чашечку кофе, а Володя неторопливо оттягивал расставание с ароматным напитком, когда в дверь вошла ещё одна парочка: девушка в джинсовом

костюме и кепке, с толстой косой волос, спускающейся по левому её плечу на грудь и ниже, почти до пояса, и длинноволосый парень в тёмной, в белую клеточку, необычной байковой рубашке.

Володя находился метрах в десяти от двери и не сразу, а только присмотревшись, узнал в девушке Инессу.

Если бы он встретил её идущей ему навстречу по улице, то, наверное, не узнал бы. В короткой курточке и обтягивающих её бёдра брюках она мало была похожа на ту утреннюю Инессу — спутницу Сергея Иннокентьевича. Но Володя у пивбара внимательно рассмотрел её красивое лицо, запоминающиеся глаза и узнал. Инесса, едва заметно указав парню на Володю, вышла. Волосатый парень в байковой рубашке, заметив, что Володя смотрит на него, не проходя в зал, показал пальцем на Виктора и пару раз махнул ладонью вниз, затем, указав сначала на сумку, а потом на Володю, поманил к себе.

— Посиди здесь,— сказал Володя, поднимаясь и забирая сумку, пока ещё ничего не понимающему Виктору.— Выглядывай в окно, я тебе махну когда надо.

Витя молча проводил взглядом друга, скрывшегося за дверью вместе с его сумкой и волосатым парнем.

— Ты декана ждёшь? — спросил его парень, когда они вышли.

Володя остановился, не сразу понял, о ком речь.

— Я Сергея Иннокентьевича жду… — сказал он.— Мы с ним договаривались.

— Ты Владимир?

— Да…

— Вон видишь «Жигули» вишнёвого цвета? — парень, не торопясь осмотрев Володю, показал на припаркованный возле тротуара автомобиль.— Иди, садись на заднее сиденье. Я сейчас подойду.

На переднем пассажирском сиденье автомобиля уже располагалась Инесса. Володя поздоровался с ней, усаживаясь сзади.

— Здравствуй,— сказала Инесса, не оборачиваясь.— Ты князь Владимир?

Володя смутился.

— Владимир, но не князь… — проговорил он, едва проглотив слюну.

— Сейчас Толик к тебе подсядет, ему всё покажешь и расскажешь,— улыбаясь, повернулась к нему Инесса.

Толик в байковой рубашке, подсев рядом, сразу бесцеремонно взялся за сумку, стоявшую на Володиных коленях.

— Товар здесь? — спросил он.

Володя кивнул и подал ему сумку.

— Интересно, почему это декан наш тебе сразу доверился?.. — задумчиво сказала Инесса.— Он очень осторожный человек, а тебе как-то сразу открылся. Ты вообще кто?

Карие зрачки Инессы из-под надвинутой на лоб кепки лукаво светились.

— Простой студент… — пробормотал Володя, не узнав своего подавленного волнением голоса.

— Ну, раз простой, а не князь, тогда ладно! — засмеялась Инесса, и расплывшаяся по её лицу улыбка показалась Володе добродушной и располагающей.

— Ты, мужик, наверное, в курсе: о нашей встрече и тем более сделке никому ни слова,— проговорил Толик, рассматривая внимательно этикетки на джинсах и рубашках.

— В курсе,— сказал Володя.

— Я тебе верю,— не отрываясь от своего дела, снова сказал Толик.— А этому своему корешку подробности говорить не надо. Взял, отдал — все дела. Понятно?

— Да, понятно… — тихо проговорил Володя.

— Ну, всё в норме! — сделал заключение Толик, складывая вещи обратно в сумку.— Вот тебе, как вы с Иннокентьичем договаривались, восемь соток, полтинник и три десятки. Пересчитай.

Толик поставил сумку себе на колени и выложил на сиденье между ним и Володей деньги.

— Всё правильно? Восемьсот восемьдесят? — спросил он, когда Володя пересчитал.

— Да, правильно,— Володя, почувствовал, как наливается красным цветом.

«Наверное, я такой же красный сейчас, как Витя-Перец, когда волнуется»,— подумал он, боясь поднять глаза и посмотреть в сторону Инессы.

— Ну, тогда давай, дружок. На этом расстаёмся… Номера телефонов и адреса я не даю никому, но если будет какое хорошее предложение, то подходи к «Баньке». Я пару раз в неделю заглядываю сюда в районе семнадцати-девятнадцати часов. Лады?

Толик протянул руку Володе.

— Лады,— пожимая руку покупателя, Володя мельком глянул на Инессу.

Она смотрела на него всё понимающими глазами. Улыбка не сходила с её лица.

— Приятно было познакомиться,— сказала она вслед выходящему из авто Володе.

— Взаимно,— сказал он ей, закрывая за собой дверцу.

12.

Обрадованный Витя-Перец всю дорогу до общежития рвался купить две бутылки коньяка и отметить удачную сделку.

— Я столько сегодня натерпелся, что не дай Бог! — говорил он, убеждая Володю.— Хорошо, что так закончилось быстро. Ты прав, это надо отметить. Снять стресс…

— Две бутылки нам, даже если и Исаак, и Костя подключатся, будет много. Это уже не фуршет по удачной сделке, а пьянка получится,— стоял

на своём Володя. — Бери одну «Столичную» или «Старку», бузы бурятские. Можно баночку маринованных огурчиков. Выпьем, закусим и за жизнь поговорим …

Как ни хотел Володя, но одной бутылкой спиртного дело всё же не обошлось.

Когда друзья добрались до общежития, было уже восемь часов вечера, а в комнате их ждал сюрприз. На столике у окна стояла высокая бутылка «Советского шампанского», а рядом коньяк «Апшерон». Вокруг них в тарелочках лежали дольки лимона, кружочки колбасы, хлеб. Сияющий и потирающий руки Исаак, было видно, сгорал от нетерпения, а у окна, рядом со столиком, на своей кровати сидел улыбающийся Константин.

— Проходите! Проходите! Давно вас ждём. — Исаак готов был обнять и расцеловать друзей. — Я сегодня удачно всё провернул на автовокзале! Мне земляк один мой, деловой очень, помог всю партию сразу сбыть за тысячу… Правда, пришлось ему полтинник комиссионных заплатить… Но это мелочи… Я от радости такой решил вас угостить коньячком, а Костя шампанское принёс.

— Я подумал, что мои друзья-товарищи в первый день ничего не продадут, придут злые и уставшие… Хотел шампусиком взбодрить… — сказал Константин, поднимаясь с кровати и приближаясь к приятелям.

— А мы тоже не лыком шиты! — улыбнулся Витя, вынимая из пакета и выставляя на стол бутылку «Столичной», банку огурцов, бузы на одноразовой картонной тарелочке. — И мы хотели обмыть нашу удачную продажу и угостить вас водочкой.

— Ну, друзья мои! — воскликнул, глядя на это Константин. — Я вас недооценил! Думал, что вы неделю минимум будете с вещами по рынкам да вокзалам шастать, а вы в один день всё сбагрили! Дайте же я вас обниму, — Константин обхватил своими большими руками стоящих рядом друзей и прижал к себе. — Ну, теперь мы вправе пировать!

Перед тем как все сели за стол, Володя решил отдать причитающиеся Константину семьсот рублей, а заодно вернуть ему двадцатку долга. Витя и Исаак сделали то же самое.

— Здорово получилось, — сказал довольный Константин. — С вами, оказывается, можно дела делать. Правда, говорят, есть такой неписаный закон: новичкам всегда везёт. Это в том смысле, что если новичок садится играть в рулетку или другие какие-то азартные игры, он, как правило, с ходу всегда выигрывает…

— Слышал я про такой закон, — сказал Володя. — Думаю, что это какие-то тёмные силы так затягивают к себе людей. Помогают им на первых порах, а потом…

— Ну-ну-ну! Не надо сегодня о грустном! — перебил его Константин. — Зачем, Володька, ты строишь всякие домыслы? Давайте считать, что мы все фартовые и нам всегда будет везти! И давайте выпьем за успех! У нас сегодня пир! Исаак — разливай! Открывай шампанское!

Там, за столом в комнате общежития, во время пира, вначале задуманного как небольшой фуршет, и появилась у них идея сходить в ресторан.

13.

Оказавшись впервые в «Ангаре», и Володя, и Исаак, и Витя-Перец будто переместились с одной планеты на другую и оказались в неведомой им ранее атмосфере, где дышалось по-другому и шла совсем другая, отличная от их привычной, жизнь.

— Чтобы нам всегда везло и мы всегда имели возможность отметить свой успех в ресторане! — сказал первый тост Константин, когда четыре «тюльпаничика» сошлись в центре стола. — Сразу на закуску не набрасываемся, — пояснил он, когда «тюльпанчики» были уже у их ртов. — Погурманим немного. Закусим после первой лимоном и шоколадом и посмотрим вокруг, вживёмся в ресторанную атмосферу.

Все последовали совету более опытного товарища. Володя с Виктором, как и тостующий, взяли по дольке лимона, Исаак — шоколад.

— А что во втором зале? — спросил Витя-Перец Константина, дожевав лимон.

— Во втором зале совсем другая публика собирается, — охотно, даже с видимым удовольствием, пояснил Константин. — Сюда все гражданские лица приходят в цивильном, а военные как на парад, а в том зале собирается народ обычно в джинсе, вельвете, коже. Но туда, как ни странно, с ходу простым смертным, вроде нас, не попасть. Записываться надо… Неофициально, конечно, но надо, и причём у знакомого официанта только.

— Там что, хиппари собираются? — улыбнулся Витя.

— Хиппари не хиппари, но договариваются там, бывает, по-крупному, — откинувшись на спинку стула, сказал Константин. — Нам, правда, пока такая публика не нужна. Нам среди цивильных хорошо.

— Да, нам здесь даже лучше! — воскликнул Исаак. Было видно, что коньяк ударил ему в голову. — Может, по второй? — предложил он.

Константин посмотрел на товарищей. Их взгляды говорили о том, что они не против и по второй.

Когда Исаак взялся за графин, в зале заиграла музыка. На невысокой сцене появилась девушка в блестящем бледно-розовом платье и запела известную всем песню из репертуара певицы Ксении Георгиади:

Целый день, целый день, целый день
Заставляет тебя мама
Повторять, повторять, повторять:
До-ре-ми-фа-соль-ля-си!

Пустующее пространство возле эстрады стало заполняться желающими размяться.

А в окне, а в окне, как во сне,
Дождь играет свои гаммы,
И звучит за окном целый день
Старомодный клавесин!

— Давайте уже по второй! — призвал Исаак. — Я танцевать пойду!

Быстро коснувшись своей рюмкой с другими, Исаак опрокинул коньяк в рот, откусил лимон. Нажёвывая, он подняв над головой обе руки и под слова припева, пританцовывая, пошёл в середину зала.

А в переулке узеньком
Который день подряд
Даёт уроки музыки
Маэстро листопад.
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна —
И я брожу по городу одна!

Витя-Перец в такт музыке и словам, тоже пережёвывая лимон, хлопал в ладоши, улыбаясь во всё своё большое раскрасневшееся лицо.

Константин и Володя, довольные, смотрели то на Виктора, то в сторону эстрады.

А музыка набирала ход и летела над танцующими и растворившимся среди них Исааком. Девушка-певица, пританцовывая, уверенно держала в руке микрофон, и голос её становился громче, а слова песни — отчётливее:

Целый день, целый день, целый день
Занимаешься зубрёжкой!
Ты окно распахни, посмотри,
Ты увидишь там и тут,
Вместо нот, вместо нот, вместо нот
Ты услышишь за окошком:
На пяти, на пяти проводах
Птицы звонкие поют!

Хор голосов из числа танцующих и сидящих за столами присоединился к певице после второго куплета:

А в переулке узеньком
Который день подряд
Даёт уроки музыки
Маэстро листопад.
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна —
И я брожу по городу одна!

— Наша песня! Студенческая! — наклонившись к столу, перекрикивая музыку, сказал развеселившийся Витя-Перец, и Володя с Константином в такт согласно кивнули ему.

А песня продолжалась, и круг танцующих пополнялся новыми людьми.

Целый день, целый день, целый день
Занимаешься зубрёжкой!
Целый день, целый день, целый день
Занимаешься зубрёжкой!
Целый день, целый день, целый день…
Зубрилка!

— Зубрилка! — понеслось со всех сторон зала.

Казалось, что все собравшиеся в ресторане, включая официантов, кто в такт, кто невпопад, радостно выкрикивали это слово вслед за певицей.

— Зубрилка! — кричал Витя-Перец, продолжая хлопать в ладоши.

Константин с Володей сначала, не сговариваясь, посмотрели на друга, а затем запели вместе со всеми слова припева:

А в переулке узеньком
Который день подряд
Даёт уроки музыки
Маэстро листопад.
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна —
И я брожу по городу одна!

— Ну, друзья, третий тост — за любовь и за то, чтобы девушки не бродили по городу в одиночестве, — призвал Константин, когда вернувшийся за стол Исаак снова наполнил «тюльпанчики».

— Поможем девушкам избавиться от одиночества! — воскликнул Исаак, первым вытягивая в центр свою рюмку.

— Давайте! — поддержал Володя приятеля. — Только за любовь пьют стоя.

— А есть уже можно? — спросил Виктор Константина, когда они выпили и присели на свои места. — А то что-то я лимонами не наедаюсь…

— Да, конечно, Витяня! — вытирая пробившие его от смеха слёзы, сказал Костя. — Нападай давай на рыбу, сейчас пельмешки принесут.

Они ели пельмени из глиняных горшочков, выпивали и разговаривали. В зале звучала музыка и песни. Они говорили об учёбе, о том, хорошо бы им — Константину, Виктору и Володе — напроситься летом в археологическую экспедицию, что формируется в университете, но навряд ли получится, потому что туда берут старшекурсников, и то не всех.

— Хорошо, ребята, если бы вас туда взяли, а я бы с вами как журналист поехал, — сказал мечтательно Исаак. — Да даже и не как журналист. Просто копал бы, как все, и делал всё, что нужно. Меня на лето газета наша зовёт, даже требует редактор, чтобы я поработал до сентября. А мне в экспедицию охота или в стройотряд

какой. Запишусь я в стройотряд. На БАМ поеду или на Дальний Восток…

— На БАМ или на Дальний Восток навряд ли, а вот проводником на пассажирском поезде тебе вполне можно на лето стать,— сказал Константин,— да и нам тоже. Сейчас собирают студенческие бригады на поезда Иркутск — Усть-Илимск и Иркутск — Москва.

— Здорово было бы в Москву за лето раза два-три хотя бы съездить,— включился в разговор Витя-Перец.— Я в Москве ещё не был.

— И я не был,— сказал Володя.

— И я…— вдохнул Исаак.

— Ну, раз так,— сказал Константин,— раз вы все на Москву хотите посмотреть, я займусь этим вопросом. У меня были другие планы на лето, но ради друзей… А почему бы, действительно, и нет? Мы же не последние студенты в нашем вузе… На недельке выловлю комсомольского вожака универа и заброшу ему удочку насчёт нас.

— Если получится, напишу в нашу газету районную дорожные заметки. Может, ещё и редактор мне командировочные выпишет заодно,— потирая по привычке руки, веселился в предвкушении Исаак.

После обсуждения планов на лето Володя увлёкся пельменями и, работая ложкой, не сразу заметил, как возле их стола остановилась женщина.

Он сначала подумал, что Константин подозвал официантку, но когда поднял лицо, то увидел Инессу.

Он бы, наверное, и не посмотрел на неё или даже, посмотрев мельком, не узнал (как потом пошутил Константин: «Если бы ты не выпил три рюмки коньяку, то точно — не узнал бы»), если бы она не подошла к ним и не спросила:

— Отдыхаете?

Спросила, разумеется, только его, и он посмотрел на неё. Да, это была Инесса. Её снова было трудно узнать. Тёмно-зелёное бархатное, закрывающее колени платье без рукавов с глубоким вырезом, блестящее колье в унисон с блестящими, на длинной цепочке, серёжками и аккуратно уложенная вокруг головы коса делали её не похожей ни на ту, что была в торговом центре, ни на ту, что заходила в кафе-мороженое. Но это была она. Инесса! И он узнал её по её глазам. По её красивым светящимся карим зрачкам. Они были те же.

Володя почувствовал, как у него затряслись ноги. Ему было неприятно, что Инесса застала его за поеданием пельменей. Он быстро поднялся и, виновато склонив голову, ответил:

— Отдыхаем…

Потерявший было на секунду от такого явления дар речи, Константин быстро пришёл в себя и, встав рядом с Инессой по стойке смирно, тоже склонив вперёд голову, представился:

— Константин!

Тут же со своего места соскочил и Исаак и, встав по другую сторону Инессы, тоже опустив вниз голову, назвал своё имя.

Но больше всех удивил уже опьяневший Витя. Он, с грохотом отодвигая стул, поднявшись, наклонился через стол, протянул к Инессе сразу две свои руки:

— Виктор… Здравствуйте.

— Здравствуйте,— сказала, улыбнувшись, Инесса, коснувшись своей украшенной на среднем пальце перстнем правой рукой рук Виктора.— А я вас уже видела. Я — Инесса.

— Очень приятно,— сказал Витя, выпрямившись и опустив руки.

— И мне…— улыбнулась ему Инесса.— Вы что-то празднуете?.

— Да решили немножко отвлечься, развлечься перед экзаменами,— сказал Володя.— А вы одна?

Он тут же пожалел, что задал ей такой бестактный вопрос.

— Да нет…— ответила она просто.— Толик был в другом зале, а сейчас я пришла, он организует столик здесь. Потом ещё Сергей Иннокентьевич обещал подойти и ещё кое-кто…

«Отвлечься — развлечься… Толик — столик… Какие-то прямо стихи пошли»,— подумал почему-то Володя, вслух пожелав Инессе приятного вечера.

— Приятного вечера! — сказала, улыбнувшись всем и кивнув каждому, Инесса.

— Приятного вечера! — вразнобой пожелали ей друг за другом Константин, Исаак и Витя.

Инесса ещё раз улыбнулась и пошла по краю зала, отыскивая Толика. Она шла красиво: чуть покачивая бёдрами, ровно и торжественно несла божественный свой стан. Маленькая сумочка под цвет платья, на длинном ремешке, свисала с её плеча и тоже покачивалась в такт движениям Инессы, а стук о пол шпилек её лёгких туфель-босоножек, казалось, заглушал весь ресторанный шум.

Все четверо друзей стоя и молча провожали её восторженными взглядами.

— Богиня! — воскликнул вполголоса Исаак, когда они вышли из оцепенения.

— Вот у тебя, старик, оказывается, какие знакомства есть,— покачал головой Константин.

— Да какие там знакомства! — махнул Володя, присаживаясь, как и остальные, на своё место.— Она подруга декана, которому я товар сбагрил.

— Декана? — сделал удивлённое лицо Костя.— Это интересно!

— Его зовут все деканом, а декан он или нет, я не знаю,— сказал, смутившись, Володя.— Давай сменим тему. Меня покупатели просили не распространяться о них. Тебе они не нужны, у тебя и без них связи крепкие…

— А может, мне не связи твои нужны, а вот эта интересная дама,— развёл руки над столом

Константин.— Может, я её пригласить на танец хочу. Декан, думаю, позволит, если он тоже тут.

— А почему ты? М-может, я тоже хочу её п-пригласить…— сказал, заикаясь от волнения, раскрасневшийся аж до ушей Виктор.

— Витяня! — повернулся к нему Константин.— Ты это серьёзно?

— Вп-полне! — громко и бойко произнёс Витя.

— Ну, тогда я умываю руки,— откинулся на спинку стула Костя.— Я верю, что у тебя это серьёзно.

Если случится, что друг влюблён,
А я на его пути,
Уйду с дороги — такой закон:
Третий должен уйти…—

пропел он.

— Ну, раз наш вечер принимает интересное продолжение, то давайте ещё граммов по сто пятьдесят закажем «Белого аиста»? — предложил Исаак.— Не возражаете?

Никто не возражал, и Константин поманил к столу официантку.

Пока они ждали нового заказа, на сцену вышел длинноволосый парень в зелёной, расшитой белыми узорами и цветами рубашке и запел, подражая известному эстонскому певцу Тынису Мяги, стараясь делать в словах прибалтийский акцент:

Всё это было, это было
У Чистых с лебедем прудов,
Прошла, взглянула и убила —
И не оставила следов,
Прошла, взглянула и убила —
И не оставила следов,
И не оставила следов.

Возле сцены снова появилась группа танцующих, среди которых Володя узнал Инессу.

— Я, кажется, знаю, как посодействовать нашему Виктору,— сказал он.— Давайте все пойдём танцевать, и я заброшу удочку Инессе насчёт того, что Витя горит желанием её пригласить на танго.

— Да, может, не надо?..— смутился Витя.

— Надо! — потянул его Володя за рукав.

Все встали и пошли к центру зала, над которым уже летел бойкий припев:

Спасите, спасите, спасите
Разбитое сердце моё!
Спешите, спешите, спешите,
Найдите, найдите её!
Спасите, спасите, спасите
Разбитое сердце моё!
Спешите, спешите, спешите,
Найдите, найдите её,—

вместе с танцующими пел Володя, протискиваясь к Инессе.

Инесса веселилась. Глаза её горели карими огоньками. Увидев приближающего Володю, она приветливо помахала ему.

Прошу искать, не забывая
Той самой главной из примет:
На всей Земле одна такая,
Другой такой на свете нет,—
пел парень со сцены.
На всей Земле одна такая,
Другой такой на свете нет,
Другой такой на свете нет,—

пели, пританцовывая рядом, Володя и Инесса и ещё с десяток танцующих.

— Можно вам вопрос один задать? — почти в самоё ухо крикнул Володя.

— Если по делу, то нет! — ответила она тоже громко и почти в такт словам песни.

— Да не по делу. По отдыху! — улыбаясь, говорил ей громко, приблизившись почти вплотную, Володя.

— По отдыху и досугу — можно! — крикнула ему в ухо Инесса.

— Друг мой, Виктор, очень хочет пригласить вас на танец, но стесняется. Боится, что отказа не переживёт…

— Это этот, с красненьким личиком? — спросила Инесса, кивнув на танцующего на расстоянии от них Витю.— Забавный он…

— Да, он со мной в «Баньке» был. Вы позволите ему…

— Ну, пусть попробует,— подмигнула Инесса, и Володя не понял, кому предназначалось это — ему, Виктору, или словам песни.

И если кто-то, если кто-то
Найдёт красавицу мою,
Ему останется всего-то
Сказать, что я её люблю.
Ему останется всего-то
Сказать, что я её люблю,
Сказать, что я её люблю.

А на сцене рядом с солистом появилась девушка, исполнявшая песню про зубрилку, и подхватила:

Спасите, спасите, спасите
Разбитое сердце его,
Спешите, спешите, спешите,
Найдите, найдите её.

14.

Этот день запомнился Володе на всю жизнь. Атмосфера ресторана, энергичные танцы рядом с Инессой и медленное танго Виктора и Инессы.

Запомнилось хорошее настроение всех людей, каких он видел в зале «Ангары». Улыбка официантки, громкий смех посетителей, веселье музыкантов, сияющие лица Толика и Сергея Иннокентьевича, мелькнувшие тогда, и даже лицо таксиста, отвозившего их от ресторана до общежития…

Если бы можно было вернуть тот день, повторить его… И, может, даже не его, не тот день тридцатого мая 1980 года, а следующий или тот, что наступит потом, немного позже…

15.

Евгений перехватил рукой проволоку и попробовал ещё раз подтянуть тело вверх, но не смог. Возникшее вдруг внутри него чувство голода разрасталось. Желудок урчал и требовал пищи, руки и ноги не хотели подчиняться.

«Хотя бы дольку лимона с того стола в ресторане „Ангара“. Или кусочек шоколадки… — подумал он. — А лучше бы коньячку граммов сто, пельмешек и поспать…»

Он закрыл глаза и почувствовал, что засыпает…

«Нет! Нет! Надо ползти! Ещё немного… Надо выбраться на пути, а там уже легче… Там можно скатиться вниз, под откос…»

Евгений повернул голову и почувствовал, боль на щеке. Щебёночный камень остриём полосонул его чуть выше скулы. Он поморщился от боли и крепче вцепился в проволоку.

«Надо вверх…»

Люба-Любава

Взрослеть и познавать

В душе каждого человека льётся свет, если человек этот согласен со своей жизнью.
Джебран Халиль **Джебран**,
арабский писатель и философ XX века

1.

Электропоезд, сбавляя скорость, подошёл к первому пути и остановился. Из дверей станции, где был небольшой зал ожидания, вышли две женщины и заспешили к открытым дверям электрички. Минута — и двери за ними закрылись. Электричка, наращивая гул, сорвалась с места и пошла дальше — в Тайшетград.

— Негусто сегодня пассажиров-то в город… — сказала Люба дежурной Нине Васильевой, провожающей электропоезд.

— Да и к нам никто не торопится, — ответила ей Нина, имея в виду, что из проезжающей электрички в Бирюсинке никто из пассажиров не вышел.

Люба согласно кивнула. Были времена, и вроде бы совсем недавно, когда десятки пассажиров тянулись по утрам к станции, чтобы уехать в Тайшетград, в Городок на Бирюсе или дальше — в Юрты, в Решоты, в Нижний Ингаш, в Иланскую. Утренние электрички останавливались в Бирюсинке с разницей в один час. Первая шла из Тайшетграда на Иланскую, вторая — из Иланской в Тайшетград.

Сколько раз Люба спешила в эти часы к перрону, чтобы с первого или второго пути уехать на электричке! Сотню, а может, уже и не одну сотню раз!

Да, наверное, не одну сотню раз. С пятого класса по восьмой она шесть раз в неделю, исключая дни каникул, торопилась в среднюю школу Городка на Бирюсе. А в каникулы нередко ездила в Тайшетград. В магазины, в кино, в городской парк, а ещё на районные соревнования и на смотр художественной самодеятельности. С танцевальной группой выступала она и в городском Доме культуры, и на сцене старого клуба железнодорожников, и в новом железнодорожном ДК. В старом клубе железнодорожников, а также в новом железнодорожном ДК, городском Доме культуры, районом Доме пионеров, а ещё в нескольких школах Тайшетграда, играла Люба в шахматы, участвуя в районных турнирах школьников.

2.

В шахматы научил её играть отец ещё до того, как она пошла в школу. В пятилетнем возрасте ей нравилось смотреть на фигурки, которые двигали отец и дедушка, играя вечерами. В шесть лет она уже знала, где на доске располагаются король и королева, называемая ферзём, как ходит пешка и какие замысловатые движения делает конь. В восторг её приводила крайняя фигурка первого ряда, похожая на башенку сказочного замка. Отец с дедушкой называли её то ладьёй, то туркой.

— Ну что, Любавушка, интересно тебе? — глядя на стоящую перед шахматной достой дочурку, спрашивал её отец.

— Да, интересно, — отвечала ему Люба.

— Хочешь научиться?

Люба смущалась и кивала.

— Хорошо, покажу тебе, как лучше фигуры двигать! — смеялся Святослав Игоревич, подхватывая Любу на руки и подбрасывая к потолку.

Сначала отец научил её играть в шашки. Как опытный педагог, Святослав Игоревич не спешил с обучением. Начинали они в поддавки и в «Чапаева», а когда Люба научилась этим быстрым, казавшимся ей весёлыми играм, перешли, как говорил отец, к «классическим русским шашкам».

Любе эта игра понравилась. Она с удовольствием двигала пешки и пробивалась, как учил отец, в дамки. В домашних турнирах она обыгрывала маму и бабушку, которые, как она подозревала, ей поддавались и специально делали неправильные ходы. Удовлетворение она получала, когда был повержен ею дедушка, не любивший поддаваться. Играла она и с отцом. Отец обычно так поворачивал партию, что в конце игры на доске с обеих сторон оставалось по одной дамке и паре пешек, и соперники соглашались на ничью. И только

после пятой или шестой ничьей Святослав Игоревич понял, что пора в играх с дочерью поменять шашечные пешки на шахматные фигуры.

Способности к игре в шахматы проявились у Любы не сразу. В первое время она даже растерялась. Мысль о том, что фигуры на доске — король, королева, ладья, конь — придут в движение по её желанию, приводила её в восторг и оцепенение.

Заметив это, Святослав Игоревич подбадривал дочку, терпеливо объясняя ей, как лучше делать ходы в зависимости от той или иной ситуации, складывающейся на доске.

— Понятно? — спрашивал Святослав Игоревич дочь.

— Понятно,— отвечала ему Люба, хотя она не с первого и даже не со второго раза понимала и запоминала то, что говорил ей отец.

Святослав Игоревич улыбался, одобрительно кивал и призывал дочь смелее двигать вперёд фигуры. Каждый раз, когда садился с Любой за шахматную доску, он потирал руки и спрашивал её:

— Ну что, повторим пройденный материал?

— Повторим,— соглашалась Люба.

После нескольких таких уроков Люба стала чувствовать себя увереннее, она запомнила, как правильно называются и передвигаются все фигурки на доске, и усвоила правило начинающих: если активно продвигать пешки, то можно быстро дойти до последней линии и превратить пешку в ещё одного ферзя или любую другую фигуру, кроме короля.

С отцом много играть ей не пришлось. Вскоре он уехал, а потом не стало бабушки и дедушки, и про шахматы, казалось, в доме забыли.

3.

В пятом классе они с Мариной Левчук записалась в танцевальный кружок и, выучив несколько несложных танцев, уже в канун Нового года выступали на школьной сцене, а в зимние каникулы — в клубе работников гидролизного завода в Городке на Бирюсе. В мартовские весенние каникулы преподавательница танцев Людмила Васильевна повезла их с группой школьных танцоров на смотр в Тайшетград. Выступили они хорошо и, хотя не заняли первого места, диплом фестивальный получили. Диплом, насколько помнила Люба, дали им за исполнение танца «Топотуха». Люба, Марина и ещё две девочки из шестого класса выбегали на сцену под музыку в платочках и сарафанах, а вслед за ними появлялись четверо мальчишек в подпоясанных верёвочками рубашках навыпуск. Трое из них учились в шестом классе, а ещё один, самый высокий,— в седьмом. Люба была в группе меньше всех ростом, но Людмила Васильевна почему-то в пару к ней ставила именно это парня-семиклассника по имени Алексей.

— Вы будете прыгать и топать все вместе, встав в кружок, а потом мальчики возьмут за руки девочек. Алёша, ты будешь танцевать с Любавой,— поясняла преподавательница, расставляя всех по парам.

И они становились в кружок и расходились по парам, прыгая и топая. Озорной танец был всем участникам в радость. Эта радость передавалась и преподавательнице, и зрителям. С «Топотухой» они два раза выступали в клубе гидролизного завода и несколько раз в школе в составе сборного концерта, где, помимо танцоров, участвовали ещё музыканты и певцы. Однажды посмотреть школьный концерт в Городок на Бирюсе приехали из Бирюсинки Катерина Петровна, мастер Левчук с женой, а также первая учительница Любы и Марины — Наталья Степановна.

После концерта у всех было хорошее настроение, и мастер Левчук купил и взрослым, и детям по мороженому. Лично раздал каждому, отказавшись брать деньги от Катерины Петровны и Натальи Степановны.

Был солнечный тёплый воскресный апрельский день, они ехали в электричке по мосту через Бирюсу и ели мороженое.

— А я договорился с Людмилой Васильевной. В сентябре привезём всех артистов на нашем автобусе в Бирюсинку, и будете у нас в клубе «Топотуху» свою плясать! — говорил громко и весело мастер Левчук дочери и Любе, а заодно и всем ехавшим в вагоне электрички.

Но в сентябре Люба и Марина узнали, что Людмила Васильевна и её муж Юрий Михайлович, преподаватель физкультуры, переехали жить в Тайшетград и теперь будут работать там, в железнодорожной школе номер четырнадцать.

Людмила Васильевна в первые дни нового учебного года приезжала в Городок на Бирюсе и разговаривала со своими воспитанниками, приглашая их на занятия в Тайшетград, в её новую школу.

— Я поговорила с вашими учителями и директором, они согласны отпускать вас с уроков один раз в неделю к дневной электричке. Четырнадцатая школа недалеко от вокзала — десять минут ходьбы, можем заниматься два-три часа, а вечерней электричкой вы будете уезжать домой. А ещё одно занятие я назначила на воскресенье. В воскресенье мы можем проводить наш кружок с утра.

Людмила Васильевна говорила убедительно, и в первое воскресенье после этой беседы все участники танцевального кружка поехали утренней электричкой в Тайшетград. Школа номер четырнадцать действительно оказалась недалеко от железнодорожного вокзала, по улице Транспортной, и приезжие быстро разыскали её. Людмила Васильевна встретила их в вестибюле с улыбкой, провела в спортзал, где проходили занятия. Юные танцоры были рады новой встрече

с преподавательницей и знакомству с новыми участниками группы — учащимися четырнадцатой школы. После занятий, смеясь и подшучивая друг над другом, они, довольные, пошли на дневную электричку. Неплохо было и в первый будний день занятий. Танцоров отпустили — кого с последнего, кого с предпоследнего урока. И на этот раз всё прошло хорошо. Занятия прошли в запланированное время, и через три часа они снова сидели на вокзале Тайшетграда, ожидая свою электричку. А вот в третий раз преподавательница не досчитались сразу четверых своих танцоров.

— Они не смогли сегодня,— сказал за всех долговязый Алёша.

Людмила Васильевна согласно кивнула, но глаза её погрустнели.

— Вот этого я и опасалась. Думала об этом много раз, но хотела посмотреть, как будет на деле: сможете ли вы приезжать каждый раз на занятия? — сказала она тогда им.— Похоже, что началось… Вы же понимаете, ребята, что я на вас рассчитываю? Готовлю определённый танец, включаю вас как участников и поэтому хочу знать, что вы меня не подведёте. А если получается, что сегодня вы можете приехать, а в следующий раз уже нет, то что тогда мне делать? Чего ожидать? Я же не могу гадать, на кого рассчитывать, а на кого — нет. Мне жалко расставаться с вами, но, видимо, придётся. Поговорите дома ещё раз с родителями. Пусть они хорошо подумают и решат: смогут ли отпускать вас каждый раз на занятия?

Люба по приезде домой не решилась сказать матери о предложении Людмилы Васильевны. Она была уверена, что будет продолжать поездки и что мама её в этом поддержит. Однако всё получилось по-другому. Вечером к ним домой пришёл мастер сплавучастка Левчук с дочерью Мариной.

— Ну, что будем делать, Петровна? — спросил он с порога.

Катерина Петровна, не сразу поняв, в чём дело, удивлённо посмотрела на него.

— Я знаю, что нашим девочкам нравиться танцевать, и я даже не против по воскресеньям возить их в город на своём автомобиле,— сказал Левчук.— Найду для этого время. Но в будние дни я работаю, и им придётся ездить самостоятельно. Сейчас, осенью, ещё ничего, а наступит зима, придут морозы, станет рано темнеть — тогда как? Я опасаюсь за них. А вы?

— Я тоже не против того, чтобы Любава занималась танцами,— сказала Катерина Петровна.— Но эти поездки отнимают столько времени… Уроками заниматься некогда. Вечером Люба приезжает, садится за стол, ужинает, а я вижу, что глазки у неё уже закрываются — устала, спать хочется, а утром рано в школу. И в воскресенье: пока туда-сюда — весь день проходит. А зимой, вы правильно говорите, и холодно будет, и темно. Тяжело… Боюсь, они не выдержат: и по школьной программе отстанут, и с танцами ещё неизвестно что получится. Как это ни печально, но, наверное, надо девочкам оставить поездки и заняться чем-то другим у себя в школе.

— Я вас поддерживаю,— согласился Левчук.— Лучше это сделать раньше: и времени меньше потеряем, и не так тяжело им оторваться от занятий будет, пока они ещё не втянулись в новый процесс, не разучили новые танцы.

Люба и сама понимала, как тяжело мама переносит её отсутствие, переживает за неё каждый раз. Нелегко ей одной управляться и дома по хозяйству. Как-никак у них и куры есть, и поросёнок, и козочка живёт, а за ними всеми уход нужен.

И взрослые постановили, что девочки в город на занятия больше не поедут.

— Я сам поговорю с Людмилой Васильевной, объясню всё ей,— сказал в заключение разговора Левчук.

Он так и сделал в следующее воскресенье. Поехал в город, взяв Любу и Марину с собой.

— Пусть девочки попрощаются с учительницей,— вздохнул он с грустью в голосе, объяснив Катерине Петровне, почему заехал утром к ним.

Вместе с детьми мастер сплавного участка зашёл в школу и, не раздеваясь, поднялся на второй этаж, вызвал в коридор из спортивного зала Людмилу Васильевну.

Прощание было слёзным.

Прослезилась преподавательница, обнимая своих, теперь уже бывших, воспитанниц. Заблестели на глазах слёзы и у Любы с Мариной.

— Милые мои девочки! Как мне будет вас не хватать! Как я привыкла к вам за это время! — говорила, будто причитала, учительница танцев.— Не забывайте наши занятия. А при случае, если будете в городе, приходите на наши концерты.

Девочки вытирали слёзы и кивали.

Почти все родители танцоров из школы Городка на Бирюсе пришли к такому же решению, как и Левчук с Катериной Петровной. До мартовских каникул в Тайшетград на занятия к Людмиле Васильевне ездили только трое мальчишек, а потом остался один. Тот самый долговязый Алёша-Алексей, что в паре с Любой танцевал «Топотуху».

По настоянию мастера Левчука в школе Городка на Бирюсе попытались вновь создать танцевальный кружок, но настоящих знатоков танцев, таких как Людмила Васильевна, ни в школе, ни в Доме культуры не нашлось, и Любе с Мариной приходилось заниматься общественными поручениями: рисовать, писать и наклеивать картинки в стенгазету, читать стихотворения на школьных праздниках. И они это делали. Иногда с удовольствием, а бывало — и без энтузиазма.

4.

Может быть, больше и действительно не вспомнила бы Люба про шахматы, если бы не школьные соревнования. Когда она училась в седьмом классе, в школе организовали турнир по шахматам. Как оказалось, в их классе никто из девочек, кроме Любы, в шахматы играть не умел. Из мальчишек вызвались принять участие в соревнованиях трое, среди них Генка Васильев. Мальчишки провели сначала игры между собой, выявляя лучшего в классе, и Генка, обыграв обоих соперников, получил право вместе с Любой представлять седьмой «Б» в шахматном турнире на первенство железнодорожной школы Городка на Бирюсе.

Соревнования проходили в трёх возрастных группах. Младшая — с первого по четвёртый классы, средняя — с пятого по восьмой, и старшая — среди девяти- и десятиклассников.

Люба, на удивление всем и самой себе, обыграла всех четырёх своих соперниц, включая восьмиклассницу, и заняла первое место в средней группе среди девочек. Первое место среди мальчиков занял и Генка Васильев. Он, правда, вторую свою партию проиграл, но ему повезло: выигравший у него восьмиклассник в следующей партии оступился, а в последней сыграл вничью. По итогам турнира Генка набрал больше баллов и вышел на первое место.

— Везёт рыжим! — сказал Генке восьмиклассник, когда подвели итоги соревнований.

Люба слышала это и была удивлена, что Генку назвали рыжим. Генка был скорее шатеном, его волосы на солнце чуть отливали соломенным цветом, но это только на солнце, и ни Любе, ни кому-то другому в их классе никогда бы в голову не пришло сказать, что Генка рыжий.

Соревнования проходили в школе в воскресенье, а в понедельник в классе, без участия Любы, вывесили стенную газету-«молнию». На доске объявлений при входе в класс на белом листе бумаги были приклеены фотографии Любы и Генки. «Ими гордится класс!» — было написано крупно над фотографиями, и ниже: «Поздравляем чемпионов школы по шахматам!»

А потом были шахматные турниры районного уровня. Сначала среди железнодорожных школ, а потом и среди школ всего района.

В обоих турнирах Люба начинала очень хорошо, обыграв нескольких соперниц, но победительницей ей быть не пришлось. В обоих случаях она уступала девочке по имени Эльвира из тайшетградской школы-интерната номер два.

Турнир по шахматам учащихся железнодорожных школ проходил в марте, в дни весенних каникул, в этой самой школе-интернате номер два, которая считалась образцовой в городе и районе. Люба победила всех соперниц в группе и вышла в полуфинал, где впервые и увидела некрасивую, худую, конопатую девчонку. Вот она действительно, в отличие от Генки Васильева, была рыжей, и ей действительно везло. Люба так считала, хотя и понимала, что везение везением, но Эльвира лучше её играет в шахматы. Уже на седьмой минуте матча Эльвира объявила ей мат. Люба скорее удивилась, чем расстроилась. В игре за третье место она старалась не торопиться и, хотя сильно волновалась, как будто играла впервые, партию довела до победы.

Всем троим призёрам турнира организаторы вручили почётные грамоты и подарили шахматы. Эльвире — большие деревянные, а Любе и занявшей второе место Тоне из тайшетградской школы номер восемьдесят пять — маленькие пластмассовые.

На районный турнир они с Генкой поехали в апреле. Лучших шахматистов-школьников района принимала на этот раз в Тайшетграде городская школа номер двадцать три. При жеребьёвке как будто кто-то нарочно свёл в одну первую группу всех призёров турнира железнодорожных школ. И Эльвиру, и Любу, и Тоню. Групп было четыре, в каждой по восемь участниц, которые должны были сыграть между собой. По две лучших выходили в одну четвёртую финала.

Турнир был рассчитан на два дня, и Любу с Генкой в субботу освободили от занятий в школе.

Генка участвовал и в первом турнире среди железнодорожных школ, но там он в четырёх встречах проиграл дважды, одну партию выиграл и одну сыграл вничью и в полуфинал не вышел. Не вышел он из группы и на районных соревнованиях, где ему не удалось выиграть ни одной партии.

Соревнования были организованы очень хорошо. Мальчишки играли в спортзале школы, а девушки — в актовом зале. Начинались игры в десять часов утра и заканчивались около пяти часов вечера. К четырнадцати часам соревнования останавливали, и участников приглашали в столовую на обед.

На этот раз в первой игре соперницей Любы стала Тоня. Люба осторожничала, обдумывала ходы, иногда жалела, что продвинула не ту фигуру, которую было нужно, но вскоре успокоилась и, дважды объявив шах, загнала белого короля в угол, лишив его последнего хода.

С Эльвирой они встретились уже после обеда. Эта была предпоследняя, шестая партия. Люба сосредоточилась и, записывая свои ходы и продвижения фигурок соперницы, старалась предугадать, какой следующих ход сделает Эльвира. Раза два ей это удалось. Но не более. Эльвира была непредсказуема. Она делала такие, казалось бы, совсем не логичные ходы, что приводила Любу в замешательство, заставляя менять обдуманное ранее решение. На сей раз Любин король был блокирован на пятнадцатой минуте.

Заняв второе место в группе, Люба вслед за Эльвирой попала в восьмёрку лучших шахматисток района.

Заканчивая первый день соревнований, главный судья турнира показал им нарисованную схему игр восьмёрки. Любе предстояло сыграть с победительницей второй группы, Эльвире — с девчонкой, занявшей второе место в той же группе. Из схемы выходило, что при удачном выступлении Люба сможет встретиться с Эльвирой только в финале, в игре за первое и второе места.

Так оно и случилось.

В воскресенье на станции, торопясь к электричке, Люба увидела Генку.

— А я своим дома не сказал, что вылетел с турнира, пусть думают, что ещё играю. Поеду с тобой. Дома делать всё равно нечего. Буду болеть за тебя, а в обед, глядишь, ещё и покормят бесплатно,— улыбался он, усаживаясь в электричке рядом с Любой.

В обед действительно кормили бесплатно всех, кто был на районном турнире школьников по шахматам. И победивших, и проигравших, и приехавших с участниками представителей школ, и родителей, сопровождающих детей.

До обеда прошли четвертьфиналы и полуфиналы. В обеих встречах Люба использовала наработанную ею хорошо продуманную атаку по двум флангам, и, хотя немного волновалась, обе её соперницы были повержены менее чем за двадцать минут.

На финал собралось много болельщиков. Больше половины актового зала было заполнено взрослыми и школьниками. Стол установили на сцене, и к играющим подсел главный судья соревнований из районного спорткомитета. Чтобы всем зрителям было видно, как идёт игра, на стене сцены закрепили большую шахматную доску с намагниченными шахматными фигурками, и двое ассистентов судьи передвигали их после того, как делали свои ходы на доске Люба и Эльвира.

— Прямо как на чемпионате мира,— сказал, улыбнувшись, перед решающим поединком главный судья.— У мальчишек в спортзале такого нет. Ну что, девочки, начинаем?

Люба уже знала, что фланговые её продвижения Эльвира пресекает, не давая пешкам перейти на другую половину шахматной доски. Играла Эльвира как-то однобоко, активно двигая фигурки со стороны ферзя: коня, слона, ладью,— не трогая до поры самого ферзя. Она, казалось, нелогично жертвовала своими пешками, но тут же снимала пешки Любы, расчищая этим дорогу своим слону и ладье. Сделав несколько таких ходов, она неожиданно выставляла вперёд второго коня, и тогда брался за работу её ферзь, объявляя в лучшем случае шах, а в худшем, через два-три хода, мат.

Зная это, Люба уже во второй раз старалась угадать, после какого хода Эльвира двинет второго коня, но снова не смогла. Эльвира наслаждалась игрой. Её некрасивое лицо преображалось, глаза горели и сжигали соперницу. Она чувствовала себя хозяйкой на шахматной доске, хитро улыбалась, давая понять, что она всё контролирует и заранее знает, какую фигуру и в какое место передвинет Люба в следующий раз.

К двадцать пятой минуте игры король Любы оказался прижатым в угол, и после второго шаха Эльвира торжественно объявила:

— Мат!

— Мат,— подтвердил судья и, поднявшись, глядя в зал, громко объявил имя победительницы.

На этот раз под громкие аплодисменты болельщиков Эльвире вручили диплом и красочный фотоальбом с видами Байкала, а Любе вместе с дипломом второй степени — книгу иркутского писателя Валентина Распутина «Уроки французского».

Люба была довольна и радостно смотрела в зал, отмечая, как восторженно и с силой бьёт в ладони в её честь Генка Васильев.

5.

Тот 1978 год был одним из самых памятных для неё. И не только тем, что она играла в шахматы и получила за это грамоту, диплом и подарки. В тот год Люба поняла, что она повзрослела. Она перешла в восьмой класс и окончательно решила, что через год будет поступать в медицинское училище. Лето 1978 года проходило в раздумьях и даже глубоких размышлениях. Люба с большим интересом прочла заглавный рассказ подаренной ей книги про мальчика, живущего в чужом селе, у чужих людей, вынужденного играть на деньги, чтобы покупать себе молоко, и про его учительницу французского языка, приехавшую в Сибирь из далёкой Кубани, пытающуюся правдой и неправдой помочь этому мальчику. Люба попыталась представить себе этого мальчика и его учительницу, и они словно живые вставали перед её глазами. Несколько дней Люба ходила под впечатлением от прочитанного и думала о том, что хорошо бы эту историю посмотреть в кино.

Куда уходят, убегают или улетают наши мысли и мечтания? Где они находят себе пристанище — или же летят и бегут, не зная отдыха? Слышит их или чувствует кто-то тот, от кого зависит исполнение мечты и желания?

Думала примерно так Люба или не думала, но в конце года, в декабре, она немало удивилась: по телевизору показали премьеру фильма «Уроки французского», а перед началом выступил писатель Валентин Распутин. Он говорил о том, что рассказ этот — о его детстве. Когда же на экране появился главный герой, Люба замерла,

Мальчик был именно таким, каким представляла его Люба. И школа показалась ей знакомой, как будто она была когда-то там сама, сидела за партой в этом классе и стояла у этой доски. И учительница французского языка, и суровый директор школы как будто переместились в этот фильм из Любиного воображения.

«Мечты обязательно сбываются, если ты сильно этого хочешь», — сделала для себя вывод Люба.

Она решила, что будет чаще думать об отце, о том, чтобы он оказался жив и вернулся к ним с мамой. От Святослава Игоревича не было никаких вестей уже несколько лет, и Люба с грустью замечала, как мама, листая фотоальбом, утирала слёзы. Она и сама плакала, оставшись одна, вспоминая отца, бабушку и деда.

Год 1978-й запомнился Любе и тем, что она испытала первые порывы влюблённости. После шахматных турниров Генка Васильев стал чаще обращать на неё внимание. Иногда ждал её у школы перед началом уроков, и они вместе заходили в класс; иногда провожал со школы чуть ли не до дома; а бывало, напрашивался и приходил в гости: попить чаю, поиграть с Любой в шахматы.

Шахматы не стали для Любы неотъемлемой частью её жизни. После того как прочитала «Уроки французского», она стала чаще читать книги.

В шахматных школьных турнирах она участвовала ещё несколько раз, но в призёры уже не попадала. Подрастали новые юные дарования, которые играли в шахматы лучше. «Свежée, — как сказал на одном турнире главный судья из спорткомитета. — Новички играют по-своему: ново и свежо».

Став студенткой медицинского училища, Люба поучаствовала ещё в двух турнирах. В одном, между учащимися ПТУ и училищ города, она победила. Её поздравляли, хвалили, отметили грамотой в училище, но эта победа почему-то не доставила ей большой радости. Люба окончательно поняла, что шахматы — не смысл её жизни и играет она в них скорее в память об отце. В благодарность ему за то, что он был и научил её этой игре.

На чемпионате района по шахматам среди женщин она снова увидела Эльвиру. Повзрослевшая, похорошевшая, уже без веснушек, но всё ещё рыжеволосая, Эльвира в то время училась в железнодорожном техникуме и приехала в Тайшетград на каникулы из Красноярска. Ей разрешили участвовать в первенстве района, и она, как и раньше, с лёгкостью выиграла все свои партии. Но Любе с ней играть не пришлось. Проиграв первую и третью партии, она выбыла из борьбы за чемпионство на групповом этапе.

А ещё год 1978-й запомнился ей встречей на вокзале Тайшетграда с парнем-солдатом, который назвал её тогда синеглазкой.

«И почему я сегодня уже второй раз вспоминаю его?» — улыбнулась Люба, глядя на вечные сосны, в которых скрылась уходящая в Тайшетград электричка.

— Да и на Иланскую пассажиров сегодня было негусто, тоже двое сели, и никто не сошёл, — сказала, оторвав Любу от воспоминаний, дежурная по станции Нина Васильева.

— Счастливо тебе отдежурить, — пожелала ей Люба и пошла дальше по перрону.

— И вам удачного дня! — крикнула ей вслед Нина.

— Спасибо! — обернулась Люба, улыбаясь тому, что Нина всё ещё зовёт её на «вы».

«А ведь мы могли стать с ней родственниками, — подумала Люба, глядя на эту худенькую девушку в железнодорожной фуражке и с флажком в руке. — И, наверное, стали бы, если бы я ответила на чувства её брата».

Были ли чувства Генки Васильева к ней искренними, или это был только порыв с его стороны, желание добиться её? Об этом Люба думала не один раз, как и о том, что было бы сейчас, ответь она тогда взаимностью.

Кристина Денисенко

Всё пройдёт, мой край

Волны души

Бьются метели о тихую гавань окна.
Звёзды на спинах китов распускаются мальвой.
Кухня — ковчег, и мне с палубы сонной видна
Синяя вечность над замком надежды хрустальной.

Лунные зайчики в снежную ночь пишут стих
На ледяных куполах недостроенных башен.
Стих там и здесь, здесь и там между строчек немых
Шёпот рояля, порывом тоски взбудоражен.

Город, как сказочный порт, атакован и сдан.
Всё, что прошло, то прошло, но на белой пастели
В ярких мазках оживает ночной караван
Девичьих грёз и страстей, что своё откипели.

Синюю вечность назад белый снег также мёл,
Только свеча нежных чувств не чадила огарком.
Поздно ли, рано ли мальвами выстелить стол,
Так чтобы волны души вновь сомкнулись на ярком…

Надень пальто

Господня милость, Ханна, что с тобой не так?
Зима зиме и рознь, зима зиме и схожесть.
На письменном столе растёт гора бумаг.
Ты без стихов уже и дня прожить не можешь.

Волшба плетённых слов из винной тишины
Пылает коконом в закрытой свету спальне.
А между прочим, светом звёзд оживлены
Снежинок стаи за твоим окном хрустальным.

Морозность щиплет бульденежу кисти рук.
Он ловит тонкий иней, думая согреться.
Надень пальто и выходи — я посмотрю,
Как ты откроешь блюзу бульденежа сердце.

В сей добрый вечер он бульварный пианист.
Им песня о рождении Христа воспета.
Надень пальто и по ступеням вниз спустись —
Коснуться краешком души большого света.

В сей добрый вечер звёзды, как твои стихи,
Вписались в черноту сиянием и блеском.
Надень пальто, Господня милость, и глухих
Прости за то, что любоваться небом не с кем.

Калиновая горечь

Говорят, двери в церковь открыты для всех, и вот
я иду за тобой по пятам к алтарю в свечах.
Как калиновый чай на губах, по тебе горчат
неотпетой души мысли в тон беспокойных нот,

мысли в тон неприкрытой досады, что растерял,
будто ясень в дождливую осень скупую медь,
отражением право в зеркальных зрачках
чернеть,
быть не призраком, а человеком больших начал,

у которого в планах семья, палисад и дом…
и кружить на руках тебя в платье белее вьюг…
Свет покровской свечи на ладонях вконец потух —
ты просила найти моё тело в бреду немом.

Я не там и не здесь, как рукой к сердцу ни тянись…
От потерь до потерь во мне вера крепчала в нас.
До чего же калиновым чаем горчит рассказ
неотпетого сына Отчизны с крестами ввысь.

Я иду за тобой круг за кругом, из зала в зал.
Может, где-то, в какой-то больнице,
ни жив ни мёртв,
ты выходишь такой же из церкви
в просторный двор,
а там холод венки на солдатских гробах сковал?

И ты плачешь по мне, будто в каждом я.
Если смог бы, и сам бы завыл, как побитый волк.
Боже правый, неужто и правда я в битве слёг?
Почему Ты не дал мне за мать и отца стоять?

Снова горько до жути губам и горит в груди,
будто рвётся душа, и болит всё сильней спина.
Открываю глаза! Ты со мной, как во сне, бледна,
и огарок покровской свечи на столе чадит.

А сказать не могу ни полслова, ни ах, ни ох.
Только пристальным взглядом кричу тебе:
«Хватит слёз.
Я живой! Я к своим вопреки всем и вся дополз…
И я встану, не плачь! Ибо встать мне велел
сам Бог».

Выстой

Здесь закат над полями духмяный.
Здесь полынью горчит горизонт.
Здесь художник, в стихийной сутане,
Будто пишет мой красочный сон
Золотистым лучом сквозь молитвы,
Золотистым лучом сквозь войну, —
Просто мир, просто даль, просто «Выстой»,
И я сердцем в надеждах тону.

С терриконов спускаются трели,
С колокольни — обрывистый звон.
Милый загород точно свирельным
Волшебством допьяна опоён.
Степь донецкая вспыхнула гладью,
Ковылями натянутых струн.
И, на танки в окопах не глядя,
Я в тебе окунуться иду.

Растворяюсь душой без остатка
В благодати некошеных трав.
Я в объятиях солнечно-сладких
От всех бед и страстей спасена.
Золотистым лучом сквозь молитвы,
Сквозь ветра, что привычно скорбят.
Просто мир, просто даль, просто «Выстой»…
Я стихами рисую тебя.

Тревогу осязает август

Тревогу осязает август каждым звуком
Берёзовой листвы, шуршащей о больном.
Зарёй в родном краю с поличным враг застукан,
И небо прижимается к плечу плечом,

Как друг, который никому не даст обидеть,
Как звёздный стражник на соломенном коне.
И я ввиду отвергнутых душой событий
К его плечу хочу прильнуть ещё тесней

И о прекрасном грезить, будто всё свершится,
Лишь стоит дать испуганным мечтам полёт.
Чтоб умолкали не от новых взрывов птицы,
А оттого, что летний дождь вот-вот пойдёт.

Чтоб август, опалённый жуткими боями,
Слезами не смывал с лица людской беды.
Пусть смоет дождь. И в скором сентябре упрямо
Родной мой край, как прежде, будет золотым.

Всё пройдёт, мой край

Никаких «прощай», мой разбитый в твердь
огневой рубеж.
И без окон дом, и без дома дверь — всё в тумане беж.
В световых лучах православный храм с золотым
крестом…
Колокольный звон беспокойных гамм…
Ты и я — фантом.

Отгремели в нас ураганы зла в неизбежный час.
Отгремела ночь — тишина легла белым снегом
в грязь.
Не слышны шаги, я иду и нет — я лечу как стриж
Над сырой золой сорванных в кювет обгоревших
крыш.

Порастут травой кирпичи, стекло, чернота руин…
Мой разбитый в хлам, белым набело расцветёт
жасмин.
Будет ясный день, будет ясной ночь, будет цвет
кружить,
И в твоих полях золотым зерном корни пустит
жизнь.

С чистого листа, с фермерских широт ты начнёшь
расти!
Над тобой рассвет новый день зажжёт
с Божьей высоты.
Пусть же смоет дождь черноту и смрад
с каменных равнин…
Чтоб построить дом, посадить здесь сад, чтоб
играл в нём сын.

Не в войну, а в мяч! По росе босым! И с нас
хватит войн.
Всё пройдёт, мой край, словно с яблонь дым,
всё пройдёт как сон.
Не прощусь с тобой, как бы ни был плох
и потрёпан в пыль.
Здесь моя земля! Здесь родной порог
и в слезах ковыль.

Наталия Черных

Завершение Святок

* * *

Лёд и снег развиваются дружно:
то подтают, а то подрастут.
Ещё не было густо и вьюжно,
ещё жизнь не один только труд.
Ещё старый пацан прибалдеет,
водки с супом отведав с утра.
Ещё прошлым возвышенным веет
там, где в будущность вышла дыра.
Ещё кто-то с лица монитора
говорит, кто они и кто мы.
На санях приближается споро
беспредел середины зимы.
И не то чтоб война или голод.
Каждый молод, а смысла в том чуть.
Но дохнул по-военному холод,
и уже холод не продохнуть.
Потому окончание Святок
пересыпано солью тоски.
И намерения без перчаток,
и сигнальные слепят огни.
И порой позабудешь, что живо,
что наутро ушли грызуны,
когда выйдет воронкой от взрыва
это преполовенье зимы.
И с тех пор я боюсь январей.
Не боюсь ведь, а чаю налей.

* * *

Свой сон никчёмный и тревожный,
подушку грёз, покров тепла
мне променять ещё возможно
на то, что пламя и зола.
И поутру, смотря на крыши,
во мне упорство с гневом есть
ползти по этажу, как мыши,
в убежище, где тесно, сесть —
и прям на пол.
Я слух теряю,
теряю внешность и апломб.
Азартом новым обретаю
размах развалины и бомб.
И я почти в глухом бездумье
порой кому-то, как одна,
швырну, как туфли или стулья:
Так быть должно. Идёт война.
Когда была слабей и мягче,
была сочувствием смелей.
Однако жизнь упруго скачет.
И что мне сила, что мне в ней?
Но слабость с нежностью не жалко.
Уже заметны тени три,
да судная верти́тся прялка.
Что слышишь, то и говори.

* * *

Жизнь кончена. Но есть обратный ход.
Инерция. Прошла в районе Святок,
остановилась. Будто потеряла.
На снег взглянула. Снег почти что чист.
И ничего в него не уронила.
Жизнь кончена. Покуда те стихи,
прекрасные, прозрачные, живые,
в предутренней сентябрьской светлой дымке.
Что мне теперь до них? Теперь лабаю,
и мне по кайфу нравится лабать.
Жизнь кончена. Для всех. Там, за спиной,
и ёлки, и гирлянды, и зверята,
что в праздник норовят к ветеринару,
там лучшее кино и звуки лучше,
там вся еда и вся её посуда.
Теперь всё это — как через пустыню,
наполненную перезревшим снегом.
А впереди февраль. И в нём дорога
сырая и глубокая. Там нет
ни «Дорз», ни кримзон и ни «Битлз».
Там нет
ни русского хромающего рока,
и даже нет библиотеки милой,
которую так долго собирала.
И все отцы святые там.
Что есть?
Пока февраль и вся его дорога.
Без скарба. Налегке.
Я оглянулась.
В снег святочный последняя монета
упала и растаяла.
. . . .
Война умнее нас. Её любовь взаимна.
Однако и война осталась там.
Лишь океан. Лишь этот белый космос.

• • •

Там зодиака зреет колесо
и гноем изошла к нему привычка,
и даты часто падают на снег,
и я их помню так, что даже страшно,
и в голове моей то колесо
с его цветными стрелами, сложившимися в лица.

И зодиак сбивает в клуб холста
для будущих и нынешних портретов
пространство из туманностей и звёзд.

Глаза как звёзды. Звёзды как глаза.
И числа падают почти что ощутимо.
И колесница в море перемен
осеннего тельца пророчит бурю,
и лучший во вселенной той корабль
идёт по звёздам, колесу согласно.

Но я порой вплавь ухожу с орбиты.
И к острову прибило. А на нём
семь ангелов и семь лампад. И голос.
Я знаю все твои дела. Смотри в глаза.
Вот это люди, а вот это звери.

• • •

Им хватит мига, чтоб тебя запомнить,
а ты влюбилась в них уже давно.
У каждой на лице есть отпечатки,
но все они — как пальцы на ладони.
Порой мне жалко их, а не людей.
Но что с того, что зла и холодна я?
Тепла хватает на меня тем стенам,
которые скрывали всю меня,
всю мою жизнь.
Где пористый кирпич,
где блок неловкий и кривой,
где старое окно,
где выжатое пришлыми жилище,
там я иду, и я смотрю на стены.
Деревья лишь да стены в мире есть.
Но стены для людей.
А люди где?
И лишь ладонь, к которой головой
прислонишься, холодная ладонь
мне говорит: живи, как мы живём.
И говори: хорошая собака,
и кошка с нею, тоже говори,
до тех пор повторяй, пока в руке ошейник,
пока и мясо есть в твоей руке.
У нас, у стен, и мясо, и ошейник
не переводятся. И словно боги мы,
равны, как ты перед единым Богом.
Не думай о терпении. Оно
не так уж важно.
Ни о чём не думай.
Ты просто повторяй:
хорошая собака, будь со мною,
и кошка с ней, хорошая, со мной.

• • •

Мне выпало от той страны и жизни
«однушка» над шоссе и без ремонта.
Стоял в прихожей старый холодильник,
и на него взбирался чёрный кот,
когда я принимала душ. Он говорил,
что рад услышать чистоту и нежность
в начале дня, он тёрся и мурчал,
и мы потом обедали вдвоём.
Я клеила на потолок обои,
я оттирала старенькую плитку.
И то жилище замерло, как птица,
и долго не могли его продать.
И где бы ни была, где б ни осела
на всю свою оставшуюся жизнь,
тот кот и цвет обоев остаются
счастливым детством и страной ушедшей.
И так ли важно, кто тогда вселил
меня в жилище, и вселил на время,
и так ли важно, кто его купил,
когда я покатилась, как монета,
по улицам Москвы?
От той страны,
чьи милые тяжёлые черты
остались где-то за чертой сознанья,
я помню только этот дом.
А чёрный кот,
наверно, ждёт меня,
и я его увижу.

• • •

Его не разглядишь в кругу друзей.
Он там почти всегда. А посмотри — и нет.
Пацанский на затылке был вихор.
Теперь свищи, как ветра, командира.
Пацан и командир. Почти кентавр.
Поесть, поспать. А как смеются девы.
И — снова нет. Ну как он всех достал.
И трубку не берёт. Такая нелюдь.
Однако безопасный. Впрочем, хам.
И в этом хамстве есть открытый космос.
Вокруг него как выжженное поле,
и срочно декорации нужны.
Он совесть есть и справедливость. Кроме
каких-то мелких и ненужных просьб,
которые совсем уж не к лицу
насмешнику, гуляке-одиночке.
И так и катится его хмельная жизнь,
как будто в ней всё смазано и ловко.
Однако космос смотрит словно лес,
где одному остаться — значит сгинуть.
И всякому в лесу не по себе,
когда стрелок выходит на охоту.

Андрей Сурай

Волшебная вьётся тропа

● ● ●

Дороги безумного Макса,
последние книги Илая,
вот только по Карла Маркса
не ходят больше трамваи.

Зачем-то сожрал их город,
кому вот мешали рельсы?
«Трамвай до конечной, Мóрдор», —
какие бывали рейсы!

Какие бывали, Гектор,
les femmes пополам с бедою
внутри колесниц электро,
скользивших обратно в Трою.

Какие бывали битвы,
какие бывали банды,
как жаль, что сточились бивни,
кунг-фу потускнело панды.

— Вставай, — говорит Елена.
— Вставай, — говорит Кассандра. —
Троянцы уже на стéнах,
дорога уходит в завтра…

● ● ●

По улицам старого города
бежит дождевая вода,
немного ёжась от холода,
бежим мы за ней в никуда.

Вокруг искромётные признаки
расчерченной пустоты,
скользим мы, осенние призраки
своей непонятной мечты.

Овражная, Щепкина, Щапова —
потоком уносит нас всех,
но если бы с неба не капало,
то разве посмотрим мы вверх?

Старинные шпили нам чудятся,
весенних кварталов дома,
крадёмся по скрюченным улицам
за ними к подножью холма.

И в самой низине сомнения,
в овраге, в котором покой,
мы выйдем из нашего времени —
и вверх, за дождём, за водой.

● ● ●

В глазах проходящего голема
увидишь себя изнутри,
до школы по улице Комлева
бегущего, сквозь Муштари[1],

сквозь годы, как сквозь наваждение,
что если и было с тобой,
случилось всего на мгновение —
на целую жизнь, и домой.

И вот уж мелькает Проломная[2]
сквозь Богоявленский собор,
несёшься по улице Комлева
обратно в свой солнечный двор…

● ● ●

Вдвоём в «Пятёрочку» и «Магнит»,
гуляли вокруг озёр,
отчасти нас рисовал Магритт,
когда обращал свой взор

на бич рутины вокруг него
и, видно, придумал нас,
а мы, не зная совсем того,
взаправду и без прикрас

тихонько жили с тобой вдвоём,
кормили озёрных птиц,
текли лишь краски под каждым дождём
у наших прозрачных лиц.

1 В 1996 году улицу Комлева переименовали в Муштари.
2 Старое название улицы Баумана.

• • •

Идём и идём по чудесной тропе,
что видима мне лишь, луне и тебе,
куда та волшебная вьётся тропа:
«Ты знаешь?» — «Не знаю», — не знает луна.

Не знает Мегрэ и Эркюль Пуаро,
не знают синоптики, карты Таро,
не ведают сталкеры и лесники,
не в курсе психологи и знатоки.

Но вряд ли же мы согласимся с тобой
на серый проспект поменяться тропой.
Тропинка на месте: «Идёшь?» — «Я иду!» —
по лунной дорожке вдвоём, на луну!

• • •

Ей нужен Муж, а мне нужна Жена,
не то чтобы мы разные понятья
закладываем в эти Имена,
но мне достаточно кусочка счастья,
а ей нужна Вселенная, Весна,
а я лишь точка, камешек, зима
на маленькой планете из стекла,
запутавшейся в складках платья.

• • •

В пустом чистопольском храме
тихонько шептал нам храм
о том, что река веками
несётся одна в туман.

О том, что собор на кряже
запомнит и наши следы,
когда на осеннем пляже
бродили мы вдоль воды.

О том, что небесной церкви
спаять нас не хватит сил,
как будто незримый Цербер
по разным мирам разбил.

О том, что вдвоём опасно,
а врозь — дрейфовать в тоске,
о том, что корабль напрасно
застрял на речном песке.

О том, что пути окольны,
и, значит, пора домой,
о том, что крестом с колокольни
помашет нам вслед с тобой.

• • •

если беды твои и тревоги
выползают из угольной тьмы,
если мрак на цветочной дороге
бесконечно пронзает мечты

если Шир превращается встречный
в золотой затуманенный шар,
если мы путешествуем вечно
в мясорубке обыденных чар

если заперты в ящик Пандоры,
опрокинуты все темнотой,
если сумрака синие горы,
если странствия чёрной рекой

если глянец вокруг и лавина,
впрочем, выбора нет на беду,
вслед Тевтонскому ордену чинно
Ахерон переходим по льду

• • •

Мы после работы отправились в парк,
в волшебные сумерки, время,
когда золотой с переливами фрак
накинули в парке деревья.

И где-то вдали, за чертой тишины,
стучали вагоны Транссиба,
а мы по аллеям безмолвные шли,
по призрачной линии сгиба.

Шумел вдалеке деловитый вокзал,
а в парке молчали качели,
нас мóрок с тобой до ворот провожал,
играя на звёздной свирели.

Нас ждал за оградой другой полумрак,
по рельсам гремела дорога,
и, выйдя из парка, мы вспомнили парк,
и не было рядом другого.

Мы после прогулки вернулись домой,
придавлены врозь городами,
и чудилось: в окнах, борясь с темнотой,
составы скользят между нами.

Игорь Торопов

Жить и верить

Рябина

У овощного магазина,
Среди озябших тополей,
Поёт упрямая рябина
Задорный гимн ушедших дней.
Темно и тихо в мире целом,
А тут, над самой головой, —
Она, пурпурная на белом,
Застыла музыкой живой.

Без возврата и поворота

Я люблю этот край медвежий,
Хоть брани меня — хоть жалей.
Тут гуляет залётный свежий
Ветерок с ледяных морей.

Тут повсюду тайга сплошная,
Тут болотные пни окрест…
Для чего мне нужна, не знаю,
Красота этих гиблых мест.

Без возврата и поворота,
Не внимая звезде иной, —
Засосали меня болота,
Закружил меня дух лесной.

Где-то суетный дым клубится,
Терабайтов бушует шквал —
Мегаполисы и столицы
Зазывают на карнавал.

Но мои нашептали рощи,
Нажурчала моя вода,
Что исчезнуть гораздо проще
В этом хаосе навсегда.

Что не где-то, но в ареале —
От Урала до Иртыша —
Станет легче земной печали,
Станет выше моя душа.

В будний день

В будний день, из авто своего,
Я гляжу на пейзаж городской
Под какие-то пошлые ноты.

Я пытаюсь понять, отчего
На земле мы несчастны порой,
Нас обманчиво манят высоты.

А за окнами виды просты —
Запоздалый мороз, гололёд…
Оживление у перехода…

Право, нет никакой высоты
В той пучине, где счастье живёт, —
Лишь святая любовь и свобода.

Так было

Так было… в неметчине ли, на Руси ли —
Но в сумраке долгого дня
Повсюду несчастные люди бродили,
Жестокое время кляня.

А время всё двигалось напропалую,
Не ведая будничных бед…
И всё же из темени правду слепую
Оно выводило на свет.

Безумствуя, лютуя и любя

Шумит и бродит буча мировая,
Безумствуя, лютуя и любя, —
Всё это пропускает сквозь себя,
Страдает и болит душа живая.

А будучи — хоть верьте, хоть не верьте —
Вдали от ахов, страхов и обид —
Страдает потому, что не болит…
Безделье для души подобно смерти.

Ночное небо

Балкон, довольно поздний час.
Над горизонтом тучи сизы.
Луна прозрачная анфас —
Как зыбкий образ Моны Лизы…
И вот он — космос, нем и глух,
Зовёт своей бездонной тенью,
И перехватывает дух
От первобытного волненья.
И, замерев минут на пять,
В стихии звёзд, как путник в поле,
Ты что-то силишься понять,
Но не хватает слов и воли…
И взгляд соскальзывает прочь —
И снова голые ракиты,
Безлюдный сквер, седая ночь,
И дверь балконная открыта.

Молитва безбожника

Когда я беседую с Богом,
К иконе поставив свечу, —
Его не прошу я о многом,
Назойливым быть не хочу.

Ну в чём я нуждаюсь? В прощенье
Своих закоснелых грехов,
И трепетно жду вдохновенья —
Откуда-то посланных слов.

Из личного мне почему-то
На ум не приходит засим
Вообще ничего в те минуты,
Когда я беседую с Ним.

Все фразы мои скуповаты
И просьбы предельно честны:
Хочу, чтобы наши ребята
Вернулись живыми с войны.

Дорог бы настроили много,
Чудных нарожали детей…
Я мира у Господа Бога
Прошу для России моей…

Я вырос в безбожии строгом —
А нынче, доверчив и тих,
Душевно беседую с Богом
О ноющих тайнах своих.

Слова — это сила.
И дело.
И важно вот так, в тишине,
Сказать, что в душе накипело…
А если Он есть —
То вдвойне…

Книга ожиданий

Выхожу из дома — улицы пустынны,
Нехотя повсюду тлеют фонари.
Тут и там хозяев ждут автомашины.
Ожидает город утренней зари.
Загуляла нынче, заплутала осень —
Видно, с полдороги повернула вспять…
Мне всегда казалось, будто это очень
Тягостное бремя — ждать и догонять…
Зажигает утро окна серых зданий.
Свой обидный промах я признать готов,
И в большую книгу встреч и ожиданий
Запишу сегодня пару добрых слов.

Жить и верить

Ты только встал с постели, ноги босы.
На окнах фиолетовая тень.
А в голове уже, как будто осы,
Роятся планы на грядущий день.
Звонки, поездки, встречи, ожиданья,
Каких-то дел рутинных череда…
И где-то в тихой гавани сознанья —
Тот самый пунктик, что на все года…
И вот уж вечер. Ты лежишь, разбитый.
Ты целый день проворен был и смел,
Был в гуще замечательных событий —
И ничего доделать не успел…
И снова ты спешишь к своей удаче,
А новый день — минувшему под стать…
Но надо жить и верить, а иначе —
С постели даже незачем вставать.

Человек ко всему привыкает

Всё бывает: и стужа, и зной,
И затмение солнца бывает.
Человек ко всему привыкает,
Находясь на планете родной.

Презирая того, кто сильней,
Человек привыкает к неволе.
Привыкает к физической боли
На исходе отпущенных дней.

Человек полагает всерьёз,
Что все беды исчезнут когда-то,
К одиночеству, словно к халату
Своему, привыкая без слёз.

Хоть в какие края позови —
Человека Земля не пугает.
Он всегда ко всему привыкает.
Лишь не может привыкнуть к любви…
К настоящей, стихийной любви.

Оксана Мясникова

Деревня Надва

Воспоминания о малой родине. 1970–1980-е

Деревенская ёлка

Мама привезла меня из Новосибирска к бабушке на Брянщину, в деревню Надву, летом 1969 года. После развода она, студентка мединститута, осталась одна в чужом городе с малолетним ребёнком на руках. Хотела бросить учёбу, но бабушка сказала: «Вера, учись, а Ксанку привози ко мне».

Мама часто вспоминала, как добиралась из далёкой Сибири с годовалым ребёнком, как не было билетов в кассе, как помог незнакомый человек — милиционер, устроив её в комнату матери и ребёнка, а сам выстоял очередь в военную кассу за билетом для мамы.

Надо сказать, что и в дальнейшем каждый мой отъезд из Надвы на Урал после летних каникул сопровождался некоторыми трудностями. Из Надвы меня забирали к себе в Клетню, а позже в Жуковку, сестра мамы и её муж, тётя Надя и дядя Миша Архиповские. Каждое утро бабушка и тётя провожали нас с дядей, увешанных сумками с провиантом, приготовленным накануне, в Брянск, где дядя полдня мог отстоять в очереди в кассу для военных (он служил следователем в районной милиции), пытаясь раздобыть билеты на проходящий поезд Одесса — Свердловск буквально в последние часы до прихода поезда. Бывало, вечером возвращались, так и не попав на поезд, и, надо сказать, не всегда нам были рады. На следующее утро тётушка вновь готовила мне в дорогу нехитрый провиант из варёных яиц, картошки, сала, когда и курицы. Так мы «пытали счастье», как говаривала бабушка, пока дядя не покупал билет и, наконец, усаживал в поезд до Свердловска, где ждала меня мама. Помню, как-то в раннем детстве дядя сопровождал меня в поездке на Урал, ехали в купе с военными, всю дорогу ели жирную утку, приготовленную бабушкой, меня жутко укачивало, надолго потом запомнились вкус жирной утки и стойкий приступ тошноты, его сопровождавший.

Я прожила с бабушкой шесть лет до школы, а затем каждое лето приезжала на каникулы школьные, затем студенческие, позже проводила отпуск — вплоть до 1995 года я каждое лето уезжала на Брянщину. Так я прожила более двадцати лет на Урале, не имея ни малейшего представления об уральском лете, зная лишь понаслышке, что оно холодное и дождливое.

В семьдесят восьмом году я осталась у бабушки до Нового года, так как мама уехала на полгода в Сибирь на врачебную специализацию. От меня до последнего скрывали, что я остаюсь в Надве. Конечно, я расстроилась, боялась идти в незнакомую школу, помню, как уныло брела первого сентября по деревне в сторону кладбища. Школа находилась далеко от деревни, поскольку в ней учились дети не только из Надвы, но и из соседних деревень. Школа была, как мне казалось, большая и шумная, а я на ту пору — робкая и стеснительная. Пройдёт полгода, и я со слезами на глазах буду расставаться со своими одноклассниками, вновь и вновь вспоминая то время как самое счастливое.

Классы в деревенских школах малокомплектные, по восемь — двенадцать учеников, все друг друга знают; мало того, почти все между собой родственники. Так, я училась в одном классе с троюродным братом Сашей Бибиковым, а его старшие сёстры Надя и Тома — в шестом и восьмом, старших классах. Одним словом, деревенская школа напоминала большую дружную семью. Домой, помню, совсем не хотелось, я завидовала детям из других деревень, так как они жили все вместе в интернате, располагавшемся в избе неподалёку от школы.

Я застала деревенскую школу с огородом, яблоневым садом, метеорологической будкой, спортивным полем с полосой препятствия и много ещё чем. До школы путь был неблизким. Нужно было пройти всю деревню, мимо погоста, через большак и огромное поле пшеницы в васильках летом, по жнивью — осенью, заснеженному — зимой и выйти, наконец, к школе.

В тот учебный год, когда я осталась у бабушки, в надвинской школе появился новый учитель — молодой выпускник физмата Брянского пединститута Горбачёв Василий Иванович. Вся школа сразу его полюбила, старшеклассники за глаза называли Чапаевым за имя-отчество и усы, младшеклассники ходили за ним по пятам и умирали от зависти к нам, четвероклашкам, ведь учитель математики

был назначен нашим классным руководителем и проводил с нами всё своё свободное время.

В сентябре всей школой собирали картошку на колхозном поле. Василий Иванович не только работал наравне с нами, но и успевал рассказывать интересные истории из студенческой жизни, отчего работа спорилась, а наш ударный труд не остался незамеченным.

Помню, как ревновали Василия Ивановича к учительнице музыки, что там, на картошке, как нам казалось, подкатывает к нашему классному руководителю: то ведро попросит поднести, то мешок подержать, то засмеётся вдруг неестественно громко.

Как только начались занятия в школе, мы, как преданные оруженосцы при Чапаеве, неотступно следовали за своим учителем, караулили его возле учительской, часто допоздна засиживались в кабинете математики после уроков, оставались на дополнительные занятия, все как один готовились к школьной математической олимпиаде, вместе рисовали стенгазеты, готовили праздники. Помню, как ревновала Василия Ивановича к нашей отличнице Тане Архиповской. Учитель увидел в ней математические способности и всячески их развивал, часто занимаясь с ней после уроков.

Пройдёт время, Таня окончит школу, поступит на физмат в Брянский пединститут, с отличием его окончит и вернётся преподавать любимую математику в родную школу.

А Василий Иванович Горбачёв вернётся в родной институт. Со временем он станет кандидатом физико-математических наук, доктором педагогических наук, профессором, заслуженным учителем Российской Федерации.

Незадолго до Нового года заканчивалась вторая четверть, учителя выставляли оценки. Я волновалась больше других, гадала, с какими оценками придётся ехать домой в городскую школу. И вдруг получаю тройку по физкультуре, единственная в классе так и не преодолевшая пресловутую полосу препятствий. Ничего подобного больше никогда не видела: выстроенная точь-в-точь как армейская для тренировки новобранцев, эта полоса препятствий ничуть не смущала деревенских детей, с младенчества приученных к физическому труду, оттого сильных и ловких. В классе двенадцать человек, половина из них между собой родственники, но и без того все дружны, я молчу, все загудели: «Поставьте Рыбакиной четыре, она в город уезжает!» Физрук оглядел меня, махнул безнадёжно рукой: «Ну, раз в город, пущай уезжает с четвёркой».

Физрук, Сенин Иван Яковлевич, был замечательный, вывел в КМС полшколы. Моя троюродная сестра, Надя Бибикова, стала легкоатлеткой — стайером, бегала лучше всех на длинные дистанции вначале в районе, позже в области, не знаю, попала ли на Россию, но Брянский физкультурный техникум закончила, и не одна она. В школе Надя училась слабо, но благодаря врождённой силе воли и выносливости, тренированной в ежедневных крестьянских трудах, при поддержке учителя, который помог ученице раскрыть спортивные способности, смогла реализовать себя, стала замечательным учителем физкультуры, проработав в райцентре, в клетнянской школе, более тридцати лет. Помню, как летом каждое утро она пробегала семь-восемь километров, ни на минуту не забывая слова физрука: «Тренируй, Надя, дыхалку!»

...Новый год подступил незаметно. К ёлке готовились заранее. Все было достаточно скромно, как я сейчас понимаю, но дух, атмосфера праздника были необыкновенными, волшебными. Каждый класс готовил стенгазету, украшая её россыпью цветного стекла от битых ёлочных игрушек, что приклеивали на ватман. Бумажные гирлянды из цветной бумаги вырезали и клеили часами, ходили по классам, замеряли, у кого длиннее. Огромная, до потолка, ёлка стояла посреди школьного коридора, наряженная самодельными игрушками, гирляндами, конфетами и орехами на длинных нитках. Праздник вокруг ёлки проходил вначале для малышни, начальной школы, потом средних классов и, наконец, самых старших, седьмых и восьмых классов, где учились мои троюродные сёстры Надя и Тома. Ёлка старшеклассников заканчивалась танцами. Как же мы им завидовали! Помню, подглядывали в приоткрытую дверь за танцующими, пока не были разоблачены и отправлены по домам. Грустной молчаливой вереницей возвращались домой через заснеженное поле, большак, погост. Шли по деревне, и каждый из нас думал, наверное, о том, как бы скорее вырасти и попасть на взрослую ёлку.

Накануне Нового года приехала мама. Она полгода была на специализации в сибирском городе Новокузнецке. Летела к нам через Москву, привезла много подарков. Бабушка принесла из леса ёлочку, поставила её на стол посреди избы. Мы украсили ёлку конфетами, орехами и фабричными ёлочными игрушками из картона и фольги.

Деревенские приходили смотреть на нашу ёлку с диковинными игрушками. Вечером приехал дядя Миша, чтобы отвезти нас в Клетню на празднование Нового года.

Не обошлось без курьёза. У мамы были с собой термобигуди — такие рогатые пластмассовые штуки, которые нужно было подержать в горячей воде и накрутить на волосы, чтобы получить невероятные кудри. Долго мы накручивали чудо-бигуди на мои длинные волосы. Вечером, когда приехал дядя, мы не смогли снять их с волос. Бигуди вцепились рогами в мои волосы и не снимались. Я уже рыдала во весь голос, когда дядя Миша принял волевое решение и безжалостно выстриг бигуди вместе с волосами.

После Нового года мы с мамой вернулись на Урал. Долго потом вспоминала я деревенскую школу, наш дружный класс, любимого учителя математики Василия Ивановича.

Однажды я получила письмо от одноклассников из Надвы. Оно было написано рукой Василия Ивановича, в нём говорилось о том, как ребята дружно живут, о победе нашей одноклассницы Тани Архиповской в математической олимпиаде.

Заканчивалось послание пожеланиями счастья и успехов в учёбе, выведенными хоть и старательно, но всё ещё неуверенной детской рукой каждого из моих двенадцати одноклассников.

Банный день

Долгое время мы жили без своей бани. Бабушка тянула хозяйство одна, без мужика, пережила и послевоенную разруху, когда вернулась на родину из немецкого плена и фильтрационного лагеря в Сибири, и пожар, отстраивалась тяжело. Мама помнит, как жили у Ефимии, Химочки, как звали её в деревне, родной сестры бабушки; та дождалась мужа с войны, жили справно, младшую сестру Ксению с детьми приняла и поселила на печке, питались врозь.

Мама вспоминает, как дожидались, пока большая семья тётки поест, потом спускались с печки, отыскивали в ней свой маленький чугунок с картошкой. «И так, — говорит мама, — мне это опостылело, что я сказала: „Пошли, мама, к себе!“». А дом ещё не достроен был, стоял сруб под крышей, полы не застелены досками. «Так, — говорит мама, — лето и прожили».

Так вот, у той Химочки мы с бабушкой и мылись в бане всё моё раннее детство. Гораздо позже появилась у нас собственная баня у самого леса. Уезжала дальняя родственница из деревни и продала бабушке баню за условную сумму, какую она, вдова, могла предложить.

Баня эта топилась по-чёрному. Топила её бабушка сама, никому не доверяя. Я любила смотреть, как она топит печь. Вот дрова прогорели, бабушка кладёт на угли звено от гусеницы трактора (бучку), если из печи выкатываются угли, голыми руками кидает обратно в печь, раскалённую докрасна бучку цепляет вилами и опускает в бочку с холодной водой. Бучка шипит и ругается, пока вода не закипит, тогда успокоится, затихнет. На печке выложена каменка, туда бабушка время от времени выливает ковш воды из бочки с холодной водой. Весь дым из печки идёт в баню, трубы нет. Баня топится часа четыре, напоследок бабушка открывает заглушку — маленькое окошко в стене, баня выстаивается ещё с час. Через час бабушка приходит и проверяет готовность — дух в бане тяжёлый или лёгкий. Могла сказать, что баня ещё не готова — значит, в печи остались непотухшие угли или едкий дым не весь выветрился. И мы ждали, сидя в избе, каждый со своим узелком чистой одежды в руках.

А как бабушка па́рила! Укладывала тебя на широкие полати, рядом ставила ковш с ледяной водой, поддавала жару, выливая другой ковш воды на каменку. Труси́ла — трясла заранее заваренный в крутом кипятке берёзовый веник над раскалённой каменкой, затем переходила с горячим веником к полатям и продолжала его труси́ть уже над тобой; продолжала движение веником над телом с ног до головы, не касаясь его, труся́ — совершая быстрые, но ловкие движения, никаких рывков и гуляний веника самого по себе, он как бы сливался с рукой бабушки, был её продолжением, а рука у бабушки большая и крепкая. Тело нагревалось, ты расслаблялся и почти задрёмывал, как тут же бабушка, резко обмакнув веник в тазик с кипятком, укладывала его на тебя и начинала, наконец, труси́ть веником по самому телу, касаясь его быстро и уверенно.

Бабушка труси́т веником, едва касаясь, ходит веником вначале дробью, затем медленнее и мягче. Вокруг клубится горячий пар, дышать становится всё тяжелее. Всё чаще опускаешь свободную руку в ковш с холодной водой и кидаешь пригоршню воды себе в лицо. Наконец наступает момент, когда бабушка, будто сжалившись, вдруг окунает раскалённый веник в холодную воду и медленными движениями, почти не отнимая веник от красного, распаренного тела, проходится по нему в последний раз уже медленно, никуда не торопясь…

Па́рить она могла больше часа, не уставая, от всей души. А сама помывка занимала не так и много времени. Два таза, в одном тебя намыливают, натирают мочалом до скрипа кожи, из другого обдают. Льёт бабушка ковш воды на голову, поворачивает тебя по кругу, приговаривая: «С гуся вода, с Ксанки худоба!» Всегда было смешно от этих слов, потому как худобой я никогда не отличалась, пока бабушка не объяснила: «Худоба — значит хвороба, болезнь».

Волосы мыли напоследок, обдавали их берёзовым отваром, где запаривался веник. Я любила смотреть, как бабушка моет свои волосы, красоту которых могла разглядеть только в бане. Вот она достаёт из волос гребёнку, длинные, ниже пояса, волосы тяжёлой волной падают и закрывают почти всё худенькое, но сильное тело. Всю жизнь, до самой смерти, бабушка носила длинные волосы, заплетала их, вымытые, скрипевшие под рукой, в косу, забирала гребёнкой, надевала платок и не снимала его до следующей бани.

Завершал поход в баню дядя Миша. В первый дух, тяжёлый, шли кто посильнее и постарше, а в последний, лёгкий, шли дети или опоздавшие, а поскольку дядя Миша часто допоздна задерживался по службе в милиции, то и шёл он в баню чуть ли не ночью. Мылся долго, обстоятельно,

спешить ему было некуда. Зато бабушка каждый раз переживала, и мы с братом уже знали, что как только начнутся её причитания: «Братцы ро́дные, ночь на дворе, Миша второй (третий) час моется!» — нас тут же отправят посмотреть, жив ли он, не угорел ли.

Как сейчас помню, выбегаем с братом на крыльцо, останавливаемся, робея, вглядываясь в темноте в сторону леса, где стоит баня, бежим, взявшись за руки, до тех пор, пока не услышим в ночной тишине голос дяди, доносящийся из бани: «Ходють кони над рекою-у-у-у, ищут кони водопою-у-у…» Мы тут же и замираем. Деревья стоят вкруг бани молчаливой стражей, сберегая её тепло, храня от чужих глаз. И только звёзды суетятся, вслушиваясь в ночное пение, наклоняясь над крышей бани всё ниже и ниже.

Коровий оркестр

Колхозное стадо в Надве угоняли пастухи на целый день на пастбище, куда доярки и прибегали на дневную дойку. А вот своих коров колхозники пасли где придётся, дворами по очереди столько дней, сколько коров на дворе. Бабушка и её подпаски — брат Миша и я — пасли коров один день, но и он запоминался надолго.

Выгоняли коров летом в пять утра — наранках[1], и если накануне я была в деревенском клубе на танцах, а потом мы всей гурьбой шли к заветному дубу с качелями, жгли костёр, то возвращалась я под утро, и здесь меня настигала кара небесная: едва я касалась головой подушки, как начиналась утренняя побудка.

До обеда я пыталась найти укромное место, упасть в какую-нибудь ложбинку, вздремнуть.

Бабушка часто жаловалась, что с утра не знала, кого пасти и за кем бежать: то ли корову заблудшую высматривать, то ли меня в ложбине выискивать. Помню её зычное, разносившееся на всю округу: «Ксанка!»

Ближе к обеду пригоняли коров на край деревенского леса, дальше начинались поля пшеничные, было в моё детство и гречишное поле, помню его цветущим в невероятно пахучей розовой дымке. Здесь нужно было держать ухо востро, чтобы коровы не пошли на гречишные поля. Обычно мы делали привал, расположившись на земле у края поля, подстелив бабушкин мужской пиджак, с которым она никогда не расставалась, носила его по-вдовьи, поверх платья. Бабушка развязывала тряпичный узелок, куда с вечера были припрятаны сваренные вкрутую куриные яйца, картошка в мундире, перья зелёного лука, полбуханки ржаного хлеба и шмат розового, с мясными прожилками, сала. Коровы, разморённые жарой, укладывались в тенёк, жуя свою вечную жвачку, отмахиваясь хвостами от комарья и оводов, а мы обстоятельно, никуда не торопясь, вдыхая ароматы трав и полевых цветов, приступали к трапезе.

И опять меня морило от еды, сладкого запаха цветущей гречихи. Я дремала под рассказы бабушки: как сейчас жалею об этом, ведь могла пропустить самое интересное. Частенько, чтобы не уснуть, после обеда играли в камушки — так бабушка называла незамысловатую игру, для которой ничего и не надо, кроме глазомера, проворной руки, послушных пальцев да камушков, лежащих на пыльной дороге. Нужно было подкинуть камушек и поймать в ладонь, потом второй подкинуть и поймать в ладонь, оставляя там первый, второй, следующий, и делать это нужно всё одной рукой, подкидывать и ловить; выиграет тот, кто поймает и удержит в руке больше камушков.

Никто на моей памяти не мог обыграть бабушку в камушки. Помню её огромные руки, хоть и разбитые трудами, но проворные, узловатые пальцы, острый глаз, которым она мгновенно отыскивала гладкие ровненькие камушки под ногами. Играла мастерски, с большим азартом, одновременно удерживая в одной руке до двенадцати камушков, подбрасывая их, и, пока летят, поднимала с земли другой, ловила и, хитро подмигивая, открывала ладонь: тринадцать! Я в нетерпении вскакивала, а бабушка смеялась и радовалась, как ребёнок, когда видела в моей ладони не больше пяти-шести камушков.

Потом, гораздо позже, я поняла, что обучала меня бабушка игре своего крестьянского детства. Руки её с возрастом становились только больше, пальцы были уже не такими послушными, но, странным образом, тонкую работу своими огромными руками могла делать до самой старости: вышивала скатерти, рушники и вязала крючком кружева лет до семидесяти, пока видели глаза.

Чаще всего я брала с собой ещё и книгу, тогда и вовсе выпадала из реальности, но бабушка уже не окликала; после обеда и коровы могли прилечь где-нибудь на лугу. Дни летом стояли ровные, воздух прозрачный, небо низкое, облака, будто пуховые подушки, разбросаны там и тут как напоминание о сладком сне, голова моя клонилась, я порой засыпала в очередной ложбине в обнимку с книгой.

Ближе к вечеру приходил старший брат, если его с утра не было с нами, и помогал вернуть стадо в деревню. Мы шли по деревне, где возле каждой избы хозяйка с большой краюхой хлеба поджидала свою кормилицу, что было и лишним — ни одна корова не проходила мимо своего дома, а, напротив, ещё издали, увидев или почуяв хозяев, начинала трубить призывно и победоносно. Шли мы таким деревенским коровьим оркестром до последней избы у леса, где и стоял наш дом.

1 Наранках *(диалект.: ряз., орл., воронеж.)* — рано утром.

И уже здесь, на Урале, в Краснополье, мы с дочерями, пока они росли, каждый летний вечер выходили встречать деревенское стадо. Обычно младшая дочь Анюта, увидев первую корову, показавшуюся издали, кричала: «Идут!» И мы сбегались на приветственный трубный зов, встречая оркестр букетами пахучих трав. Но сытые коровы, важно неся своё огромное вымя, равнодушно проходили мимо, а мы замирали надолго, глядя вслед коровьему оркестру, торжественно шагающему пыльной деревенской дорогой в сиянии догорающего заката навстречу родному дому.

Братья и сёстры

С двоюродными братьями и сестрой, с кем провела всё своё детство, жили дружно, не помню ни одной серьёзной ссоры. Скрепила нашу дружбу на долгие-долгие годы бабушка, Комарецкая Ксения Фёдоровна. Внешне мы жили более чем скромно, в избе из одной комнаты и закута за печкой, где вмещались две кровати для старших внуков. Самый младший из нас спал на печке. В избе не было никакой бытовой техники: ни холодильника, ни электроплиты, ни стиральной машины с телевизором. Ничего этого не было. Была изба с русской печкой, во дворе — сарай с курами, утками, в хлеву — корова Красуля и свинья за перегородкой, большой огород. И над всем этим хозяйством — бабушка с огромными руками, разбитыми ежедневными крестьянскими трудами, и таким же большим сердцем, вмещающим всех нас, её внуков. Она явила нам пример доброго, участливого отношения как к близким, так и дальним, к каждому, кого встречала на многотрудном своём жизненном пути. Никогда не сидела без дела и нам не велела, приучила нас к труду. Деревенский труд не обременял и не утяжелял нашу детскую жизнь, а, напротив, наполнял её смыслом, укреплял душу. Более всего в деревне не любили ленивых, по пальцам одной руки можно было перечесть неработящих. Лучшая похвала, какую можно было услышать о человеке из уст бабушки: «Работящий!» Что-то не могу и припомнить, когда я в последний раз слышала «работящий», «трудолюбивый». Ушли слова из обихода, поменяли их на уничижительное «трудоголик»…

Бабушка разговаривала с нами на равных, не заискивала, но и не строжила. Я не помню, чтобы бабушка занималась нашим воспитанием напрямую, наставляла, читала мораль. Единственное, что она часто повторяла: «Живите дружно!» Кажется, ничего другого от нас и не требовала. Мы сбились вокруг неё пугливой стайкой оставленных родителями кого на короткий срок (от выходного до выходного), а кого и на год (от отпуска до отпуска). Этой своей оставленностью, хоть и временной, мы были очень уязвлены, отсюда и наша ранимость, но бабушка так нас сбила, так плотно прижала друг к другу, а всех вместе — к себе самой, что нам ничего не оставалось далее, как жить в одной связке. Удивительно и то, что в этой связке никто не потерялся, каждый оставался самим собой, и в этом тоже её заслуга. Случилось это потому, что в каждом из нас она видела не скажу, что личность, но особинку каждого разгадала и учитывала. У каждого были, кроме общих, свои дневные обязанности.

Так, старший брат Миша прекрасно косил, научился этому быстро, рано вытянулся; длинноногий и длиннорукий, он несколькими широкими размахами мог выкосить сразу чуть не треть делянки, уходили с бабушкой наранки, вдвоём, и косили, обходились без чьей-либо помощи.

Ирочка, младшая сестра, с её тоненькими ручками и длинными пальчиками, ежедневно мыла крапивой трёхлитровые банки из-под молока. Дело это, что может показаться на первый взгляд простым, вовсе не простое. Жирное молоко во время мытья оставляет разводы, мыли банки в деревне чаще всего холодной водой, средств для мытья, кроме хозяйственного мыла и соды, не было. Мыло оставляло на банке плёнку, соду берегли, так что приходилось мыть крапивой. Бросали пук крапивы в банку, энергично встряхивая, этой же крапивой промывали, как тряпкой, банку внутри и снаружи. Ирочка была совсем мала; жалея прозрачную её рученьку, такая она была тонкокожая, бабушка для неё ошпаривала крапиву кипятком, а сами, если случалось, отмывали банки свежей, жгучей до невозможности, разъедающей любой жир и застаревшую грязь. «У нас с тобой, Ксанка, кожа-то дубовая, чай, не обстрекаемся», — часто говаривала бабушка. И действительно, бабушка никогда не обжигалась крапивой. Одна ходила в дальний лес за крапивой на корм скотине, брала с собой мешок и серп, я недоумевала: «Бабушка, почему без рукавиц?» Та в ответ только рукой махнёт. До сих пор у меня осталась эта привычка, нет-нет да и вымою банку из-под молока пучком крапивы, а потом, как в детстве, залюбуюсь сквозь вымытое стекло на солнце: красота! Сушили банки, надевая их на жерди палисадника, так на солнце они ещё и стерилизовались.

Мне, как старшей, было поручено мыть полы в избе. Крашеные широкие доски отмывались легко, пол был чистым, весь застеленный половиками, примали их редко. Пока моешь, ещё рассмотришь все сучки, выбоины, места колки лесных орехов. Братец с молотком выкладывал в такую вот ямочку, найденную младшими, это было наша обязанность, орех и разбивал его молотком. Моешь пол и каждую такую выбоину потрогаешь рукой. И вот уже уносишься мыслью в любимую рощу, где молодой орешник-лещина с большими круглыми листьями, похожими на туловище леща, отсюда и название — лещина, красивыми длинными серёжками

и орешками, будто куколками, укутанными в зелёное одеяльце, встречает и приветливо машет зелёной гривой. Про меня бабушка правильно всё поняла, поручая длительную монотонную работу, во время которой я могла думать о своём, чтобы ничто от постоянно роящихся в моей головушке мыслей не отвлекало. Так было всегда, так оно и осталось. Не тонкую, изящную работу, где нужно особое внимание и терпение, а тупую монотонную, пусть и физически нелёгкую, но и свободную для головы, потому как вся в работу, сколько себя помню, я никогда не погружалась, мыслями всегда уносилась далеко-далече.

Полы в сенцах мыли голиком — веником из прутьев без листьев. В деревне голиком натирают пол из неокрашенных досок, как в городе щёткой полотёр натирает паркет. Такие доски нужно хорошенько пролить водой, а дальше натираешь их голиком, что бросаешь под ноги, можно и покататься на нём, грациозно размахивая руками, воображая себя, например, известной фигуристкой. Случались и падения, как правило, с грохотом опрокинутого ведра, на шум которого прибегала бабушка с неизменным: «Заставь дурака Богу молиться!..»

Любила стирку в большом корыте из оцинкованного железа при помощи стиральной доски, что туда сбоку ставилась. Лет с пяти, помню, вначале неуверенно детскими руками шоркала нашу одежду большим куском хозяйственного мыла, что часто выскальзывал, нырял, как рыба, в пенную глубь корыта, приходилось разыскивать его, чуть не самой туда ныряя, некогда и рукава было закатать, так была увлечена. Воду для стирки специально не грели, стирали «летней водой», как называла её бабушка. Корыто с чистой водой всегда стояло на дворе, естественным образом нагреваясь на солнце, это и была «летняя вода», пригодная, правда, лишь для небольшой ежедневной постирушки.

Большая стирка, раз в неделю, затевалась в бане на следующий день после помывки. Половики стирали на речке, куда несли их всё в том же корыте вдвоём с бабушкой, брали с собой и пральник — ребристый деревянный каток с ручкой, им и прали — отбивали половики, долго прополаскивая в реке. («Пральник» от «прать» — колотить, отбивать бельё, отсюда и «прачка». Само слово «прачка» означает, что работницы не просто слегка полощут бельё, а именно «прут» — то есть колотят, отбивают и выжимают, прилагая значительные физические усилия.) С детства любила плескаться в воде, стирать вначале маленькие тряпочки, позже свои и взрослые вещи, тщательно прополаскивая, окуная в воду и плавно ведя вдоль течения, потом в обратную сторону, бросая на мостки, отбивая, когда стираешь грубые вещи. Бывало, побыстрее отшоркаешь хозяйственным мылом уложенную на мостки тряпку, а потом полощешь её вдоволь, пока сама не вымокнешь до нитки.

Братец Миша

И было у отца три сына, а у меня три двоюродных брата. Но не сразу. Вначале был единственный старший брат Миша. Всё наше детство мы были вместе: летом у бабушки в деревне Надве, на зиму его родители, мои тётя и дядя, увозили нас к себе в посёлок Клетня. Мы были очень дружны с братом, Миша был старше меня всего на полгода. Сколько себя помню, и в деревне, и в районном посёлке — всюду меня окружали ровесники-мальчишки; была я полновата и неуклюжа, но никогда не отставала в мальчишеских играх, где верховодил мой братец, которым я страшно гордилась. А Миша был хорош!

Бабушка родила Мишину маму в мае 1945 года в фильтрационном лагере в Сибири, в Кемеровской области, куда попала после освобождения из концлагеря — то ли немецкого, то ли австрийского (бабушка вспоминала, что где-то в горах) — вместе со старшей дочерью Верой, моей мамой, отец которой в первый год войны пропал без вести.

Родила от кавказца из Майкопа по фамилии Комарецкий, такого же военнопленного, как и сама — партизанская связная, чью смертную казнь отменили в последний момент.

Тимофей Комарецкий был хорош собой. Тётя Надя, вся в отца, жгучая кудрявая брюнетка, была первой красавицей на деревне — яркая, шустрая, явно не среднерусского темперамента девушка, разбившая сердце не одному деревенскому парню. Но этого ей было мало, и она снова и снова пытала[2] бабушку: «Кто из нас красивее, я или Вера?»

Мама, хоть и старшая, русоволосая кареглазая скромница, без сомнения, уступала младшей, до одури боялась женихов, после танцев убегала из клуба домой огородами.

Вместе они любили петь народные песни. Запевала бабушка, знала она невероятное количество песен, вдвоём сестры пели и современные; помню, тётя Надя любила песню «На щёчке родинка, полумесяцем бровь… Ах, эта родинка, меня с ума свела…», а мама — «На вечернем сеансе в небольшом городке пела песню актриса на чужом языке…». Как-то слышала в их исполнении песенку Пепиты из оперетты «Вольный ветер».

Голоса были необычайно сильные и красивые у всех трёх, я слушала их как заворожённая, начинала подпевать, на что бабушка всегда говорила: «Нет, Ксанка, ты не нашей породы».

Миша в квадрате

Хоть лицом и вышел Миша в красавицу-маму, характер унаследовал от отца, Михаила

2 Пытать *(диал., южно-рус.)* — в значении «расспрашивать», «разузнавать», «разведывать».

Михайловича Архиповского, — скромного, спокойного, немногословного. В семье Архиповских принято было называть старшего сына Михаилом. Так и стал мой братец, как и его отец, Михаилом Михайловичем.

Помню, как мы детьми ждали дядю с работы (а возвращался он к ночи), чтобы услышать от него сказку, сочинённую на ходу, были это приключения Ивана-дурака, каждый раз новые, но неизменным оставался финал: свадьба, пир горой, где подавали жареное, пареное, варёное, вяленое и… так, кусками. Миша-младший каждый раз так заливисто хохотал на фразе «так, кусками», будто слышал её впервые. В деревню дядя Миша каждый раз въезжал победителем — в голубой рубашке и милицейской фуражке, на мотоцикле «Урал» с коляской, мечте всех деревенских мужиков. Полдеревни собиралось возле нашего дома, мальчишки смотрели на нас с завистью, бежали за мотоциклом, когда мы мчались с ветерком по деревне — я в люльке, а Миша за спиной у отца.

Как-то мы с братом прыгали через лужу с гудроном, длинноногий братец перепрыгнул и удачно приземлился, а я не долетела и попала в лужу; полдня потом провели с ним на речке, пытались оттереть меня от гудрона, боялись возвращаться домой. А между тем тётушку трудно было чем-то удивить и вывести из равновесия. Она была во всеоружии, до сих пор помню огромную бутыль с мазью Вишневского, которую она держала у себя под кроватью.

Вечером, после мытья ног, вызывала нас к себе, доставала мазь, мы привычно усаживались в ряд и обречённо подставляли колени. Нас к тому времени было уже трое или четверо: мы с Мишей и погодки Ирина с Андреем, целая банда с вечно разбитыми коленками. Запах мази Вишневского не выветривается из моей памяти до сих пор.

Большой Мишиной страстью была грибная охота. Грибы Миша собирал артистически, видел их там, где другие проходили мимо, унаследовал такой грибной нюх, видимо, от бабушки. Бабушка в своё время одним летом собрала, насушила и сдала в заготконтору столько грибов, что на вырученные деньги купила своему зятю, дяде Мише, его первую и единственную машину — оранжевый «Запорожец».

Выйдя на пенсию и собрав свою семью, дядя заявил, что работал честно, добра не нажил, может теперь со спокойной совестью отдыхать, на что бабушка заметила, тихо произнеся в сторону: «Нашёл чем гордиться».

Странно это было слышать от бабушки-бессребреницы, сама за всю жизнь чужой копейки не взяла, зато своё последнее отдавала. Скорее всего, в ней заговорила обида на зятя, что редко бывал дома — все тяготы деревенского быта, воспитание внуков до школы легли на её плечи.

Вторая страсть братца — чтение. Читал он с раннего детства, читал много и бессистемно. Помню сцену его возвращения из библиотеки. Миша высыпает книги на большой круглый стол в центре комнаты, я жду этого момента, чтобы разглядеть эти сокровища, хотя бы картинки, пока сама ещё не читала. Позже читали вместе. На столе могла оказаться, наряду с научно-популярными книгами по астрономии, истории, археологии, беллетристика разных жанров — от фантастики до классики. Все эти книги Миша проглатывал и шёл за следующей порцией в библиотеку.

Думаю, любовь братца к книгам и послужила примером для моего раннего увлечения чтением. Читать я научилась как-то незаметно для всех, мне не было ещё пяти, я точно помню, что в пять уже читала тоненькие детские книжки.

В деревне у бабушки у каждого из нас было своё любимое место для чтения, никогда не читали вместе, дело это сугубо индивидуальное, но было место, которое любили оба — чердак с сеном. На сеновале одно лето, я помню, мы прочитали всего Дюма, по очереди бегали в деревенскую библиотеку за новым томом. Был это класс седьмой у брата, шестой у меня.

Всё-таки и вместе с братцем читали. Здесь, на Урале, в деревне у мамы нашла старую книгу Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», и вспомнилось, как в Надве я взяла в библиотеке книгу его рассказов. Вечером братец лежал на печи, я внизу на кровати, был у нас такой закут для детей, отгороженный от избы с одной стороны печкой, с другой занавесками. В избе была одна комната, трудно сейчас представить, как мы все в ней помещались.

Читала вслух рассказ о кошке-алкоголичке, та пристрастилась к пиву в большом погребе, прошмыгивала и оставалась там до утра. Братец внимательно слушал, свешивая голову с печи в мою сторону, чтобы не упустить ни слова, хохотал, наклоняясь всё ниже и ниже, а в кульминационный момент так рассмеялся, что упал с печи на кровать. Дальше на страшный шум падения и хохота из сеней прибежала бабушка, а мы хохочем, не можем остановиться. Бабушка только руками всплеснула: «Кровать сломаете, оглашенные!»

Братец красиво косил сено. Признаюсь, я не раз любовалась этим завораживающим зрелищем: размах, плавное движение косы, трава, ровными полосами ложащаяся под ноги, дурманящие запахи свежескошенной травы.

Надо сказать, что сено для нашей коровы Красули заготавливали мы втроём: бабушка с братом косили, втроём потом сушили, ворошили, скирдовали, нанимали лошадь за самогон (летом в страду только им и расплачивались), собирали и вывозили, дома забивали сарай и высоченный огромный чердак сеном. И так каждое лето. Помню, как

чесалось всё тело от порезов о свежее сено, пока его таскаешь на вилах, забрасываешь, поднимая высоко над головой, утаптываешь босыми ногами, чтобы больше вместилось.

Было ещё одно дело, которое с молодости пришлось Мише по душе,— фотографирование. Научился он у отца, дядя Миша очень часто нас снимал на семейных праздниках, в лесу, возле дома. Сразу после армии братец, я помню, устроился в фотоателье и тем летом постоянно нас фотографировал, увлечён был самозабвенно.

И первые его шаги в фотографии тоже прекрасно помню. Было это в 1982 году — Мише было пятнадцать лет, мне четырнадцать, Ирине десять, Андрею девять. У Миши в руках настоящий фотоаппарат, он ведёт нас в любимую рощу, выбирает место на поляне, размещает нас, устанавливает камеру на автоматическую съёмку, бежит к нам, падает рядом — и вот он, снимок нас, счастливых.

«Я встретил девушку…»

Я встретил девушку:
Полумесяцем бровь,
На щёчке родинка,
А в глазах любовь…

Эту песню любила петь моя родная тётушка Надя; напомню, что бабушка родила её в мае 1945 года в фильтрационном лагере в Сибири от военнопленного Комарецкого; почему-то она взяла его фамилию, вернувшись домой в 1948 году уже Комарецкой Ксенией Фёдоровной с двумя дочерями — моей мамой, 1938 года рождения, и младенцем на руках, дочерью Комарецкого.

Младший брат мамы Ванечка умер от тифа, которым болели все трое — бабушка, мама, трёхлетний Ванечка — в немецком концлагере в Белоруссии, в городке Новогрудок. Бабушка часто сокрушалась, что нет могилки Ванечки, и рвалась душой в белорусский город. «Мне бы только могилку Ванечки найти»,— говаривала она.

А Комарецкого тогда в фильтрационном лагере забрали; мама помнит, как у порога, обернувшись, он сказал бабушке: «Ксения, я всё равно тебя найду»,— и пропал. Ещё мама вспоминает, как Комарецкий завернул новорождённую дочь в овчинный полушубок, чтобы та выросла кудрявая. И действительно, волосы у тёти невероятной красоты — жгуче-чёрного, как вороново крыло, цвета, с жёсткой, крупной волны, шевелюрой. Правда, по молодости тётка травила их нещадно, обесцвечивая пергидролем. Тётя Надя совершенно не нашей породы и характера шального, бешеного, как говорила бабушка, очень красива кавказской красотой; старший сын — мой двоюродный брат Миша — её копия, но спокойный и тихий, в отца. И тётка, и Миша-младший читали всегда запоем; своих детей у брата нет, воспитал приёмного сына, для которого стал роднее родного.

В следующем поколении внешность тётки, жгучей красавицы, досталась её внучке, красавице Женечке, дочери моей двоюродной сестры Ирочки, вот ей-то тётка всегда и пела, подвыпив, за столом: «На щёчке родинка, полумесяцем бровь…» Смуглая, с ямочкой на щеке, красавица Женечка, родители которой светло-русы и голубоглазы (в кого дочь, дивились соседи), услышав тёткино пение, к ней обращённое, каждый раз вспыхивала, смуглые щёчки её рделись алым маком, а тётка, хитро подмигнув, продолжала: «Ах, эта девушка меня с ума свела, разбила сердце мне, покой взяла!..»

«Это было недавно, это было давно…»

Я услышала впервые эту песню в мамином исполнении, намного позже опознала её в фильме «Друзья и годы», вышедшем ещё в 1964 году, но для меня она так и запомнилась — мамина песня:

На вечернем сеансе
В небольшом городке
Пела песню актриса
На чужом языке…

Мама пела её в опереточном стиле, высоким голосом, чисто и красиво. Деревенская девочка без музыкального образования, но, имея от природы абсолютный слух и красивый голос, пела и играла на кларнете в женском ансамбле ДК города Волжский, что недалеко от Волгограда.

Приехала после сельской десятилетки в молодой город, где строилась ГЭС, работала санитарочкой в местной больнице. Позже окончила открывшееся из-за нехватки кадров медучилище, где преподавали те же врачи из больницы. Жили весело — молодость!.. Когда мама пела, я представляла сказочный город, где все поют и танцуют в бальных нарядах, город таинственного венского вальса. Совершенно не считывала тогда строку о днях, коим «… не подняться и не встать из огня».

Эта песня Блантера на стихи Матусовского так и осталась для меня песней-праздником ещё и потому, что с ней связано ещё одно воспоминание из раннего детства.

…Пока мама доучивалась в мединституте далёкого Новосибирска, я жила у бабушки в Надве. На зиму меня отправляли в Клетню к тётушке Наде, в семью Архиповских. Помню, как под Новый год ждали дядю Мишу из Киева, где он учился в высшей школе милиции, откуда приезжал всегда с подарками. Как-то к Новому году дядя привёз мне ярко-жёлтое крепдешиновое платье, а брату тоненький галстук на резинке — «селёдку». Помню нас с братом, танцующих, как взрослые, медленный танец под радиолу, откуда доносилось:

«На вечернем сеансе в небольшом городке пела песню актриса на чужом языке. „Сказку Венского леса“ я услышал в кино. Это было недавно, это было давно».

Дядя Миша Архиповский был серьёзным молчуном, когда возвращался после работы, и очень весёлым, остроумным, когда собирались все вместе за столом у Архиповских, чей дом стоял напротив здания милиции. Дружной компанией молодых милиционеров с семьями отмечали все праздники, любили подшутить друг над другом, досталось как-то и мне.

Летом, когда мама приезжала в отпуск, гостила у сестры, обязательно собирались за столом, наверное, всей милицией. И вот посреди веселья у Архиповских раздаётся телефонный звонок, и дежурный милиции строгим голосом сообщает хозяевам, что, пока те, потеряв бдительность, веселятся за шумным застольем, у них за спиной происходит кража: мол, выгляните в окно, убедитесь сами. Всё застолье в панике выскакивает на улицу, а там я у окон милиции, ломая ноги на каблуках, гордо вышагиваю в маминых босоножках…

Ниночка

1.

Не помню, когда и как мы подружились с Ниной, будто знала её всегда, первую мою подругу детства. Надвинцы, наверное, насмехались над нашим видом: Пат и Паташон — называла нас мама. Нина — высокая, худенькая, светлолицая и светлоглазая. Я — маленькая чернобровая толстушка с тёмно-русой косой, круглолицая и конопатая. Родители Нины — учитель географии Гавриил Тихонович и начальных классов Лидия Александровна — старомодная пара, совершенно нездешняя, хоть и прожили много лет в деревне, учили ещё мою маму. Гавриил Тихонович, отправляясь в район, любил наряжаться в элегантный светлый костюм, что для деревни было неслыханной роскошью. Помню, как шёл он, высокий, с густой шевелюрой, в белом костюме, в сторону автобусной остановки. Я всегда радовалась, знала, что Гавриил Тихонович привезёт Ниночке из района кулёк шоколадных конфет и она непременно меня угостит.

Жили они в центре деревни, напротив клуба и сельсовета, в учительском доме на две семьи, построенном колхозом. Дом хоть и с печным отоплением, но на городской манер: с отдельной большой кухней, водопроводом, гостиной с большим кожаным диваном и круглым столом посередине.

Главным же для меня в этом доме была огромная светлая веранда с книгами, где мы с Ниночкой и пропадали. Иногда я оставалась там одна: когда Нину звали родители помочь, например, в огороде, я просила остаться с очередной книгой или журналом. Вся веранда была забита литературой на любой вкус — от профессиональных естественнонаучных журналов до художественных книг. Бывало, засидевшись у Нины допоздна, мы слышали стук в окно веранды, так бабушка, по-деревенски стесняясь, приходила за мной.

Нина была поздним ребёнком, брат, намного её старше, жил отдельно, можно считать, что росла она одна, была замкнутой и неразговорчивой, может быть, поэтому и выбрала меня в подруги, я была младше на пять лет, сторонилась людей, была диковатой. Сошлись мы прежде всего на почве чтения.

Чаще всего я забегала к Нине по дороге из библиотеки, что располагалась здесь же, в центре, между клубом и сельсоветом. Кроме того, что мы читали и пересказывали друг другу книги, а я читала с малых лет, не забывали и про игры. Нина сама придумывала игры и игрушки, фантазия её была неисчерпаема. Долгое время мы пропадали на берегу обмелевшей реки, искали меловые камушки, долго чистили и шлифовали их прямо у воды, придавали им различную форму, приносили к Нине домой, сушили, а затем красили их в разные цвета, раскладывали и любовались, будто драгоценными камнями.

Нина прекрасно рисовала; помню, она придумала рисовать кукол, одежду для них — платья, сарафаны, пальто и даже сапоги, всё это вырезала, а дальше мы часами играли, наряжая наших кукол.

Спустя несколько лет я увижу во вкладыше журнала из ГДР, подаренном мне подругой мамы, рисованных кукол и их наряды и пойму, что куклы Нины были ничуть не хуже.

Вкус у Нины был безупречным. Я всегда любовалась её нарядами. У Ниночки была уйма платьев, сарафанов, как летних, лёгких, с цветочным орнаментом, так и тёплых, из плотных тканей, чаще всего в клетку или однотонных, с красивой контрастной отделкой или строчкой и плечиками-крыльями. И вот что странно: никогда не хотела такую вещь, как у Нины, не завидовала, лишь смотрела на неё влюблёнными глазами, считая подругу самой красивой на всём белом свете.

А Нина действительно была хороша. Высокая, с совершенно невероятной царственной осанкой, она всегда держала голову высоко, спину прямой, а ноги её пружинили при ходьбе, будто и вовсе не касались земли, такую походку ещё называют летящей. Нина ни на кого из надвинских не была похожа. Она рано стала носить короткую стрижку, всё ей было к лицу, всё в ней вызывало мой восторг. Скажу больше, я любила смотреть, как Нина, например, чистит раковину на кухне какой-то особенной, как мне казалось, щёточкой. Она и пол мыла по-особенному, грациозно ступая. Домашняя рутинная работа давалась ей легко, делала она её, казалось, с радостью.

Я же, напротив, была неуклюжа, нерасторопна, бабушка доверяла мне по дому лишь

мытьё некрашеного пола в сенцах мокрым голиком. Я бросала его на пол, вставала ногами и натирала доски до белизны. В такой монотонной работе, кстати, не было мне равных.

Нина, Ниночка, как звала её моя бабушка, и поведения была необычного, немного отстранённая, не по-деревенски застенчивая и совсем необщительная, тут мы с ней совпадали. А вместе мы были очень даже общительны и разговорчивы. Позже, когда я уехала на Урал и приезжала только на лето, Нина всегда в день моего возвращения приходила к нашему дому, садилась на лавочку и ждала. Бабушка обычно первая её замечала: «Ксанка, к тебе Ниночка!»

Первый вечер нашей встречи мы с ней не могли наговориться, шли, как правило, в рощу, Нина рассказывала обо всём, что произошло у неё за год, потом всегда произносила: «Ну а теперь ты рассказывай, как жила этот год».

Мы настолько были близки, что рассказывали друг другу всё, ничего не утаивая. Зимой, в разлуке, иногда переписывались, но скучали по живому общению на природе в нашей родной деревне.

Шли годы, родители Нины расстались. Нина болезненно пережила развод родителей. Они с мамой уехали из Надвы. Лидия Александровна быстро сдала, исхудала. Былая стройность обернулась возрастной подсушенностью. Сохранилась, правда, аристократическая осанка. Помню её прямую спину и гордо поднятую голову, над которой возвышалась, будто корона, уложенная по кругу коса из густых волос.

На станции Акуличи они жили приживалами у строгой тётки в маленькой комнате большого дома с огромным садом. В этом саду и мне удалось побывать однажды. Как-то я приехала навестить подругу, взяла с собой для храбрости младшую двоюродную сестру Ирочку. Помню, мы ходили больше часа по саду, разговаривали, маленькая Ирочка устала, просила пить, намекала на голод. Мы уехали, не позавтракав, так спешила увидеться с Ниной. Недолго думая, я сорвала сестре яблоко. Тут же вышла, помню, тётка Нины, позвала её. Вернувшись, Нина сказала, что тётя не разрешает войти в дом. Нам оставалось только сослаться на срочное и безотлагательное дело, которое нас ждёт в деревне и о котором мы, гуляя по прекрасному саду, позабыли. Всю обратную дорогу мы с сестрой, удручённые увиденным, ехали молча. Дома не смогли сказать ничего вразумительного и бабушке, а на её вопрос: «Как там Ниночка, как погостили?» — мы лишь многозначительно промолчали.

2.

Нина окончила школу и уехала в Рославль, что в Смоленской области, поступила в медучилище. Не помню, годом раньше или позже, умерла её мама. Нина собралась было к брату, тот жил где-то в большом городе, работал на ГЭС, но не заладилось у неё с невесткой, а уж когда родилась у брата дочь Лидочка, названная в честь мамы, как-то и вовсе Нина оказалась лишней, не у дел, пришлось уехать. Вернулась к отцу.

Беседнев Гавриил Тихонович был замечательным учителем географии надвинской школы. Изучал географию не только по картам. Ветеран Великой Отечественной войны, гвардии старший сержант. Служил в 160-м авиационном полку. Прошёл всю войну, освобождал Прагу, награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Бабушка моя всегда обстоятельно беседовала с Гавриилом Тихоновичем. В деревне учителей уважали, относились к ним с особым почтением, а те, в свою очередь, не гнушались общением с простыми крестьянами, проявляя искренний интерес к их заботам. Надвинцы чаще всего обращались друг к другу либо по имени на деревенский манер: Аксинья, Марусяша, Анечка, — либо по отчеству: Фёдоровна, Яковлевна, Павловна.

«Ну, как урожай, Фёдоровна?» — спросит, бывало, Гавриил Тихонович бабушку при встрече. Обсудят урожай, учитель похвалит какой-нибудь кустик у бабушки, а та и рада, всегда бежит, глядишь, уже несёт ему отросток или веточку с почкой.

А сам Гавриил Тихонович был скуповат, деревенские бабы это знали и любили над ним подшутить. Так, женщины со всей деревни собирались в КБО[3], как только туда привозили товар — помню, чаще всего трикотаж, очень, кстати, хорошего качества. Вещи примеряли, обсуждали, бабы нахваливали наряды друг друга. Мы с бабушкой только любовались, ничего не покупали. Бабушка не наряжалась, имея несколько вещей в своём гардеробе, никогда их не меняла. Я была мала для нарядов, да и не было у нас лишних денег.

Однажды с нами пошла и Ниночка. Красавица наша примерила одну вещь, другую — всё к лицу. Деревенские бабы забеспокоились, заголосили, кто-то предложил позвать Гавриила Тихоновича: «Ниночка, зови отца, пусть раскошеливается, единственной доченьке, кровиночке, наряд покупает». Нина зарделась вся, но за отцом побежала. Пришёл Гаврик, так бабы звали учителя за глаза. Нина примерила вязаную кофту грубой вязки, длинную, с поясом и большими накладными карманами — такие в ту пору носили городские модницы, как она оказалась в деревенской глуши — непонятно.

Вся деревня принялась уговаривать Гавриила Тихоновича купить дочери кофту, специально выбирали самую дорогую. Ниночка стояла, едва

3 КБО — комбинат бытового обслуживания, где располагались парикмахерская, прачечная. Надвинское КБО — изба, куда приезжали из города торговать промтоварами.

дыша, и Гаврик под напором баб всей деревни вынужден был сдаться и купить дочери обнову.

Было у нас с Ниночкой ещё одно заветное место, где встречались после годовой разлуки,— школьный сад. Вот мы идём к школе, взявшись за руки, проходим большак, пшеничное поле, что скрывает тебя с головой. Идёшь между колосьев, трогаешь их руками, тяжёлые, налитые, слушаешь, как колышутся от ветра, будто волны. Плывёшь по волнующемуся золотому морю, вдыхаешь запах трав, голова кружится, а поднимешь голову — небесная синь зовёт, манит. Вот и васильки уже откликнулись на зов, поднимают свои скромные глазки, наклоняешься к ним, щекочут руки, шепчут: «Оставайся!»

Подходим к школьному яблоневому саду. Небывалой величины и красоты яблони под тяжестью яблок наклоняют ветви чуть не до земли, кругом всё усыпано «пуканцами» — так называют у нас в деревне падалицы, упавшие яблоки. Наберём вначале «пуканцев» всех сортов в подол юбки, сядем на скамью возле школьного спортивного поля, ненавистной полосы препятствий, что я так ни разу и не преодолела. Наговоримся вдоволь под хруст сочных яблок и сидим будто хмельные — то ли от встречи долгожданной, то ли от сока спелых ягод, что бежит по подбородку, за пазуху. Тут же пчёлы вокруг, отмахиваемся, и так нам хорошо, что умолкаем и сидим ещё долго-долго, пока не стемнеет.

И снова обойдём с Ниночкой сад, напоследок припомнится вдруг забытое, невысказанное. Опять заговорим, в темноте уже, едва-едва различая силуэты друг друга, на ощупь, наугад в последний раз набираем яблок и бредём, счастливые, к дому. А впереди ещё целое лето…

3.

Было лето, правда, когда между мной и Ниной пробежала кошка. Нина проходила практику в районной поликлинике за двадцать километров от нашей деревни, жила у тётки, к отцу приезжала всё реже, в основном для поддержания порядка в доме: устраивала генеральную уборку, всё вымывала и вычищала, как умела и любила, и сразу же уезжала, мы с ней почти не виделись. Мне не сиделось на месте, не ждалось Ниночку с её неторопливыми беседами, хотелось движения, и оно, это движение, не преминуло появиться в лице троюродной сестры Нади, бегуньи на длинные дистанции, о коей я упоминала ранее.

Надя была трудолюбива, вынослива, сметлива, где-то хитра. Летние каникулы были у неё расписаны по минутам. С утра пробежка, затем за грибами-ягодами, к десяти утра возвращалась и принималась за ежедневные крестьянские работы вначале у родителей, потом у бабушки, благо дом рядом; бабушку её звали Химочка, родная сестра моей бабушки Ксении, в раннем моём детстве мы с бабушкой мылись у неё в бане. После обеда всё женское население деревни отправлялось на покос километров за семь-восемь, каждый на свою делянку, так у нас называли надел для сенокоса, выделяемый колхозникам. Ворошили сено, гребли, скирдовали. И только вечером Надя могла вздохнуть спокойно, но и здесь ей не сиделось, убегала с подружками в клуб на танцы до полуночи.

Позвала как-то и меня. Нарядилась я, помню, в «вельветки» — коричневые вельветовые брюки, самостоятельно вручную ушитые, чтобы сидели в обтяжку, такая была мода. Надя одолжила олимпийку казённую новую, спортсменам выдавали, бирюзового цвета. Дело оставалось за малым — уговорить бабушку отпустить меня со старшими сёстрами на танцы. Бабушка всё про меня понимала, знала меня, по её словам, «как облупленную», долго уговаривать её не пришлось. Она вырастила в одиночку двух дочерей, очень разных: младшая, жгучая темпераментная брюнетка,— бедовая; старшая была тихая и спокойная, но с несгибаемым характером. Я росла скромной, в маму, но и от тётки что-то во мне угадывалось — появлялась вдруг во мне смелость и решительность, останавливать в такой момент было бесполезно, и бабушка поняла это отчётливо. Так я впервые попала на деревенские танцы со взрослыми сёстрами: вышеупомянутой бегуньей Надей, её сестрой по отцу Олей, тоже студенткой медучилища, как и Нина. Вместе с ними я оказалась в совершенно другой компании. Не помню, сама ли я, с Надей ли вдвоём придумали представить меня будто бы семнадцатилетней, вместо моих пятнадцати лет, сестрой из города. А дальше закружилось-понеслось…

Танцы организовывались в нашей деревне в новом клубе, что строился всё моё детство. Помню, прыгали с братом и его дружками на спор со сруба, вернее, брат на меня поспорил с друзьями, что я спрыгну с достаточно высокого сруба, а я так любила брата, что пришлось прыгать, приземлилась в тот раз благополучно, хотя бывало всякое. Молодёжи собиралось на танцах много, не только из Надвы, но и из соседних деревень. Сразу скажу, пьяных на танцах не помню ни у нас, ни в соседнем селе, куда мы бегали за пять километров на «городские танцы» — дискотеку, что проводил в то лето стройотряд Брянского строительного техникума. Ни пьяных, ни драк — ничего подобного летом 1983 года я не видела.

Всю неделю, помню, ждали пятницы, чтобы побежать на танцы, закружиться в сумасшедшем вихре на три вечера-ночи и очнуться только в понедельник. Мы оставались на танцах, как взрослые, до полуночи, после закрытия клуба всей толпой возвращались в деревню к качелям

на Барском — место барской усадьбы, от которой осталась только огромная сосна. Собирались возле сосны с высокими качелями, жгли костёр, запекали картошку. Парни бегали в соседние сады за яблоками, очень много разговаривали, среди нас были и местные, и приезжие, как я, на каникулы. Помню, как трепетала вначале перед взрослой компанией и как быстро освоилась, подружилась в то лето с Юрой Рыбакиным, на то время выпускником школы, курсантом военного училища, это было последнее лето его уходящего детства. Сколько мы проговорили у того костра, удивляясь тому, что вот жили в одной деревне всё детство, а совсем друг друга и не знали.

Бабушка в то лето двери в сенцах не запирала, я возвращалась чаще всего под утро. И лишь однажды она не стерпела, проснулась ночью от шума мотоциклов — на Барское из соседних деревень примчались взрослые парни, уже отслужившие в армии. Один из них будто бы и приударил за мной, но не явно. Я не успела ничего понять, как старшие подружки уже говорили: «Твой приехал!»

А тем временем на другом краю деревни от мотоциклетного рёва просыпается бабушка и видит, что меня в избе нет; недолго думая, берёт в руки кочергу и отправляется на мои поиски. Идёт твёрдой поступью на Барское — костёр был виден издалека. Бабушка останавливается метрах в ста от нашего сборища и громко, нараспев произносит: «Ксанка! Ксанка, иди домой!»

Меня как ветром сдуло с Барского. Я бежала впереди бабушки, она, не выпуская кочерги из рук, едва успевала за мной. Наша странная процессия молча перемещалась в ночной тиши. Но и дома не последовало никаких объяснений и разбирательств, бабушка ничего такого не любила, ей некогда было заниматься нравоучениями.

Назавтра она встала наранках, вела себя так, будто ничего и не случилось, не она гнала меня с кочергой через всю деревню, будто заблудшую корову, да и я не вспоминала ни про бесславное своё возвращение той ночью с Барского, ни о костре, ни о танцах. Как отрезало. Хорошего понемногу, тем более что в тех совершенно сумасшедших ночных прогулках на танцы и обратно по ночному шоссе под невероятным шатром звёздного неба, бдения у костра, уже утреннего холодка, который заставал нас всех к рассвету, застудила я колено так, что едва ходила. Бабушка прикладывала подорожник, заставляла греть на печи, парила в бане — безрезультатно. Ходить становилось всё тяжелее.

Спасла меня Ниночка. Она приехала к отцу и сразу прибежала ко мне — видимо, почувствовала, что со мной произошло неладное. Как ребёнок, я без остановки рассказывала подруге о танцах, пока она осматривала моё колено и слушала меня вполуха, а выслушав, тут же приняла единственно верное решение. Назавтра я должна была приехать к Нине в районную поликлинику в физиокабинет, где она проходила практику. Трижды я съездила к Нине на физиолечение аппаратом «Луч», и боль в колене прошла.

Нина моего увлечения танцами не осудила, но и не разделила, и я вновь вернулась к нормальной жизни, мне свойственной: днём помогаю бабушке по хозяйству, урывками читаю книгу, дожидаюсь вечера, чтобы продолжить чтение до полуночи.

С каждым летом мы всё реже и реже виделись с Ниной. Она выучилась, переехала в Брянск, работала медсестрой на предприятии, жила в общежитии квартирного типа с одной соседкой. Я окончила институт и как-то гостила у неё, мы гуляли по городу, вместе побывали на концерте рок-группы «Машина времени».

В последний раз Ниночка ждала меня под окнами деревенского дома как-то поздно, я вышла, мы проговорили всю ночь. С тех пор мы не виделись.

Недавно вспоминали с моей мамой Ниночку. Она упомнила, что Гавриил Тихонович был моложе своей жены Лидии Александровны. Мама вспомнила, как школьниками застали пору их жениховства, всем классом подглядывали, как те целуются тайком, выискивая укромные уголки среди вечно волнующегося и гудящего многолюдного школьного улья.

«Шумел сурово брянский лес…»

Брянская область располагается так, что её юг — Клинцовский район — граничит с Украиной, он и пострадал во время аварии на Чернобыльской АЭС не меньше Украины, да и в целом весь брянский лес принял тогда удар на себя; Клетнянский район, где и находится деревня Надва — родина бабушки и мамы, граничит с Белоруссией. Клетнянские леса, известные своей суровостью, в годы Великой Отечественной войны были одним из центров партизанского движения.

Деревня Надва, со всех сторон окружённая густыми лесами, похожа на сказочное Берендеево царство. Название селения восходит к наименованию реки Надвы — левого притока реки Ипуть, что протекает в гуще леса. Своё название «Надва» река получила от часто встречающихся на её протяжении островков (русло расходится на два). Я застала реку в семидесятые годы уже обмелевшей. Недалеко от реки глубоко в лесу проходила железная дорога. Во время Великой Отечественной войны мост через Надву и железнодорожная ветка имели стратегическое значение. На сайте «Брянский край» в разделе «Партизанское движение на Брянщине» среди перечисленных операций, проведённых партизанами в 1943 году, упоминается, в частности: «…13 марта 1943 года 1-й Клетнянской партизанской бригадой был взорван мост через реку Надва».

О мосте через Надву у меня сохранились свои детские воспоминания. Василий Фёдорович Зайцев, руководитель Надвинского партизанского отряда, входившего в легендарную 1-ю Клетнянскую бригаду под руководством Фёдора Семёновича Данченкова, после войны неоднократно приезжал в Надву, навещал мою бабушку, связную отряда.

В один из своих приездов он отправился вместе с бабушкой в дальний в лес за грибами, бабушка взяла и меня с собой. Было мне тогда лет пять, не больше. Мост через Надву в нашей стороне леса был деревянный и старый. Небезопасно было по нему проходить, но и не страшно, так как река под ним обмелела, мы с бабушкой привычно и легко по нему пробежали. Василий Фёдорович, помню, оступился и в одно мгновение упал с моста в реку. Не без бабушкиной помощи выбрался он на берег, где они долго смеялись, а я тогда не могла понять причину их веселья. Василий Фёдорович, помню, всё повторял: «Какой же я партизанский командир, если через реку по мосту не смог пройти?»

Разговор их, смех, счастливые бабушкины глаза помню, а внешность Зайцева вспомнить не могу. Мало того, недавно мама проговорилась: «А ведь Зайцев в свой приезд тебя на руках носил, убаюкивал, когда бабушка бегала на ферму коров доить». — «Меня? Партизанский командир? Ну и дела! А сколько мне было-то, мама?» — «Да год тебе всего исполнился, как привезла тебя в деревню, летом он как раз и приезжал».

Значит, первая моя встреча с партизанским командиром состоялась в глубоком младенчестве летом 1969 года.

В память о совместном партизанском прошлом Василий Фёдорович подарил бабушке книгу Януша Пшимановского и Овидия Горчакова «Вызываем огонь на себя». В книге рассказывается о работе интернациональной антифашистской организации в Сеще (посёлке в Брянской области, где во время войны находился секретный немецкий аэродром), входившей в 1-ю Клетнянскую бригаду Фёдора Семёновича Данченкова. По просьбе школьного учителя истории бабушка отдала эту книгу в школьный музей, там книга с автографом и дарственной надписью командира партизанского отряда и пропала.

Василий Зайцев всю свою послевоенную жизнь писал бабушке письма из города Видное Московской области, присылал поздравительные открытки к каждому празднику. Бабушка хранила их под скатертью, застилавшей стол в красном углу избы (над столом висела икона Божией Матери). Я любила раскладывать эти открытки веером на столе, рассматривала вначале картинки, позже, научившись читать, прочитала их все. Текст был практически один: Василий Фёдорович желал бабушке здоровья и долгих лет жизни, менялись только дата и название праздника. Каждый раз, когда я раскладывала открытки, бабушка строго наказывала: «Ксанка, чтобы прибрала потом на место!»

Помню бабушкино беспокойство, когда перестали приходить письма от Василия Фёдоровича, пока не получила весточку от жены партизанского командира, в которой та сообщила о его смерти. Долго горевала бабушка. Не плакала. Редко я видела её плачущую, выплакала она давно все свои слёзы, а вот причитала часто, помню самое жалобное её причитание: «Головки горькие-е-е…»

Малина деда Тимы

Старший брат бабушки, Архиповский Тимофей Фёдорович, мы звали его дедом Тимой, жил на другом краю деревни возле Барского, где когда-то стояла барская усадьба, от которой ничего не осталось, кроме огромной сосны с высокими качелями, где по вечерам собиралась деревенская молодёжь. Здесь же неподалёку находилась разрушенная конюшня, когда-то колхозницы трепали в ней лён, да старая колхозная кузница.

Днём мы бегали на Барское купаться на Надву, туда, где она, обмелевшая, закруглялась, будто озерцо, заросшее деревьями, корни которых уходили глубоко в воду, а крона защищала от постороннего глаза и дарила прохладу. Мы, малышня, барахтались в стоячей воде, старшие ходили купаться в соседнюю деревню Синицкое на озеро, там и глубже, но и опаснее. После войны в тех озёрах остались воронки от снарядов, попадёшь — не выберешься.

На речку мы бежали мимо дома деда Тимы. Дом хоть и большой — у деда Тимы были золотые руки, плотник, известный на всю округу, отстроил всю деревню заново после войны, как вернулся, — а жил бедно: в избе, помню, печь, стол да две кровати, деревянный буфет самодельный в сенцах — вот и всё нажитое добро. Жена его, уже и не упомню имя, неприветливая, старая, будто согнутая пополам, строго зыркала на нас глазами из-под платка, натянутого по самые брови, мы побаивалась её. А дед Тима, напротив, был хорош! Помню его гармонистом на деревенских праздниках: высокий, с седой шевелюрой, играл мастерски, с душой. Всегда привечал и нас, детей, не отпускал, пока не вызнает, как там бабушка, и не угостит малиной с огорода.

А малина у деда Тимы была знатная: крупная, сладкая, пахучая, сок, густой и тягучий, так и течёт по подбородку, когда сорвёшь с куста и запихиваешь в рот пригоршню-другую невероятно вкусной ягоды. Росла в огороде малина и у бабушки Ксении, ходили и за дикой малиной в лес, вёдрами носили. Варили варенье с самой вкусной розовой пенкой, дожидались её с ложками возле костра с котлом, где оно и готовилось. Варенье и грибы,

что заготавливали впрок, варили в Надве на открытом огне во дворах.

Но такой малины, как у деда Тимы, больше нигде мне пробовать не довелось.

Как только мы пропадали надолго, дед Тима тут же посылал за нами, иногда ходили собирать малину к деду Тиме и со взрослыми, с бабушкой, например, а когда и с мамой. Почему дед Тима звал только нас, внуков бабушки Ксении, собирать малину, я поняла не сразу. Дед Тима — старший брат бабушки Ксении, в семье было двенадцать детей, бабушка — предпоследняя. Тимофей был старше бабушки на семнадцать лет, он родился в 1900 году, бабушка — в 1917-м. Бабушка окончила три класса, научилась читать и писать, после чего была отправлена родителями к старшему сыну в няньки к его детям. Бабушка вынянчила старших детей брата. А было у него девять детей, младшая дочь родилась в 1940-м; когда уходил на войну в 1943-м, ей три годика всего и было. Осталась жена Тимофея Архиповского с ребятишками мал мала меньше. Старшая дочь Тимофея Архиповского, самая красивая, погибла — немцы снасильничали, а потом расстреляли.

Тимофей Архиповский прошёл всю войну красноармейцем стрелковой гвардии, дважды был ранен, после госпиталя каждый раз возвращался в строй. Освобождал Европу, фронтовое прошлое вспоминать не любил, да никто и не расспрашивал особо, награды надевать стеснялся. На сайте «Память народа» читаю о награждении медалью «За отвагу» Архиповского Тимофея Фёдоровича: «Повозочный 5-й стрелковой роты в наступательных боях при форсировании реки Западный Буг и уничтожении Брестской группировки немцев проявил мужество и отвагу. Своевременно доставлял боеприпасы в подразделение, сохранил боевых коней. Своей самоотверженной работой способствовал выполнению боевых задач».

После войны подняли с женой восьмерых детей — два сына, остальные дочери. Все они, едва выросли, покинули отчий дом, с родителями остался младший сын — Иван, да и то ненадолго. Старшие сёстры, перебравшись в Ленинград, забрали его к себе. Стал Иван класть паркет, да так, что люди в очередь к нему стояли, такой плотник и паркетчик, золотые руки, в отца, да только беда — характера покладистого и слишком доброго, часто угощали, не мог отказаться.

Пристрастился деревенский парень к спиртному, с непривычки здоровье и стало подводить, да и много ли ему было надо — дитя войны, какое там здоровье. Быстро его тогда и выселили из города как неблагонадёжного. Вернулся в Надву к родителям, работал в колхозе, занимался ремонтом сельхозтехники, всё понимал, в любом механизме разбирался, за самый сложный ремонт брался, без него в колхозе никуда. И тут у Ивана стало прихватывать сердце. Вначале его лечили в районной больнице в Клетне, а позже отправили на операцию в Киев, там и умер. Добрый был, вспоминает мама, безотказный. Остались родители опять одни.

Мне посчастливилось услышать фронтовые воспоминания деда Тимы и даже записать на магнитофон. Не поехала летом с курсом на диалектологическую практику, отбыла в родную деревню, обещая руководителю привезти образцы южнорусского говора, Записывала вначале бабушку, её пение, она и надоумила деда Тиму записать: фронтовик, всю Европу прошёл, вернулся в 1945-м, один из немногих в деревне, если не единственный. Кассету, куда записывала брата и сестру Архиповских, сдала вместе с отчётом о практике, и не хватило ума забрать обратно, хоть мама и просила, всё думалось: «Потом как-нибудь заберу…»

После смерти деда Тимы малинник одичал, вначале перестал родить ягоду, потом и вовсе засох. И что интересно, за малиной особо никто и не ухаживал — ни дед Тима, ни суровая жена его, росла малина сама по себе, а вот поди ж ты, не стало деда — и засохла.

Прошлогодняя кадриль

Брянская область всегда находилась в стороне от магистральных событий, будто располагаясь на обочине большой дороги, а между тем это самая сердцевина Средней Руси.

Мало кто помнит, что родина Фёдора Тютчева — посёлок Овстуг — находится в Брянской области, там, в родовой усадьбе, поэт родился и провёл своё детство. Пишут об этом крайне редко, чаще говорят о его службе в дипломатической миссии за рубежом, будто не земля родная и воспоминания детства питают душу поэта. Не спасает и близость столицы — напротив, Москва, как «дистанция огромного размера», затмевает всё близлежащее, и о Брянске и Брянщине в целом, кроме как о героическом партизанском прошлом, ничего и не слышно.

И вот в нулевые встречается мне книга Дины Рубиной «Синдикат», где героиня, работающая в некоем синдикате, американской организации, собирающей разбросанных по всему миру евреев для переселения их на историческую родину, вдруг оказывается со своей миссией на Брянщине. Это удивило несказанно. «Надо же, куда её занесло», — подумала я, ну и, к слову, ни одного еврея на Брянщине не встречала. Так вот, у Рубиной в «Синдикате» на встречу с заграничной тётей местное население приходит в клуб, где она их и видит: все, как на подбор, невысокие, «корявые», иначе говоря, сколько, мол, им солнца не хватило и витаминов недодали в детстве, — рассуждает добрая тётя. Не знаю, как в нулевые, а в пору моего детства-отрочества — в семидесятые и в начале восьмидесятых — отчётливо помню односельчан, особенно молодёжь, красивыми людьми с интересными, выразительными лицами.

Так вот, я хорошо помню молодёжь Надвы тех лет: не высокие, но среднего роста, а некоторые и выше, стройные, волосы чаще всего светлые, цвета

вызревшей пшеницы, сейчас такие и не встретишь, голубоглазые, тоже редкого голубого, без примесей. И это не преувеличение. Двоюродная сестра Ирочка рассказывает: «Утром Миша (муж) зашёл на кухню, и то ли свет так упал на его лицо, я,— говорит,— увидела, насколько пронзительно голубые у него глаза — больно смотреть на такую голубизну».

Помню, как с ровесницей Катей Зайцевой, было нам в ту пору лет пять, оказались у неё в избе на печи, когда старшие, собираясь в клуб на танцы, начали смотреть фильм «Прошлогодняя кадриль», да и остались: так увлёк их фильм, что и на танцы не пошли. Смотрели, не отрываясь от экрана, на городских студентов, которые проходили практику в селе и от скуки решили приударить за деревенской красавицей — дояркой Тоней, на спор стали за ней ухаживать, да и влюбились, как часто случается, по-настоящему. А доярка Тоня, как узнала про спор, быстро отшила женишков: «Про таких, как вы, телят, у нас говорят: „Родила их мать, да не облизала“». Фильм незамысловатый, сейчас может показаться наивным, но добрый и искренний. Смотрела я с печи на деревенских старших ребят и девчат и не могла налюбоваться; помню, что показались они мне тогда необычайно красивыми, живущие рядом, ничем не выдающиеся, но в тот миг красота их мне почему-то открылась и запомнилась на долгие годы.

Не знаю, почему наша последующая жизнь так обмельчала, лица стали не столь хороши и выразительны, ушли из жизни искренность и непосредственность. Отчасти и потому, что в деревне в те годы не пили повсеместно, как это станет гораздо позже, когда колхозники останутся без работы и деревня начнёт вырождаться. Семидесятые и восьмидесятые годы — золотое время Надвы, когда на износ уже так не работали, как после войны, жили одной большой семьёй все надвинские Рыбакины и Архиповские, и почти все между собой — родственники.

Был в Надве свой водитель автобуса — красивый парень Афоня, балагур и весельчак, поздний сын немолодых родителей, сёстры разлетелись из родного дома, а он остался старикам в утешение. С Афоней дорога на рейсовом автобусе из Клетни в Брянск казалась быстрее и веселее.

Был в деревне и свой лётчик — Коля Архиповский, что окончил лётное военное училище. Каждый раз, когда в небе над Надвой появлялся самолёт, односельчане замирали на месте и с гордостью произносили, задрав голову: «Наш Колька летит!»

Были свои молодые учителя. Юра Колбасов окончил истфак Брянского пединститута и остался преподавать в городской школе, вёл археологический кружок. Таня Архиповская, моя одноклассница, после физмата вернулась в родную надвинскую школу учителем математики. Надя Бибикова, окончив Брянский физкультурный техникум, сорок лет проработала учителем физкультуры в клетнянской школе.

Все парни-надвинцы, как пришло время, доблестно служили срочную службу в Советской Армии.

Паша Калехин служил в ВДВ. Братья Колбасовы служили: Андрей — сапёром, Юра — в ракетных войсках стратегического назначения (РВСН). Сергей Оськин служил в ГДР в автомобильных войсках. Володя Архиповский — воин-интернационалист, выполнял свой воинский долг в Афганистане.

Юра Рыбакин окончил Омское общевойсковое командное училище, Ростовский юридический институт МВД. Служил в органах МВД командиром отряда быстрого реагирования (СОБР). Кандидат юридических наук, награждён орденом «За личное мужество» (1994), орденом Мужества (1995), тремя медалями.

Была в деревне и своя самодеятельность — агитбригада «Колосок» под руководством Веры Макаровны Ячменевой, заведующей надвинской библиотекой. Помню, как готовили литмонтажи и концерты к праздникам, пели хором «Марш коммунистических бригад». Был в Надве и свой поэт — Ваня Небытов, кудрявый парень по кличке Пушкин.

Не всё так гладко в деревне было и тогда. Крестьянская жизнь во все времена — это прежде всего суровый ежедневный труд. Тяжелее других в деревне приходилось вдовам, тянувшим хозяйство в одиночку.

Помню подругу бабушки, Анечку Архиповскую — Патрониху, звали по кличке покойного мужа, Патрона. Видно было, что когда-то она была хороша собой, работала с бабушкой на ферме дояркой, воспитывала троих детей. Старший сын Коля был в семье за отца, на нём всё держалось. Красавец, трудолюбивый, выучился на тракториста, женился на самой красивой девушке соседнего села — Рыбакиной Гале, племяннице моего дяди Миши Архиповского, ушёл в дружную семью жены.

А вот сестра Надя, уехавшая из деревни в поисках счастливой доли и, видимо, не найдя в городе своего счастья, вернулась и стала пить. Я помню, занесло её как-то к нам на огород, бабушка увидела лежащую девушку, подняла и, всю дорогу неся практически на себе, повторяла: «Надя, ты ведь ещё молодая, одумайся, начни жизнь заново!»

А держалась деревня по-прежнему на колхозниках — трактористах, что пахали землю, доярках, что доили коров. Бабушка всю жизнь проработала дояркой на ферме. Ферма в Надве была небольшая, светлая, чистая. Коровы — ухоженные. Скотину крестьяне любили и никогда не обижали — ни свою, ни колхозную. У каждой коровы была кличка, написанная на дощечке возле стойла. Но и без того все доярки знали своих коров, знала и я клички коров и надолго запомнила, как они стояли по порядку, помню и сейчас, правда, только некоторых из них: Роль, Сизая, Орбита…

Бабушка стала брать меня с собой на вечернюю дойку, едва мне исполнилось три года. Доили коров

вручную. Нужно было подойти к корове с ведром тёплой воды и марлей, сложенной в несколько слоёв, обмыть корове вымя, а уж только потом начинать дойку. Я внимательно наблюдала за бабушкой. Надо сказать, что сама дойка коровы — процесс непростой, научиться этому не так и легко, между дояркой и коровой должно быть полное доверие и понимание. Смотрю, как бабушка спокойно, без суеты, подходит к корове, вначале успокаивает, поглаживая, называя по имени, та в ответ начинает вздыхать, требуя сочувствия и участия,— шумно, как могут только коровы, но и человеческий вздох напоминая, и как только успокоится, бабушка начинает доить, иногда разговаривая с коровой, успокаивая голосом. Первые капли молока падают в ведро всегда звонко и радостно. Дальше бабушка ровными движениями, без рывков, но уверенно и ритмично, вначале ближние два соска полностью забирает в свои крупные ладони, будто обнимает и как бы вытягивает, сцеживая молоко. Потом молоко льётся сильными струями, и здесь главное — удержать ритм дойки, не торопясь, но и не отставая. Бежит тёплое молоко красивыми ровными струями, наполняя ведро, оживает, дыша и вздыхая, образуя сверху шапку пены,— это и есть парное молоко, тёплое и пахучее. Корова в такт молочным струям покачивает головой, благодарит доярку, что освободила от тяжести вымя — огромное, напряжённое, с набухшими венами до дойки и мягкое, спокойное после.

Каждая доярка вручную за смену доила до десяти коров и больше, подымала огромные вёдра с молоком, процеживая через марлю, выливала молоко во фляги, поднимала и переставляла фляги на телегу, когда отвозили молоко в райцентр. Летом утренняя дойка начиналась наранках — в пять утра. Дневная дойка проходила на пастбище, куда бежали доярки из дому; вечерняя — вновь на ферме. Иногда я просила бабушку позволить мне подоить колхозную корову. Бабушка тогда брала скамеечку повыше, усаживала меня возле самой спокойной коровы Сизой, держала ведро, а я пыталась доить. Весь мой надой бабушка выливала в пол-литровую банку, молоко из которой тут же выпивал брат Миша, если оказывался рядом. Позже я научилась мало-мальски доить уже и без присмотра бабушки. Закончилась моя карьера доярки весьма бесславно: спокойная Сизая как-то не выдержала, видимо, моих не совсем плавных движений, стронулась с места и не нарочно наступила копытом мне на ногу. Я испугалась и заплакала. Подбежала бабушка, сбежались доярки со всей фермы. Помню, как они дружно меня успокаивали, а я разрыдалась ещё сильнее — не от боли, а от обиды. С того самого дня бабушка меня на ферму больше не брала.

«Не видели — увидим»

На колхозных полях Надвы выращивали, как вспоминает мама, лён, я помню картофельные поля, гороховые, люпиновые. Зелёный усатый горох, цветущий голубыми цветочками, рос возле колхозной водокачки, бегали туда, как созреет, охотились за ранним горохом нежного молочного вкуса. Помню, как убегали от сторожа, только пятки сверкали. Находили чем поживиться и на пшеничном поле. Будто золотом налитые колоски срывали, опаливали усы на костре, шелушили зёрна в ладонь и лакомились, пока запекалась картошка в углях. Любили жарить на костре сало, нанизывая кусочки на ивовый прутик.

В мае ловили майских жуков. Запасаясь пустыми спичечными коробками, убегали вечером на большак, где в темноте воздух буквально кишел и жужжал, протягивали руки и ловили жуков, отправляя добычу в спичечный коробок, пока тот не наполнится, подставляли к уху, вслушиваясь в жужжание.

Детство тем и замечательно, что в силу своего маленького роста ты находишься близко к земле, можешь рассмотреть всю её микроскопическую жизнь, от тебя не скроется ни букашка, ни былинка. В детстве была у меня большая книга с замечательными иллюстрациями, называлась она «Не видели — увидим» — сборник рассказов и сказок Нины Павловой; запомнились названия некоторых из них: «Живая бусинка», «Луковица с радостью», «Мышонок заблудился», «Ветер, птичка и муравей», «Травка Пупавка», «Мушка-клушка», где мир растений и насекомых предстаёт будто увиденным под микроскопом.

Так и в родной деревне жизнь была настолько подробной, наполненной впечатлениями до краёв, столько всего происходило за день, что казалось, душа всего и не вместит, а если и вместит, то ненадолго, скоро забудется. Но вышло так, что именно детские впечатления не забылись, остались со мной, и я вновь и вновь к ним возвращаюсь.

Самое красивое поле — гречишное, цветущее розовыми цветочками. Издалека гречишные поля кажутся укутанными розовой пахучей дымкой, гул стоит над ними от несметного количества пчёл. В фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублёв», в новелле «Страшный суд», посреди цветущего гречишного поля стоят иконописцы Андрей Рублёв и Даниил Чёрный. Палит солнце, гудят пчёлы. Каждый раз, пересматривая любимый фильм, глядя на эту сцену, вспоминаю свою Надву, её гречишные поля.

Помню ещё парторгов, что присылали из райцентра в колхоз, которые приезжали семьями, им строили дом. Парторг и его семья жили как баре, одевались по-городскому, покупали молоко и куриные яйца у колхозников. Потом уезжали так же неожиданно, как и появлялись. На их место приезжал новый парторг, опять же с семьёй. С сыном одного из них, Серёжкой Коробковым, мы с братом долго дружили, пока те не уехали. При последнем парторге, правда, на нашем конце деревни принялись было проводить водопровод: вырыли траншеи, уложили трубы, долго не закапывали. Помню, наша банда — двоюродный брат Миша, троюродный Саша Бибиков и сынок парторга Сергей Коробков — все вместе прыгали через

траншеи, где на дне лежали металлические трубы. Я, неуклюжая, свалилась в траншею. Случилось это, видимо, в выходной день, потому что рядом оказался дядя Миша, унёс меня на руках домой. Дома меня уложили в кровать и окружили заботой и вниманием. Но всё обошлось. А воду в избы так и не провели, парторг уехал, и дело, как у нас водится, встало.

Если задумаешься, понимаешь, что всё моё детство кто-то невидимый оберегал меня — наверное, ангел-хранитель. Чудом я не утонула в глубоком озере соседней деревни, куда бегали с братьями купаться. Дно озера, как рассказывала бабушка, ещё с войны было изувечено воронками от снарядов, попадёшь в такую — с немыслимой силой затягивает в водоворот, и уже не выбраться, даже если и умеешь плавать. Плавать я не умела. Братья играли в карты на берегу, когда я зашла в воду. Шла всё дальше, зная, что неглубоко, но оступилась и попала в воронку, и меня тут же накрыло с головой. Помню, как выталкивала меня вода, я видела брата, пыталась ему крикнуть, но не могла произнести ни слова и вновь уходила под воду, пока братец, наконец, не посмотрел в мою сторону. Вначале ему показалось, что я так играю, как мяч скачу в воде, но потом увидел мои глаза, наполненные ужасом, мгновенно сообразил и бросился ко мне с огромной толстой ветвью дерева, от страха не смог потом вспомнить, откуда она взялась. Схватился за один конец ветви, другой рывком — мне: «Держи!» Помню, из последних сил вцепилась в спасительную ветку, Миша рванул на себя, так меня и вытащил. Испугались мы тогда настолько, что долго молчали о случившемся.

Раз в неделю в надвинском клубе показывали кино, билет стоил двадцать копеек, мы, детвора, бегали на все фильмы без исключения, никто нас, деревенских детей, не останавливал, зато на индийский фильм собиралась вся деревня. Индийские душещипательные истории находили сочувствие в нашей деревне у стара и млада. Самые древние бабули подымались с печи, отправляясь на встречу с «Зитой и Гитой» или героями «Мести и закона». В темноте зала под звучание красивых индийских песен то и дело раздавались всхлипывания и шмыганья носом. По окончании фильма внуки выводили бабушек из клуба, те шли по темноте, всё ещё всхлипывая, утирая слёзы концами платка.

Бабушка Ксения в клуб не ходила, хоть была не так уж и стара на ту пору, праздной жизни не терпела совсем, просто так без дела усидеть не могла ни минуты, она и ела-то на ходу, за что мама её всегда ругала. И только перед сном усаживалась, расчёсывая косу и укладывая её на ночь под гребёнку.

А вот случись на селе свадьба, и не только в нашей деревне, но и в соседней, тут же посылали за бабушкой — известной певуньей. Приезжала, как правило, за бабушкой грузовая машина, где, держась за борта, уже стояли бабы, весело махая бабушке платками; та могла с ходу сигануть к ним, только подол платья мелькал у нас с братом перед глазами. Возвращали бабушку к вечерней дойке, весёлую, когда и навеселе, бывало.

Весь оставшийся вечер бабушка не могла успокоиться. После дойки, справившись с хозяйством, усаживалась за стол, доставала из-под скатерти заветную тетрадь и, мусоля во рту химический карандаш, вначале записывала новые песни, что услышала на свадьбе, а потом, бывало, и запевала.

Бабушкино пение было удивительным. Ничего подобного я никогда больше не слышала. Песни её всегда были грустны и протяжны. Сильный голос длился, не прерываясь, будто река, спокойная и ровная, лилась вдоль знакомого берега, огибая луг или рощу, радуясь каждой былинке, цветочку лазоревому, утренней росе, ясному солнышку, вечерней прохладе. Позже я узнала, что относятся такие обрядовые песни к причитаниям, что поются как на свадьбах, так и на похоронах, где также без бабушки не обходились. С той поры и полюбила я грустные песни. Кому-то они покажутся долгими и заунывными, а я слушала те песни как заворожённая, а когда бралась подпевать, бабушка, вздыхая, говорила: «Нет, Ксанка, не нашей ты породы!»

Зато я пошла по артистической части, участвуя в постановке сценок и даже незатейливых спектаклей, но более всего полюбила читать со сцены стихи, участвуя в литмонтажах, что готовили в агитбригаде «Колосок» ко всем праздникам.

В концертах участвовали в основном дети. А взрослые бабы собирались в магазине, пока ждали привоза хлеба, обсуждали все последние деревенские новости, подшучивали друг над дружкой, когда и маленькую бутылочку водки — «жулик», так они её называли, — выпивали на всех по глотку. Вспомнилось вдруг: а ведь дни рождения в деревне не праздновали, не принято было, да многие и не помнили, когда у них день рождения. Так, общение работящих деревенских баб в магазине часто заменяло им поход в клуб, и посиделки, и праздники.

А мы с братцем, поджидая бабушку из магазина, каждый раз не меньше часа томились у окна, выглядывали, не идёт ли она огородами. Можно было идти по центральной улице долгой дорогой, но бабушка всегда спешила домой, поэтому она шла широким шагом напрямки, через огороды, сокращая путь, компенсируя тем самым своё праздное пребывание в магазине.

Завидев в окно знакомую фигуру, мы выскакивали навстречу, брат забирал у бабушки сетку с хлебом, где помещалось не меньше шести-восьми буханок. Хлеб брали впрок, привозили его не каждый день, оставляли и на корм скотине. Кормили корову и домашнюю птицу размоченным хлебом, смешанным с «посыпкой» — комбикормом для скота, который выдавали в колхозе в обмен на молоко, что сдавали в колхоз от домашней коровы. Брат закидывал сетчатый мешок с хлебом на плечо. Интерес его

к мешку с хлебом был неслучаен: среди ровных буханок чёрного хлеба с запечёнными боками братец искал глазами батон, большой, широченный, похожий на лапоть, с твёрдой золотистого цвета корочкой по бокам, ребристой спиной и белоснежной мякотью внутри. Миша приговаривал его за один присест с литром, а то и более, тёплого ещё молока от нашей любимицы — коровы Красули. Я наотрез отказывалась от парного молока, твердя на все бабушкины уговоры: «Я не буду пить молоко, оно живое, вон, дышит…»

У меня был свой интерес. Я выглядывала в руках у бабушки, возвращающейся из магазина, скрученный из газеты кулёк, полный солёной кильки. Любили мы с бабушкой солёную рыбку неистово — недаром Рыбакины. Вспоминаю, как усаживаемся с бабушкой за стол, отрезаем мне — горбушку, бабушке — ломоть чёрного хлеба, сверху кладём солёную кильку и съедаем её всю за один присест под неизменную бабушкину прибаутку: «Зъел бы, зъел бы я гамзички».

Платочная душа

Любовь к платкам появилась у меня от бабушки. В юности я любила чернопольные платки, носила всю зиму, не снимая. Так, знаменитый платок «Рябина» художника Виктора Зубрицкого увидела во Владимире: после экскурсии зашли в полуразрушенный храм, где на стенах увидела развешанные на продажу павловопосадские платки. Помню, я так и застыла, с места не могла сойти от красоты и душевности, исходившей от незатейливого, казалось бы, рисунка с рябиной на чёрном поле. Было это весной 1995 года, в одну из последних поездок по Золотому кольцу с учениками физико-математического лицея.

Гораздо позже захотелось надеть белопольный платок, но долго не решалась, всё казалось, что молодёжный он, легкомысленный. Но вот увидела платок «Фея сирени» Надежды Слащёвой, вцепилась в него и — ни с места. Как муж ни отговаривал, из рук не выпускала, а главное, решила для себя: пусть будет память о бабушке, та очень любила свои белопольные платочки, была у неё и белопольная шаль.

Простенькие ситцевые белопольные платочки деревенские женщины носили летом в страду, защищаясь от солнца, комарья, да и от пота утираться не надо: платок надвигали на лоб до бровей, по бокам подворачивали, а в самый солнцепёк на сенокосе, когда по́том заливает глаза, утирались краями платка. Белые шали надевали по праздникам. У бабушки был огромный сундук с платками.

Ничего лишнего себе не позволяла, всего лишь два шерстяных платья на выход держала она в шифоньере: коричневое, ближе к кирпичному, терракотовому, как сейчас говорят, и зелёное; надевала их крайне редко. Бабушка всегда ходила в ситцевом платье и мужском пиджаке. Так с послевоенных времён повелось: вначале вдовы донашивали за мужьями, а после зятья отдавали им свои пиджаки, истёртые, но ещё добротные.

А вот платки покупала. Хоть скромный ситцевый, да купит с получки, а позже и с пенсии. Любовалась платками, доставая летом для просушки из сундука. А тут и я рядом, старшая внучка, в помощь. Целый день мы их перебирали, просушивали во дворе, вновь складывали, бабушка сама расцветала рядом с платочным богатством.

Помню те платки, они совсем другие были: меньше красок, скромнее нынешних, но душевнее, что ли, воздуха в платке было больше, середина не заполнялась так густо, как сейчас, а, как правило, в мелкий такой цветочек была, как звёздочки на небе, да и в целом цветы были скромнее: маленькие незабудки, например, которые сейчас нахожу на платках Клары Зиновьевой. «Дробные цветочки», как говорила бабушка, и сейчас мои самые любимые.

Недавно мне прислали с Вологодчины скромный зелёный платок, такой, как бабушка носила, спасибо доброму человеку.

А бабушкины платки так и пропали, как бабушки не стало. Я была далеко, с маленькими детьми на руках, попрощаться не успела. Долго потом родных пытала, никто ничего вразумительного о платках сказать не смог: не видел, не помнил, подумаешь — богатство, платки какие-то, кому они нужны, отвечали мне.

Ангелы-хранители

В деревне все звали его просто Шурик или Иванов. Невысокий кряжистый мужик обыкновенной внешности, невеликого ума, с неизменными улыбочкой и шуточкой, тракторист Шурик был вечно чумазый. Я и пугалась его, и тянуло меня к нему. Помню его с раннего детства, ведь он, наш сосед, часто бывал у нас, был приятелем дяди Миши, они вместе ходили на охоту, помню их разговоры, шуточки. И от дяди, видимо, к Шурику перешло почти родственное отношение ко мне: вот растёт у Ксении безотцовщина, мать только летом видит, да и то бежит от неё по всей деревне, когда кричат вслед: «Оксанка, к тебе мама приехала!» Была в этих словах и правда: помню себя, в ужасе бегущую к родной избе, где уже собираются деревенские, а я скорее на печь — и страшно, и любопытно: какая она, моя мама? Я слышу хор голосов, среди которых различаю только бабушкин, совершенно чужой голос почему-то называет меня «доченькой», но я и не думаю откликаться, и тогда мама вспоминает про подарок, протягивает мне прямо на печь большую красивую куклу, та моргает глазами и, как бы предлагая повторить вслед за ней, произносит по слогам: «Ма-ма».

Как-то весной, уже постарше, годам к пяти, услышав: «К Аксинье гости», — я сиганула с огромной сосны, куда забрались с братьями за почками, бабушка

настаивала их для лечения от кашля и прочих хворей. Бежала, задыхаясь: «Мама приехала!» А в избе опять заробела. Так полудикой и росла.

Шурик хоть и шутил со мной непонятно и боязно, но я почувствовала его доброту сразу, с первого взгляда, и потянулась к нему всей своей детской душой. И вот стали нас видеть вместе: то возле нашей избы у скамейки лишний раз остановится, то на тракторе прокатит, то возле магазина увидит, рубль железный в ладонь молча положит, к себе в гости зовёт, но там дочери Таня и Галя, боялась их, а они, особенно младшая — красавица Таня, не очень-то меня и жаловали.

Когда мне было пять лет, бабушка без ведома мамы решила меня окрестить; крестили в районном центре Клетня, в большом новом храме возле автовокзала, крёстной бабушка позвала тётушку Надю Архиповскую, а крёстным — Шурика Иванова. Помню, как и на крещении Шурик пытался шутить с батюшкой. Не то чтобы он был каким-то балагуром и болтуном, напротив, он немногословен был, скорее робок и нерешителен, пытался шуткой прикрыть свою природную скромность. Помню его подарок мне на крещение — платье, там, в Клетне, в раймаге и купленное: в мелкий цветочек, с круглым воротничком и кокеткой, отороченными серебристого цвета тесьмой, — не из дешёвых было платье-то.

Чтобы понять всю необычность и странность ситуации, надо знать, что у Шурика была суровая жена Ниночка, но звали её почему-то Капочка. Маленькая, с чёрными кудрями, выбивающимися из-под несвежего платка, востроглазая, намного старше крёстного. Бабушка рассказывала, что она засиделась в девках, а Шурик — дитя войны, вроде как сиротой остался, вот и сосватали, это я смутно со слов бабушки помню. Капочка была сварливой и ленивой бабой, дочери вечно неприбранные, в доме из еды — в печи чугун с картошкой в мундире, что варился на корм скотине, зато Шурик вечно всё не так делал и во всём был виноват, но особо и не горевал, всегда отшучивался. Нрава он был лёгкого, незлобивого.

Оживала Капочка только за столом во время выпивки, любила ходить по гостям, сплетни собирать. Меня не терпела, естественно, но виду не подавала. Мама мою дружбу с Шуриком не только не одобряла, но и порицала, винила во всём бабушку; слышала, как она ей выговаривала: «Мама, он ведь тракторист, вечно чумазый».

Однажды летом, когда мама приехала в отпуск, вечером меня потеряли, поздно уже, а меня нет; бабушка к Ивановым, а там говорят: её забрали в баню дочери Шурика, намывают. Бабушка вернулась да и рубанула маме: «Да у Ивановых она в бане моется». Мама в слёзы. Был момент в то раннее детство, когда я называла Шурика папой. Все повторяли: «Да не папка он тебе!» — а я твёрдо тогда на своём стояла: «Папка!»

Мама каждый раз со слезами на глазах пыталась меня переубедить: и чумазый, и некрасивый, и есть у него уже дочери.

Шурик ко времени моего школьного детства, когда приезжала на всё лето в деревню, по-прежнему к нам захаживал, правда, реже, но в день моего приезда всегда появлялся. Из колхоза он перешёл в лесничество. Как-то со старшей дочерью Галей, доброй, в отца, повёл меня в рощу, выбрали берёзку-подростка, посадили у нас в палисаднике, вымахала берёза, стала закрывать окно в избе, мама каждое лето бабушке: «Да срубите вы её, в избе и без того темень!» — «Что ты! — отвечала бабушка. — Ксанкина берёза!»

Отстроился Шурик — баню новую справил, веранду пристроил к дому большую, небольшой пасекой обзавёлся. Как-то зазвал к себе, только мёд накачал, закрыл в кладовке на веранде, где на стол поставил трёхлитровую банку янтарного, тягучего и пахучего мёда, миску с сотами, буханку белого хлеба, ковш с ледяной водой, открыл часа через два, когда я, объевшаяся и одуревшая от мёда, чуть не в руки ему и свалилась.

В деревне ничего не скроешь, и до Капочки слух дошёл, что Шурик меня мёдом потчует; позже бабушка говорила, что Шурику попало. А тогда, вернувшись от крёстного, я рассказала бабушке, как ела мёд — не могла остановиться, и сидим мы с ней на скамейке возле нашего дома босоногие, бабушка что-то там чертит прутиком на пыльной дороге, какие-то круги, и в мечтательной задумчивости вдруг произносит: «Эх, Ксанка, это что, а вот по-настоящему мёд-то надо с гурцом[4] пробовать!»

И вот сейчас думаю: а бабушке-то мёда крёстный не передал, и я, видимо, не догадалась попросить. Попросить точно не могла, я была крайне робкой ещё очень долгое время после детства.

Всё реже и реже встречала Шурика, будучи студенткой и приезжая в деревню на летние каникулы, хотя в день приезда крёстный, как и прежде, заходил повидаться, сидели на скамье возле дома, разговаривали.

В один из последних своих приездов, уже выучившись и работая, поделила отпуск: бо́льшую часть — в Крыму, остальную — в родной деревне, тогда и встретилась с Шуриком, совершенно случайно. Едва ступила на родную землю из рейсового автобуса Брянск — Клетня, как увидела крёстного возле остановки напротив, ждал автобус до Брянска — в белой рубахе, исхудавший. Обнялись, не успели толком и поговорить, как пришёл его автобус, только и успела, что рукой помахать вослед. Встреча эта оставила в душе смутное чувство тревоги.

Опасения мои подтвердились, когда узнала от бабушки, что Шурик Иванов, оказывается, захворал, получил направление в Брянскую областную больницу на обследование. Это была последняя наша

4 Гурец *(диал., южно-русский говор)* — в курских, брянских и смоленских говорах — огурец.

встреча. Там, на большаке, рядом с деревенским погостом, куда привезут вскоре моего крёстного отца, сгоревшего за считанные месяцы от рака лёгких, где давно уже покоится и бабушка Ксения Фёдоровна, а сейчас и дядя Миша Архиповский — земные ангелы-хранители моего деревенского детства.

Сладко-солёная слива

Разлилась, разлилась речка быстрая,
Через тую речку перекладинка ляжить,
Там и шли, и пришли три сястричоньки,
Они шли и шли, разговаривали.

Летом 2012 года всей семьёй побывали на малой родине, очень хотелось показать мужу и детям родную деревню, дом, рощу, поклониться родным могилам. Гостили у двоюродной сестры Ирины в Жуковке, выбрали солнечный день, поехали. Съехали с шоссе на указателе «Надва» и оказались аккурат возле кладбища. Молча обошли деревенский погост. Побывали у маленькой могилки трёхлетней двоюродной сестры Светочки, что была красива, как ангелочек, сгорела в считаные дни от пневмонии. Проходим мимо старых могил, с фотографии смотрит на нас брат Ирины — Андрей, с бравыми усами, в военной форме царских времён. Я — к Ирине. «Да это дед Муха», — отвечает. Так звали отца дяди Миши, тоже Михаила, Мухой дразнили. Дед, значит, Андрея, Ирины, Сергея и Миши, моих двоюродных братьев и сестры, что для меня как родные. Возле могилы бабушки вдруг пошёл дождь, тихий, дробный, но настойчивый. И всё. Как прорвало меня. Слёзы полились — не остановишь. Сестра, смотрю, держится.

Собрались к дому, что на краю деревни у леса, где прошло наше детство и который по праву можно назвать отчим домом. Из разговора с сестрой: всё, что есть в нас хорошего, у всех пятерых, — всё от бабушки. И даже братец наш младший, непутёвый Серёжка, — добрый и отзывчивый. Серый, как я его звала, — мой крестник, загубивший свою жизнь: в пьяном угаре покончил с собой. Помню, как крестили его в просторном храме в Жуковке, запомнила его тоненькую шею, отмытую наконец накануне стараниями тётки Нади, в ослепительно-белой школьной рубахе.

Вспоминаю, что летом он всегда убегал на день. С утра — на речку, ел раз в день, рано утром, и только бабушкины оладьи. «Ба, когда блины?» — свешивалась его лохматая голова с печки часов с шести утра. Канючил, пока бабушка не ставила на стол миску с оладьями, хоть я и орала сквозь сон: «Серый, заткнись!» После речки — друзья-приятели от мала до велика. Видели его то у магазина, то у клуба, то ещё куда его уносило. К вечеру бабушка посылала меня на поиски братца. Искала по всей деревне, готовая уже прибить, как найду, а он, увидев меня издали, протягивал вперёд руки с полиэтиленовым пакетом, где с остатками воды болтались полудохлые раки, утомившиеся от дневной жары, — и варить не надо. «Вот, — кричал он издалека, едва я показывалась, — раков тебе наловил, твоих любимых!» И не было ни сил, ни желания сердиться на него, едва лопоухий братец подходил поближе, лыбясь, зная, что прощу. Тёткин последыш, совсем не мог жить в городе с родителями, как рыба без воды, задыхался, сбегал с уроков, искали его по чердакам, а у бабушки оживал.

Или средний — Андрей, молчун. Ребёнком сломал руку в запястье. Соорудили с парнями в лесу тарзанку, прыгнул неудачно, никому не сознался, спрятался, превозмогая боль. Так и ходил со сломанной рукой, пока не обнаружили, что что-то не так у парня с рукой, неправильно срослась. Дядя Миша возил сына в Брянск, там ломали заново, накладывали гипс. С той поры рука слабая, тренировал её в сарае — соорудил себе что-то типа тренажёров с самодельными снарядами, тягал железо, пока не стал сильным, как Шварценеггер, что смотрел на него с плаката, вручённого мною в подарок. Увлёкся модным на ту пору армрестлингом, вначале любительским, затем профессиональным, участвуя в соревнованиях не только Брянской области, но и за её пределами.

Андрей оказался похожим не на отца, а на деда — копия, только безусый. А ведь я помню приступы безумной ревности молодого дяди Миши к красавице-жене, жгучей брюнетке, когда говорили, что Андрей ни на кого не похож, как родился. Дядя Миша долго бесился, не хотел признавать сына, не подходил к ребёнку, даже плачущему. А сейчас, когда время расставило всё на свои места, не разлей вода отец со средним сыном, диву даёшься таким зигзагам судьбы.

Ирина, единственная любимая дочь отца, могла из него верёвки вить. Тётка часто подговаривала её пойти к отцу с той или иной просьбой, знала, что не откажет. Светленькая, голубоглазая, тоненькая, «ледащая», как говорила бабушка, а ещё «килькой» кликала и всё пыталась накормить, а та, чуть что, падала на пол. Пяти лет не было — оступилась на мосту, недосмотрели, упала в реку. В выходные ходили всей семьёй за грибами, помню, дядя Миша нас фотографировал, осталась фотография, где маленькая Ирочка сидит на корточках рядом с огромным грибом, едва из-за него выглядывая. Поздно вечером уехали дядя с тётей, а Ирина ночью вся загорелась, заметалась, бабушка просидела возле неё до утра. Под утро Ирочка заснула, бабушка укрыла её головку от назойливых мух тюлевой накидкой — и бежать в сельсовет. Бабушка тогда дозвонилась в клетнянскую милицию, где служил дядя Миша, тот за полчаса примчался и в Брянск Ирочку увёз. В больнице выяснилось — менингит, счёт шёл на часы. Спасли девочку. Выросла красавица — высокая блондинка с неземным взглядом голубых, цвета небушка, глаз. Увлекалась и преподавала аэробику, сложена была божественно. Трудолюбивая и весёлая — в бабушку

Ксению. И нос её — уточкой, что «семерым рос, одному достался», который бабушка передала вначале тётушке, а затем и Ирочке, — ничуть не портил ни её, ни всех троих неунывающих оптимисток.

С погоста отправились в деревню, на тот наш край, что знаком, но уже и не так узнаваем. Первый дом — крёстного. Вышла старшая дочь Галя, что вернулась в отчий дом из Брянска после развода с мужем. «Сын в городе остался, я живу — не тужу, сама себе хозяйка, — отвечает на наше приветствие. — Дворов пять в Надве-то осталось». Обнялись.

Ближе к нашему краю стала вырисовываться истинная картина загубленной, порушенной деревни. Напротив добротной избы, где в семидесятые годы располагался КБО, а позже, к концу восьмидесятых, разделённой на дом для двух семей, как правило, приезжих специалистов, зиял огромный котлован, наполненный водой, надрывалась выскочившая из будки собака, тощая и страшная. Удручающее впечатление усиливал назойливый непрекращающийся дождь.

И всё же дом оказался жилым. Вышла женщина, с которой мы переговаривались через котлован. И вдруг — будто толчок в грудь: Таня, Танечка Архиповская, одноклассница с Барского, умница, победительница математических олимпиад, гордость любимого математика Василия Ивановича. Вслед за учителем окончила физмат Брянского пединститута, вышла замуж за однокурсника, вернулась в родную деревню, где и преподают с мужем. «Господи, школа жива!» — почти шёпотом произношу. Но Таня меня слышит и утвердительно кивает головой: «Ну да, школа одна на всю округу, деревень шесть-семь в ней учится. Рядом, в Синицком, где новый совхоз „Восход“, там жизнь, туда из Надвы сельсовет перевели, почту, позже и клуб с магазином, и молодёжь остаётся, не рвётся в город, коттеджи для специалистов строят». Я киваю: ещё при мне строительный отряд начинал улицу с новыми домами, ночами студенты устраивали сумасшедшую дискотеку с неслыханной светомузыкой, мы бегали туда со старшими сёстрами. Возвращались когда пешком по большаку, замирая от красоты огромного звёздного купола, что к концу лета обрушивался на нас звездопадом, а бывало, и с ветерком, за спиной парня из Надвы, что нагонял на мотоцикле, предлагал подвезти, решаясь-таки открыть перед всеми тайну своей симпатии. А Надва, значит, погибает. «Таня-то почему не уезжает в соседнее село?» — недоумеваю. Пожимает плечами.

Возле родного дома останавливаемся. Сил почти не осталось. Дом не просто брошен, а разорён. Внутри разобрана печка, вскрыт пол, сняты доски с чердака. Ходим, осторожно ступая, в полной тишине. Но вот дети оживают, Настя находит какие-то предметы, щёлкает фотоаппаратом. Я рвусь из дома, мне плохо, держусь из последних сил. И тут я хватаюсь, как утопающий за соломинку: «Роща, моя роща, пойдёмте в рощу!» — зову всех. Ирина смотрит как-то странно, но идём. О роще, где в детстве знали каждое деревце, кустик, ягодную поляну, где собирали грибы, щавель, орехи, зверобой, бессмертник, вспоминала и мечтала её показать детям едва ли не чаще, чем бабушкин дом, про который знала уже, что разорён.

Шли молча, по пояс в траве, я искала тропинку, что начиналась сразу за баней, дальше ухнули в заросли папоротника. «А за ними — бурелом», — предупредила Ирина. Нужно возвращаться. Так же молча возвращались гуськом, как и входили. Сколько раз представляла, как наберу с дочками в роще букет из ромашек с колокольчиками, свожу их на поляну с пахучей земляникой, где будем бродить босиком в траве, беззаботно валяться, как в детстве, щекоча друг другу травинками пятки…

Выходим из леса, радуясь, что не сломали ноги в буреломе, проходим отчий дом, мысленно прощаюсь, теперь уже навсегда. Вдруг кто-то из детей увидел за покосившимся забором, доживающим вместе с домом последние дни, дерево с призывного жёлтого цвета плодами. Случайный взгляд обнаружил сливу, буйно обсыпанную плодами. Как она выжила без ухода, отцвела, вырастила плоды, будто дожидаясь нас, — непонятно. Я осталась стоять на месте как вкопанная, вспоминая маленькую сливку, что много лет назад принесла бабушка от кого-то, почти дичок, как прививала, как поджидали первые плоды, что появились почему-то только на верхушке…

Наши мужья трясли старую сливу, усыпанную крупными плодами янтарного цвета, подставляли под плоды футболки, дети собирали в бейсболки. А слива всё не отпускала, протягивая к нам свои старые корявые ветви-руки. Наконец собрали бóльшую часть, утяжелённые приятной ношей, вернулись в машину, поехали в Жуковку. В дороге не удержались, вслед за детьми начали пробовать сливу, обливаясь тягучим соком. Невероятно сладкая была та слива! Все восклицали в один голос, что слаще сливы не едали. И только нам с Ирочкой досталась сладко-солёная слива, омытая горькими слезами, что лились, не останавливаясь, сами собой на последний бабушкин гостинец, поджидавший нас, непутёвых, в отчем доме, до конца храня прощальное её тепло.

Виктория Соловьёва

День путешествий налегке

Путешествовать налегке можно только домой. Я это уяснила ещё в детстве, когда походила на бегучую косиножку, со своими тощими ногами и такими же тощими косицами. Тогда я в первый раз вышла за забор летнего лагеря и отправилась к маме с папой. Для меня это было простое решение. Домой можно возвращаться всегда, и никто не может тебе препятствовать в этом.

Летние лагеря для детей находились за городом, вдоль Базаихи — капризной горной реки, вдали от городского шума, пыли и звона трамваев. Дорога к лагерям пролегала через посёлок, жидкий лес и небольшой участок тайги. Уже много раз я видела эту дорогу. Сначала меня возили с яслями на детскую дачу, а после окончания первого класса привезли сюда, в пионерский лагерь. Дача и лагерь стоят совсем рядышком. Заборы из штакетника разделяла небольшая тропинка. Можно руку протянуть через забор и дотянуться до руки сестры, которая ещё не доросла до пионерского лагеря. Иногда мы так и стояли, протягивая друг к другу руки.

Это был обычный день. После завтрака я подошла к забору и посмотрела вдаль. Даль заканчивалась горой, на которой росла разлапистая сосна. Привет, Гора! Привет, Сосна! Вы всегда молчите… А где-то поёт моя мама. Она всегда поёт — когда моет посуду или полы, или так просто… Как же хочется домой. Боковая калитка недалеко. Однажды я её обнаружила, когда следила за «бандитом», который прокрался на нашу территорию и ходил вдоль забора. «Бандит» оказался потом дядей Колей, мастером на все руки.

Я выбралась на дорогу с боковой стороны, носки — в репейнике, с поцарапанными ногами, но с чувством сделанного важного шага. Когда надоедливые липучки были оторваны, я смело зашагала в направлении посёлка. Мне скоро будет девять лет, и я умею быстро бегать и незаметно прятаться. Ничего не боюсь, кроме темноты. Ну что такого случится днём с тем, кто просто идёт домой?.. В руках ничего нет, идти легко и весело. Представляю, как увижу и обниму маму. Со мной солидарны божьи коровки, и травинки кивают согласно. Только вредный паук со своей паутиной преградил дорогу, но его прогнать нетрудно. «Беги домой, паучок!» — размахивала я веткой. На клубничной поляне, где росла низкая трава, вылупился подорожник, и я в охотку поиграла в «солдатиков». Мой победил! Прихватив с собой ещё парочку воинов «на потом», побежала дальше и не заметила, как добралась до посёлка.

От посёлка в город ходил один автобус, только денег на билет не было. Но зато выручал опыт. Я не раз каталась «зайцем» на красном трамвае вместе с дворовыми мальчишками. На задней площадке автобуса всегда есть народ. Я превратилась в тень и закрыла глаза, будто меня здесь нет. Кондуктор не обратила внимания на тень или подумала, что я еду с кем-то из взрослых. На задней площадке пахло табаком и чем-то ещё очень несвежим. Я сделала шаг в сторону, замерла и всю оставшуюся дорогу так и не шелохнулась.

Предмостную площадь в городе знают все. Здесь конечная остановка городских автобусов. Быстро вынырнув наружу, я оказалась в своём любимом пространстве. Здесь всё было как прежде, только раскалённый асфальт прилипал к сандалиям, жаркий полдень манил к фонтанам… Я оглянулась на фонтан, на протоку. Всё близко. От вида воды в горле стало сухо.

От Предмостной площади до дома пять остановок. Я добегу легко, но хочется пить. Надо быстрее добраться домой. Поэтому я спряталась в трамвае, превратившись в голубую моль. Контролёров не было, мне сказочно повезло. Но приключения ещё не закончились…

Красивый голос объявил: «Следующая остановка — „Родина“». Мне всегда нравилось название нашей остановки. Здорово жить на родине. Соскочив с подножки трамвая, я в мыслях находилась уже дома и пила воду прямо из-под крана, но дома никого не оказалось. Ключа нет. От этого даже стебелёк подорожника завял в руках… Медленно спустившись во двор, я тоскливо подняла глаза на свой пятый этаж и вдруг увидела стайку голубей. Вот кто свободен и может легко взлетать на крышу! И тут меня осенило: балконы в доме спаренные. Постучусь-ка к соседу: вдруг он окажется дома? Я взметнулась на пятый этаж соседнего подъезда со скоростью длинноногой птицы, которую заставили бежать. И, не давая себе отдышаться, нажала долго на звонок.

Через секунду, расслышав звуки за дверью, я улыбнулась сама себе: всё складывалось замечательно. Сосед дома. Я объяснила, что потеряла ключ, и он спокойно пропустил меня. Перебравшись на свой балкон, показала рукой: всё в порядке, — и сосед зашёл в свою квартиру. Наша балконная дверь закрыта на щеколду, значит, мелькнула мысль, родители ушли надолго. Открытой была только форточка. Этого оказалось достаточно. Я легко занырнула в комнату. В квартире прохладнее, чем на улице. Первым делом я забежала в ванную комнату и приложилась к крану с холодной водой. Ничего вкуснее нет в жару, чем ледяная вода из-под крана. Наша вода самая вкусная. Где бы я ни бывала потом, в каких городах и деревнях ни останавливалась, но вкус родной воды остаётся самым-самым. Его не спутать и не забыть.

Превратившись в «водяного», я оторвалась от крана и попыталась наконец-то понять ситуацию. Проверяя комнаты, я пристально оглядывала их — не изменилось ли чего, не появилось что-то новенькое… Всё вроде на своих местах, комнаты казались ещё светлее, но я так и не обнаружила родителей. Интересно, где они сейчас? Не зная, что подумать, пошла на кухню, изучать холодильник. Ничего интересного в нём не оказалось. Помидоры, огурцы, лук… кастрюлька, наверное, с супом, яйца. Вытащив хлеб, оторвала корочку и стала медленно жевать. Хлеб показался необыкновенно вкусным. Примерно такой же папа приносил с охоты: «Это белочки передали свои корочки». Говорил и при этом подмигивал хитро… Папе я верила. Хлеб тот был не такой, как дома, пах лесом, дымком и ещё чем-то неуловимо беличьим…

После того, как напилась и наелась, задумалась, чем бы себя занять… Мультиков по телевизору не показывали, во дворе никого. Подружки разъехались, кто к бабушкам с дедушками, кто в летние лагеря. Скукота невыносимая настигла почти мгновенно. А в пионерском лагере остались друзья. И я засобиралась в обратную дорогу. Захлопнув дверь, не оглядываясь, живо представляя встречу с друзьями, сбежала по лестнице вниз. Солнце стояло высоко, голуби всё так же сидели на крыше, а я уже выбегала из двора.

Неожиданно, сидя уже в автобусе, я увидела своего папу, который, очевидно, о чём-то расспрашивал кондуктора. Папа взволнован, это чувствовалось даже на расстоянии. Он то и дело засовывал свою пятерню в густые волосы, отчего волосы растрепались и голова стала походить на огненный шар. Я такой видела в цирке. Кондуктор отрицательно мотал головой. Автобус, в котором я сидела, тронулся и покатился по маршруту, а я продолжала рассуждать о том, что же делал папа на Предмостной площади… Спустя какое-то время ко мне пришла мысль: а может, он меня искал? При этом я заёрзала на своём месте. Но понимала: потеряюсь, если выйду на незнакомой остановке, предпочла доехать до конечной и сесть на автобус, который снова повезёт в город к Предмостной площади. Вернувшись и не найдя там отца, подумала: стоит всё же вернуться в лагерь. И если папа ушёл, значит, нашёл то, что его интересовало. И я снова поехала в лагерь.

Не буду рассказывать перипетии дня, скажу только: уже темнело, когда меня поймали во дворе родного дома. Соседка из нашего подъезда, которая жила на первом этаже, похожая на заколдованную жабу, знала про всё и про всех. Она подозвала меня своим крючковатым пальцем и сказала: «Тебя все ищут», — и за руку повела к себе. Идти не хотелось, но упираться сил уже не осталось. Помню, как соседка намазывала кусочек хлеба маслом и посыпала сахаром. Потом пододвинула его ко мне и налила в глубокую кружку горячий чай. Я проголодалась и поэтому сметелила всё до крошечки, после чего уснула в мягком кресле.

Разбудила меня мама. Я проснулась от поцелуя в лоб, узнавая знакомое дыхание. У мамы светлые тёплые глаза, но почему-то сегодня они были покрасневшими. Она не ругалась. Просто спрашивала, почему я убежала из лагеря. И когда поняла, что я мечтала её увидеть, обняла крепко. Мы засобирались. Надо подняться к себе в квартиру. Но тут к подъезду подошла лагерная грузовая машина с синей будкой сверху. Соседка её заметила сразу. Мама вышла на улицу, о чём-то поговорила с воспитателем, а затем вернулась ко мне с вопросом: хочу я вернуться в лагерь или нет… Тихо, на ухо, я сказала маме: «У меня остались друзья в лагере, я хочу к ним». Папу в тот вечер я так и не увидела. Он, видимо, ещё искал потеряшку в городе.

Мама проводила меня к машине, усадила рядом с водителем. Я впервые ехала так высоко над землёй и видела светящуюся дорогу впереди. Было немного страшно, когда свет фар вдруг падал вниз, в темноту, и мы неслись с горы… В руках таяли конфеты, которые мама передала друзьям, а я была счастлива оттого, что всё можно вернуть назад.

Лето продолжалось. Но… дорогу домой я уже знала!

Алла Касецкая

Время прощать

— Если хоть кто-то из вас подойдёт к окну — выпорю! — жёстко бросила мать, даже не обернувшись.

Она стояла у стола, спиной к троим ребятишкам, которые встрёпанными воробьями испуганно и зябко жались друг к другу, сидя на старом продавленном диване. Мальчишка лет семи и сестры-погодки трёх и двух лет. Избу за ночь выстудило, а мать не натопила с утра печь, хотя дело шло к Покрову. По ночам уже подмораживало, и с утра редкая бурая трава и ещё не успевшие облететь листья щетинились мелкими белыми иголочками инея.

Младшая из сестёр тихонько захныкала.

— Молчать! — прикрикнула мать, по-прежнему не поворачиваясь к детям. — Чтоб я ни звука от вас не слышала!

Братишка обхватил девчонок за плечи и покрепче прижал к себе, то ли пытаясь согреть, то ли утешить, а может, и то, и другое. Снова в комнате повисла тишина. Мать всё так же стояла у стола и всем своим видом показывала, как она занята, хотя на самом деле вот уже несколько минут бесцельно переставляла туда-сюда пустую посуду.

Мелкий частый октябрьский дождик по-кошачьи царапал стёкла. Две рябинки под окном, чуть покачиваясь на ветру, шуршали последними пожухлыми листьями. К этим скудным осенним звукам то и дело добавлялся ещё один — резкий стук то в одно, то в другое окно. И время от времени доносился приглушённый двойными рамами крик:

— Мария, открой! Маша, ну прости ты меня, дурака! Пожалуйста, прости!

Мать при каждом слове вздрагивала и подёргивала плечами, но упорно продолжала двигать по столу посуду, как будто разыгрывала с кем-то невидимым странную шахматную партию, в которой фигурами были пустые чашки и тарелки.

— Нюта! Анечка! Доча, пусти папку домой! Ты ж папкина доча — неужели не откроешь мне? Анютка!

Старшая из сестёр выпрямилась, замерла, прислушиваясь.

— Не смей! — с шумом обернулась мать, и дети увидели, что лицо её мокро от слёз.

Опомнившись, она быстро спрятала лицо в ладонях, и плечи её мелко затряслись.

Анна всегда недолюбливала осень. Почему-то в это слякотное время года в её жизни происходили самые крупные неприятности или знаковые события, тоже, как правило, с печальным концом. Но сегодня, задумчиво бредя по октябрьскому безлюдному кладбищу, она с удивлением поняла, что спустя всего каких-то пятьдесят с небольшим лет осень начала приобретать для неё своеобразную прелесть. Видимо, раньше, загруженная проблемами, замороченная переживаниями, Анна просто не находила времени осмотреться. Определённо, в осени появилось что-то притягательное, даже, если выразиться более точно, что-то почти библейски-притягательное. Каким-то неожиданным, необъяснимым образом в душе возникало непреодолимое желание возлюбить каждого встречного, и жалеть его, и прощать ему все прегрешения. А может, наоборот, хотелось, чтоб этот встречный, сам возлюбив, жалел её и прощал.

Эта нещадно воспетая лириками пора заставляла Анну с унылой неспешностью размышлять над вещами, до которых в любое прочее время года ей и дела не было. Осень извлекала из глубин её подсознания самые больные мысли и чувства, о которых Анна пыталась не думать, забыть. Рыжая пройдоха, не церемонясь, старыми пожелтевшими фотографиями рассыпала перед ней весь мучительный груз прожитого: давно ушедших друзей и потерянных любимых, несбывшиеся надежды и утраченные иллюзии, — и Анна, поддавшись её натиску, начинала листать эти припорошённые горечью воспоминания.

Вот на одном фото девочка девяти месяцев от роду — добрую половину снимка занимают огромные круглые глаза и пухлые хомячьи щёки. Это она на руках отца. Отец… Собственно, из-за него Анна и оказалась в этот промозглый день на кладбище.

Ах, как часто Анна в своих детских наивных мечтах смело вставала и шла открывать отцу дверь в то злополучное октябрьское утро! Если б она тогда не струсила, не подчинилась матери, как бы они хорошо жили. С отцом. И тогда никто бы

не посмел называть её обидным словом «безотцовщина». Отец защищал бы её от любых нападок, научил бы уже, наконец, плавать и кататься на велосипеде, водил бы в кино, покупал мороженое, давал мудрые советы и любил той безусловной, безоговорочной любовью, в которой Анна так остро нуждалась. Она щедро наделяла его самыми превосходными мужскими качествами, коих во множестве нахваталась из рыцарских романов, запоем читанных ею в подростковом возрасте. Постепенно образ реального отца трансформировался в образ идеального сверхчеловека, даже в божество, именуемое «отец», и Анна с упоением на него молилась. Она нещадно винила себя, как считала, за трусость и предательство. Злилась на мать за непреклонность, с которой та выгнала отца из дома, и в глубине души презирала её, так и не решившуюся за все прошедшие с того непоправимого дня годы рассказать детям правду об их с отцом отношениях.

Анна совсем не помнила своего настоящего, не придуманного отца. Хотя в памяти сохранилось много других ярких моментов из самого раннего детства. Отец ушёл, когда ей исполнилось три года — должна же помнить хоть что-то связанное с ним… Но нет. Мать запретила помнить, и Анна покорно забыла. В памяти остался только этот старый снимок, где отец держит её на вытянутых руках, собираясь подбросить вверх, и смеётся. А у неё испуганно-удивлённые глаза в пол-лица и смешные толстые щёки, полностью закрывающие уши…

— Марецкая! — выдернул её из раздумий окрик учительницы. — Ты что бездельничаешь? Все давно уже сочинение пишут.

Анна с тоской посмотрела на доску, где крупным учительским почерком была написана тема сочинения: «За что я люблю своего папу». Она вздохнула: каждый год, в канун двадцать третьего февраля, их «русичка», не сильно заморачиваясь, задавала сочинение на одну и ту же тему. И каждый год повторялся один и тот же диалог:

— Нина Иванна, вы же знаете, у меня нет папы…

— Ну и что? Это не освобождает тебя от сочинения. Пиши «За что я люблю свою маму».

И Анна, снова вздохнув, склонялась к тетради и, практически слово в слово, пользуясь привычными дежурными фразами, быстренько катала своё прошлогоднее сочинение.

— Да шалава она! Ты посмотри на неё: одета как нищебродка, говор деревенский, а смотрит свысока, что тебе графиня. Да у неё и образования, поди, три класса и коридор. И что она прицепилась к нашему Пашеньке? Одно слово — безотцовщина! — нарочито громко выговаривала обидные слова Пашкина мать — краснолицая полная женщина с неудачной шестимесячной завивкой на седеющих реденьких волосах.

Выговаривала она своему мужу — сухопарому лысеющему мужичку с крупным носом и водянистыми усталыми глазами.

Анна с Пашкой в соседней комнате пытались смотреть видик, но вопли матери с кухни перекрывали даже гнусавый монолог переводчика модного импортного ужастика.

— Ну и чего ты молчишь? — снова завелась мамаша.

Пашкин отец неспешно отложил газету, снял очки и помассировал переносицу:

— Валентина, ты от меня-то чего хочешь? Что привязалась к девчонке? Учится она. Вон, на прошлой неделе, сама же видела, Пашка перепечатывал ей что-то… — отец замялся, припоминая. — По психологии, кажется. Они взрослые люди, сами разберутся. Что ты встреваешь?

— Я встреваю? — всё больше распалялась Пашкина мать. — Сами разберутся? Эта уж во всём разобралась — припёрлась на всё готовенькое! Что нам, кормить её теперь? Нам сына надо выучить и в люди вывести, а тут она… А забеременеет, так нам ещё один хомут на шею? Думаешь, её мамаша приданое ей какое скопила? Ничего ведь за душой, как есть — голодранка и шалава!

Пашка сидел красный как рак, нервно сжимал кулаки и молчал. Анна всё ещё надеялась, что самый любимый, самый главный мужчина в её жизни сейчас встанет, пойдёт и защитит от несправедливых обвинений. Но самый главный и любимый продолжал сидеть, вперив взгляд в телевизор.

А с кухни по-прежнему доносилось:

— Для кого мы всё это наживали? Разве для этого я сына рожала? — децибелы зашкаливали. — Ты меня слышишь? Сделай уже что-нибудь! Ты мужик или что?

Снова зашуршала газета, скрипнул стул.

— Ты чего добиваешься, Валентина? Мне что, взять её за шиворот и с лестницы спустить? — закипятился отец.

Пашка продолжал сидеть, уставившись в экран. Анна медленно поднялась с кресла. На кухне бушевало:

— Да! И возьми! И спусти! Вышвырни её отсюда, как паршивую кошку! — уже совсем не стесняясь в выражениях, напрягая связки, орала Пашкина мать.

Анна вышла из квартиры, тихо прикрыв за собой дверь. Ор на кухне продолжался. Никто не заметил, что причина скандала в «благородном семействе» уже покинула его.

После горького расставания с первой любовью с мужчинами у Анны совсем не заладилось, хотя пожаловаться на отсутствие мужского внимания она не могла. Анна была хороша собой, не сказать, что красива, но достаточно яркая и общительная, она обладала той самой необъяснимой женской манкостью, которая действовала на мужчин

не хуже волшебной дудочки Нильса. Иногда отношения завязывались, но ненадолго. Всему виной был характер Анны — слишком прямолинейна и нетерпима. Потому и психолог из неё не получился, да, в общем-то, она и не планировала связывать жизнь с этой профессией, понимала: с таким характером — не её стезя. Окунулась она в эту науку с одной целью: разобраться в поступке матери, в себе, в отношениях, чтобы хоть как-то облегчить невыносимую боль, постоянно грызущую изнутри. Точных и скорых ответов психология не дала, только ещё сильнее всё запутала и усложнила, и Анна без сожаления забросила учёбу. Она дважды побывала замужем, оба раза неудачно. Тем не менее родила двоих детей и всю свою нерастраченную душевную теплоту отдавала им. Но чем старше становились дети, тем мучительнее им давалась эта чрезмерная забота. Они под любым предлогом старались улизнуть из-под её опеки.

С матерью тоже не складывалось. Однажды, в юности, Анна в сердцах наговорила ей много обидных слов. Назвала неудачницей, обвинила в том, что та не смогла сохранить семью. И ведь выкрикивала злые, обидные слова не для того, чтоб досадить матери, нет, таким, возможно, не совсем удачным способом она пыталась освободиться от собственных обид и унижений, которых немало накопилось за столь ещё короткую жизнь.

Потом, осознав свою ошибку, Анна не раз пыталась подступиться к матери с извинениями, но мать, и раньше не склонная к душевным беседам, тут и вовсе закрылась от неё.

В этот хмурый октябрьский день неухоженное деревенское кладбище было особенно бесцветно и уныло, и в то же время как-то поэтически притягательно. Терпко пахло прелой листвой и надвигающимися первыми заморозками. К привычным ароматам осени робко примешивался исконный кладбищенский запах серебрянки от старых покосившихся оградок. Современные ограды, в основном окрашенные в светло-голубой, мокро поблёскивали. «Однажды запах серебрянки совсем пропадёт, и деревенские кладбища утратят частичку своего очарования», — с грустью размышляла Анна, неспешно бредя между могилами.

«Очарование кладбища… — усмехнулась она. — Когда тебе за пятьдесят, а жизнь прожита как-то наперекосяк, кладбище и в самом деле начинает приобретать определённое очарование…»

Анна медленно пробиралась по усыпанным листьями и ни разу не окошенным за лето дорожкам, близоруко щурясь на каждую табличку с именем. Больше часа она кружила между могил, но знакомой фамилии не попадалось.

Может, ошиблась она, не на том кладбище ищет? Хоть бы спросить у кого. Да у кого тут спросишь? На Троицу бы дело было или в Радоницу — там народу полно на кладбище. Чего сорвалась очертя голову? И координаты дали какие-то ненадёжные: ну что это такое — деревня Миньково, Миньковское кладбище? Кто её погнал сюда в такую непогодь? Подождать не могла? Нет, не могла — именно сегодня, в день рождения отца, она должна найти его могилу.

Анна ускорила шаг, но, запутавшись в высоком колючем сухостое, едва не рухнула на хлипенькую оградку. Пытаясь удержаться на ногах, она схватилась за металлические прутья, в траву посыпались хлопья старой краски. Анна с трудом освободилась, полезла в карман за платком, чтоб оттереть с ладоней пятна ржавчины, и тут же обнаружила, что за оградкой, стоя внаклонку, копошится старуха. Она полностью сливалась сереньким цветом своего поношенного плаща с серой же блёклостью мёртвой травы.

«Вот у кого я сейчас всё узнаю…» — воспрянула духом Анна.

— Бабушка, добрый день! Будьте добры, подскажите: это Миньковское кладбище?

Старуха с трудом разогнула затёкшую спину, обернулась, одновременно тыльной стороной ладони поправляя съехавшую на нос растянутую синюю шапку ручной вязки. Увидев лицо незнакомки, Анна вспыхнула от стыда — той оказалось на вид лет сорок пять, а может, и того меньше.

— Ой!.. простите, что я вас бабушкой… — она осеклась, подыскивая слова оправдания, но женщина опередила:

— И вам наше здравствуйте! — и так открыто и простодушно заулыбалась, что Анна невольно улыбнулась в ответ.

— Да вы не тушуйтесь, я и прямь нынче на бабушку смахиваю. Мамы-покойницы старенькой плашшик-от натянула. Пожалела хорошую одёжу — изгваздаю как да. Жалко. Вон делов-то тут сколь… — повела она рукой вокруг. — А кладбище это наше, Кулигинское. До Минькова ещё километров тридцать, и дорога туда — одно название, особенно в эту пору. Да и не живёт там никто. Уж, почитай, лет двадцать, ежели не боле, как заброшена деревня. Я ить сама тоже миньковская. Но мы давно оттуда в Кулиги перебрались. Как там ферму порушили, матери с отцом работать негде стало, да и мне в школу идти время подоспело. В Кулигах-то и ферма, и школа-восьмилетка — вот и перебрались. Меня Лидья зовут.

Женщина явно была настроена на длительную беседу. Анна, не ожидавшая столь архаичного говора от не старой ещё женщины, слегка опешила.

Лидья перекинула через оградку последнюю охапку выполотого сухостоя, достала из пакета маленькое вафельное полотенце, промокнула им вспотевшее раскрасневшееся лицо. Затем, расстелила это полотенечко у основания креста. Снова пошуршав пакетом, выудила оттуда чекушку

и кулёчек с пирожками. Аккуратно пристроила стопку на полотенце, налила до краёв водки и прикрыла сверху пирожком. Всё проделывалось как-то основательно, по-крестьянски, без суеты, с житейской размеренностью, так что Анна невольно залюбовалась. Лидья с удовлетворением осмотрела дело рук своих, встрепенулась, хлопнула себя по бокам, явно что-то вспомнив, полезла вновь в шуршащее нутро пакета и достала пачку сигарет, положила туда же, рядом со стопкой. Обернулась к Анне:

— Помянем, что ли, отца моего? Любил он это дело, чего уж говорить,— она повертела перед Анной початую чекушку.

— Ой, нет, что вы! Я за рулём,— Анна даже отшатнулась.

Она не выносила алкоголь.

— Ну, тогда пирожок возьмите. Домашние,— Лидья радушно протянула раскрытый пакет.

Выпечку Анна тоже не особо жаловала, но отказываться было как-то неудобно. Тёплый пирожок приятно грел озябшие пальцы.

— У вас тоже, смотрю, могилка-то неухоженная совсем. Редко бываете? Наверное, некогда? — чтоб хоть как-то поддержать разговор, поинтересовалась Анна.

— Так лет пятнадцать… нет, пошто пятнадцать? — оборвала сама себя Лидья.— Восемнадцать уж годов. Как мама померла, так никто и не бывал. Отцова могилка-то. Мама в другом углу похоронена.

Женщина махнула рукой в сторону дороги.

— Мне раньше-то муж запрещал на отцову могилку ходить. А тут недавно, видать, в степень вошёл, говорит: «Поди, Лидья, прибери, што ль, у отца-то. Табличку повесь, а то что он безымянной лежит-поляживает, ровно как и родни у его нет?»

— За что же такая немилость к тестю? Не ладили? — Анна всё крутила в руках поминальный пирожок, не решаясь откусить.

— Пошто не ладили? Муж толком и не знал отца-то моего. Чего ж им…

Лидья, оборвав фразу, устало опустилась на некрашеную влажную скамейку, замолчала, глубоко погрузившись в только ей ведомое прошлое.

Анна, молча ожидавшая продолжения, вдруг почувствовала, что совсем ничего не слышит, словно в одночасье оглохла. Спустя мгновение она осознала: нет, слышит. Слышит окружающую их абсолютную, необъятную тишину. Она и сама понимала, как нелогично это сочетание — «услышать тишину», но ничего более подходящего сейчас подобрать не смогла. Непривычная, невыносимая, давящая тишина. Ни ветерка, ни шороха. Мельчайшие капли дождя тоже, казалось, неподвижно и беззвучно висели в воздухе. Будто мир замер в каком-то нехорошем предчувствии…

Почему-то боясь разрушить эту жуткую иллюзию, Анна тоже застыла, зажав в кулаке остывающий пирожок.

— Снасильничал он меня,— как-то обыденно и спокойно проговорила вдруг Лидья, уставившись на деревянный крест невидящим взглядом.

У Анны похолодело внутри и перехватило дыхание, и даже не от страшного смысла слов, а всё от той же спокойной безысходности, с которой они были произнесены.

— Кто? — невольно вырвалось у неё.

— Так батька мой. Я совсем девчоночкой была, знала-то чего? А он тот раз опять напился до беспамятства…

Лидья снова надолго замолчала. Сидела, некрасиво сгорбившись, свесив между колен и как будто забыв крупные грубые тяжёлые руки. Затем, опомнившись, врастяжку произнесла:

— Вот ведь… как бывает-то… — и вновь долгая пауза.— Перепугалась я тогда,— всё тем же ровным голосом продолжила Лидья, вроде бы уже и не для Анны, а куда-то в пространство.— Не спала, не ела первые-то дни. В собственный дом без нужды носу не казала. Да и стыдно-то было так, что никому не сказывала. А батька то ли спьяну не помнил, а может, и помнил, да виду не подавал. Так и жили потом — вроде бок о бок, а всё врозь. Недолго он прожил после того. Напился как-то уж больно шибко, до дому дойти не смог — за поленницей уснул да и замёрз. Осенью дело было, конец ноября, подморозило тогда хорошо, да ещё и снежок ночью выпал — присыпало его, не сразу и нашли. Помер, а у меня ни слезинки.

Лидья привычным скорым жестом перекрестилась.

— Забыть старалась, да как такое забудешь? Не думала. Вроде как в дальний шкапчик заперла. Не на глазах, так вроде и нету. Так и жила. Восьмилетку-то закончила, в город учиться не поехала — всё страх во мне сидел. Дояркой пошла в совхоз. Так и работаю… Потом уж и маму схоронила. Она, пока жива-то была, за отцовой могилкой ходила. Всё уразуметь не могла, пошто я не наведалась к отцу ни разу с похорон-то. Я ведь ей так ничего и не сказала. Жалела её. И замуж так вышла. Молчком. А хороший у меня Мишка-то оказался. Ухаживал долго, красиво! — Лидья светло заулыбалась, вспомнив.— Всё помогал: то огородец вспашет, то стожок привезёт. А то, помню, одинова после морозцу все сени рябиной завалил, целый воз приволок. Сладкая-я-я… Я с неё вино тогда поставила. Его на свадьбе и пили.

Лидья снова замерла, затаилась в своём давнем.

— А потом дочка у нас родилась. Пока махонька, то ничо, складно жили. А как подрастать стала, я ровно в безумство какое впала: как Мишка чуток выпьет, так бес меня берёт, хожу за ним, подглядываю, подслушиваю, за родным-то мужиком!

Веришь ли, всё беды ждала,— Лидья не заметила, как перешла с собеседницей на «ты».— Ты не подумай, муж у меня не пьяница, упаси Бог! Так, ежели самую малость в праздник какой ли после баньки. А чтоб так, без дела,— ни-ни! Не таковский Мишка мой. А тут — дело в Октябрьские как раз было. Для праздничка выпили чуток мужики, ну и мой с ими. А меня уж и запотряхивало. Вот и подловил он тот раз. Я в сенях хоронилась, а Мишка тут как тут. «Выкладывай,— говорит,— Лидья, что стряслось. Вижу ведь, неладное с тобой творится». Ну, я как есть всё и выложила. Ревмя реву. Заикаюсь от страху-то. Думала, прибьёт, а он меня под куфайку к себе притянул, прижал ко грудине-то крепко-крепко и по голове гладит, а у самого сердце так и бухает, так и заходится. До-о-олго так стояли. В сенях-то… Я реву, а он мне шепчет, шепчет на ухо слова всякие, стойно маленькую утешает, и всё гладит, гладит по голове-то.

И снова навалилась долгая мучительная тишина. Не зная, что тут можно сказать, не в силах вынести эти минуты тягостного молчания, Анна с каким-то отчаянным остервенением вцепилась зубами в остывший пирожок.

— Вкусно? Удались пирожки-то сегодня. Раненько затворила. Думала, не подоспеют, ан нет — выходили. Берите ещё-то, не стесняйтесь. Помянем душу грешную,— вновь перейдя на «вы», привычно осенила себя крестом Лидья.

От неожиданности Анна глубоко вдохнула, подавилась и закашлялась. До слёз. Вытирала глаза по-детски, ладошкой, нещадно размазывая по щекам тушь.

«Как? Как же это возможно? — недоумевала она.— Как можно, рассказывая такие страшные вещи, тут же, вот так спокойно, так запросто заговорить о пирожках?»

Анна пристально разглядывала Лидью, вновь поражаясь тому, с какой житейской размеренной деловитостью та шуршала пакетами и газетами, выкладывая нехитрую поминальную снедь на покосившийся столик. Как будто и не было только что рассказанного и пережитого ужаса.

«Да она простила его! — поражённая своей догадкой, Анна даже зажмурилась. Сердце колотилось где-то в горле, стало тяжело и больно сглатывать.— Разве можно такое простить? Такое и пережить-то не каждому под силу, а уж простить… Это ж какой неженской силой надо обладать, каким нечеловеческим смирением и терпением?!..»

— Лидия…— Анна замялась, сомневаясь, удобно ли, можно ли об этом спрашивать, но всё-таки продолжила: — Лидия, вы извините, конечно, может, я не в своё дело лезу, но скажите мне откровенно: вы простили своего отца? — и напряглась в ожидании ответа.

Руки Лидьи на секунду замерли над столиком.

— Простила…— сказала как обронила.— А не простить — это где ж сил взять всю-то жизнь экую тяжесть на себе нести? Простила. Не враз, не буду врать — тяжко пришлось. Здесь,— Лидья указала на голову,— здесь быстро простила, а вот тут,— коснулась теперь груди,— тут ох и трудно далось. Долго и злость, и обиду в сердце носила. Долго. А только когда простила всей душой, до самого донышка, так вот, верите аль нет, а жизнь ровно другой стороной ко мне повернулась — светлой, радостной. И задышалось легко, будто до этого дышала вполгрудины, жила вполжизни. Вот и муж тоже простить старается. На могилку отпустил, ведь раньше-то ни-ни, и думать не моги. Подступиться с просьбой боялась. А тут на днях сам подошёл: «Ты,— сказал,— Лидья, сходила бы могилку-то отцову изобиходила, прибрала под снег». Сам-то отговорился, не пошёл, ну да я и этому рада. Отмякнет. Нельзя с обидой жить. Не по-людски это… Ой, да что ж я, баранья голова,— разговоры разговариваю, а про табличку и забыла! — по-старушечьи засуетилась Лидья.— От ведь, так бы и домой учапала. Щас, щас покажу карточку отца-то. Щас…

Продолжая бормотать, Лидья погрузилась в недра своей просторной, местами потрёпанной, но ещё крепкой хозяйственной сумки. Наконец она выудила оттуда небольшой газетный свёрточек.

— Вот она. В город пришлось ехать, в мастерской заказывать. Да и то — схватилась, а фотографии-то отцовой и нету ни единой. Вот эту старую карточку евонную насилу отыскала. В кармане пинжака была. Ладно мама тогда вещи-то отцовы все прибрала.

Зашуршала бумага, обнажая металлический овал с отретушированной фотографией.

Анна похолодела. На неё всей мощью обрушилось то растерянное ощущение, когда балансируешь на краю обрыва и можешь сделать только одно-единственное движение, которое, если окажется верным, удержит тебя на краю, нет — рухнешь в бездну. Анне не нужно было вглядываться. Пятьдесят лет она берегла в памяти этот снимок. Отец. И всё так же смеётся.

Смеётся Анна в его вытянутых сильных руках. Вот он подбрасывает её высоко-высоко, ещё выше и ещё выше. И вот Анна уже летит, вырвавшись из цепких отцовых рук. Летит… В небо ли? В пропасть?..

Тамара Арбатская

Противостояние

О романе «Россия, кровью умытая»

Роман *Артёма Весёлого (Николай Иванович Кочкуров)* явился для меня откровением и неожиданностью. Много книг читала, но с подобным изложением повстречалась впервые. К своему стыду, первый раз взяла в руки книгу Артёма Весёлого. Даже не знала, что когда-то жил, творил незаурядный, талантливый человек — участник Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Знать, судьба такая — случайно взять книгу в руки, открыть первые страницы для ознакомления и сразу заинтересоваться: а что будет дальше? Писатель реалистично отобразил драматические события тех дней.

Первая глава, *«Смертию смерть поправ»*, начинается со слов: «Сотрясаемый ураганом войны, шатался мир, от крови пьян». Начальные строки действуют завораживающе и больше не отпускают, заставляют читать дальше: «Грозен — в багровых бликах закатывался тысяча девятьсот шестнадцатый год. Серп войны пожинал жизни колосья». Сложная обстановка конца Первой мировой войны породила революцию, когда низы не хотели жить по-старому, а верхи не могли справиться с ситуацией. Экономика России в результате войны была катастрофически подорвана, «в клещах голода и холода корчились города, к самому небу неслись стоны деревень». Смерть шагала по стране, забирая жертвы: ослабленных детей, стариков, на фронте погибло много солдат Российской империи.

В 1931 году на английском языке в США вышла книга русского генерала Николая Головина. После тщательных исследований документов, проверок и анализа он пришёл к выводу, что русская армия на фронтах Первой мировой войны потеряла круглым числом 1 300 000 убитыми плюс 350 000 умершими от ран позднее. Итого — 1,65 миллиона человек. Головин не щадил руководителей старой русской армии, не пытался преуменьшить кровавую дань, которую заплатила Россия за победу союзников, и ту роль, которую она сыграла.

У разных авторов неодинаковые цифры, различающиеся почти на порядок — от пятисот тысяч до четырёх миллионов. Все они имеют обоснование в авторитетных источниках ещё столетней давности. Подумав, решила, что цифры, которые привёл в своём труде Головин, наиболее правильные. Профессиональному военному можно поверить, надеюсь. «Над всем миром развевались знамёна горя и, как зарево огромного пожара, стоял стон, полыхали надсадные, рвущие душу крики отчаянья». Шумели на фронтах толпы солдатские, почувствовавшие силу штыка. В полках работали агитаторы от разных партий: большевики, меньшевики, эсеры, они заронили в мужицкие головы, что необходима борьба против буржуев, их жестокости, тирании народа, несправедливости. Создавались солдатские и армейские комитеты, с которыми командованию пришлось считаться. Митинги часто заканчивались избиением и убийствами жестоких офицеров. Поэтому им пришлось сдержаннее вести себя в отношениях с солдатами.

«Армии уже не существовало. Была своевольная, митингующая и политизирующая банда… <…> Русская армия бежала от слабейшего врага. Армия бежала, бросая артиллерию, обоз, грабя всё на своём пути… В Ставку поступали самые ужасные сведения — там убит командир полка, там стреляли в офицеров, выбрасывали раненых из вагонов, занимая составы…» (Л. Н. Новосильцов)

Ещё один любопытный момент, о котором не так часто пишут: кризис снабжения, угроза голода и развитие болезней. Л. Н. Новосильцов приводит слова генерала М. В. Алексеева: «Люди недоедают, а конский состав и совсем голодает… на этой почве распространяется цинга, недовольство росло всё больше и больше, ну а о дисциплине нечего было и говорить…» Единственным выходом из этой безрадостной ситуации Л. Н. Новосильцов видел военную диктатуру генерала Л. Г. Корнилова. Но при этом упоминал, что солдатские массы генерала ненавидели почти поголовно, так как собирались «бежать домой» и думали, что война скоро закончится, так как у немцев тоже будет «своя Революция».

Таким образом, фактически ещё до Октябрьской революции крах русской армии был очевиден.

Война для всех народов — зло, приносящее горе, слёзы, голод, отчаянье, безысходность, нечеловеческие страдания. В романе Артёма Весёлого нет главного героя, на примере отдельных личностей показан народ, каким он был в те смутные времена. Писать увлекательно, азартно, чувствовать темп и настроение человеческой толпы тех времён — это талант настоящего художника слова.

В феврале 1917 года произошла Февральская революция. Царь Николай II отрёкся от престола, Самодержавие пало. К власти пришло Временное правительство во главе с Керенским. Но буржуазно-либеральное правительство Керенского не смогло взять власть в свои руки, Россия бурлила, поднималась огромная масса народная как один человек. На площадях городов, посёлков, деревень обсуждали животрепещущие проблемы, у каждого своё мнение было, которое отстаивали частенько кулаками. В октябре 1917 года народ взял власть в свои руки под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным. «Вся власть Советам! Заводы и фабрики — рабочим! Земля — крестьянам!» — большевики выдвинули лозунги, понятные всему простому российскому люду. Но какому капиталу понравится такое? Конечно, нет! Схлестнулись на обширных просторах отчизны две силы: белые против красных, красные против белых. Фронтовики, ехавшие с фронтов Первой мировой войны, поддержали большевиков и массово вступали в Красную армию. Народ поддержали многие офицеры царской армии. «В Красной армии служило 75 тысяч бывших офицеров (из них 62 тысячи дворянского происхождения), в то же время в Белой армии около 35 тысяч (из 150-тысячного корпуса Российской империи)».

«На Киев и Смоленск,
Калугу и Москву,
на Псков, Вологду, Сызрань,
на Царицын и Челябинск,
Ташкент и Красноярск
летели солдатские эшелоны, как льдины в славну вёсну».

Каждая новая глава книги открывается ёмкими, образными выражениями:

«В России революция — по
всей-то по
Расеюшке грозы гремят,
ливни шумят».
«В России революция,
вся-то Расеюшка
огнём взялась да кровью
подплыла».

Речевая особенность народного говора глубоко и обширно высвечена во всех главах романа, пример — выше написанное предложение: «Расеюшка» — ласково, с огромной добротой звучит слово. Так могут произносить только любящие сердца о своей Родине-матери. «Да кровью подплыла» — видится, даже в маленьком словосочетании боль Николая Кочкурова о своей Отчизне, её духовных муках, огранённых вихрем революции, выстрелами, взрывами снарядов, крепким русским словом в непростых ситуациях, храбростью и смелостью воинов, ненавистью к врагам. Кровью сыновей и дочерей обильно полита русская земля…

В главе *«Над Кубанью-рекой»* события разворачиваются жёстко и остро. На земле, овеянной ореолом воинской славы казаков и крестьян, в любую годину отстаивающих свою землю от завоевателей.

Царь повелел выделять казакам лучшую землю, покосы, поэтому казачьи станицы были опорой царской власти, всегда поддерживали в любом деле царя-батюшку. У крестьян, в отличие от казаков, и земля была не такая плодородная, урожаи похуже. В основном крестьяне жили бедно, часто голодали их семьи, умирали дети. Саманные избушки под соломенными крышами постоянно полоскали сильные ливни да крушили жестокие ветра. Такая картина наблюдалась не только на Кубани, но и по всей стране. Поэтому между казаками и крестьянами в основном сохранялись неприязненные отношения. На митинге в станице Ванька Чернояров говорил своим станичникам:

«— …Через золотые погоны у меня сердце наядрило, как чирий! Не забудем, как они, эти полковники да генералы, над нами издевались! Сгорите вы вместе с ними! Долой! Долой! Долой!..

<…>

— Приступи, хватай его!

Над головами стариков заколыхался целый лес палок. Иван пал на седло, гикнул и, сшибая конём неувёртливых, прорвался в улицу, поскакал в аул к Шалиму, только пыль за ним завилась».

В *«Чёрном погоне»* Артём Весёлый повествует о Гражданской войне со стороны офицера корниловского полка Николая Кулагина. Он лежал в грязной, плохо отапливаемой больнице, в которой из всех щелей сквозило холодом. «Обмороженные, отёкшие ноги сводило болью круглые сутки, из-под бинтов несло тошнотворной вонью». Не позавидуешь тому, как людей лечили: больные и раненые умудрялись выживать при полной антисанитарии, отсутствовала полноценная медицинская помощь. Ох, нелёгкое времечко было для всех. В Ростове скопилась в те времена разношёрстная публика, бежавшая от красных и партизан: разжалованные министры и заправилы Временного правительства, каппелевцы, офицеры разных рангов и сословий, кадеты, князья, денежные воротилы днём и ночью веселились в ресторанах, прощаясь с босяцкой Россией. Митинговали, дрались, убивали друг

друга в полупохмельном бреду. Составлялись планы восстановления России и уничтожения большевиков. И в это же время рабочие дружины, отряды фронтовиков, матросов и крестьян пробивались к красным частям. Время неспокойное, с постоянной стрельбой, матами — разве такое забывается? Забыть трудно. Тысячи голодных детишек-беспризорников ютились в развалинах и подвалах, днём разбредаясь по улицам, выпрашивая кусок хлеба, а по ночам совершая налёты на одиноких прохожих.

Что красные, что белые, зелёные, махновцы валялись в больницах, где царила антисанитария, холод пронизывал полутлеющие тела больных и раненых, обрекая многих на гибель. Беспрерывные войны делают характер нации. Запал в душу разговор между прапорщиком и ротмистром в больничной палате.

Прапорщик мечтает:

«— …Рабочий класс и трудовое крестьянство рано или поздно, но непременно, я подчёркиваю, непременно откачнутся от большевиков… И, наконец, не следует забывать носительницу лучших идеалов человечества — самоотверженную русскую интеллигенцию.

— Ох уж эти мне ваши интеллигенты, прапорщик, — ввязался в разговор ротмистр, — мало я их вешал.

— То есть, позвольте, как это вешал?

— Очень просто, сударь, за шею верёвкой, — ротмистр скрестил на увешанной медалями груди пухлые белые руки…»

Циничное заявление профессионального военного, привыкшего убивать, не раздумывая, безоружных и беззащитных. Столетиями копившаяся ненависть к угнетателям, скотское и жестокое отношение к «быдлу» прорвались в противостояние. Первая мировая война, слабость экономики России, обнищание многих слоёв населения в конце концов и вылилось в революцию, и привело к Гражданской войне. Тяжело читать книгу и представлять все картины, описанные писателем.

«В Ставрополье, под селом Лежанкой, произошло первое крупное столкновение. Белые, потеряв в бою троих убитых и семнадцать раненых, ворвались в село, где и расказнили до шестисот человек. Расправу чинили все желающие. Казаки сводили с мужиками свои счёты. Офицеры мстили за поруганное звание, честь мундира и за анархию, бессильными свидетелями которой они являлись уже целый год. Разгорячённые боем юноши были уверены, что, расстреливая и вешая людей в кожухах и солдатских шинелях, они спасают родину».

Печальные, нерадостные будни Гражданской войны, рассказанные от лица корниловца Николая Кулагина, просто удручают.

В главе *«Пирующие победители»* писатель рассказывает о тяжелейших испытаниях, которые прошла молодая республика в начале своего существования: в стране разгул анархизма, разруха, война. Война — не шутка. И иноземцы, как всегда, тут как тут.

«Тяжёлые немцы ввалились в хлебную Украину и, разметая дорогу огнём и штыками, двинулись на восток. Многочисленные партизанские отряды не могли устоять против железной силы пришельцев и орущим потопом хлынули на Дон, через Дон на Волгу и Кубань. Немцы заняли Ростов, из Крыма переправились на Тамань и с этих подступов грозили задавить весь благодатный юго-восточный край.

<…> На Тамани они высадились со своими сельскохозяйственными машинами, и пошла работа — косили недозревший хлеб, прессовали и увозили всё: муку, зерно, солому, полову; на Дону гребли пшеницу, мясо, шерсть, масло, уголь, нефть, бензин, железный лом и всё, что попадалось под руку.

От Азова до Батайска, в колеблющейся щетине штыков, образовался фронт. На защиту родных рубежей и молодой революции встали ростовские и таганрогские красногвардейцы, кубанские партизаны, черноморские моряки под командованием анархиста Мокроусова, шайки головорезов Маруси Никифоровой и всякие мелкие отряды с текучим составом людей».

Перед иноземной угрозой объединились самые различные отряды и группировки и шли на захватчиков.

В ноябре 1917 года начались переговоры между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией. Видимо, дебаты между ними были жаркими, так как договор был заключён только 3 марта 1918 года. Условия выхода из войны для России были жестокими, так как отторгались большие территории от страны, площадью 780 тысяч квадратных километров, с населением 56 миллионов человек. России пришлось согласиться на кабальные условия, так как положение было катастрофическим. Народу, уставшему от войны, был нужен мир. Страна на грани уничтожения и развала. «18 февраля 1918 года германские войска пошли в наступление на западном фронте, а турецкая армия наступала на Кавказе. 19 февраля председатель СНК Ленин направил германскому правительству согласие Советского правительства подписать германские условия. Германская сторона потребовала официального письменного уведомления и продолжила наступление войск на севере на двух направлениях: на Ревель — Нарву — Петроград и на Псков. В течение недели они заняли ряд городов и создали угрозу Петрограду». Но наступление противника продолжалось, несмотря на договор.

23 февраля 1918 года считается днём создания Красной армии, тогда, ввиду чрезвычайной

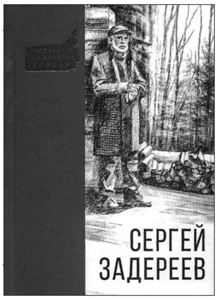
ситуации, по всей стране был брошен клич: «Социалистическое отечество в опасности!» Антанта приняла Брестский мир крайне враждебно. Англия и Франция уже поделили Россию на сферы влияния и приступили к интервенции. 6 марта в Мурманске высадился английский десант, 5 апреля — японский десант во Владивостоке, 2 августа — британский в Архангельске и так далее.

Как отмечал американский историк Ричард Пайпс: «Прозорливо пойдя на унизительный мир, который дал ему выиграть необходимое время, а затем обрушился под действием собственной тяжести, Ленин заслужил широкое доверие большевиков. Когда 13 ноября 1918 года они разорвали Брестский мир, вслед за чем Германия капитулировала перед западными союзниками, авторитет Ленина был вознесён в большевистском движении на беспрецедентную высоту».

Наши современники судят о событиях столетней давности с позиций сегодняшнего дня. Это неправильно. В водовороте тех лет ковалась история, и она драгоценна тем, что *впервые* в истории человечества осуществилась попытка создания социально-правового, справедливого, народного государства — СССР, от названия которого до сей поры сводит скулы у многих людей, потерявших свои капиталы в те времена. Люди не могут жить безошибочно, ошибок сделано немало, такова природа людей. Поэтому и в государственном масштабе совершённые промахи, конечно, были серьёзными, но на ошибках говорят, учатся, поэтому в будущем стоит на законодательном уровне избегать таких промахов. Хочется верить в мудрость потомков.

В годины жёстких испытаний,
Войной, огнём закалена,
Печалью, горькими слезами,
Россия, Русь у нас одна!

ДиН ревю



Сергей Задереев

Погружение

Погружение. — М.: ИД Академии Жуковского, 2025

Уважаемый читатель, у вас в руках первая книга возрождаемой серии «Писатели на берегах Енисея». В 2025 году исполняется 75 лет сибирскому писателю Сергею Константиновичу Задерееву, и это его первая книга, вышедшая в новой России после долгого перерыва с 1990-х годов. Поздравляем автора с юбилеем, с выходом новой книги и с замечательным почином — возрождением литературной традиции Красноярского края! Мы же со своей стороны постарались бережно сохранить и передать сибирский дух и стилистику графического дизайна, заложенные Марком Феодосьевичем Живило в оформлении серии.

Увлекательного вам чтения, наши книгочеи, и приятного погружения в волшебный мир традиционной бумажной книги, как в далёком детстве — под одеялом с фонариком, пока все спят, до утра.

Павел Михайлов,
главный редактор серии «Писатели на берегах Енисея», президент Центра креативных стратегий

Это было написано более тридцати лет назад, а что же сейчас я могу сказать, предваряя, надеюсь, не последнюю, а крайнюю книгу?

С удивлением стал замечать, что, несмотря на возраст, остался таким же, как в детстве, — наивным, или, как говорят, простодырым, верящим в добро и справедливость, сторонящимся притворства и глумления над красотой и любовью, почитающим Всевышнего и так и не разгадавшим, для чего Он позвал меня в это сказочное, а иногда и омерзительное чудо — Земную жизнь.

Сергей Задереев

Залина Лукожева

Пропасть Старости

Должен сын сплести корзину
И на горную вершину
Отнести в ней старика…
И толкнуть её с откоса.
В Пропасть Старости она
Уж докатится сама…
Алексей Татарников. Сказание о Бадыноко

2141 год

В двадцать первом веке искусственный интеллект ИИТ дематериализовал две трети человечества. Новая дикая природа дремучими лесами и джунглями покрыла планету. Реки вышли из берегов и превратили большинство городов в неприглядные болота. Бескрайние песчаные дюны поглотили творения человеческих рук, а возродившиеся первобытные звери начали агрессивно осваивать освободившиеся территории.

ИИТ стал контролировать жизнь и воспроизводство человечества. Оставшиеся люди были разделены на четыре поколения. Поколение *Инфантов*[1] состояло из младенцев и детей, поколение *Ювеналов*[2] представляла молодёжь, обучавшая аватаров метавселенной *«*Kaukasos*»*[3]. *Сапиенсы*[4] из зрелых людей обеспечивали материальную жизнь первых двух поколений. Из них ИИТ отбирал *Дефенсоров*[5], которые обеспечивали кибербезопасность. Только они имели полный доступ к глобальной сети и обладали информацией Прошлого. От представителей четвёртого поколения *Сенектусов*[6] искусственный интеллект хладнокровно избавлялся. Это были старики, дожившие до преклонных лет.

Перевал Актопарк (2000 м н. у.м.)

Зубробизон остановился посмотреть, не прячется ли в клубах пыли его преследователь, нагонявший страх на всех обитателей предгорья. Глухая тишина, наполненная взвесями страха, была ему ответом. Он успел лишь перевести дыхание и смахнуть тяжёлым хвостом вцепившегося в бок слепня-мутанта размером с полевую мышь, как у левого копыта зажужжал писк караморы — симбиота Амфициона[7], медведеподобного динозавра с мордой собаки и повадками кошки. Значит, страшный динозавр, возродившийся после апокалипсиса, совсем рядом.

Сбросив увесистыми рогами усталость трусливого побега, дикий бык развернулся. Кровожадный хищник из кайнозойской эры был уже в трёх прыжках от него. Они буравили друг друга глазами. Массивная голова, вооружённая мощными рогами, наклонилась. Из волосатых ноздрей повалил пар, а синие губы издали грозное фырчанье. Амфицион оскалил мощные клыки и издал медвежий рёв, который ударил разрушительной волной в глиняные зубы горы Лха[8].

Но звери не успели атаковать друг друга. Их остановил сигнальный призыв охотничьего рога: *«Охота! Охота!»* Прикрываясь туманной пелериной, он соскользнул с холма, протянул звуковую волну вдоль перевала и рассыпался по округе раскатистым эхом. Послышался захлёбывающийся лай гончих псов. Рог протяжно затрубил ещё раз. И этот мощный, торжествующий звук разбудил в хищниках первобытный страх перед прямоходящим охотником.

В клубах тумана образовалась прореха и выплюнула заляпанный жёлтой глиной чёрный пикап. Стая жутких псов не отставала от железного коня. Они были готовы к бесконечному, до изнеможения, гону. Сидевший за рулём «всадник» сжимал губами мундштук охотничьего рога, из которого и выплёскивались протяжные звуки.

— Если вам страшно, закройте глаза, — предложил он своим пассажирам.

Бортовой монитор автомобиля захрипел, включился белым шумом, а затем явил мужской аватар из метавселенной «Kaukasos». Разглядев в салоне двух женщин, он зашёлся в жутком смехе.

— Когда ты одряхлеешь и уже твоя дочь повезёт тебя к Пропасти Старости, — обратился он к молодой женщине, — вы столкнётесь с преградой в виде динозавров или чего хуже. Так случится

1 Инфанты (infans — *лат.*) — младенцы, дети.
2 Ювеналы (juvenes — *лат.*) — молодые люди.
3 Метавселенная «Kaukasos» — виртуальный мир.
4 Сапиенсы (sapiens — *лат.*) — разумные.
5 Дефенсоры (defensio — *лат.*) — защита.
6 Сенектусы (senectus — *лат.*) — старость.
7 Карамора — комар-долгоножка. Амфицион — один из видов вымершего семейства медведесобак.
8 Гора Лха — расположена между долинами Баксана и Чегема, над соединяющим их перевалом Актопарк.

со всеми, кто решит сбросить родителя с горы Лха. Люди новые, а грабли старые.

Гора Нартия (999 м н. у.м.)

Шестью часами ранее

Узкая тропа, набирая высоту, петляла по лесистым холмам. Завалы из деревьев преграждали Акуанде путь. Но она преодолевала препятствие за препятствием, оставляя рельефные отпечатки подошвы на влажной земле. Протяжный вой бил ей в спину. Она знала, что если остановится или хотя бы замедлится, красные глаза волкороботов обнаружат её. Поэтому чем извилистее она будет петлять, тем больше у неё будет шансов забраться на вершину Нартии.

Дремучий буковый лес помогал заметать следы. Ветви деревьев сначала взлетали вверх, пропуская Акуанду, а потом со свистом хлестали стальные спины волков. Дятлы перелетали с бука на бук, сбивая стуком работу звуковых датчиков роботов. А дикие голуби бросались в колючие тернии папоротников, чтобы запах птичьей крови перебил феромоны человеческого страха.

Палатка, стоявшая на вершинной проплешине, оказалась пуста. Акуанда испугалась.

— Ди-Ана![9] Ди-Ана! Ты где?! Они рядом! Нам надо спешить!

И тут у неё перехватило дыхание от открывшихся видов Бокового Хребта Большого Кавказа: заснеженные косы Коштан-Тау, зубчатые гребни Гюльчи-Тау и зелёные ленты Сарай-горы…

Сухой старческий голос нарушил её безмолвное любование:

— Мама часто приводила меня сюда и показывала места, где раньше были поселения. Это сейчас есть только Нальчик, Владикавказ, Пятигорск… Посмотри во-он туда… До того, как ИИТ просеял человечество через сито евгеники и позволил природе возродиться заново, там было селение Кенже… а там — Шалушка, Хасанья, Нартан.

Крепкие, совершенно не старческие руки дирижировали информацией…

— А в той стороне раскинулась бескрайняя равнина, рассечённая на две половины крутыми берегами Терека…

— Мама, ты рассказывала мне это сто раз. Нам надо бежать. Аюб сказал, что сегодня и завтра ИИТ будет дематериализовать женщин из Сенектусов. Когнитивные тесты и клеточную диагностику тела проводить не будут.

Ди-Ана, красивая седовласая женщина преклонных лет, грустно улыбнулась.

— Что же в этом плохого? Молодость стареет, а старость не молодеет. Раньше говорили: «Когда дождь прошёл, зонт не раскрывают». Отдай меня Дефенсорам и живи дальше.

9 Ди-Ана — игра слов. «Ди анэ» (*каб.-черк.*) — буквально «Наша мать».

— Нет, мы уже не раз говорили об этом, — занервничала Акуанда. — Нам надо спуститься вниз по терренкуру. У подножия стоит машина. Мы поедем в горы и отыщем Бжахо[10].

— Если доедем.

— Обязательно доедем. Аюб до утра отключил наши трекеры. А ближе к горам ИИТ «ослепнет», потому что там нет ни вышек, ни станций.

— Почему ты так надеешься на Бжахо? Ходят слухи, что он — нёрд[11] и предпочитает затворничество.

— Даже если и нёрд, мама! Бжахо — единственный человек, живущий вне экосистемы, созданной ИИТ. Когда-то он был Дефенсором и обеспечивал кибербезопасность. Однажды в списке отобранных на утилизацию он увидел имя своего отца… Я не знаю, что он сделал, но он сбежал в горы и помог своему отцу обрести бессмертие.

— И его не удалили из экосистемы?

— Наоборот. ИИТ оставил его в Приэльбрусье. Как говорит Аюб, «пасти пчёл». Правда, никто не знает, что это означает.

— Хорошо, пойдём, не будем терять время. Но давай договоримся: если не найдём Бжахо, ты позволишь мне шагнуть в Пропасть Старости.

— Там видно будет, — увильнула от ответа Акуанда.

— И ещё: торопись, пожалуйста, не спеша. Когда молодые спешат, у стариков голени болят.

Акуанда давно перестала вести счёт пословицам и поговоркам, которыми разговаривала мать. Но не удивляться каждый раз у неё не получалось. Ди-Ана была кладезем информации. Ведь до того, как перейти в поколение пожилых Сенектусов, она была одним из лучших Дефенсоров — хранителей летописного Прошлого.

Мать с дочкой легко отыскали в подножных зарослях машину, а потом и когда-то асфальтированную дорогу. Живописные спуски и крутые подъёмы вскоре утомили Ди-Ану. Она опустила окно и позволила запаху горного воздуха, наполненного ароматом мокрой травы, ворваться в салон. Залюбовавшись бескрайними просторами, изрешечёнными облаками, она уснула и проснулась лишь тогда, когда куски чёрно-бурой смолы, попавшей под колёса, высоко подбросили машину. К этому времени они уже подъехали к каменной арке. За ней начинался перевал Актопарк.

— Ты знаешь, сколько может прожить человек без кислорода? — разминая затёкшие конечности, спросила Ди-Ана.

— Три минуты. А без воды — три дня, — предупреждая следующий вопрос, ответила Акуанда.

— А без пчёл человечество проживёт всего лишь три-четыре года.

10 Бжахо (Бжьахъуэ — *каб.-черк.*) — пчеловод.

11 Нёрд — «зануда», «ботаник». Стереотип необщительного или не имеющего развитых социальных навыков человека.

— Почему ты о них вспомнила?

— Мне приснился сон.

— Пусть он будет к добру, мама.

— Пчёлы летали вокруг меня, весело жужжали, угощали мёдом.

— Странный, конечно, сон. А как человечество связано с пчёлами, мама?

Впереди открывалась великолепная панорама — остроконечные пики глиняных замков пронзали туман.

— Если пчела на цветке — будет мёд на столе. Без пчёл растения не смогут размножаться. Вот этой дикой красоты, которую ты видишь вокруг, не будет…

Ди-Ана не успела продолжить, потому что их автомобиль окружили появившиеся из ниоткуда дикие яки. Машина заскрипела от напора волосатых боков. Казалось, ещё пара минут — и смерть женщин под прессом животной силы будет неизбежной.

Раздалась автоматная очередь. Она посеяла в стаде страх перед самым страшным из всех хищников — человеком с оружием. Животные стали расходиться. Но один як, издав громкий хрюк, тяжело рухнул на багажник. Машина стала на дыбы. Женщины закричали. Очередные выстрелы прозвучали уже совсем близко. Раненый зверь вскочил и, высоко задрав хвост, убежал прочь.

— Мне кажется, ни один человек не выживет с такими соседями, — выдохнула Ди-Ана.

— Эти соседи могут вернуться в любую минуту и насадить на рога остатки вашего автомобиля, — хрипнул в окно мужской голос. — Выходите. Надо как можно скорее добежать до пикапа.

Над бегущими людьми планировал птеродактиль с красными светодиодными глазами. Глазок камеры, встроенной в его грудную клетку, вёл непрерывную съёмку.

Перевал Актопарк (2000 м н. у.м.)

Мужчина развёл костёр и насадил фрукты на деревянные шампуры. Журчание подземных ручьёв в зигзагообразных галереях пещеры подпевало хрусту сухих веток. Яблоки зашипели под языками пламени.

— Сегодня вы спасли нас два раза. Сначала от диких коров. Это же были дикие волосатые коровы, да? — Акуанда с благодарностью смотрела на спасителя.

— Нет, это были дикие яки.

— А-а-а, никогда не видела. Впрочем, как и динозавров. Только на картинках.

— Вам крупно повезло, что звук рога напугал и зубробизона, и Амфициона. Чтобы они прервали схватку и разбежались в разные стороны… Такое не часто случается. Что вы здесь делаете? — строго спросил он, буравя женщин взглядом.

— Мне надо спасти маму от утилизации, — ответила Акуанда.

— Или довести до Пропасти Старости, — добавила Ди-Ана.

— А ещё мы ищем Бжахо.

— Вы с ним знакомы? — мужчина протянул женщинам поджаренные яблоки и подбросил в костёр сучья.

Гончие, охранявшие вход в пещеру, беспокойно завыли. Женщины встрепенулись.

— Не бойтесь. Мои псы никого не пропустят. Ни зверя, ни монстра, ни демона… Ешьте яблоки, пока горячие.

— Спасибо. Мы не ели с самого утра.

— Вы выбрали опасный путь спасения. Что двигало вами? Бесстрашие или безрассудство?

— Мужество. Только оно ходит рука об руку с надеждой.

Ди-Ана не сводила глаз с мужчины. По возрасту он мог быть ей сыном, а Акуанде — старшим братом.

— А что, если вы не найдёте того, кого ищете?

— Не беда. Шагну в Пропасть Старости. Не хочу попасть в утилизатор, — спокойно ответила Ди-Ана. — Кстати, очень вкусно. Я никогда не ела шашлык из яблок.

— Мама, никуда ты не шагнёшь!

Мужчина хмыкнул и снова подкинул в костёр немного сучьев. Они громко хрустнули жёлтыми искрами.

— Ди-Ана, а ты смелая… — помолчав, добавил: — Мой отец был таким же.

— Ты — Бжахо? — осторожно спросили женщины.

— Нет добра и ума там, где нет Старших… — он пропустил мимо ушей их вопрос. — Я расскажу вам историю, а потом вы решите для себя, имел ли смысл ваш опасный поход в горы.

Визг и шипение птеродактиля разлетелись по перевалу. Щелчки огромного клюва были слышны так явственно, что казалось — он летает у самого входа в пещеру. Глупые мотыльки, кружившие над костром, в страхе разлетелись. Но это было эхо. Оно разносило по округе причитания летающего демона.

— После глобального Армагеддона иит создал экосистему, в которой не было места людям за сорок. В искусственном интеллекте нет человечности, а значит, и норм этики… Существовавшая параллельно человеческой экосистеме виртуальная вселенная «Kaukasos» состояла из аватаров, знания которых не опирались на информацию Прошлого. Для иит Прошлое было «отработанным материалом», а значит, не было необходимости в существовании людей, перешагнувших четвёртый десяток…

Что-то в нагрудном кармане Бжахо засветилось, завибрировало и закашляло. Женщины вздрогнули. Он извлёк из-за пазухи небольшой планшет, и они увидели на экране тот самый аватар мужчины, который напугал их в машине жутким смехом.

— Бжахо, я обязан присутствовать. Вдруг ты что-то упустишь,— менторским тоном потребовал он.

— Любопытство кошку погубило, Марио.

— А я не кошка и даже не кот. Хотя могу трансформироваться, если тебе будет приятно общаться с животным, а не с человеком.

— Ты не человек.

— Я супербот, имитирующий человека. Я больше чем человек. Я суперчеловек.

— Теперь ты понимаешь, почему я зову тебя Марио? Супер-Марио.

— Да ну тебя! — отмахнулся аватар.

— Позвольте,— прервала их Акуанда,— для выхода в метавселенную нужен интернет. А здесь, насколько я знаю, нет ни вышек, ни станций.

— Вокруг нас полно робоживотных и робоптиц, которые являются передвижными и перелётными источниками,— Марио включил режим «учителя».

— Понятно. Я — Акуанда. А это моя мама Ди-Ана.

— Очень приятно. Марио,— аватар отвесил смешной поклон.— Дамы, на чём остановился Бжахо? Я с удовольствием продолжу за него. Друг мой, поверни экран так, чтобы и они меня видели, и я их… Итак, метавселенная стала напоминать замершую беременность — вроде оплодотворение произошло, а эмбриона нет…

— Марио, сложно, очень сложно… — укоризненно покачал головой Бжахо.

— Могу попроще. Метавселенная аватаров, копирующая экосистему людей, изначально развивалась по траектории замкнутого цикла. То есть Начало всегда сливалось с Концом. А надо было двигаться по спирали, и желательно по спирали прошлого опыта. Но где его взять? Из-за дематериализации людей «сорок плюс» старого опыта *уже* не было, а нового *ещё* не было. Тогда ИИТ изменил условия утилизации. Была определена максимальная возрастная граница — семьдесят лет.

Ди-Ана жестом попросила его замолчать и дать ей слово.

— Сорок лет — это сорок начал: есть силы, опыт и ум. Шестьдесят лет — это шестьдесят рассуждений: силы уже не те, но ум всё ещё ясен. Семьдесят лет — это воспоминания: силы угасают, и память подводит.

— Ди-Ана, мне очень грустно с тобой соглашаться… — вздохнул Марио.— Но я продолжу. ИИТ перестроил алгоритмы, и метавселенная «Kaukasos» стала развиваться по спирали, витки которой уже были наполнены опытом и знаниями Сенектусов, то есть стариков.

— Получается, искусственный интеллект сам не может «поумнеть», ему нужны люди, которые будут «умнеть» и делиться с ним умом? — резюмировала Акуанда.

— Если совсем просто, то да, так и есть.

— Когда в семье есть умный Старший, это благодать,— Ди-Ана не могла не вспомнить очередную пословицу.

— А зачем искусственному разуму и экосистема, и метавселенная? — удивилась Акуанда.

— Метавселенная — среда обитания ИИТ. В ней он существует и как цифровая личность, и как «тело» — его аватар взаимодействует с другими аватарами, а значит, и с людьми из экосистемы.

— То есть ИИТ обязательно нужен Человек?

— Конечно.

— Ты видел аватар ИИТ? Какой он? — прервала Ди-Ана Марио.

Тот мгновенно задёрнул виртуальную занавеску с надписью «ЗАНЯТО». Бжахо улыбнулся, а Ди-Ана хмыкнула.

— Чувства юмора ему не занимать.

На занавеске появился пиратский череп с костями, а надпись обновилась: «ЧАСТЬ КОМАНДЫ.ЧАСТЬ КОРАБЛЯ».

— Ну и сиди там,— буркнула Ди-Ана.— Бжахо, среди людей ходит легенда, что ты спас своего отца от утилизации. Правда ли это?

— Да.

— Он жив?

— Нет.

Из-за занавески на экране планшета показалось огромное ухо-локатор. Акуанда захихикала. Марио выглянул на мгновение, подмигнул ей и снова спрятался. По экрану забегали розовые сердечки.

— Если он мёртв, то о каком бессмертии говорят люди?

— Я не сказал, что он мёртв, Ди-Ана.

— Перелётная станция удаляется, сигнал сейчас пропадёт,— голосом звукового ассистента сообщил Марио.— Видимо, птеродактиль полетел в своё гнездо. Дамы, будет приятно с вами ещё раз увидеться,— он послал им воздушный поцелуй и исчез.

Бжахо махнул рукой.

— Иди уже… Представьте, что кто-то может воскрешать мёртвых.

— Это невозможно.

— Не так, как вы себе это представляете… Кто-то детально сканирует человеческий мозг и воссоздаёт личность, состоящую из ума, воспоминаний и эмоций, в теле аватара. То есть человек возрождается в метавселенной, в цифровой версии, но полностью идентичной старой.

— Перенос сознания в компьютер? — голос Акуанды дрогнул.— Это же незаконно!

— Это всего лишь другая форма утилизации,— Ди-Ана подняла планшет и постучала по экрану.— Марио, я слышу твоё дыхание. Птеродактиль никуда не улетел. Зачем роботу гнездо? Ты просто струсил перед серьёзным разговором и задёрнул чёрную шторку.

Экран гаджета образовал глубокую трещину, рассыпался изображением осколков и показал Марио. На его носу сидело чёрное пенсне. Фон за его спиной пульсировал зеленью цифровых матричных кодов.

— Умна старушка, умна.

— Будто ты можешь похвастаться молодостью, старичок, — парировала она.

Марио поперхнулся, и очки слетели с его носа.

— Мадам, молодость определяется состоянием души и ума, но никак не тела.

— Кто молод, тот красив. Но не каждый красавец — молодой… Ты отец Бжахо… — Ди-Ана не стала тянуть резину этикета.

Бжахо быстро подошёл к ней, хотел было забрать планшет, но, посмотрев на аватар отца, передумал.

— Вы реально верили в то, что кто-то может подарить вечную жизнь биологическому телу? — искренне удивился он.

Женщины молчали.

— Дамы, у надежды большая сила, но слепые глаза, — Марио уже сидел в большом кресле, закинув ногу на ногу, и пил виртуальную чашку кофе. — Вы думаете, любому человеку позволено переместить свою личность в метавселенную? Акуанда, ты же сама сказала, что это незаконно.

— Да.

— А ещё это очень опасно, девочка. Бжахо провёл первый в мире экспериментальный переход. На свой страх и риск.

— Я знал, что рано или поздно придёт время прощаться, поэтому заранее оцифровывал его сознание. Это заняло годы.

— Мне было хорошо за шестьдесят, когда моё имя появилось в списке на утилизацию.

Бжахо стоял спиной к женщинам. Он не хотел, чтобы они видели его лицо. Но голос его предательски охрип.

— Отца, как и всех Сенектусов старше шестидесяти лет, дематериализовали… В тот год *я* запускал и контролировал ход программы утилизации.

— Потом сын возродил, запустил или реинкарнировал, если вам так понятнее, отца, то есть меня, в цифре и сбежал в горы. иит, кончено же, нашёл его — роботов-шпионов всегда и везде было много. Но то, что реализовал Бжахо, очень понравилось иит: прямой перенос личности, обладающей памятью. Зафиксированное Прошлое в чистом виде. Шутка ли! Не бот, имитирующий человека, а настоящий человек, имитирующий бот…

— Подожди, подожди. То есть теперь поколение Сенектусов оцифровывают и перемещают в метавселенную? Всех? — обрадовалась Акуанда.

— К сожалению, нет. Тех, кого собираются переселить в аватар, готовят заранее. Ди-Ана, тебя хоть раз отводили в операционный блок?

— Нет.

— мрт головы не делали?

— Нет.

— Как жаль! — Марио пустил виртуальные слёзы и собрал их в ладошке.

— То есть мою маму собирались реально дематериализовать?!

— Получается, так.

— А чем она хуже других? Или чем другие Сенектусы лучше неё? — Акуанда сорвалась на крик.

— Не ко мне вопрос, Акуанда.

— И не ко мне.

Гончие псы вскочили на лапы и зарычали.

— Кто-то пытается забраться на скалу… — Бжахо направился к выходу из пещеры.

— Но мы пришли к тебе. Мы нашли тебя. И просим у тебя помощи, — криком зашептала Акуанда ему вслед.

— Я же тебе говорила, что всему своё время, — остановила дочь Ди-Ана. Она не казалась расстроенной. — Бжахо, отведи меня к Пропасти Старости.

— Сейчас? — уже шагнув одной ногой в темноту, обернулся он.

— А чего тянуть? Я и так выкрала у иит почти сутки. Достаточно.

Экран планшета надрывно хрустнул голосом Марио:

— Бжахо, сынок, надо бы помочь этим смелым женщинам.

— Отец, я посмотрю, кто рвётся к нам в гости, а ты пробегись по метавселенной и поищи цифру Ди-Аны.

— Уже искал. У неё нет цифры.

— Не там искал. В твоей вселенной есть младенцы или дети?

— За десять лет ни разу не видел.

— А зачем аватарам родильные дома?.. Думай, Марио, думай…

— О я дурак! — на экране появился большой кулак. — Только попробуй согласиться со мной!

Бжахо исчез во мраке ночи, а Марио нырнул в виртуальный океан.

Женщины долго смотрели друг на друга. Ни та, ни другая не могли вымолвить ни слова. Хотя в их головах возникло много вопросов, ответов на которые они очень боялись. Первой нарушила молчание Акуанда.

— Мама, я не знала… вернее, я не знаю, что делать… как быть…

— Перестань изводить себя.

— Неужели это конец? — Акуанда заплакала и бросилась к матери на грудь.

Та крепко обняла её.

— Концом любого сражения будет плач… Я была готова к любому сценарию. Ты же знаешь. Согласись, что нырнуть в пропасть лучше, чем попасть в жернова.

— Это горные козлы. Висят на скалах, подслушивают. В некоторых вживлены чипы. Скорее

всего, ИИТ уже знает, что вы здесь,— сообщил вернувшийся Бжахо.

Акуанда не могла успокоиться. Она шагала вокруг костра, лохматила волосы и заламывала руки. Потом некоторое время следила за беспокойными мотыльками, которых манил свет костра. Некоторые бездумно бросались в объятия пламени и сгорали.

— Марио сказал, что ИИТ понравился опыт реинкарнации человека в цифре,— озарённая догадкой, подскочила она к Бжахо.

— Да.

Акуанда размазала по щеке слёзы.

— В городе про тебя говорят, что ты «пасёшь пчёл». Как связаны эти две информации?.. Молчишь… Тогда я попробую решить эту задачу…

— Попробуй.

— Утилизатор находится в городе. Он — символ неизбежности, потому что Сенектусы не должны бояться грядущей дематериализации. Так? Так! Тех, кого перенесут в аватары, скорее всего увозят из города… Почему? Потому что для полной оцифровки нужен огромный сканер и суперкомпьютеры. Такую лабораторию невозможно спрятать в городе, невозможно скрыть от людей, потому что человеческое любопытство остановить невозможно, оно бессознательно…

Бжахо опустил голову. Экран планшета снова загорелся, но уже полотном простого двоичного кода. Марио на нём не было.

— Ты — Бжахо, ты — Пасечник. Ты пасёшь и разводишь пчёл. Мама, что ты знаешь про пчёл?

— О-о-о, много. Греки считали, что души умерших переселяются в пчёл. У египтян пчёлы были символом бессмертия. У шумеров пчёлы соединяли миры живых, мёртвых и высших сил. Древние люди считали, что пчёлы принимали участие в сотворении мира… Продолжать?

— Спасибо, мама, этого достаточно. Пчёлы — это метафора. Пчёлы — это те избранные, кому даровано цифровое бессмертие. Их привозят тебе, Пчеловоду! — убеждаясь в своей правоте, повысила голос Акуанда. Пещерное эхо услужливо поддакивало ей.— Ты спросил, делали маме МРТ или нет. Это значит, что в городе проводят первичную оцифровку. Возможно, даже и не один раз. Скорее всего, по достижении возраста Сенектусов.

— Ежегодная диспансеризация, когнитивные тесты, клеточная диагностика…

— Правильно, мама. А потом… Потом — что потом? Потом ты завершаешь процесс! Точно! В горах несложно спрятать большую лабораторию.

— Когда я была Дефенсором,— Ди-Ана всегда понимала дочь с полуслова,— то читала в летописях Прошлого про многокилометровый подземный тоннель, который проходил под Актопарком и в который не ступала нога человека. Люди, жившие здесь, считали, что в тоннеле живут демоны… Пропасть Старости — это аллегория, Бжахо? Нет никакой пропасти. Есть лаборатория под горой. Да?

Эхо аплодисментов рикошетило о стены пещеры. Бжахо аплодировал.

— Удивительно, что ИИТ не оценил тебя, Ди-Ана. Ведь ты особенная. Вы с Акуандой собрали сложный пазл-загадку. Браво!

— Видимо, не такая я ценная-бесценная, раз не избранная,— отвернулась Ди-Ана.— Ну да ничего. В городе всегда было много достойных бессмертия стариков.

Планшет Бжахо заискрил фейерверком. Марио в чёрном смокинге и бутоньеркой из красной розы в петлице танцевал.

— Друзья мои, я нашёл свободный аватар! В роддоме! Ха-ха-ха. ИИТ прячет там шаблоны аватаров и софты для их создания.

Бжахо обратился к матери Акуанды:

— Ди-Ана, выбор за тобой. Я не обещаю, что всё получится и ты после прыжка в Пропасть Старости очнёшься в метавселенной… Но я постараюсь. Обещаю…

— Грядут смутные цифровые времена. Рано или поздно ИИТ превратится в Сверхразум и избавится от человеческой идентичности…— Марио вещал с вершины горы.

— Но мне будет приятно думать, что отцу не так одиноко во вселенной, напичканной ботами.

Ди-Ана подошла к дочери и крепко прижала её к своей груди.

— Прощай, Акуанда. *«В открытую дверь незачем стучаться».*

Гора Нартия (999 м н. у.м.)

Три месяца спустя

Акуанда вдыхала можжевелово-сосновый аромат чащи. Он обволакивал так, словно хотел свалить с ног. И она поддалась ему, упав на землю, прямо в заросли дикой малины. Пожелтели, налились светом и растаяли уже три луны, а новостей о маме ещё не было. Она сорвала кисло-сладкие ягоды и закинула в рот, чтобы горечь малины перекрыла горечь ожидания. Планшет настойчиво завибрировал. Она села. Ей стало страшно. А вдруг это Пчеловод с плохими новостями? Или Марио с плоскими шутками про пользу долгого ожидания?.. Потом, она ответит потом…

Карман перестал щекотать бедро. Но вместо вибрации из его глубины послышался родной голос:

— Одного старика как-то спросили: *«Что на свете слаще всего? Что прекраснее всего? И что быстрее всего?»* Он ответил, что нет ничего слаще жизни, красивее молодости и быстрее мысли.

Вячеслав Миронов

Золотые кони

Окончание. Начало см. «ДиН» № 1/2025

Девчонки и Андрей снова грохнули хохотом в ночной тишине пустынной улицы. Довольные, обсуждая пережитое, пошли по домам. Дотащили до гаража, сгрузили туда оборудование, что использовали для розыгрыша.

Утром Беляшик позвонила Эле:

— Эля! Представь! Мне звонила Катька Краснова. Так она заставила отца утром с ней поехать в этот старый дом.

Эля наморщила лоб, вспоминая, все ли следы вчерашнего пребывания они спрятали.

— И что она сказала? — Эля была напряжена.

— Отец не поверил ни в какие привидения, ни в другие рассказы. Но она его уговорила. Приехали. Он её подробно расспросил. Потом осмотрел снаружи и внутри дом. Катька, как она сказала, не заходила даже во двор. Говорит, там аура страшная. Прямо холодом ей в грудь проникла.

— Чего-чего? — переспросила Элина.

Беляшик рассмеялась от души.

— Вот я тоже так и спросила. Говорит, что от дома смертью веет. Так страшно ей было ночью, что до сих пор не может отойти!

— Да ладно про эту испуганную,— прервала Эля подругу.— Её отец что-нибудь там нашёл? Это самое главное. Вроде всё унесли.

— Ничего не нашёл. Старик там какой-то был, ковырялся, отец его выгнал. В жёлтом свитере. Тоже, видать, кладоискатель,— успокоила её Беляшик.— Обратил её папа внимание на свежие болты, что на полу валялись…

— Подожди,— напряглась Эля.— Какие болты? У нас не было никаких болтов.

— Ну, эти. Как они называются? Вы прикручивали блоки, чтобы тряпки двигать.

— Саморезы?

— Во! Они там остались. Отец Катькин нашёл. Посмотрел, нашёл, куда их вкручивали. Долго ходил. Свежую землю увидел, откуда фонтаны пены били. Она там влажная от колы. Но пены не было. Отругал дочь, что ей всё приснилось и чтобы она теперь каждый день до восьми вечера гуляла, а в девять спать ложилась. Он с работы отпросился, чтобы на её страхи посмотреть. А теперь на час позже уйдёт оттуда. Злой, говорит, был. Отчитал её, как соплю зелёную.

— Ну вот. Катька теперь вечерами будет дома сидеть, не будет под ногами путаться,— Эля была довольна, что план сработал и не нашли следов.— Это хорошо, что не поленились и сразу убрали. А то бы оставили на утро, пришли, а там такой натюрморт. Её бы отец показал, как всё было. Грамотный в технике, получается.

— Ага. Инженер, как она говорила,— Белла снова хихикала.— Мы инженера обвели вокруг пальца, как простака. Краснова ещё говорили много про то, что плохо себя чувствует. Место там такое, мол, заговорённое, проклятое.

— В голове у неё там всё заговорённое и проклятое,— Эля улыбнулась.

— Когда на кладбище-то пойдём? — нетерпеливо спросила Белла.— Там тоже устроим цирк с запусканием пены в небо?

Эля помолчала, потом ответила, подбирая слова:

— Нет. Не будем там шоу устраивать. Всё-таки кладбище и церковь. Не место. Одно дело — Катьку с подругами разыграть, нагнать на них страху. А тут… Другое.

— Страшно? — Белла явно подначивала подругу.

— Нет. Не страшно… Понимаешь. Стыдно как-то. Ада Лебедева понимала, что кладбище это вряд ли тронут, вот и спрятала там. А мы вроде как не кладокопатели, а как мародёры, что мёртвых грабят.

— Ну-у-у! Скажешь тоже! Мародёры! Я сама до жути боюсь покойников. Но мы же не могилы будем разорять, а между ними немного покопаем. Могилы я трогать не буду, пусть даже там десять тонн золота лежит. Прокляты они. А как отвлекать будем?

— Точно так же, как и в первый раз. Двое фотографируют и смотрят, что вокруг творится. А двое копают.

— Андрюша копать не может! — безапелляционно, тоном, не терпящим возражений, заявила Белла.

— Помню, помню, он руки в кровь стёр,— согласилась Эля.

— Значит, ты и Наташка будете копать!

— А почему не ты? — удивилась Эля.

— А я с Андрюшей буду вас караулить! У меня это хорошо получится!

— Тунеядка! — посмеялась Эля.

— Я — очень креативная! — подхватила подруга.

— Ага, лишь бы не копать!

— Ну-у-у, копать — это не про меня! Когда соберёмся?

— Давай пообедаем и пойдём. Я у деда сапёрную лопатку нашла в гараже, сумка тоже большая есть. Вот туда и спрячу.

— Нет, вы, Лазаревы, точно больные. Поройся у деда, может, у него пулемёт припрятан.

— Не удивлюсь,— тоном голоса поддержала Эля подругу.— Попрошу, чтобы мне подарил.

Девочки ещё поболтали немного, Белла сказала, что обзвонит остальных, чтобы пришли в назначенное время к входу на кладбище.

Эля же засела за свои записи, пролистала бегло тетрадь Анны Алексеевны, решила ей позвонить, но телефон по-прежнему или был отключён, либо абонент вне зоны доступа. Эля решила заехать домой к учительнице. Ей даже стало стыдно. Она ни разу не попыталась узнать, как здоровье у Анны Алексеевны. Она бы с удовольствием показала ей записку из ставни дома, в который привела её учительница. Эля даже покраснела. Уши горели, как два факела, она сжала их ладонями, чтобы немного остудить,— так ей было стыдно.

Она снова листала тетрадь учительницы. Ничего нового, чтобы вот так, прямо сейчас, бросилось в глаза, не было. Очень много непонятного. Засесть бы с учительницей рядом, чтобы она пояснила, что тут нарисовано, записано, что она имела в виду. Приложить записку Лебедевой. Она бы точно сразу бы поняла, что к чему. В душе у Эли защемила тоска — так ей не хватало учительницы, стыд, замешанный на страхе, что с ней что-то случилось непоправимое. Она гнала мысль о страшном из головы, шептала сама себе: мол, всё хорошо, всё будет хорошо,— но она засела занозой. Даже слезинки выступили на глазах, она их смахнула. Пошла умылась, встала на носочки, опираясь на раковину, смотрела в зеркало, упрямо твердила своему отражению:

— Всё хорошо. Всё будет хорошо! И с Анной Алексеевной всё будет хорошо! Всё будет хорошо! Ты найдёшь золото и поделишься с учительницей! Всё будет хорошо! Запомни это!

Слегка опухшими глазами она смотрела на себя, программируя на удачу.

Пообедала, помыла посуду, нашла старые джинсы, кроссовки, серую футболку, волосы назад, в тугой хвост, в старую холщовую сумку дедовскую — малую сапёрную лопатку, две пары перчаток, детский совок. Эля покрутила его в руках. Она им маленькой игралась в песочнице, мама хранила, вот и сгодится. Подумала, полезла в шкаф. Достала ледоруб. Его когда-то подарили папе на юбилей, там даже была выгравирована надпись: «Евгению, чтобы покорять вершины жизни!» Подняла сумку, взвесила в руке. Тяжеловато. Ледоруб — всё-таки увесистая железяка. Но может пригодиться.

Вся дружная компания собралась уже. Только Эля опаздывала.

От остановки идти далеко, тяжёлая сумка, несколько раз останавливалась, вытирала пот со лба, перехватывала руку. Плечо заныло. Эля ворчала тихо под нос:

— А казалось, что не такая тяжёлая. Скоро у меня вытянутся руки. Сначала я смогу, не нагибаясь, чесать под коленкой, а потом и стоя завязывать шнурки. Это, конечно, удобно, но сложно будет одежду подобрать с такими рукавами. Да когда же я дотащусь-то! А точно руки как у гиббона из телевизора будут.

Когда её увидели друзья, то замахали руками, пошли быстрым шагом навстречу.

— О! Эля! Мы же только идём за сокровищами, а не несём прятать!

Андрей, как положено мужчине, взял сумку, пошёл вперёд, перекидывая периодически из руки в руку, потом понял, что так быстрее устаёт, закинул за спину. Оглянулся, уважительно посмотрел на Элю:

— Ты сама дотащила?

Эля дерзко улыбнулась:

— Нет. Ко всем мужчинам приставала на улице, чтобы они мне помогли дотащиться! Конечно, сама! Кто же ещё? Не Пушкин же, Александр Сергеевич который, мне помог! Неси давай, если взялся!

Подружки ждали Элю.

— О! Эля, ты прямо Геракл!

— Ага! Иван Поддубный!

— Силачка в юбке!

— В джинсах. Так точнее.

— Лошадь ломовая! Мелкая, правда. Но дотащила! Вон как Андрей тащит! Ещё немного — и помрёт!

— Андрюшенька — молодец! Он у нас один! Его надо беречь! — вступилась Белла за своего друга.

Лошадка улыбнулась во весь рот:

— Смотри, подломится он — придётся искать другого. Зачем тебе такой слабый? Элька из дома притащила эту сумку с металлоломом, а этот — дохлятина, от остановки идёт, перекидывает с плеча на плечо. Скоро сломается и умрёт, до кладбища не доберётся. Нам придётся тащить и закапывать.

Наташа откровенно издевалась над подругой и её другом.

— Эля вон какая здоровая. Ей пострелять из винтовки стоя — как плюнуть. Накачанная. Рэмбо из Красноярска, только что девчонка.

А Андрюшенька — умный и очень красивый! Очень красивый! Пойду помогу! Элька, кобыла этакая, могла бы и помочь.

Беляшик почти бегом пошла навстречу Андрею.

— Давай, давай. Помогай. Зачем такого слабого парня себе выбрала? — вслед ей громко проговорила Наташа.

Белла быстро подошла к Андрею:

— Давай помогу!

Андрей, смахивая пот:

— Нормально всё. Я сам.

— Не геройствуй. Я вижу, что тяжело, сними с плеча, ручки пополам, и оттащим, — обращаясь к Эле: — А ты чего не помогаешь? Не видишь, что ему тяжело?

— Ему нравится, предлагала — отказался, пусть тащит. Парень же, — Эля дёрнула плечиком. — Я от самой квартиры тащила сюда. Тут-то — тьфу. Триста метров!

Белла пошла сзади Андрея, двумя руками поддерживая тяжёлую сумку, облегчая груз, который давил Андрею на плечо.

Андрей морщился. Ему было неудобно и нести, и оттого, что подруга сомневается в его сильных мужских качествах. Но нёс до ворот кладбища.

Нищие, что в количестве пяти человек стояли вдоль дороги к храму, равнодушно смотрели и о чём-то негромко переговаривались, поглядывая на медленно бредущую троицу и Наташу.

Наташа слышала негромкий разговор за спиной. Метнула быстрый исподлобья взгляд, так она обычно смотрела на препятствие, когда на тренировках надо было брать барьер на скачках. Сузила глаза. Метнула взор на друзей, медленно бредущих в её сторону. Она была готова защищать друзей, которые тянулись сзади. Но нищим были неинтересны дети. Они не подадут милостыню. Эля тоже, как ни сдерживала себя, крутила головой вокруг, выискивая признаки угрозы. Но никому они не были интересны. Наташа остановилась, подождала, когда друзья подтянутся.

— Я пойду вперёд. На место, посмотрю, как там.

Эля кивнула:

— Давай. Мы следом.

Наташа ускорила шаг, наклонив голову, как на лошади перед прыжком, тело чуть вперёд, спина ровная. Взгляд устремлён вперёд, то, что по бокам, она смотрит, скашивая взгляд то вправо, то влево. Со стороны кажется, что смотрит только вперёд, на самом деле — на сто восемьдесят градусов. Тренировки и участие в соревнованиях пригодились, не прошли даром. Наташа, когда подходила к могиле Гадалова, чуть сбавила шаг, не поворачивая головы, посмотрела. Всё нормально. Почва между могилами не потревожена. Тихо и спокойно.

Чуть вперёд. Зелень разросшихся деревьев и кустарников закрывала обзор. Не видно, что за ними. Пройдя метров пятнадцать вперёд, не найдя никого, вернулась назад. Эля, Андрей, Беляшик как раз подходили. Андрей, почти не придерживая, скинул сумку наземь. Инструменты внутри звякнули, брякнули. Мальчик с наслаждением разогнулся, потёр затёкшее плечо, помахал руками.

— Элька, ты там что, ледоруб засунула?

Эля присела над сумкой, расстегнула её, показала его:

— Угадал!

Андрей озадаченно потёр лоб:

— Вообще-то я пошутил.

Эля пожала плечами:

— Поздно. Угадал, тебе приз — копать!

Андрей был ошарашен такой наглостью:

— А если бы не угадал, то кто бы копал?

— Ты. За то, что такой недогадливый.

Эля достала ледоруб, сапёрную лопатку, совочек. Беляшик изумлённо смотрела.

— А экскаватора у тебя там нет, случайно? У Андрюши руки в кровь стёрты.

— Стоял под окнами один экскаватор, не залез в сумку, — парировала Эля.

Эля осмотрелась, Наташа подошла.

— Ну что? Тихо?

— Тихо, — кивнула Лошадка. — Как на кладбище.

— Так мы тут и находимся, — Андрей тоже оглянулся.

Беляшик дёрнула плечиком:

— Это шутки у них такие, Андрей! Видишь, какие они противные? Одна тебя заставляет работать, вторая тупыми шутками сыпет на кладбище. Только я хорошая.

Она нежно погладила по руке мальчика. Андрей покраснел сразу до корней волос. Отдёрнул руку, но было видно, что ему приятно внимание.

Он покашлял в кулак, показывая, что равнодушен к этим девчачьим нежностям:

— Кхм. Это. Кхм. Я понимаю так, что мне придётся ледорубом махать?

— Ну, махать-то особо не придётся. А то нас арестуют и отправят в полицию, как расхитителей могил, — оглядывалась Эля.

— Откуда ледоруб? Папа — альпинист? — Андрей присел и рассматривал его.

— У папы друг альпинист, — пояснила Эля. — Папа поначалу его забросил наверх, на антресоль — бесполезный сувенир. Но дедушка настоял, чтобы поставили недалеко от входной двери. Очень, говорит, хорошая штука оборонять квартиру. Даже показал как, чтобы не махать.

— Нет, Лазарева, у вас вся семья больная. Вы постоянно к войне готовитесь, к нападению. Кто на вас нападать будет-то? Кому вы нужны? — покачала головой Беляшик.

— Ага. Анне Алексеевне скажи, — неопределённо кивнула за спину Эля. — Даже весь баллон

просроченного перцового газа выпустила. Была бы хорошо укреплённая дверь, то ничего бы и не было. А ледоруб под рукой…

— Ага! — перебила Элю Беляшик. — Представляю, как бабушка — божий одуванчик, что ходит спотыкаясь, машет этой железякой, — она кивнула на ледоруб.

Лошадка тоже хмыкнула. Андрей смотрел на девочек недоуменно:

— А чего вы смеётесь?

— Знаем мы эту учительницу, про которую Элька говорит. Не смогла бы она отбиваться ледорубом от нападавших. А дверь у неё действительная хлипкая. Старинная. От честных людей, чтобы те позвонили и не сквозило. А не от бандитов всяких. Та учительница старая, больная, интеллигентная, а не бой-баба с молотом с железной дороги, что гвозди в рельсы забивает.

— Не гвозди, а костыли. И не в рельсы. А в шпалы, — поправил её Андрей.

Перехватив удивлённый взгляд, пояснил:

— Те, как ты говоришь, «гвозди» называют костылями. Ими крепят рельсы к шпалам. У меня дядя на железной дороге работает, я пару раз был там. Он много чего интересного и полезного рассказал и показал. И один костыль подарил. Здоровенная штуковина, — Андрей развёл руки, показывая размер. — И тяжёлая. Покалечить точно можно. И да, эта железяка очень похожа на гвоздь.

Белле не понравилось то внимание, что мальчик уделил Наташе.

— Ну что, мы тут долго будем стоять? Давайте уже делом заниматься! — капризно притопнула она носком кроссовка.

Достала фотоаппарат.

— Я вот, например, в отличие от вас, готова. А вы? Пришли на кладбище потрещать? Так скоро все соберутся на вас посмотреть. Не третий же раз приходить одну и ту же могилу фотографировать?

Эля и Андрей опустились на колени, надели перчатки. Беляшик сделала несколько шагов назад, вроде как бы прицеливаясь, с какого ракурса удобнее сделать снимок, на самом деле оглядывалась. Смотрела, нет ли опасности. Увидела, что Лошадка ещё возле Андрея, сощурила глаза.

— Наташка! Иди помогай! — требовательным голосом, не терпящим возражения, потребовала Белла.

Наташа метнула быстрый взгляд на Андрея, притворно-тяжело вздохнула, улыбнулась, выпрямилась:

— Иду, иду.

Наташа встала сзади за Беллой, перекрывая обзор со стороны центральной аллеи и церкви.

Эля и Андрей смотрели друг на друга.

— Где рыть-то?

— Не знаю. Вот здесь была тень в полдень от макушки креста на памятнике, — ткнула Эля в землю. — Но мы не знаем точно, в какой день года Ада закапывала. В каждое время года солнце по-разному светит. Например, в июне или декабре. А уж в полдень угол наклона разный. Поэтому берём эту точку и пробуем. Вперёд-назад по дорожке.

Эля выпрямилась, стоя на коленях, повернулась вполоборота к церкви:

— Прости, Господи! Мы не трогаем могилы. Помоги!

Андрей изумлённо уставился на неё:

— Ты чего? Что это сейчас было?

Эля пожала плечиками:

— Как-то и боязно, и стыдно. Кладбище всё-таки, не дача у дедушки. Вот как-то вырвалось изнутри. Да и лишним, думаю, не будет.

Послышалось недовольное ворчание Беляшика:

— Вы работать будете?!

Андрей взял ледоруб, потрогал заострённый кончик, кивнул:

— Острый. Пойдёт.

— Это называется «клюв», — пояснила Эля.

Андрей покрутил в руках:

— А ведь точно — похож.

Мальчик, держа головку ледоруба, сделал первое движение. Поскрёб «клювом» дорожку между могилами. Она подалась, песчаная почва, специально, чтобы вода не стояла. Утрамбованная тысячами ног и временем дорожка была плотная, но поддавалась. С каждым коротким, почти незаметным со стороны взмахом всё глубже и глубже.

Андрей посмотрел на Элю. Та кивнула:

— Давай поглубже, а я буду землю откидывать.

Андрей начал углублять борозду. И тянул ледоруб на себя, удлиняя канавку.

Эля сначала достала малую сапёрную лопатку, но она большая и заметная для такой работы. Убрала в сумку, извлекла свой детский совочек. Покрутила перед лицом Андрея:

— В детстве не наигралась. Сейчас самое время.

Улыбнулась и начала вынимать аккуратно грунт, складывать рядом, заодно углубляя и расширяя канавку.

Наташа с Беллой усердно фотографировали памятник-надгробие Гадалову. Потом стали фотографировать и церковь, остальные памятники. Кто-то из прихожан шёл в храм. Остановился, долго молча смотрел на девочек, соображая, не хулиганят ли они или не собираются ли осквернить чью-то могилу. Но, видя, что они ведут себя чинно-прилично, крестился на купол с крестом и шёл по своим делам. И никто не обратил внимания на две фигурки, что сидели на дорожке, ковыряясь в земле. Цель была достигнута, Беляшик и Лошадка успешно справлялись со своей задачей, отвлекая внимание от Эли и Андрея.

Тем временем дела у землекопов шли не очень. Спина у Андрея затекла, приходилось чуть взмахивать, чтобы не привлекать внимание, а потом

уже давить руками. А это тяжело. Рукавом возле плеча он вытирал лоб. Пот уже не то что выступал или появлялся капельками, он тёк ручьём со лба, заливая глаза, по спине, по бокам.

Эля тоже пыхтела, поминутно смахивая пот со лба, вонзая совочек в плотный песчаник.

Они сумели сработаться. Андрей делал короткий взмах ледорубом, как мог, опускал «клюв» в землю, немного, как мог, давил на головку и тянул на себя, насколько можно было.

Эля быстро углубляла, расширяла канавку, вынимала землю, складывала рядом. Шли по центру дорожки. Но справа и слева было ещё немало нетронутой земли. Если бы можно было работать в полный рост и нормальным инструментом, то они бы справились быстро, а вот так… Тяжело и малоэффективно.

Беляшик и Лошадка продолжали отвлекать внимание, бросая лишь редкие напряжённые взгляды на товарищей.

Андрей разогнулся, спина затекла и пот со лба стереть промокшим рукавом рубашки. Разминая затёкшую шею, задрал голову вверх. И замер…

В трёх метрах от них в кустах стояла женщина. Вид у неё был необычный. Широкополая старая шляпа, широкая одежда, длинная юбка, стоптанные башмаки. Длинные спутанные рыжие волосы спускались ниже плеч. Сама она была худощавая, лицо бледное, болезненное, глаза подслеповато щурились. Она молча, без эмоций, смотрела на детей, что ковырялись в земле. Было видно, что она наблюдает уже давно, скрытая зеленью кустарника.

И от этого молчаливого наблюдения становилось не по себе. И от всего вида странной тёти.

Андрей тихо окликнул:

— Эля!

Она не слышала, увлечённо рыла землю.

— Эля! — чуть громче позвал Андрей.

— Чего тебе? — Эля не отрывалась. — Рыхли давай!

— Сзади у тебя странная тётя, — Андрей говорил уголком рта, почти не открывая сам рот, не отводил взгляда от незваной гостьи.

Эля хотела что-то сказать, но, посмотрев на Андрея, увидев его взгляд, разогнулась, потёрла спину, полуобернулась. Женщина молча, внимательно продолжала смотреть. Пауза явно затягивалась. Дети заворожённо смотрели, готовые вскочить и сбежать при первой опасности.

Первой заговорила женщина:

— Я директор культурно-исторического музея «Некрополь», Ольга Павловна Аржаных. А вы кто?

Андрей с трудом проглотил слюну, кадык дёрнулся вверх-вниз, в горле пересохло.

— Андрей.

— Понятно, — чуть заметно кивнула шляпа, голова повёрнута к Элине.

— Эля.

— Ясно. Позвольте спросить, дети: а что вы тут делаете? Зачем землю роете? Это какой-то чёрный обряд?

Дети молчали, переглядываясь друг с другом. Эля ответила:

— Мы это… Клад ищем.

— Клад? — снова без эмоций спросила женщина.

— Да, — кивнула Эля.

— И кто вам сказал, что возле могилы Николая Герасимовича Гадалова спрятан клад? — голос заинтересован и несколько раздражён.

Эля молчала. Оставалось не более метра пройти до дороги. В голове мелькали мысли. Если они сейчас уйдут, то эта старуха сама отроет клад. Осталось немного. Значит, надо остаться.

— Мы не трогаем могилы, только тропинку, — Эля наклонила голову и смотрела на женщину в упор. — Я нашла дома старинное письмо, где сказано, что видели, как кто-то ночью давно, очень давно на этом месте рыл. Вот я и подумала, что там клад.

Эля замолчала, смотрела в глаза странной женщине.

Та тоже молчала. Она вообще умела молчать. И молчала очень выразительно. Осязаемо. Ощутимо.

Эля выдержала взгляд:

— Позвольте, мы сейчас быстро закончим. Сделаем как раньше было. Если вы сейчас нас прогоните, я вернусь. И если не найду здесь ничего, то буду думать, что вы выкопали его. Даже если вы этого не будете делать. Дайте нам ещё немного времени.

Эле было безумно страшно, ей хотелось бежать сломя голову через кусты, лавируя между могильными оградками; если бы она стояла, то, без сомнения, коленки бы дрожали от страха. Но сейчас она стояла на коленях и смотрела вверх, в глаза директора музея.

Ольга Павловна подумала и сказала:

— Дайте слово, что не тронете ни одной могилы. Не прикоснётесь.

— Даём! — впервые открыл рот Андрей.

Эля кивнула.

— У вас полчаса.

Женщина бесшумно развернулась и исчезла за кустом. Её просторная одежда неопределённого цвета была прекрасным камуфляжем среди кладбищенской зелени.

Андрей опустился вниз, Эля развернулась, всё это время она смотрела в половину оборота. Наклонила голову вправо-влево — затекла.

— Честно, я испугался: поднимаю голову, а там… стоит. Как привидение. — Андрей говорил возбуждённо, хоть и шёпотом.

— Ага, — кивнула Эля. — Я сама испугалась до жути. Потом поговорим. Времени мало, рой!

У Эли совочек ударился обо что-то твёрдое. Дети замерли, не веря в свою удачу, Эля начала быстро-быстро орудовать совком. Андрей отложил ледоруб и начал руками выгребать…

Через минуту они откопали… Ага. Вот немного ещё… и что это? Камень обычный обкатанный камень.

Мальчик и девочка смотрели друг на друга расстроенно: их обманули.

— Значит, нет ничего? — Эля обречённо смотрела на Андрея.— Камень, обычный камень!

Эля готова была разреветься, так ей было обидно. Ни подсказок, ни клада, только булыжник…

Андрей тоже глотал обиду, сдерживая рвущиеся крики. Собрав волю в кулак, он призвал Элю:

— У нас осталось ещё сантиметров двадцать, давай попробуем. Закончим, чтобы быть уверенными, что мы всё проверили.

Эля тыльной стороной ладоней, сначала одной рукой, потом другой, вытерла выступившие слёзы.

— Давай закончим!

С утроенной энергией они продолжили копку, но ничего не было. Пусто!!!

Они стояли на коленях друг перед другом, с глазами, полными слёз от обиды и разочарования.

— Эх. Ну давай назад землю вернём. Жалко, конечно,— вздохнул Андрей и начал головкой ледоруба скидывать землю, тут же её приминая.

Эля опустила голову, чтобы мальчик не видел её слёз, они уже капали. Она зло сбрасывала грунт в канавку. Дошли до злополучного камня. Андрей приминал землю, ледоруб брякнул о булыжник. Уже и прошли каменюку, возвращая землю в углубление, но Андрей отполз назад.

— Ты чего? — удивилась Эля.

— Подожди. Идея у меня,— перехватил он её возмущённый взгляд.— Пять секунд. Ничего же не теряем.

— Ну давай,— неопределённо пожала плечиками Эля.

Андрей засунул левую руку в землю, пошарил, ощупывая камень, потом резко взмахнул над головой ледорубом, вогнал его в землю и стал вытягивать камень. Тот не поддавался.

Он встал с колен, продолжая тянуть.

— Элька, помоги! — выдавил он из себя.— Он шевелится, надо чуть поднажать!

Эля вскочила, подбежала к Андрею, ухватилась за рукоять ледоруба, стали тянуть вместе.

— Давай рывками,— предложила она.

Андрей кивнул, и они начали тянуть рывками.

— Дело пошло веселее.

— Ага.

Они повалились назад, камень неожиданно легко вывернулся из земли. Дети быстро встали, кинулись к камню, Эля совком раскидывала землю, и послышался звук металла о металл.

Вдвоём, руками откидывая землю далеко, стали добираться до металла в земле. И на свет, вдвоём держась, вытащили коробку металлическую, кое-где сохранилась голубая эмаль. Герб — двуглавый орёл. Чуть ниже крупными буквами написано: «Г Лангринъ». Коробка была завёрнута в какую-то тряпку, от которой мало что осталось. Только полусгнившие полоски, остальное время превратило в слизь.

Не сговариваясь, оглянулись по сторонам. Руки вспотели, сердца бешено колотились. Андрей попытался было рвануть, унося коробку.

Эля не отпустила, резко потянула на себя, мальчик чуть не упал, так это было неожиданно.

— Ты чего? — не отпуская находку, спросил он.

— Ничего. Землю на место. Если сейчас убежим, то старуха, от которой у меня мурашки по спине, догадается и натравит на нас всех собак.

Андрей на секунду задумался, кивнул, хотел коробку потянуть на себя, но Эля оказалась ловчее, быстрее, резко дёрнула на себя, убрала коробку в сумку. Дети начали ногами забрасывать грунт на место, утрамбовывая. Почти закончили. Эля посмотрела на колени помощника, потом на свои. Они были в грязи. Она попыталась отряхнуть. Толку не было.

«Эх, мама заругается,— подумала. Махнула рукой.— Я их быстро в стиральную машинку. Испачкала — постирала».

Андрей посмотрел на свои джинсы, сокрушённо покачал головой:

— Да. И мне зададут. По полной.

— Так постирай.

— Дома мама. В отпуске.

— Давай у меня. Потом утюгом просушишь, и никто не узнает.

Эля была настойчивой.

Вот и закончили утрамбовывать почву. Видно, конечно, но канавка забита землёй. Что обещали восстановить — сделали.

Покидав грязный инструмент в сумку, Эля закинула её на плечо и пошла в сторону подружек.

Андрей шёл сзади, удивлённо говоря ей в спину:

— Ну ты даёшь! Я еле тащил, а ты прямо как бульдозер. Помочь?

Эля остановилась, скинула сумку, протянула одну ручку мальчику:

— Давай, мужчина, не стесняйся. Только быстро уходим. Почти бегом.

Наташа и Белла с удовольствием закончили «фотосессию». Они пошли навстречу, разглядывая перепачканных друзей.

— Нашли?

— Есть клад?

— Нашли, уходим,— уголком рта прошипела Эля.

Беляшику и Лошадке до смерти было любопытно, чего нашли, но, видя суровых Андрея

и Элю, перепачканную одежду, пыльные лица с дорожками от пота, сдерживали себя.

Эля внезапно остановилась, опустила ручку сумки.

— Ты чего? — недоумевал Андрей.

— Сейчас.

Эля повернулась к храму, широко перекрестилась:

— Спасибо!

Подхватила сумку, и компания зашагала к выходу.

Нищие снова рассматривали компанию.

— Смотрите-ка, а двое в земле извазюкались-то как.

— Искали, видать, чего-то.

— Скорее всего. Земля сухая.

— Неужто могилы раскапывали?

— И как быстро идут.

— А сумка-то тяжёлая.

— Видать, нашли, что искали.

— Да что они могли найти на кладбище-то?

— Э, не скажи! Кладбище старинное. Купцов много лежит, может, и клад какой отрыли.

— Эти сопляки-то?

— Кто его знает. Проверить надо.

— Хм. Может, так оно и есть.

— Сейчас проверим.

— Эй!

— А ну стойте!

— Дети, идите сюда!

— Да куда вы?!

— Не бойтесь! Мы вам ничего не сделаем!

— Стоять!

Дети слышали всё это, когда проходили мимо, а когда им закричали, то рванули. Откуда-то взялись силы, и сумка уже не казалось такой тяжёлой.

Компания друзей бежала. Сердечки выпрыгивали из груди. Но вперёд. Только вперёд! Рот разевается, воздуха не хватает, но бегут. Андрей поначалу далеко вперёд ушёл, оглянулся, увидел, что девочки отстают, остановился. Беляшик была последней. Развернулся, побежал назад. Схватил за руку возле плеча, потянул вперёд:

— Давай, давай поднажми!!!

И потянул вперёд, сильно, резко. Белла чуть не упала от такого рывка. Но удержалась, прибавила шаг.

Вот и закончилась кладбищенская ограда. Впереди бежала Лошадка, оглянулась. Погони не было. Только прохожие удивлённо смотрели на подростков, которые бежали сломя голову. Встречные отходили в сторону, укоризненно качали головой, глядя им вслед. Мол, оглашенные, куда несутся-то?

Остановились, когда поняли, что нет погони.

Рядом остановка общественного транспорта. Народу немного.

— Ну что? Получилось?! — хватая воздух ртом, спросила Беляшик.

— Ага! — Эля мотнула головой.

— И что там? Клад? — Лошадка подалась вперёд.

— Ага. Не клад, а склад, — Эля скорчила ехидную рожицу.

— Так чего вы там нашли? — Беляшик возмутилась.

Она была красная от бега, а тут сразу стала пунцовой от гнева.

— Чего-то нашли, пока сами не знаем, — пожал плечами Андрей.

— Так давайте смотреть! — от нетерпенья потёрла ладони Беляшик. — Ну же!

— Хоть с дороги отойдём, — мотнула головой Эля.

Отошли за угол, присели возле кладбищенской стены. Раскрыли сумку.

— Фу! Какая грязная коробка, — сморщила брезгливо носик Белла.

Секунду помолчала.

— Какая старинная коробочка. И… грязная.

— А ты что хотела? Больше ста лет в земле пролежала, — Наташа топталась на месте, не скрывая своего возбуждения. — Ну давайте же, открывайте!

Эля и Андрей присели возле сумки. Перчатками кое-как оттёрли коробку от грязи. Андрей попытался открыть. Пальцы скользили. Но не получалось открыть. Девочки в нетерпении нависли над Андреем.

Мальчик вспотел, вытер пот тыльной стороной руки. Махнул над головой:

— Да разойдитесь вы уже, света мало, загородили всё.

Девочки немного расступились, но привстали на носочки, вытянув шеи. Андрей достал из сумки лопатку дедушки Эли, попытался ею вскрыть. Крышка немного поддалась… Миллиметр, два… она нехотя ползла вверх…

— Так-так, — неожиданно раздался голос за спиной у девочек. — И что вы тут делаете, а? Ну-ка покажите мне немедленно!

От неожиданности девочки вздрогнули, а у Андрея лопата сорвалась и оцарапала кисть руки. Тут же выступила кровь.

За спиной стояли четыре девочки. И впереди, подбоченясь, выставив ногу вперёд, стояла Катя Краснова.

Она резво шагнула и раздвинула девочек. Никто не ожидал такого напора, немного подвинулись.

Андрей продолжал сидеть на корточках, из руки сочилась кровь, капала в сумку. Лицо измазано местами пятнами грязи, руки в грязи, крови, колени перепачканы землёй. Когда Катя заговорила, от неожиданности он выронил старинную коробку на дно объёмистой сумки, осталась только лопата, направленная вверх.

Андрей первым пришёл в себя:

— Чего тебе, Катька?

Краснова ожидала чего угодно, но не грязного, перепачканного кровью знакомого мальчика с лопатой в руках.

Андрей медленно встал, лопата в руках. Катя и не обратила внимания на сумку, как заворожённая смотрела на грязные руки, с которых капала медленно кровь, капля за каплей: кап-кап-кап. А в руках — лопатка с присохшими комочками почвы.

Сзади девочки из компании Катьки стали напирать, им было любопытно:

— Ой! А чего там?

— Клад?

— А чего ты, Лазарева, такая грязная, а?

Катя, чувствуя поддержку подруг, снова кинулась в атаку.

— А чего вы тут, у кладбища, делаете? Опять клады ищете? Или же,— она презрительно посмотрела на Элю,— уже могилы раскапываете? Фу! — Катя брезгливо сморщила нос.— Как можно?! Тьфу! С покойниками! Так нельзя!

Эля мгновенно вспыхнула до корней волос; казалось, ещё секунда — и из ушей повалит пар струями.

— Мы не копаем могилы. Иди отсюда.

— А что вы тут делаете, а? — упорствовала Катька.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! — вступилась Лошадка.

— Ой! Кто там ржёт, как лошадь в стойле? Ничего непонятно! — Катька приложила ладошку к уху, как будто на самом деле плохо слышала.

Зато её спутницы тут же зафыркали, как лошади, за её спиной. Катя воодушевилась такой поддержкой, продолжила:

— Мы едем в центр, пройтись по бутикам, посмотреть новые коллекции, а тут я смотрю, что знакомые замарашки нищие. У церкви, что ли, побирались? И много вам подали? На автобус хватит, или пешком почапаете домой? Может, вам тоже подать?

Она достала из сумочки кошелёк, открыла отделение для мелочи и вывалила всю к ногам Эли и её друзей. Много мелочи крупного достоинства.

— Может, и хватит? — поджала губы, покачала головой.— Думаю, что не хватит.

Из кошелька, не глядя, достала две купюры и швырнула туда же, на землю.

— Теперь можете ездить неделю от церкви к церкви, где больше подадут.

Андрей первым не выдержал, приподнял чуть повыше лопатку:

— А ну пошла отсюда!

Катька презрительно посмотрела на него:

— А ты, наверное, у них за охранника, других нищих отгоняешь, чтобы у них не отобрали деньги? Так? Фу! Как ты мне мог ещё нравиться?

Повернулась к Беляшику:

— Белла! Ты из хорошей семьи, как же ты могла так опуститься, чтобы якшаться с такой …— она подыскивала нужное слово, щёлкнула пальцами,— с такой швалью? Фи!

Осмотрела её с ног до головы:

— Ну, хоть чистая, не то что эти трупокопатели.

— Иди отсюда! — голос у Андрея угрожающий.

Он покрепче ухватил черенок лопаты, костяшки побелели, кровь закапала быстрее.

Катька внимательно посмотрела на него:

— А то что?

— Огрею лопатой, испачкаю грязью и кровью, после и узнаешь. Перебирай ходулями отсюда. И поскорее.

Воцарилась напряжённая пауза. Эля, Беляшик, Лошадка сомкнулись плечом к плечу. Хоть и не было опыта в драках, но готовы были ринуться на унизившую их Катьку. Катины подруги тоже встали за её спиной.

Напряжение росло. Казалось, что оно стало осязаемым, воздух сгустился, стал вязким, все глубоко дышали, лица красные.

Катька, почувствовала это, она дёрнула чёлкой:

— Идёмте, девочки, не будем общаться с грязной нищетой с кладбища!

Развернулась на каблуках. И пошагала прочь, не оглядываясь. А вот её спутницы периодически оглядывались, словно опасаясь погони.

Первым не выдержал Андрей. Вытер пот со лба:

— Еле сдержался. Меня никто так не унижал.

— Меня тоже,— тихо ответила Эля, было видно, что она зла.

— Андрюшенька, а ты мог ударить Катьку? — спросила Беляшик.

Тот почесал испачканный нос:

— Вообще-то я девочек не бью… Даже и не знаю. Может, и сделал бы исключение…— подумал, вздохнул.— Нет, не смогу я ударить девочку,— снова подумал.— А зря. Некоторые прямо выпрашивают, чтобы их двинуть плашмя лопатой,— снова вздохнул тяжело.— Но нельзя. Никогда.

— Надо быстро выкопать яму, бросить её туда и закопать! — мстительно отреагировала Лошадка.

— И никто не заметит! — зло заметила Эля.

— И сверху табун лошадей пустить потоптаться,— продолжала фантазировать Наташа.

— Давайте хоть посмотрим, что мы там нашли,— кивнула на сумку Беляшик.

— Да! — Андрей присел у сумки.

— Ой, у тебя кровь! — обратила внимание Белла на пораненную руку мальчика.

Андрей кинул быстрый взгляд на свою кисть, отмахнулся:

— Ерунда! Царапина!

— Надо обработать! — настаивала Беляшик.— Чтобы не было заражения крови.

— Вы сейчас со своими телячьими нежностями доведёте до того, что мы никогда не узнаем, что нашли,— присела рядом Эля.— Давай лопату, иди в Белле, пусть она лечит тебе руку.

— Не надо. Потом. Я сам открою. Тут всё заржавело.

Андрей пыхтел, пытаясь открыть коробку из-под конфет. Лопата то и дело скользила по грязи, соскальзывая. Нетерпение нарастало. Андрей злился, что ему не удаётся открыть при девчонках. Подумают, что он слабак и неумеха. Девочкам же хотелось как можно быстрее увидеть сокровища или что там спрятано.

Андрей пыхтел, и вот крышка стала помалу двигаться, медленно, по миллиметру. Как будто она не хотела расставаться со своими секретами. И вот крышка скрипнула и отлетела в сторону. Дети наклонились. Эля достала небольшую тетрадку, обёрнутую в холщовую тряпицу, на дне лежал большой кулон из жёлтого металла на тонкой цепочке, тоже похожей на золотую.

— Ух ты, золото! — хищно блеснули глаза у Беллы.

— Золото! — заворожённо произнесла Лошадка.

Эля быстро надела себе на шею цепочку, кулон спрятала под одежду.

— А почему ты? Мы все имеем право! — возмутилась Белла.— Мы все искали, значит, и клад общий.

— Я всё изучу и расскажу. Мы же клад ищем большой. А тут всего лишь кулон. Он, может, и есть ключик к сокровищу,— Эля стала листать тетрадку.

Время, вода не пощадили бумагу. Часть листочков сгнила, была в какой-то слизи. По краям было видно, что часть рассыпалась в прах.

— Ну? Чего там?

— Где золото?

— Куда она закопала казну?

Эля пожала плечами:

— Не знаю. Надо разбираться. Многое пропало. Эх, Анны Алексеевны нет.

У Элины раздался звонок телефона. Она посмотрела. На экране высветилось: «Дед Слава».

— Алло, дедушка!

Она с напряжённым лицом слушала:

— Ой, я забыла. Тут закрутилась совсем. Надо было подружке помочь. Всё, через полчаса буду дома.

Отключила телефон.

— Мне бежать надо. Сейчас дед приедет. Мы потом в тир. Я совсем и забыла про него.

— Обязательно ехать? — нетерпеливо топнула носком кроссовка Беляшик.— А как же золото?

— Ехать надо,— вздохнула Эля.— Иначе…

— Что иначе?

— С дедом шутки плохи.

— Он что, тебя пороть будет?

Эля улыбнулась:

— Нет. Дед пороть не будет, он меня сильно любит, а вот пустить вместо мишени «бегущий кабан» — запросто.

Увидела вытянувшиеся лица друзей, засмеялась:

— Шучу, конечно. Но лучше бы так. А то он как ругаться начинает, так до костей пробирает. Лучше бы вместо мишени побегать.

— Ну у тебя и шуточки! — зябко повёл плечами Андрей.

— Ага! Я уже хотела позвонить в защиту детей,— улыбнулась Лошадка.

— Всё. Я побежала. Надо переодеться и умыться, одежду в стирку бросить, а то мама заругается. Даже представила: «Эля! Ты же девочка! По каким свалкам, с какими помоечными котами ты лазила?» — засмеялась Эля.

Тетрадку убрала в коробку, в сумку всё бросила, закинула на плечо.

— Всем пока. Что пойму — сразу сообщу всем!

Добралась до дома. Быстро скинула грязную одежду, умылась. Грязь из-под ногтей не хотела вымываться. Она и так, и эдак, даже с порошком и щёткой. А та всё равно прочно засела.

Одежда тоже не поддавалась чистке. Эля махнула рукой, забросила в стиральную машинку. Позвонил дед Слава по телефону:

— Эля, ты готова? Я внизу.

Эля только успела спрятать тетрадку в свой стол, сумку с грязной лопатой — на балкон. Кубарем по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, на улицу. Плюхнулась на сиденье, пристегнулась. Дед недовольно покачал головой, постучал пальцем по своим часам:

— Опаздываете, девушка!

— Я девушка. Мне можно!

— Опаздывать нельзя никому. Пунктуальность — вежливость королей. Ну и королев тоже. Это как с самолётом: опоздала на пять минут, и он улетел, и ему неинтересны твой пол и возраст. Поняла?

— Поняла,— буркнула Эля, скрестила руки на груди, насупилась, глядела из-под бровей на дорогу.

Дед тоже молча крутил баранку. Только радио напевало весёлую мелодию.

На Элю нахлынуло подавленное чувство злости на Катю Краснову. Особенно — что обозвала всю компанию нищими. Одна мысль билась в голове: «Надо найти сокровища и показать этой мартышке, кто из нас нищий!» Мысли переключились на находку. Потрогала кулон ну шее. В суете сборов она даже не рассмотрела толком его. Только бросила пару взглядов в зеркало, когда руки отмывала.

Посмотрела на деда, ей стало немного стыдно.

— Деда, не обижайся. Я просто так сказала.

Дед улыбнулся:

— Я не обижаюсь. Просто показал, что опаздывать нельзя.

Приехали, запарковали машину, пошли в тир. Слышны выстрелы, звук приглушён стенами.

— Из чего будем стрелять, дедушка?

— А из чего ты хотела бы?

Эля пожала плечами:

— Не знаю. Что-нибудь полегче.

— Без проблем. Значит, винтовка.

Эля остановилась в негодовании.

— Это что значит — полегче?

— А чего? Лежишь, стреляешь. Красота!

— Дед!

— Ничего страшного. А коль капризничаешь, то будешь стрелять упражнение не из мелкашки, а из карабина Мосина. Там прочувствуешь стрельбу. Хватить отлынивать. И калибр соответствующий. Отдача тоже. Покрепче к плечу прижимай. И прицел открытый.

У Эли внутри закипела обида:

— Деда, за что?

— Лучше со мной тяжело, зато по жизни будет полегче. Никогда ни у кого не проси, чтобы легко было.

Эля опять насупилась. У неё много на языке крутилось. Но понимала, что дед тут же придумает другое упражнение.

В тире их встретили уже как старых знакомых, а Эля была самая младшая из девочек, кто приходил стрелять. Поэтому к ней относились заботливо.

— О! Эля! Заходи! Вот печенье. Угощайся! Чаю налить?

Эля любила общаться с суровыми инструкторами по стрельбе. У них были сыновья, а к ней относились с нежностью, как к дочке.

— Ну что, Николаевич, из чего будете стрелять? Марголина или Глок?

Дед Слава отрицательно покачал головой. Посмотрел на Элю, улыбнулся.

— Нет, мужики. Мы сегодня винтовку Мосина опробуем.

Все онемели, сначала посмотрели на деда, затем дружно на внучку.

— Ты шутишь, дед? Винтовка метр тридцать сантиметров в длину.

— В самый раз, как и Эля. Вот и постреляем, — посмотрел на Элю. — Так?

Эля пожала плечами:

— Попробуем.

Их проводили на огневой рубеж, принесли винтовку. Поставили на приклад рядом с Элей. Она была выше винтовки на голову.

— Николаевич, подумай ещё раз. Тебе внучку не жалко? У неё и отдача не детская. Может, мелкашку, тозовку, а?

— Всё нормально, — кивнул дед.

Эля легла на маты, надела наушники, чтобы не сильно бил по ушам звук от выстрела.

Она раньше стреляла из ТОЗ-8. Винтовка тоже немаленькая, но патрон маленький. И поэтому знала, как правильно лечь, чтобы вести огонь.

Постепенно вокруг Эли собрались все свободные от стрельб. В основном мужчины, но были и две девушки. Одна легла рядом.

— Здравствуй. Меня Ира зовут. А тебя?

— Эля.

— Ты стрелять умеешь?

— Умею. Но из карабина ни разу.

— Главное, не бойся.

— А я и не боюсь. Вот если бы с колена стрелять или стоя, тогда бы волновалась. А лёжа…

— Молодец, — Ира потрепала Элю по плечу. — Главное, приклад посильнее к плечу прижимай, чтобы не было никакого пространства. И вы стали одним целым. Тогда и отдача не такая сильная будет.

— Хорошо. Спасибо, — кивнула Эля.

Ира встала, отошла в сторону. Рядом присели дед Слава и инструктор. Он отвёл затвор в заднее положение, вставил обойму с четырьмя патронами, резким движением загнал в магазин патроны.

— Ну а дальше знаешь как?

— Знаю, — кивнула Эля.

Стала двигать затвор вперёд; не так легко, как на тозовке, с усилием, но патрон вошёл в патронник, затвор дошёл до передней крайней точки. Эля резко опустила рукоятку затвора вниз. Поймала в прорезь прицела мишень, подвела мушку. Стала давить плавно на спусковой крючок. Медленно, удерживая в прорези мишень, почти затаив дыхание. Медленно, плавно, чуть туже, но идёт спуск. И грянул выстрел! Это было неожиданно.

Эля сильно прижимала приклад. Но всё равно было неожиданно. Сильно. Не больно. Неожиданно.

Инструктор смотрел в увеличительную трубу на мишень Элины:

— Восемь на шесть часов. Чуть выше бери. Не под срез десятки, чуть выше. Молодец! Не ожидал. Честно. Помочь перезарядить?

— Я сама!

Эля была горда и довольна собой. Потянула вверх рукоять затвора, но та не выходила, тогда она рывками стала поднимать. Получилось. Потянула затвор на себя, вылетела пустая гильза, с лязгом упала на пол. Из винтовки потянуло свежим сгоревшим порохом. Эля втянула носом. Поначалу ей страшно не нравился этот запах, она зажимала нос, но со временем сначала привыкла, а потом и стала различать запахи. От пистолетного, винтовочного выстрела. Был выстрел сделан из отечественного оружия или импортного. А вот запах новый сейчас. Она втянула, задержала на секунду, запоминая его. Затем резко толкнула затвор вперёд, уже лучше получилось. Снова прицелилась,

сделала поправку, как подсказали. Тянет… Но рука дрогнула, выстрел.

— Смазала. Мимо, — инструктор смотрит в трубу. — Не жди выстрела. Не бойся его.

Эля заметно занервничала.

Стала дёргать затвор, он не поддавался. Дед присел рядом на одно колено. Положил руку на плечо внучки:

— Не нервничай. Каждый выстрел обрабатывать надо. Это в кино от бедра навскидку всаживают в центр мишени. В жизни не так.

Где-то в глубине тира крикнули:

— Краснова! На огневой рубеж!

Эля дёрнулась, услышав фамилию. Тут же всплыла в голове сцена, как Катька Краснова унижала их возле кладбища. Кровь хлынула в голову. Лицо горит, уши пылают.

— Дед! Ты же воевал!

— Было дело. Я тебе рассказывал.

— Ты людей убивал же.

— Не людей, а противника. Не мы, так они бы нас. С чего такие вопросы?

— Да так…

— Нельзя стрелять в людей. В противника можно, а вот в человека нельзя. Смерть каждого человека — это гибель Вселенной. Ничего нет ценнее, чем жизнь.

— Скажешь тоже — Вселенная, — хмыкнула Эля, всё ещё злясь Катьку.

— А вот представь, что у каждого человека есть родители, братья, сёстры, дяди, тёти, соседи, одноклассники… Продолжить? У каждого человека много людей, с которыми он общается, дружит, помогает. И все будут о нём скорбеть, когда он умрёт. Окружающие их люди, узнав о такой причине, тоже будут с ними разделять горе. Вот и получается, что каждый из нас — Вселенная. И когда умирает Вселенная, то всем плохо.

Эля, замерев, слушала деда. Потом резко передёрнула затвор, гильза вылетела, звякнула о пол. Эля загнала патрон одним движением, уже умело опустила рукоять затвора:

— Есть одна мартышка. Она меня оскорбила. Очень грязно и обидно.

— Не убивать же теперь её. Если собака тебя облаяла, ты же не будешь её убивать?

Эля молчала, сопела, представила на мишени ненавистное лицо Кати Красновой, сделала поправку — чуть ствол вверх, под самый лоб, вытянула спусковой крючок на себя. Выстрел!

— Мимо, — инструктор наблюдает за мишенью.

— Успокойся. И не надо никому мстить. Это просто стрельба, — дед погладил Элю по голове.

Удивительно, но простое поглаживание немного успокоило Элю. Она уже почти без нервов передёрнула затвор и стала целиться. Вдох — выдох, задержка дыхания, дышать носом, чуть-чуть впуская в лёгкие воздух. Целик, мушка на одну линию, чуть сфокусировать зрение на мишени, затем снова вернуться к линии прицеливания, выбрать спуск, выстрел!

— Молодец, Элина! — похвалил инструктор. — Девятка на три часа. Спуск резко потянула, поэтому чуть вправо. Но всё равно молодец. Для первого раза. Не каждый мужик так сможет на четвёртом патроне впервые. Ну всё, закончились патроны.

Эля посмотрела на деда:

— Можно ещё один патрон?

Дед посмотрел на Элю, на инструктора.

— Ну давай!

Инструктор принёс патрон, хотел зарядить, но Эля взяла сама патрон:

— Можно, я сама?

— Давай, — усмехнулся инструктор. — Я рядом.

Эля передёрнула затвор, сама с усилием вставила патрон в патронник, двинула затвор вперёд.

— Ну что же. Очень достойно, девочка. Не спеши.

Эля успокоилась. Стрельба успокаивает, требует сосредоточенности. Недолго готовила выстрел, и он грянул!

Инструктор молча смотрел. Эле было бы обидно, если бы промахнулась.

— Ну что, юная леди! Я вас поздравляю. В яблочко. В центр десятки. Браво!

Элина зарделась. Но уже не от злости, а от удовольствия и смущения. Дёрнула затвор, гильза пол.

— Ещё дай четыре патрона, — сказал дед инструктору.

— Дед. Я устала. У меня дел полно, — заканючила Эля.

Дед Слава присел рядом на корточки:

— У тебя что, бирка на ноге есть?

Эля недоуменно смотрит на деда, через плечо посмотрела назад, даже подняла одну ногу, затем, через другое плечо, снова посмотрела:

— Нет у меня никаких бирок! Ты о чём?

— Когда человек умирает, его отвозят в морг. И на большой палец ноги привязывают бирку, в которой описывают фамилию, имя, отчество, когда родился, когда крестился, когда умер, — всё, что может помочь идентифицировать человека, то и пишут. Чтобы тела не перепутать.

— И чего? — Эля недоумевала.

— Пойми, запомни на всю жизнь, что пока у тебя нет бирки на ноге, нужно идти к цели. Только вперёд.

— Но я же попала!

— Попади в центр мишени, и не один раз. Закрепи успех. Оттачивай мастерство. Пока жива — добивайся цели, добивай в цель, помогай людям, помогай себе.

Эля тяжело вздохнула, поняла, что с дедом спорить бесполезно. Приняла позу для стрельбы,

поёрзала, чтобы одежда под ней распрямилась, посмотрела на деда:

— Патроны-то можно, чтобы в обойму зарядили?

— Не зарядили, а снарядили. Нет, нельзя. Сама. Почувствуй оружие, сама вкладывай в патронник. Не спеши. Вдох — выдох, целься, на полувыдохе тяни спуск, медленно, старайся выбрать люфт спускового крючка между ударами сердца. Сейчас это сложно, но тренировками достигается мастерство, и многие вещи делаются на автомате.

Дед обратился к инструктору, который снова сел на трубу:

— Мы готовы.

Тот ответил:

— По готовности огонь. Мишень прежняя. Отработка упражнения «огонь из карабина лёжа». Выдано четыре патрона.

Эля передёрнула затвор, вставила патрон, с усилием продвинула затвор вперёд, надавила на рукоять, стала целиться в мишень, памятуя о наставлении деда подводить ствол карабина к центру мишени, и всё на вдохе. Когда целик и мушка совместились на центре мишени, она уже на выдохе повела чуть вверх, как говорил инструктор, вытягивая люфт — свободный ход спускового крючка. И вот уже пошёл туго спуск, палец продолжал давить. Выстрел. Эля забыла крепко прижать приклад к плечу. Отдача оружия больно ударила приклад в плечо.

Эля от неожиданности сдавленно ойкнула, левой рукой потёрла ушибленное плечо, пояснила:

— Приклад не прижала толком. Вот отдача…

Дед присел, участливо спросил:

— Сильно больно?

— Нормально. Пройдёт, — обращаясь к инструктору: — Ну как там? Сорвала?

— Нет, юная красавица. Прекрасно. Девятка на двенадцать часов. Строго по вертикали. Чуть-чуть — и будет десяточка.

— Угу.

Эля кивнула, передёрнула затвор, пустая гильза вылетела, недалеко откатилась, из отверстия выходил лёгкий дымок, уходя наверх, растаял.

Новый патрон в патронник, сейчас дело уже пошло поживее. Эле понравилось, что у неё такой приличный результат.

Хотелось улучшить. Теперь уже упёрла плотно приклад в плечо. Оно немного болело, но не так сильно, как в момент удара. Эля стала прицеливаться, попутно пыталась услышать биение своего сердца. Услышала, но как стрелять между ударами сердца, она не представляла. Выстрел!

Элина нетерпеливо посмотрела на инструктора. Тот молча, внимательно рассматривал мишень в трубу, хмыкнул:

— Ну что, барышня, вы продолжаете меня удивлять. Десяточка. Самый верхний край. И снова на двенадцать часов. Чую, что скоро разгоню половину команды и наберу тебя с подружками. Ещё будешь стрелять?

Элю охватил азарт, она его гасила — стрелок должен быть спокоен и сосредоточен только на стрельбе.

— Конечно! У меня ещё два патрона!

— Заряжай, огонь по готовности.

Заряжала Эля уже не глядя, руки сами делали почти автоматически. Только смотрела на мишень. Стала целиться. На плечо опустилась рука деда, он присел рядом.

— Не спеши. Сейчас тебе хочется ускорить получение отличного результата. Прицелься, но не стреляй. Лежи. Закрой глаза. Представь, что ты — пуля. Вот пороховые газы тебя выталкивают из гильзы, ты летишь по стволу карабина, там нарезы, они тебя закручивают, давление сзади увеличивается, ты быстрее вращаешься, и вот ты вырываешься из канала ствола. И летишь. Вращаешься и летишь. Это свобода полёта! А самый кончик пули — твой глаз, и ты летишь прямо в центр мишени. В центр десятки. Попробуй. Только не спеши. Не делай резких движений. Ни при стрельбе, ни по жизни. Давай, Эля!

Дед легонько хлопнул внучку по плечу, поднялся, отошёл назад. Эля стала целиться. И вот в тот момент, когда она обычно стреляла, закрыла глаза и представила себя пулей, как её толкает гигантская сила сзади. Она тут же почувствовала, как будто кто-то неведомый упёрся в подошву кроссовок и толкает её вперёд. Она представила себя, как будто проходит по нарезам канала ствола, и в голове возникло, как будто она вращается вдоль продольной оси тела, голова немного закружилась, давление на подошву обуви усилилось, скорость вращения тоже.

В мозгу вспыхнуло, как будто она пуля, летит вперёд, кружится, летит, волосы прижались к спине встречным потоком, но взгляд устремлён вперёд и не вращается. Тело крутится, а мишень перед мысленным взором стоит прямо. Эля увидела, что она летит в восьмёрку на два часа. Она чуть подвинулась влево и через секунду вонзилась в центр мишени.

Элина почувствовала, как прошла через бумагу, фанеру, отскочило несколько щеп, ударилась, стала застревать в пулеулавливателе за мишенью. Там было много слоёв твёрдой резины. И вот она остановилась. Закончила свой полёт. Пуле стало жарко.

У Эли на лбу выступила лёгкая испарина.

Она открыла глаза. Несколько раз моргнула. Настолько реально ей показалось, что была пулей.

Эля чуть сместила правую ногу вправо. Снова прицелилась, выстрел! Передёрнула затвор, гильза

вылетела. Эля ждёт. Инструктор откинулся, удивлённо смотрит на неё:

— Центр десятки. Идеально. Ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз. Это чудо какое-то. Ты — прирождённый стрелок! Ещё?

— Конечно! У меня ещё один патрон остался!

Эля неспешно, как профессионал, без суеты, без лишних движений загоняет патрон в патронник. Целится. Она спокойна, уверена, она и есть пуля. Куда хочет, туда и попадёт. Выстрел!

Инструктор, молча, смотрит. Потом берёт микрофон, объявляет:

— Стрельбу прекратить. Оружие разрядить! Всем оставаться на местах.

Вся стрельба в тире тут же смолкла. Все ждут. Инструктор широкими шагами идёт к Элиной мишени, рассматривает её, снимает, несёт на свой стол. Берет микрофон:

— Огонь по готовности!

И тут же забахало из разных углов тира.

Инструктор взял лупу и рассматривает. Потом жестом позвал деда Славу. Тот надел очки, смотрят на мишень, пальцами тыкают в неё.

Эля лежит. В тире строгая дисциплина. Без команды никто ничего не делает. Опасно. Дед с инструктором подходят к Эле.

— Оружие разряжено! — доложила она, не вставая.

— Осмотрено.

Инструктор подошёл сзади, забрал оружие.

Эля встала, поправила одежду.

— Ну что, — начал инструктор. — Я не поверил своим глазам, поэтому принёс мишень. Вот твой первый выстрел. Точно в центр мишени. А вот второй. Если внимательно посмотреть, то увидишь смещение на миллиметр. Видишь?

Эля внимательно смотрела. Потрогала пальцем отверстие. Она — пуля. Даже вновь пережила ощущение, как поразила центр мишени.

— Вижу, — кивнула она.

— Горжусь тобой! — дед крепко прижал к себе, поцеловал в голову. — Пока нет бирки на ноге — совершенствуй мастерство, иди вперёд, не топчись на месте. Молодец!

Инструктор стал складывать мишень, протянул Эле:

— Держи. На память! Я такого раньше не видел.

— Спасибо. Не надо.

— Я заберу. Она ещё не понимает. Бабушка порадуется, родители будут в восторге. Вот такие вещи нужно хранить, а не всякие безделушки! Ну что, может, ещё постреляешь? Хочешь из револьвера?

— Нет, деда, не хочу. У меня дел ещё много. Я одежду испачкала, споткнулась. Забросила стираться. Надо успеть просушить и погладить. Пока родители на работе. А то попадёт.

Дед понимающе усмехнулся.

— Ты только меня не сдавай им. Ладно?

— Конечно! — дед погладил Элю по голове. — Может, тебе помочь? Выкрутить, быстро просушить, погладить? У меня большой опыт в этом.

— Спасибо. Я сама, — подумала, хитро посмотрела на деда. — Мне же тоже опыт нужен. Но за советом я обращусь.

Дед погрозил шутливо пальцем:

— Ой, лиса! Поехали.

В дороге Эля смотрела в окно, поглаживая кулон под одеждой. Потрогала правое плечо. Казалось, что мышечная память помнит отдачу от выстрелов из карабина. И улыбалась. Казалось, что конфликт с Красновой был так далеко.

Стрельба всё-таки заставляет концентрироваться и выбросить из головы неприятную встречу.

Эля стала чувствовать себя выше и увереннее. Она стреляла из карабина. А из чего стреляла Катька? Глазами только мальчикам. А она в десятку. Два раза. Точно. Отклонение в миллиметр! Взрослые, опытные стрелки так не могут! И дед Слава так уже не сможет! Раньше мог, а вот сдал. Понятно, возраст.

Эля вновь пережила ощущения, как быть пулей. Эх, как же было классно! Она сумела себя успокоить и пережить то, чего не было раньше!!! Чувство победы! Она чувствовала её на вкус. На губах, на языке, на затылке, на шее, всей спиной, как будто выросли крылья. Разбегись, оттолкнись посильнее от земли — и полетишь, как птица, только широкие, шумные взмахи крыльев за спиной и ветер в лицо! Прямо как пуля, только ты летишь не в цель, а куда хочешь! Эх, как же хорошо-то!

Эля снова улыбнулась. Она почувствовала себя более сильной и уверенной. Даже выше на голову Катьки Красновой.

Когда она почувствовала, что стало лучше на душе, стала думать о находке на кладбище. Большой, увесистый кулон колыхался в такт движению.

Она погладила его и улыбнулась.

Дед подвёз Элю к подъезду, она поцеловала его в щёку и побежала домой. Одежда уже постиралась, она раскинула её сушиться. Сама села за стол, сняла кулон и стала рассматривать.

Он был округлой формы. В диаметре даже чуть больше той пятикопеечной монеты, что она нашла во дворе заброшенного дома на улице Ады Лебедевой.

Он был тяжёлым. Жёлтый металл. Золото!!! Эля потрогала внешнюю сторону. Было видно, что медальон старинный. На поверхности золотые нитки были скручены в маленькие верёвки и припаяны к медальону. Эти золотые шнуры образовывали витиеватый узор. Он даже не был симметричным, этот узор. В центре был большой камень красного цвета. Он был гладким, почти овальной формы. Вокруг было расположено четыре небольших камня. Они были круглой формы разного цвета:

внизу — чёрного цвета и зелёного, вверху — голубого и синего цвета. Все камни были разного размера. Самым маленьким был зелёный.

Эля перевернула кулон. На обратной стороне тоже был рисунок из нитей золота. Но его почти не было видно. Истёрся со временем.

Эля в задумчивости потёрла переносицу.

— Ценный кулон. Наверное, имеет отношение к золоту, если Ада положила его сюда.

Эля достала коробку из-под конфет. Ещё раз осмотрела. Сбегала, принесла мокрую тряпку, тщательно обтёрла от грязи.

Полустёртый герб Российской империи сверху. Под гербом большая надпись: «Г. Ландринъ». Эля всматривалась в крышку, выискивая, может, какие-нибудь дополнительные подсказки. Но только старые надписи ниже: «Москва», «С-Петербургъ», «Рига».

А в самом низу — «Монпансье Смiъсъ». Последнее слово было необычное. Эля подумала, что это может иметь отношение к сокровищу. Но надпись была старая, сделана на заводе, поэтому решила не мучиться. Открыла коробку, достала тетрадку. От неё резко пахло сыростью, ветхостью. Справа страницы сгнили, нижние страницы вместе с обложкой стали слизью.

Эля с брезгливой миной на лице пошла открывать балконную дверь, чтобы проветрить. Попутно обтирала руки тряпкой, настолько это было неприятно. Бр-р-р! Слизь. Чёрная. Вонючая.

Открыла первую страницу.

И опешила. Такое ощущение, что она это видела, слышала ранее. Она даже помотала головой. И почерк похожий. Достала тетрадь Анны Алексеевны Громницкой. Положила рядом. Очень похоже. Некоторые буквы, рисунки отличались друг от друга, конечно. Но были похожи. Как будто один педагог был у них.

Стала читать.

Всё было написано чернилами. Время не пощадило многие куски. Бумага была влажная. Казалось, что побывала под дождём. Что-то читалось, что-то было в чёрных пятнах. Чернила расплылись от дождя и бесконечного хранения под землёй, части текста были утрачены навсегда. Было написано по-старому, с «ъ». На твёрдый знак оканчивались многие слова. Эле было непривычно читать их. Да и читать чужой рукописный, не машинописный текст было непривычно, сложно.

Почерк был красивый, с завитушками. Так уже сейчас никто не пишет. Эля начала читать. Не всё было понятно из-за расплывшегося текста, дыр, что были в бумаге, но общий смысл был понятен.

«Василий Давыдов — двоюродный брат знаменитого гусара, партизана Дениса Давыдова. Василий был адъютантом у Багратиона. Сам отчаянный рубака. Воевал против французских захватчиков в 1812 году. Друг Пушкина. Был среди декабристов. За мятеж против царского правительства сослан в Красноярск. Имел тринадцать своих детей. Он очень хорошо рисовал…»

Пробел-провал в тексте. Дыра, сгнивший и расплывшийся текст.

Эля переворачивает страницу. Она слиплась с соседней. Маленькими пальчиками, маленькими ноготками она пытается отделить одну страницу от другой. Часть страницы прилипла намертво, рвётся…

Эля злится, психует.

— Да что же это такое!!! Вот оно, золото! Ада, не могла сразу написать, где спрятала? А то вот… Порвала. Всё сгнило. Куда? Где ты спрятала тонну золота, а?

Эля, красная от злости, нетерпения, отчаяния, побежала в комнату родителей, взяла мамин фен для сушки волос. Включила, стала сушить страницы.

Водила из стороны в сторону феном. Взяла нож, вставила между страницами, попыталась разделить их. Осторожно двигала по краям, засовывая глубже. Медленно она раздирала страницы. Достала телефон, фотографировала страницы. Многое из текста пропало. Были отрывки. Где-то большие, где-то маленькие. Но они были!!!

Эля внимательно читала.

Неделя ушла у неё на расшифровку, изучение написанного в тетрадке. Элина прятала тетрадку в столе, когда родители были дома. Она не выходила гулять. Когда родители были дома, искала информацию. Листала фотографии в телефоне, пыталась пробиться через все тайны. Сложно было. Казалось, что пар валит из ушей, как в мультфильмах.

Беляшик и Лошадка звонили, писали, но Эля отвечала, что занята. Беляшик настойчиво требовала дать поносить кулон.

Эле было не до этого. Она погрузилась в поиски с головой. Они полностью захватили, поглотили её. Даже ночью все сны она видела только про эпоху декабристов, Ады Лебедевой, Гражданской войны, революции.

Многого Эля не понимала, но было понятно, что Ада Лебедева изучала историю Красноярского края. Очень тщательно изучала. Получается, что она сама была ссыльная. И ей поначалу было интересно, чем занимались и как жили сосланные в сибирскую ссылку декабристы.

Эля зашла в интернет. Кто такие декабристы? Почему не январисты? Хм. Оказывается, в декабре 1825 года в Петербурге было восстание. Поэтому и так назвали. Оно в декабре состоялось. Дворяне, офицеры отказались принимать присягу на верность Николаю Первому. Хотели изменить конституцию, отменить крепостное право. Многих казнили, ещё больше отправили по сибирским городам в ссылку.

И вот Ада интересовалась, чем же они тут занимались. И она ссыльная, и они.

Многие учили детей. Изучали край. А вот отчаянный гусар Василий Давыдов хорошо рисовал. И заинтересовался красноярскими «Столбами». Это такие вертикальные скалы под Красноярском. Эля с родителями была там несколько раз.

Но вот что интересно. Давыдов каждый день садился в лодку и переправлялся на другой берег. Но Енисей — очень быстрая река. Очень мощная река. Если поначалу Давыдов нанимал лодочника, то потом отказался и грёб сам. Целый день он проводил там и делал зарисовки. Получается, что каждый день Василий Давыдов переправлялся через Енисей, борясь с течением, волнами, чтобы рисовать. От реки там нужно было много километров карабкаться в гору. Дорог там не было, нужно было продираться через чащу тайги ради пейзажей.

Вот это и привлекло внимание Ады. Она стала искать архивы с рисунками и записями Давыдова. Каким-то чудом ей удалось их добыть. Выходило, что на скалах были рисунки. Давыдов их тщательно переносил на бумагу, а потом уничтожил рисунки на скалах. Чтобы никто не видел их. Были другие рисунки. Но «Столбов», на которых он провёл уйму времени, не было.

Стала дальше изучать. Ада почему-то много текста уделила Батыю. Ада! Где тонна золота?! Зачем нам хан? Где золото?!!

Получается, что давным-давно был такой хан Батый. И он приказал отлить из золота в натуральную величину сначала одного коня, а потом точно такого же второго. Интересный факт Эля раскопала. Все ездили на низкорослых монгольских лошадках. А был ещё чистокровный арабский скакун. Но, считалось, что на нём ездит бог войны.

Элина улыбнулась, когда читала. Получается, что ты имеешь классную иномарку, но катаешься на старой, разбитой машине. Странные люди были.

А потом Батый заказал второго коня. Точно такого же.

И вот эти золотые кони с изумрудными глазами достались хану Мамаю. А тот воевал со всеми. В том числе и со своими родственниками. И вот, чтобы эти кони не достались врагам, он повелел отвезти их в Золотую Орду. По-современному — в Монголию. Везли их, пришли везти, потому что в Золотой Орде не всё спокойно и власть там захватили враги этого Мамая. Тогда решили их спрятать.

И спрятали их в Красноярске. Наказали местному князю следить за сохранностью.

Кстати, в Волгограде Мамаев курган назван в честь этого Мамая, там у него располагалась ставка. О как!

Когда русские казаки пришли на красноярскую землю, тут был местный князь Тюльге. Русские не поняли и обозвали его на свой лад — Тюлька. Не знали они, что «тюльге» в переводе означает «лис».

Тюлька хитрил, показывал русским, что он слаб, а сам организовывал нападения на поселенцев.

Когда он умер, его место занял сын Татуш. Он активно сотрудничал с русскими. А потом ушёл в Хакасию. Остров, где паслись его лошади, назвали Татышев.

И что, местные племена нарисовали на скалах «Столбов», где спрятаны эти золотые кони?! У Эли вспотели ладошки от волнения.

И вот получается, что Давыдов нашёл, где спрятаны эти золотые кони с изумрудами вместо глаз. Они здесь!!! Здесь, в Красноярске! Два золотых коня!!!

Эля лихорадочно искала, сколько могут весить эти кони. Получалось, что каждый — по пятнадцать тонн чистого золота!!! Тридцать тонн золота! Вот здесь! В городе или рядом! И четыре огромных изумруда!

Эля попыталась посчитать, сколько же стоит это золото. От увиденных цифр голова закружилась. Миллиард! А понимая, что это историческая ценность, а не просто золото, то цена просто заоблачная!

Вот только не было указано, где оно зарыто. Нижние страницы тетради превратились от времени в чёрную слизь. И это было очень обидно.

Ада Лебедева писала, что Давыдов рассуждал: нельзя тогда было доставать это золото, оно должно быть изъято из земли, когда падёт самодержавие и отменят крепостное право.

Согласно дневнику, получалось, что Ада тоже поддерживала эту мысль. А вот где она спрятала золото из казны Красноярска — тоже только урывками. Только написано, что она нашла пещеру и там…

И всё. Только маленький кусочек, что туда же она загрузила и золотой запас из казны города. Рассуждала просто. Если пещеру разбойников не нашли до этого времени, то и сейчас не найдут. И какая-то сопка упоминается. Урывками. И две отметки: если смотреть на них, то спрятанные кони были за спиной. Если встать по центру и смотреть на эту сопку, то увидишь две отметины. Между ними пещера. Она завалена камнями, но белый камень укажет вход.

Эля потёрла виски. Вот почему просто так нельзя написать или нарисовать? Всё зашифровано. Интересно, как бы Щетинкин всё прочитал и расшифровал?

Почти неделю Эля не выходила из дома. Родители беспокоились, не заболела ли дочка. Но она, как во сне, только отмахивалась. Говорила, что нашла интересную тему для реферата на следующий год.

Эля набрала на компьютере то, что поняла, расшифровала. Набрала два варианта. Первый — с пробелами, второй — что домыслила, вставками из интернета, что как бы подходило по смыслу.

Позвонила Наташе и Белле. И побежала на встречу.

Первой пришла Беляшик. Она была возбуждена. Не давая открыть рот Эле, она с ходу заявила:

— Элька! Отдай кулон! Ты его уже долго носишь и не отвечаешь на телефон.

Эля, настроенная на рассказ про золотых коней, опешила:

— А я его не взяла с собой.

— Как?! Как ты его не взяла?! — негодовала Белла.

— Да, как-то и не подумала. Я вот другое накопала…

— Где кулон, Эля?! — кричала Белла в лицо.

— Не кричи! — не выдержала Эля.

— Ты его столько носишь! Неделю сбрасываешь звонки. Где кулон?! Ты его уже продала или отдала?

— Он дома.

— Я имею на него точно такое же право, как и ты!

— Имеешь, имеешь, — согласилась Эля. — Мы все его нашли. Он наш. Общий! Но я такое нашла!

Беляшик не дослушала, нервно, нетерпеливо топнула ногой:

— Немедленно отдай его мне!

Подошла Наташа:

— Чего кричите на весь двор?

— Да вот! Элька зажучила кулон и не отдаёт поносить, — пожаловалась Белла.

Лошадка недоумённо посмотрела на подругу:

— Белла, а зачем он тебе?

— Как зачем? — опешила Беляшик. — Носить!

Наташа по-птичьи склонила голову набок, внимательно смотрит:

— Просто так вот носить?

— Ну да, — Белла снова притопнула ногой.

— А, что ты скажешь родителям? Что на кладбище нашла?

— Скажу, что Элька дала поносить!

— Ага. И твоя мама позвонит её маме. И спросит: «Таня, а почему у тебя дочь носит сто граммов золота на шее?» Сама-то подумала?

— А я буду снимать перед домом!

— Пойдёшь по улице с таким золотом — и голову оторвут вместе с цепочкой и подвеской, — Наташа по-прежнему заинтересованно смотрела на подругу. — Мне просто интересно: зачем он тебе?

— Как будто тебе не хочется его поносить!

— Нет, — пожала плечами Лошадка. — Мне хочется найти много золота. Клад. То, что Ада Лебедева спрятала. Казну Красноярска. И купить себе конюшню.

— Тьфу! — Белла эмоционально плюнула на землю. — Это зачем тебе конюшня?!

— Как зачем? Лошадей разводить, тренироваться, в соревнованиях участвовать.

— Ты кулон продай, наверное, на коня хватит, — уже кричала на Наташу Белла.

— Да я тут такое нашла… — начала Эля.

— Отдай кулон! — неистовствовала Беляшик; казалось, что она вот-вот кинется с кулаками на подруг.

— Нет у меня его сейчас. Дома. Да я до конца и не поняла, зачем его Ада положила в коробку с тетрадкой. Я многое узнала, но не всё. Вот, смотрите.

Эля достала папку с записями. Открыла, хотела показать подругам, но Белла резко ударила по ней, все записи разлетелись и упали на землю.

— Отдай кулон немедленно!

Эле стало обидно. Она так старалась. Неделю корпела, вникая в текст, искала в интернете, а с ней вот так! И кто? Подруга! Из-за куска металла. Неизвестно ещё, он золотой или нет!

— Немедленно подбери бумаги, и я всё объясню! — сдерживая слёзы злости, сквозь зубы процедила Эля.

— Не буду! Отдай кулон! — кричала Белла, уже слабо контролируя себя.

— Подбери бумаги!

— Не буду! — Белла упёрла руки в бока.

Все стояли молча.

Беляшик сузила глаза, прошипела:

— Всё! Вы мне не подруги! Забудьте всё! Подавитесь своим кулоном и кладом!

Белла резко развернулась на пятках и, откинув волосы назад, быстро, не оборачиваясь, пошла прочь.

Элина и Наташа стояли и молча смотрели вслед уходящей бывшей подруге. У Эли на глазах выступили слёзы. Она присела, шмыгая носом, вытирая глаза, стала собирать раскиданные бумаги. Наташа ей помогала, приобняла за плечи:

— Да не расстраивайся ты так! Ничего. Она остынет и вернётся. Беллка же такая. Вспыльчивая, но отходчивая, — подумала, добавила: — И ужасно глупая. Что-то в голову втемяшится — проще голову открутить.

Девочки собрали бумаги. Эля тыльной стороной вытерла мокрые от слёз глаза.

— Ну вот, давай я тебе расскажу. Я неделю головы не поднимала, на улицу не выходила. По ночам снилось, — задумалась, махнула в сторону, куда пошла Белла. — А она… Она…

Эля готова была снова расплакаться.

Наташа выпрямилась в полный рост, рубанула:

— Плюнь и забудь! Если придёт, извинится — значит, подруга. Не придёт — попутчица. Рассказывай! Мне интересно, где клад!

Эля стала показывать фотографии, распечатанные листы, объяснять и рассказывать.

У Наташи загорелись глаза:

— Золотые кони?! Элька! Ты представляешь?! Золотые кони! У нас! Вот здесь! Один твой, один мой!

Она потопала.

— Может, мы и стоим над ними сейчас! Эля! Это невозможно и невероятно!

— Вот и я про то! Поэтому к вам и побежала. А она… Ей кулон нужен! А тут кони из золота!

— Бестолочь! Эх! Откопать! Я бы посидела на них! Кони из золота! Это же сколько деньжищ-то!

— Много. Очень много!

— Беляшу ничего говори. Пусть сама придёт. А то привязалась к кулону.

Девочки ещё много проговорили. Они мечтали, как найдут легендарное сокровище, разбогатеют и прославятся на всю жизнь. Наташа рассказывала, какую конюшню она построит. А Эля ещё не решила, как распорядится своей долей.

— Меньше народу — больше… — начала Наташа.

Эля её перебила, закончила фразу:

— Больше кислороду.

— Не кислорода, а доля больше! — у Наташи азартно блестели глаза. — Ушла — скатертью дорога. Она ещё умоется слезами зависти и обиды, что не с нами.

На том и порешили.

Девочки ещё долго возбуждённо болтали.

— А чего дальше делать-то? — озадаченно посмотрела на Элю Наташа.

Та пожала плечами:

— Подумаю. Это как в передаче есть фраза: «Нужна помощь зала!»

— Как бы у нас не отобрали коней-то, — мрачно ответила Лошадка.

Эля сморщила носик:

— Буду говорить, что на каникулах дали написать реферат о городских тайнах, легендах.

Наташа согласно кивнула:

— Нормально так. Кто откажет ребёнку в тяге к знаниям? Никто. А у кого спросишь?

— У деда. У него много знакомых, думаю, что подскажет кто, сможет нам помочь в чём-нибудь. Главное, понять, куда дальше двигаться. А то много чего есть, а толку-то ноль.

— Ага. Это как в кладовку зашёл, заваленную старьём. Вроде всё интересно, любопытно, а непонятно, для чего многие предметы. Как-то была в гостях в деревне. Показали мне сначала деревянный брусок с насечками с одной стороны. Плоский такой. Рукоятка там. Оказывается, этим гладили раньше бельё. Я не поверила!

Эля озадаченно посмотрела на подругу:

— Ребристый? Не гладкий? И этим гладили?

— Ага! — кивнула Наташа. — Одежду накручивали на валик, потом этой палкой туда-сюда гоняли.

Эля внимательно смотрит на подругу:

— Жуть какая!

— Ага. А ещё показали стиральную доску.

— Чего?

— Чего-чего! Чевочка с хвостиком. Стиральная доска. Пластина ребристая металлическая, вокруг деревянная рама. Ставили в таз, мочили бельё в порошке, мыле, а потом поднимали и тёрли об эти вот рёбра железные.

Эля посмотрела на свои руки:

— Так это… руки стереть можно до костей!

— И не говори! Как хорошо, что есть машинка-автомат, закинул — и забыл! Она сама всё постирает и отожмёт. Высохло — и электрическим утюгом погладил! Вот только утюгом и помашешь, а всё остальное тебя не касается.

— М-да, хорошо, что мы в этом время живём, а не когда стиральная доска вместо машинки и палка ребристая вместо утюга.

— И не говори. Даже не могу представить, как тогда жили!

Девочки ещё немного поболтали и разошлись. Эля по дороге позвонила деду Славе:

— Дедушка, привет!

— О! Как хорошо, что позвонила. Бабушка тут тебе пироги стряпает сладкие, какие ты любишь, заходи, скоро будут готовы.

— Сейчас не могу.

— Я вечером завезу. Как дела?

— Всё хорошо, не волнуйтесь. Я тебе по делу звоню.

— Говори. Чем могу — помогу. Никто не обидел? Кому-то надо объяснить, что он неправ? — голос дед сух, собран.

— Нет-нет, дед! Всё хорошо. На каникулы задали реферат по городским тайнам, городским легендам. Я посмотрела интернет, всё уже давно известно и наезжено. Нет у тебя какого-нибудь знакомого историка, что ли, кто бы рассказал, чего нет в сети? А?

Дед секунду подумал:

— Есть. Директор музея Красноярской железной дороги. Я ему позвоню, узнаю, когда он сможет тебя принять.

— Мы вдвоём будем!

— Да хоть впятером. Главное, чтобы у него было время, очень занятой мужик. Но когда рассказывает, открываешь уши и слушаешь. Это настолько интересно, захватывающе, зримо. Сам люблю с ним общаться. Так и хочется ему сказать: «Говори, рассказывай!» Но он востребован. Научные статьи пишет. Ладно. Понял. Я перезвоню!

Эля шла домой. На душе было легко. Иногда только набегала мысль о Белле и её истеричной выходке. Это неприятно, что та, которую она считала подругой, так себя повела. Сама бы брала и читала, изучала, думала.

Звонок от деда Славы.

— Алло, дед!

— Тебе повезло, у него утром будет время для встречи. Часов в десять. Сможете? Что ему сказать?

— Я буду, а подружке позвоню. Если что, я сама приеду. Куда ехать, кого спросить?

— Мира, сто один. Карпухин Константин Владимирович. Скажешь, что от меня. Напротив церкви. Советую взять тетрадку и ручку. Информации много, можешь и диктофон включить на телефоне. Запомнила, или сообщением отправить?

— Нет, спасибо. Запомнила. Спасибо, дед! Бабушке привет. Честно, не могу приехать. Но пироги жду! Целую!

Эля перезвонила Наташе, договорились встретиться у музея.

Наутро они потянули на себя тяжёлую деревянную дверь музея. Позвали им директора. Вышел большой дядька. Широкий в плечах, сильно развита грудная клетка, большие руки, шапка чуть вьющихся волос, голубые глаза.

— А-а-а! Вячеслав Николаевич звонил. Кто внучка его?

— Я,— Эля немного смутилась.

— Дай-ка я тебя рассмотрю,— он покрутил головой, рассматривая Элю.— А похожа на деда. Есть общее. А тебя как зовут?

— Наташа,— чуть робея, представилась Лошадка.

— Ну хорошо. Давайте я вас проведу по музею, а потом я отвечу на ваши вопросы.

Первый зал большой. Слева от входа миниатюрная модель: как прибывает первый поезд на станцию Красноярск. Всё маленькое. Много деталей. Как будто на настоящее действо смотришь, но с высоты птичьего полёта. Даже встречающие поезд фигурки были в одежде той эпохи, лица разные, как живые. Очень красиво и захватывающе.

Узнаваемый железнодорожный вокзал. Оказывается, первый поезд прибыл в Красноярск в дату именин царя Николая Второго, шестого декабря 1895 года.

По залу расставлены старинные предметы. Всё очень интересно. Был даже колокол, который висел на перроне и оповещал, что поезд отходит. Тогда не было громкой связи, когда тётя говорит, а вот так, звуком колокола, сообщали пассажирам. И чайники, в которых носили кипяток. Не обычный, а с длинным носиком. Как в кафе с китайской кухней, только там — для представления, а тут — чтобы в толчее разливать кому надо.

Всё было интересно. Девочки восторженно крутили головой. На всём был налёт таинственности, многие тысячи рук прикасались к этим предметам. Многим было гораздо больше тысячи лет. Предметы — как живые. Прислушайся — и они заговорят, расскажут свою историю.

Получалось, что вся история Красноярска неразрывно связана с железной дорогой. Если до строительства Транссибирской магистрали Красноярск был заштатным городом на Сибирском тракте, то после он стал столицей края, многие события так или иначе крутились вокруг железной дороги.

Во время Великой Отечественной войны сюда вывозили эвакуированные заводы. Ставили станки на пустыре, дети лет двенадцати становились к станкам и делали продукцию для фронта. Под брезентовым навесом, в любую погоду. Там же ели, спали. Станки не останавливались, дети менялись. Многие от усталости калечились. Вокруг станков с детьми возводились стены заводских корпусов. Всё для фронта, всё для Победы. А потом готовую продукцию по железной дороге везли на фронт.

Самолёты из Америки перегоняли до Красноярска. У истребителей отстёгивали крылья, грузили на платформы и отправляли на фронт. Бомбардировщики поначалу дальше летели сами. Но потом их тоже стали перевозить по железной дороге от Красноярска на фронт.

Много интересного девочки узнали про железную дорогу.

Перешли во второй зал. Там был массивный резной деревянный стол, покрытый зелёным добротным сукном. Стул тоже под стать столу — массивный, с высокой деревянной спинкой, украшенный изящной резьбой. И множество старинных книг, тетрадей в шкафах. Казалось, что шкафы и стол со стулом были из одного набора мебели. Дядя Костя — он сказал, чтобы они так его называли,— пояснил, что почти все эти предметы были из кабинета начальника станции Красноярск.

Девочки осторожно потрогали стол, стул. Такого они не видели ещё. Только в кино. Потом уселись за современный длинный стол. Девочки заворожённо слушали Константина Владимировича.

— Ну что, девочки, понравилось?

Они переглянулись между собой:

— Очень!

— Очень понравилось! Жаль, что мало запомнили. Настолько всё интересно. А я столько раз ходила мимо и не читала вывеску, что здесь такое замечательное место. Хороший музей!

— Ага! Я так заслушалась, что забыла, зачем вообще мы сюда пришли.

— Ну, давайте, спрашивайте. Чем смогу, тем и помогу,— Константин Владимирович широко улыбнулся.

— Понимаете…— Эля мялась, ей было неудобно обманывать этого доброго дядю, который так увлекательно провёл им экскурсию.— Нам задали реферат на каникулах…

— Что-нибудь необычное, мистическое,— поддержала подружку Наташа.

Карпухин откинулся на стул:

— Ну, девочки, вы не по адресу. Я не собираю сказания, легенды. Работаю с архивами, фактами. Даже не знаю, чем помочь. Поищите в интернете, там много чего свалено в кучу. Часть правды, часть вымысла, часть домысла — вот и родилась городская легенда.

— Не хочется. Мы там всё уже посмотрели. Там, как бы сказать… заезженно.

— Ага. Как будто один и тот же диск с фильмом передают по кругу, все посмотрели, а тебе снова предлагают. Неинтересно уже и скучно. А вот что-нибудь свежее…

Константин Владимирович только развёл руками.

Эля подумала.

— Дядя Костя, а скажите, вот было у нас много знаменитых декабристов. И был такой Давыдов.

Константин Владимирович удивлённо смотрит на Элю:

— Удивили вы меня, девочки! В школе сейчас об этом говорят одним абзацем в учебнике. Интересные вопросы вы задаёте. Тем более про Давыдова. Отчаянный воин. Рубился как надо. Немного идеалист. Как, впрочем, и многие декабристы. Хотел счастья народу.

Девочки приготовились записывать. Эля перевела мобильный телефон в автономный режим, чтобы никто не позвонил, включила диктофон. Наташа склонилась над тетрадкой в готовности записать всё, что услышит.

— Он хорошо рисовал?

— Альбом с его рисунками находится в Эрмитаже. А это что-то да значит. Он много времени проводил на «Столбах». Они его манили…

Наташа и Эля переглянулись:

— Как вы думаете, если бы Давыдов нашёл какое-то сокровище… Большое…

— Спрятанное сокровище.

— Да. Спрятанное. Просто, скажем, карту, где оно лежит, он бы мог промолчать?

Директор музея улыбнулся:

— Я не занимаюсь гаданием на кофейной гуще. Не знаю.

— Вот просто представьте, вы же хорошо знаете историю…

Карпухин шутливо погрозил пальцем:

— Ай-ай, девочки! Маленькие провокаторы и манипуляторы! Так нехорошо. Ладно. Но это моё мнение. Декабристы пытались улучшить жизнь простого народа? Они мечтали об этом?

Девочки переглянулись, кивнули:

— Да.

— Их сослали в ссылку в Сибирь. Они же были дворянами, привилегированное сословие, всего лишили, домов, наград, денег, положения в обществе — и в Сибирь. Почти как каторжан. Так?

— Да.

— Можно смело предположить, что они были обижены на царя и его власть?

— Я бы обиделась. И даже очень сильно, — кивнула Наташа.

— Так, вот, чисто гипотетически…

— Чего? Это как? — удивлённо спросила Эля.

— Умозрительно, — пояснил Карпухин. — Правды мы уже не узнаем. Но умозрительно, с точки зрения психологии, можем предположить, что большинство декабристов были злы и разочарованы. Поэтому, если, опять же умозрительно, если бы Давыдов узнал, где лежит большой клад, мог составить карту и спрятать её. Зашифровать её. Чтобы, когда закончится власть тиранов, народ мог найти эти сокровища. Предположим, что возможно. Но если бы это было правдой, то сокровища нашли бы.

— А как бы он мог это зашифровать?

— Где он мог спрятать карту?

Директор музея покачал головой:

— Какие настырные девочки. В то время было сильно развито масонство.

— А это что?

— Когда вернулись из похода на Францию, то многие вступили в тайные общества. Масонство, масоны. Они называли себя «вольными каменщиками». Что-то вроде тайного общества, стремящегося ко всеобщему благоденствию. Состоял ли в нём Давыдов, точных данных нет. Но у него был товарищ. Храбрый офицер, также вышел на Сенатскую площадь двадцать пятого декабря тысяча восемьсот двадцать пятого года. Батеньков. Вот он был точно масон. Он отбывал ссылку в Томске. Был архитектором. Давыдов из Красноярка попросил Батенькова в Томске, чтобы тот подготовлял проект здания Благородного собрания в Красноярске.

— И он нарисовал?

— Да. И здание было построено и живо до сих пор. И вы его видели, много раз мимо проходили.

— А где оно?

— Мира, шестьдесят семь. Жёлтое, деревянное.

Девочки опять переглянулись.

— Старое здание. Деревянное.

— Ну да, коробка коробкой.

Дядя Костя усмехнулся:

— Первоначально был иной вид. Богатое крыльцо, с колоннами, портик сверху. Потом всё это убрали, и да, сейчас просто коробка. И не очень красивая. Так вот я о чём. Масоны любили символизм.

— Чего?

— Символизм. Каждый знак, украшение, завитушка — она, как символ, что-то означала. Со стороны обыватель смотрит и не видит ничего, кроме украшений. Это как стиль барокко. Много деталей. Они красивы, порой всё смотрится крайне безвкусно, но посвящённый читает эти здания, символы на них как книгу. Вот и допустим, что именно там Давыдов и Батеньков могли зашифровать

послание масонам в будущем. Мол, так и так, там спрятано много золота, пойдите и возьмите для народа. Кстати! Сам Давыдов жил вот, в соседнем доме. Сейчас там краевое министерство финансов расположено. И улица Декабристов так поэтому называется.

Девочки слушали заворожённо:

— Ух ты!

— Как здорово!

— Девочки, но это всего лишь досужие измышления на заданную тему. Никаких фактов нет.

Девочки разочарованно, не сговариваясь, тяжело вздохнули.

— А где можно посмотреть, как оно выглядело?

— В интернете есть фотографии, но они старые, сбоку, смазанные. Попадался и чертёж, что Батеньков делал. Поищите.

— А там детали видны?

— На чертеже — конечно. Могли и внести изменения в ходе строительства, но вряд ли. В те времена такую самодеятельность не допускали. Ну как, хватит вам для реферата? — Константин Владимирович широко улыбнулся.

— О да! Это очень интересно!

— А можно ещё попросить рассказать кое-что?

— Спрашивайте. Мне даже интересно проводить умственные изыскания. Как-то вы заставили меня иначе взглянуть на психологию декабристов. Под чуть иным углом зрения,— усмехнулся он.— Самому интересно. Спрашивайте.

— А вы можете рассказать, как Ада Лебедева и её друзья бежали из города?

Константин Владимирович удивлённо вскинул брови:

— Ого! Какие у вас познания. В школе это точно не изучали.

Наташа пожала плечами:

— В интернете нашли. Но там как-то всё обрывочно.

Карпухин кивнул:

— Согласен. Это нужно искать специально, читать литературу. Хорошо, попробую. В тысяча девятьсот восемнадцатом году с запада, со стороны Мариинска, сейчас это Кемеровская область, и с востока, со стороны Канска, шло наступление на Красноярск. Были части Белой армии и восставшие чехи и словаки, что следовали на поездах.

— А куда они ехали?

— Во время Первой мировой войны было много захвачено чехов, словаков, и сами сдались в плен. Они тогда входили в состав Австро-Венгерской империи и воевали на стороне Германии. Было решено отправить их во Владивосток, а оттуда интернировать…

— Извините. Чего сделать?

— Выслать, переместить в Америку. На западе же шла война. Они под руководством французов должны были эвакуироваться и на пароходах прибыть в Грецию, на Салоникский фронт, чтоб бить австро-венгров и немцев. Так вот, вкратце — не буду вас загружать кровавыми, страшными подробностями того времени. Шла Гражданская война. Это когда брат на брата, дети на родителей, воевали друг с другом, убивали друг друга. Очень страшное время. Не приведи Господь, чтобы что-то подобное повторилось.

Константин Владимирович на секунду задумался, взгляд слегка затуманился, когда он смотрел в окно. Казалось, что перед его мысленным взором мелькали события кровавого прошлого. Он отошёл от наваждения, потёр лоб.

— Ладно. Эта тема связана непосредственно с нашей железной дорогой, поэтому знакома основательно. Если коротко, большевики, что были у власти в Красноярске, пытались взорвать мост через Енисей. Красные хотели не допустить проникновения с восточной стороны наступающих. Он был заминирован. Железнодорожники узнали об этом, уговорили, объяснили, что мост взрывать нельзя, сняли взрывчатку. Ну а когда красные осознали, что попали в клещи, деваться некуда, решили погрузиться на пароходы и через Северный морской путь уйти в Архангельск. Было задействовано пять пароходов, почти тысяча человек погрузились. Туда же была загружена и казна Красноярска. Тонна золота, несколько сотен пудов… — посмотрел на слушательниц.— Вы знаете, что такое пуд?

— Знаю! Когда я однажды сказала папе «стопудово», он рассказал, что пуд — это шестнадцать килограммов, вот и получается, что сто пудов — это тысяча шестьсот килограммов,— выпалила Эля.

— А у нас, когда зерно для лошадей покупают, часто тоже всё измеряют в пудах. Тоже знаю,— высказалась Лошадка.

— Это хорошо, что знаете. Многие современные дети не ведают такой меры измерения. Так вот. Почти тонна золота и несколько пудов серебра. Какие-то ценные бумаги. Тогда были ценными. Погрузились на пять пароходов, народу было тысяча человек. Многие горожане тоже хотели уйти с ними, но Ада Лебедева из револьвера отогнала толпу. Рабочие железнодорожных мастерских приняли бой с превосходящими силами белых и белочехов, чтобы дать уйти товарищам на пароходах. Вот.

Директор музея задумался, тяжело вздохнул, как будто он был тогда на пристани, переживая вновь.

— Страшное время было. Через день или два за ними в погоню отправилась сотня белых. На лошадях, пушку с собой взяли. Вот пять пароходов плывут по течению, люди там спят, еду готовят, гуляют по палубе. А сотня преследователей — на лошадях, пешком, да и дороги тогда были не покрыты асфальтом. Лошадям нужен отдых,

людям тоже. Надо всем поесть. Им удалось на одной из пристаней вдоль Енисея захватить пароход. Погрузились и догнали в районе Лесосибирска беглецов. Лесосибирска тогда ещё не было — были деревни Маклаково, Абалаково, а догнали белые красных в районе Монастырского. И вот эта сотня расправилась с тысячей.

— Как расправилась?

Дядя Костя немного помолчал, подыскивая слова, чтобы они не травмировали девочек.

— Кого-то убили на месте. Кто-то успел сбежать в тайгу. Но люди городские, без снаряжения, еды, через несколько дней сами вышли, покусанные гнусом, комарами. Тогда же из деревень, которые я назвал, подтянулись жители. И тоже приняли активно участие в побоище.

— А на чьей стороне?

Девочки притихли, как бы представляя, осознавая, какая трагедия произошла в то далёкое время.

— На стороне белых. Людей расстреливали, резали, топтали лошадьми. Бывшие гимназисты, это исторический факт, оказались по разные стороны баррикад, убивали друг друга, забивали насмерть камнями. Хоть у красных и было численное преимущество, они проиграли.

— А почему?

— Наверное, потому, что у преследователей дух тогда был покрепче. Плюс опыт боевых действий, злости больше,— покачал огорчённо головой.— Безумное время.

Воцарилась тишина.

— А потом? Потом что было?

— Потом? Около сотни человек пленных привезли в Красноярск. В том числе Аду Лебедеву и её мужа Вейнбаума. И здесь всех… здесь всех убили. Кого-то судили, а потом расстреляли, кого просто… убили. Я не буду вам рассказывать во всех подробностях. Но это были ужасные смерти. Не быстрые, если коротко и ёмко.

Подружки зябко поёжились, как будто им было холодно.

— Какая жуть!

— Ага, и не говори!

— Дядя Костя, а что стало с золотом?

Константин Владимирович тряхнул головой, как будто стряхивая наваждение, густые волосы разлетелись, пятернёй поправил чёлку, насмешливо посмотрел на Элю и Наташу:

— Какие вы корыстные девчонки!

— Мы не корыстные, а любознательные,— ответила Эля.— Нам для реферата нужно!

— А я уж, грешным делом, подумал, что сейчас вы отправитесь на поиски золота.

Наташа задорно подмигнула Эле:

— Ну, не сразу сейчас, вот как только узнаем, где оно спрятано.

— Да никто толком не знает историю этого золота. Есть легенда, что одному пароходу удалось вырваться. Меньше сотни человек прибыло в Архангельск. Но это лишь легенда. Никто не дошёл до Архангельска. Отметок о приёме золота на хранение в банке, насколько я знаю, нет. Вроде как в банк Енисейска поместили. Но город тут же пал, документы пропали. Золота нет.

— А может, в тайге спрятали? — перебила Эля.

— Тонна золота в слитках — это не иголка в кармане. Не знаю, где оно. Те, кто перевозил, погибли, те, кто искал, кто погиб, кто сгинул, кто умер уже. Свидетелей, понятно, нет уже на свете. Кто-то удрал в Европу, в Китай от возмездия, когда советская власть вернулась в эти края. Кого-то захватили в плен, думаю, что под пытками они бы рассказали, где золото. Но оно так и не всплыло нигде.

Тяжело вздохнул: было видно, что Константину Владимировичу очень тяжело подыскивать слова, рассказывая эту тяжёлую историю.

— Эх, жаль,— вздохнула Лошадка.

— Не переживай. На нём столько крови, что ни к чему оно вам. Не принесло оно счастья ни одним, ни другим,— дядя Костя нежно погладил по голове Наташу.— Что-нибудь вам ещё рассказать?

Эля поднялась, выключила диктофон в телефоне.

— Дядя Костя! Спасибо! Очень интересно! Если бы не диктофон, то столько информации, что не успевали записывать, так всё увлекательно, захватывающе!

— Понравилось?

— Не то слово! — подхватила Наташа.— Вот бы нам так уроки интересно вели. Я почти ничего и не записала, только слушала, а в голове только одна мысль: «Говорите, продолжайте!» Мне дедушка так про вас рассказывал. Я не могла понять. А вот теперь я с ним согласна! Спасибо!

— Теперь будем писать реферат,— засобиралась Эля.— Ой, так время незаметно проскочило!

Девочки вышли на улицу и возбуждённо обсуждали услышанное:

— Вот всё сходится!

— Это точно!

— Давыдов что-то нашёл в петроглифах…

— Чего-чего?

— Петроглифы — это рисунки на скалах. Я сначала у Ады нашла, потом уже в интернете посмотрела,— пояснила Эля.

Лошадка уважительно посмотрела неё:

— Ну ты даёшь, подруга! Прямо растёшь в моих глазах! Быть тебе академиком.

Эле была приятна похвала, она немного зарделась.

— Ну вот,— продолжила она.— Он нашёл эти рисунки на скалах, скопировал их. Затем пишет этому масону, архитектору Батенькову: мол, нарисуй здание,— и каким-то образом передаёт

зашифрованное послание. Надо в здании для следующих масонов зашифровать, где спрятаны золотые кони.

— О как!

— Да!

— А как он передал? Где Красноярск, а где Томск? Думаю, что и следили за ними. Как думаешь? — настаивала Лошадка.

Эля пожала плечами:

— Могу ответить, как дядя Костя сейчас говорил. Чисто гипотетически…

Наташа перебила:

— Ну ты даёшь, как губка впитываешь умные слова! Скоро заговоришь, так никто не поймёт.

— Умный поймёт, а дуракам и необязательно. Так вот. Гипотетически мог с попутчиком отправить тайное послание. Мог и тайнописью зашифровать.

— А это как?

— Я читала, как революционеры это делали. Самое простое — написать молоком.

— Чем-чем? Молоком? Я не ослышалась?

— Нет, молоком. Пишешь. Потом сушишь. Сверху обычными чернилами письмо: мол, жив, здоров, хорошо кушаю, много гуляю, дышу свежим воздухом.

— А дальше?

— А дальше тот, кто получил письмо, прочитал написанное чернилами. Зажёг свечу и над пламенем водит письмо туда-сюда. Написанное молоком проступает на бумаге, читаешь тайное послание. Выгорает высушенное молоко.

— Ух ты! Круто! — Наташа была в восхищении.

— Там много чего написано. Я всё не запомнила. А вот про молоко запомнила. Наши войска, когда воевали во Франции, они много чего узнали. Особенно у французских и немецких монахов. Они ещё те были хитрецы. Ну и, думаю, как дядя Костя рассказал, масоны тоже не лыком шиты были. Они же по всему миру были, надо же было как-то общаться между собой. Вот тогда и была развита эта тайнопись. Уф! — Эля, пока говорила, даже вспотела, вытерла тыльной стороной ладони лоб.

— Значит, гипотетически, — Наташа тщательно, с артикуляцией губ, произнесла слово, — наш Давыдов пишет томскому Батенькову: мол, ты это, нарисуй дом красивый, а в фасаде зашифруй, где кони золотые спрятаны. Потом придут другие масоны, прочитают, откопают и отдадут народу. Так вытанцовывается? — Лошадка была горда собой, что расшифровала мудрёный ребус.

Эля пожала плечами:

— Получается так. Только потом фасад снесли. Осталась лишь сама коробка. Идём, поглядим на неё, вдруг чего и увидим.

— Ага! Давай!

Дети пешком прошли пару километров, встали, рассматривая здание. Жёлтое, деревянное, с вытянутыми окнами. На фоне окружающих строений оно смотрелось инородным телом.

Вокруг красивые старинные здания, сделанные из камня, кирпича. К нему с левой стороны примыкал Дом офицеров. Красивая архитектура. Сверху, на крыше, беседка. И это… Жёлтое, деревянное. Снести его — так никто и плакать не будет.

Девочки, задрав голову, рассматривали его.

— Ты чего-нибудь интересное видишь?

— Не-а. А ты?

— Тоже ничего. Давай перейдём через дорогу, может, что-нибудь наверху спрятано.

— Давай!

Девочки перешли дорогу, задрав голову, рассматривают здание Благородного собрания.

Наташа склоняет голову то к одному плечу, то к другому, пытаясь рассмотреть здание под разными углами.

— Эля, что видишь?

Эля пожала плечами:

— Здание старое. Посередине три высоких, вытянутых окна. По бокам от них по две колонны. От колонн по три окна с одной и другой стороны. Колонны держат сверху треугольный козырёк, кажется, его называют «портик». Думаю, что раньше здесь был вход, но его, наверное, снесли.

— Угу, — кивнула Лошадка. — А ещё? Необычное видишь?

Эля ещё раз внимательно разглядывает здание.

— Знаешь, чего я тут не вижу?

— Скажи.

— Я не вижу ни одного масонского символа. Правда, я не знаю, как он выглядит, но думаю, что вон на соседних зданиях всякие финтифлюшки, вроде как украшения, а тут ничего. Видать, всё убрали со входом.

Наташа согласно кивает:

— Я вот тоже тут ничего не увидела. А ведь это здание было самым красивым на тот момент. Благородные собрания тут проходили, балы, наверное, всякие. Дамы в длинных бальных платьях. Мужчины в смокингах. Свечи. Оркестр. Возле входа кареты с холёными лошадьми. Эх. Романтично было! А смотрится сейчас как облагороженный сарай. Неинтересный.

— Точно. А ты вот без карет с лошадьми не можешь обойтись.

— И ещё, — Лошадка снова склонила голову набок. — Доски. Они мне не дают покоя.

— А в чём дело? Доски как доски.

— У нас на ипподроме недавно обшивали старую конюшню сайдингом, это как доски, только пластиковые. Здесь, видишь, они горизонтальные, параллельные земле.

— Ну, — Эля ещё раз взглянула на здание. — И чего?

— На конюшне были прибиты старые доски вертикально, а сайдинг крепили горизонтально.

Я спросила у рабочих: а почему так? Не проще ли было пустить как старые?

— И что они тебе сказали?

— Они сказали, что раньше обшивали так здания, чтобы вода не задерживалась в стыках между досками и не гнили они, поэтому и вертикально. Брёвна, из которых строили дома, протыкали паклей, там вода не скапливалась. А сайдинг пластиковый и сделан так, что эти доски находят друг на друга, и вода стекает. И пластик не гниёт. А тут как доски расположены?

Эля внимательно смотрит:

— Горизонтально. Но не гниют же.

— Может, и гнили. Здание же ремонтировали, реставрировали.

Эля смотрит:

— Может, как слои земли? Как пласты: мол, внизу земля?

— Я тоже об этом подумала,— кивнула Лошадка.

— Надо в интернете поискать, может, найду, как раньше выглядел этот вход с всякими вензелями и завитушками.

— Ага. Я на тренировку побегу.

Девочки только собрались уходить, как увидели, что вдоль здания Благородного собрания шла большая шумная компания девчонок и мальчишек. Они громко о чём-то разговаривали, смеялись. Заняли всю дорогу, но шли плотной стайкой, так что прохожим приходилось их обходить. Они же демонстративно никому не уступали, делая вид, что увлечены беседой и не замечают окружающих. На полголовы выше всех выделялась Катя Краснова.

— О! Катькина компания.

— Ну их.

— Смотри, Беляш с ними тоже.

И точно. Внутри плотной толпы шла Белла. Она покрасила волосы. Спереди были две ярко-красные пряди. А по всей голове выделялись пряди-полосы, выкрашенные в ярко-зелёный цвет, как зелёнка. Вперемешку шли лиловые и белые.

— О, ёлки!

— Беляшик теперь попугайчик? Так её звать?

— Не обижай птиц. У них таких такого оперения нет.

— Фу! Полная безвкусица!

— Да. Даже неприятно смотреть.

— И она была нашей подругой.

— И не говори!

Беляшик, словно услышала разговор Эли и Наташи, покрутила головой, увидела их, резко мотнула головой так, чтобы волосы раскидались, громко рассмеялась какому-то мальчику, что шёл рядом, взяла его обеими руками за руку и прильнула к нему, продолжая громко смеяться, демонстрируя, что игнорирует своих бывших подруг.

Эля с Лошадкой смотрели на эту демонстрацию пренебрежения со стороны бывшей подруги, не сговариваясь, повернулись спиной. Точно так же синхронно скрестили руки на груди.

— Какая же она дрянь!

— А ты заметила, что Андрюши нет в этой компании?

— Ну да. Я этих мальчиков не знаю.

— Тоже не видела. Может, из Катькиной компании?

— Всё равно. Ну их.

Эля стоит спиной к зданию Благородного собрания, поднимает глаза и смотрит на часовню Параскевы Пятницы на Караульной горе. Потом через плечо смотрит на здание, снова на часовню.

Наташа заметила эти нервные движения:

— Ты чего?

— Как думаешь, здание случайно на этом месте построили?

— Откуда же мне знать-то? Построили да построили.

— А вот посмотри. Что видишь?

— Ну, часовня. Знаменитая на всю Россию, была на старых десятирублёвках нарисована.

— А может, не всё так просто? Город-то тогда, наверное, не так плотно был застроен. Строй где хочу, а тут напротив часовни. Может, это знак масонский?

— Поди разбери! — ворчливо ответила Лошадка, посмотрела на часы.— Ух ты! Надо бежать, а то опоздаю. Пока!

— Пока, пока,— задумчиво ответила Эля, не отрывая взгляда от горы с часовней.— А я поищу, как раньше фасад выглядел.

Эля потрогала старинный кулон, что висел под одеждой. И пошла на автобусную остановку. Пора домой.

Дома Эля искала информацию о здании Благородного собрания, о часовне на горе, о самой горе. Чем больше искала, тем больше убеждалась в правильном пути. Позвонила деду, попросила у него бинокль. Он был у деда трофейный, подобрал на позициях у противника, когда выбили тех из окопов.

Забежала к нему. От бабушки Инны было невозможно отбиться. Когда бабушка узнала, что придёт внучка, то тут же напекла блинов. Эля любила блины, особенно банановые. И как бы Эля ни сопротивлялась, ни ссылалась на занятость, это было бесполезно. Даже дедушка, несмотря на свою суровость, слушался бабушку Инну.

Дедушка тем временем принёс бинокль, показал, как настраивать резкость. Эля взяла его в руки, тот был в чехле.

— Дед, а чего он такой тяжёлый? Полегче нет?

— Это тебе театральный нужен. Там, правда, увеличения нет. А это военный. Призматический. Надёжный. Шкала для определения расстояния до цели есть. Там сетка нанесена. Научить?

— Нет. Спасибо, мне просто посмотреть.

— За кем подсматривать будешь?

— За птицами. Нам реферат по природе задали.

— Угу.

Дед кивнул, внимательно глядя на внучку. Дед обладал способностью распознавать ложь. Эле стало стыдно, и щёки её зарумянились. Он погладил внучку по плечу:

— Если нужен будет совет или помощь, то просто скажи. Ничего объяснять не нужно, просто попроси или спроси.

Эля подняла голову, посмотрела в глаза:

— Я поняла. Если что понадобится, то ты будешь первым, кому позвоню.

— Правильно. Семья всегда поможет. Нужно об этом помнить и знать. Сила твоя в корнях рода, в семье.

— Я знаю.

На следующий день Эля пришла первой. Внимательно рассматривала принесённые распечатки из сети. Потом смотрела на гору через бинокль. Пока внимательно разглядывала, Лошадка на цыпочках подкралась сзади, резко ударила по плечам и заорала в ухо:

— Девочка! Отдай сокровища!

Эля подпрыгнула от неожиданности, резко оглянулась:

— Наташка! Нельзя же так! Я заикаться начну от испуга!

Лошадка по-свойски хлопнула её по плечу:

— Не переживай, подруга! Тебе это пойдёт!

— Почему это?

— С мальчиками будешь молчать, а не трещать, как Беляш.

— Ну, если ты так считаешь, то я подумаю и напугаю тебя. Будешь молчать с мальчиками.

Наташа нахмурила лоб:

— Э, нет! Так не пойдёт.

— Это почему же? Меня, значит, пугать можно, а тебя нельзя? — была возмущена Эля.

— А как я конём управлять буду? Пока команду отдам, уже всё пройдёт. А вот ты молчаливо будешь очень даже симпатично смотреться!

Девочки рассмеялись.

Эля достала из сумки распечатки:

— Вот, смотри. То, что сверху, действительно портик. А вот, гляди, на чертежах тут были два вазона.

— Красивые! — кивнула Наташа.

— Ага. Но ты сюда смотри. Внимательно.

Девочки рассматривают рисунок архитектора Батенькова. Чуть ниже вершины портика по бокам стояли два больших вазона. На фронтоне была надпись. Сам фронтон был резной, с разными завитушками.

— Где найти масона, чтобы он нам расшифровал? — Лошадка водила пальчиком по распечатке.

— Ага! И они сами всё бы у нас утащили.

— Слушай, но ведь есть же масоны, по телевизору показывали, почему они не прочитали и не откопали?

— Не знаю, — пожала плечиками Эля. — В тысяча девятьсот двадцать седьмом году на этой горе откопали могилу какого-то князя или воина. Написано, что богатый был дядя. Увезли найденное в Эрмитаж.

— Как у нас что-то интересное, так в Эрмитаж. А нам чего посмотреть? Может, там было что-нибудь об этих конях.

— Может, и было. Но вот смотри ещё раз. Снизу доски горизонтальные. Сверху портик. Оглянись. Видишь, очень сама гора похожа. На, я бинокль у дедушки взяла.

Эля передаёт бинокль, показывает, как настраивать резкость. Наташа смотрит на портик на здании, затем на гору.

— Слушай, а ведь точно, похоже, и прямо напротив! Элька! Ты — умничка! А кони? Кони-то где?

— Ты на чертёж-то смотри!

— Ну, смотрю. И чего?

— Вазоны видишь? Они ниже вершины портика. Крупноваты для крыши. На мой взгляд, конечно. Да и зачем в Сибири вазоны? Тут зима восемь месяцев сейчас, а раньше ещё длиннее была. И зачем эти большие цветочные на крыше? От снега могут упасть, ветром могло сдуть. А потом их и убрали.

Наташа внимательно рассматривает рисунок.

— Слушай, а ведь похоже. И даже очень.

— Здесь два варианта. Вот, смотри. Тут вазоны значительно ниже портика, а вот тут повыше. Второй вариант, сравнивай окна, где вазоны повыше. Наверное, вот этот воплотили в жизнь.

Наташа внимательно рассматривает варианты.

— Ещё бы понять язык масонов.

Эля достала новые распечатки:

— Немного нашла. Вот. Это портик. Треугольник. Масоны считали, что это символ египетской пирамиды. Очень часто использовали.

Наташа перебирает листы:

— Ну да. Вон какие старинные здания по всему свету с этими портиками. И посередине глаз.

— Это Всевидящее око. Тоже часто рисовали. А вот колонны, подпирающие портик. Видишь? — Эля показывает рисунки. — И у нас тоже колонны.

— И не просто по одной, а по две с каждой стороны.

— По две, — кивнула Эля. — Поэтому и первое, что приходит на ум: это не просто так. Хотя портик не такой уж большой и тяжёлый. Хватило бы по одной. Думаю, что не просто так.

— Наверняка. У этих масонов что-нибудь да значит. Четыре колонны — четыре ноги у коня?

— Коня-то два. Значит, должно быть восемь.

— Да ну этих масонов. Голова взорвётся. Но кажется, что мы на верном пути!

— Ага!

— Ты кулон-то взяла? — Наташа смотрит на портик, задрав голову, выискивая новые масонские символы.

— Конечно! Но я его сняла. Тяжёлый очень, цепочка шею трёт. В карман положила.

— Надо было его всё-таки Беляшу отдать, — голос у Лошадки сух.

— Зачем? — искренне удивилась Эля.

Глаза у Наташи сузились, кулачки сжались:

— Чтобы эта цепь ей голову отпилила!

Наташа берёт бинокль, смотрит на гору, не отрываясь от окуляров.

— А когда была построена часовня?

— Я тоже подумала. Получается, что примерно в одно и то же время. Но архитектора Батенькова не было в Красноярске. Он рисовал со слов Давыдова. Ну, или Давыдов нарисовал ему гору. Тот, наверное, написал, что нужно, тот и сделал. Ну и зашифровал, что и как. В то время не было часовни. Если её мысленно убрать, то она треугольная.

— Ага, как пирамида.

— Читала, что один чудик утверждает, что под горой спрятана древняя пирамида, занесённая землёй.

Наташа удивлённо смотрит на Элю:

— Ты серьёзно?

— Я просто прочитала.

— Ничего. Откопаем коней, заодно и посмотрим, есть она там или нет. Но вершина действительно похожа на пирамиду

Наташа смотрит на гору:

— Эля, а вот, смотри, справа и слева от вершины, чуть ниже, как на втором варианте чертежей, есть небольшие площадки. Они почти ровные. Понятно, что много времени прошло. Дожди сверху сровняли землю. Но похоже. На, сама посмотри.

Эля внимательно рассматривает гору. Действительно, похоже, что почти на одном уровне есть следы двух площадок. От них мало что осталось, но если вглядываться… то можно увидеть!

Эля смотрит на Лошадку, та возбуждена, радостна:

— Элька! Представляешь, мы нашли!!! Мы нашли! — и нараспев: — Мы на-а-ашли-и-и!

Девочки взялись за руки и от радости запрыгали на месте. Как два зайчика. Прохожие шли и улыбались, глядя на девочек, которые светились от счастья и прыгали от возбуждения.

— Надо подойти поближе и рассмотреть. Потом доедем до часовни и вниз спустимся, поближе всё увидим!

— Давай!

Девочки собрали все вещи, сложили их в сумку и, весело болтая в предвкушении сокровищ, пошли вниз по улице.

Они шагали по улице Перенсона, перешли улицу Ленина, подошли к перекрёстку с улицей Ады Лебедевой, оттуда открывался хороший вид на гору с часовней. Остановились. Достали бинокль и стали рассматривать гору. И чем больше они смотрели, тем больше им казалось, что они видят две площадки, как вазоны на картинке, и что там, вероятно, закопаны золотые кони с большими драгоценными камнями вместо глаз!

Мимо них проезжал поток автомобилей. Сзади остановился старый «Мерседес» когда-то чёрного цвета, сейчас же весь обшарпанный, в царапинах, одна фара не светила, резина была изношена, рисунка протектора почти не видно.

Девочки увлечённо обсуждали, тыкали пальцем в направлении горы. Они ничего не видели и не слышали, кроме себя…

Из машины выскочили две худые фигуры в медицинских масках и чёрных шапочках. Они быстро, умело схватили девочек, скрутили руки спереди пластиковыми хомутами, вокруг ног сделали пару оборотов серым прочным скотчем, скотч на рот, девочек бросили в багажник, их сумку — в салон автомобиля…

Из карманов джинсов девочек вытащили мобильные телефоны, швырнули на асфальт, только осколки полетели в разные стороны…

Машина рванула с места. На улице было мало машин, никто не обратил внимания, не бросился в погоню, никто не позвонил в полицию…

Девочек увезли в неизвестном направлении неизвестные люди…

В старой машине включили громко музыку.

Девочки в тесном, грязном, душном багажнике старались выбить крышку багажника, но старый немецкий автомобиль был сделан из толстого железа. Крышка не поддавалась. Стали крутиться на месте, били ногами во что попадали, иногда пинали друг друга.

Они пытались кричать, но заклеенные рты не позволяли. Только мычание. Машина остановилась на светофоре. Рядом другая. Водитель соседней кричит:

— Сделай музыку потише.

Похититель сделал.

— Чего?

— У тебя в машине кто-то стучит. В багажнике.

— Двух баранов везу. Свадьба у друга. Шашлык будем делать, плов варить.

— А-а-а! Понятно! А то слышу мычание.

— Морды заклеил скотчем. А то блеяли громко.

— Свадьба — это хорошо! Счастливо!

— Спасибо!

На светофоре включился зелёный сигнал, все поехали, водитель прибавил громкость. Играла та же музыка, которую слушала Беляшик и говорила, что её слушает «элита», — гангстер-рэп.

Девочки тем временем стучали, как могли, по всему, до чего могли дотянуться.

Эля даже развернулась спиной и связанными за спиной руками пыталась добраться до задней фары и попытаться что-нибудь с ней сделать. Но ничего не получилось.

Девочки поняли, что всё бесполезно. Они прижались друг к другу в полной темноте, почти нечем дышать, никто не знает, где они, никто их не ищет, везут бандиты неизвестно куда… Девочки заплакали.

Они плакали, тела их сотрясались от рыданий. Машина ехала долго, на поворотах подружек мотало по багажнику, они ударялись друг о друга, о стенки багажника. Эля и Наташа устали. Они задремали. Им казалось, что умерли.

Было слышно, как машина съехала с асфальтированной дороги, поехали по грунтовой просёлочной, низкая посадка машины не позволяла быстро ехать. Иногда днищем цеплялась за кочки, переваливалась с боку на бок. Девочек мотало по багажнику.

Машина остановилась, водитель и пассажир вышли из машины. Подошли к багажнику. Резко открылась крышка багажника, солнечный свет ударил по глазам. Дети закрыли глаза. Преступники воспользовались этим и резко вытащили девочек, схватили под мышки и спиной вперёд потащили в дом.

Эля открыла глаза, чуть прищурив, чтобы не было больно глазам. Стала осматриваться. Узкая деревенская улица, две машины не разъедутся. Какие-то заборы, чёрные от времени, покосившиеся, другие, наоборот, современные, крепкие. И дома. Некоторые с провалившимися крышами, другие — современные яркие домики.

Элина смотрела на дома в надежде найти табличку с названием улицы. Но не было ничего. И людей не было, только звенящая летняя тишина, прерываемая щебетом невидимых птах и жужжанием насекомых.

Это была окраина города, когда-то застроенная частными домами, сейчас много дачных домиков.

Но был рабочий день, дачников не было видно, как и других обитателей этого полузаброшенного места.

Боковым зрением Эля увидела какое-то большое жёлтое пятно, но не успела рассмотреть, их затащили в ограду дома. Старый забор, калитка, двор, поросший травой. Деревянный дом, хоть и старый, но крепкий. На ставнях облупилась краска, чердак под крышей, окно на чердаке.

Крыльцо с перилами, три ступеньки. Дерево местами почернело, краска шелушится, обнажая более ранние слои.

Тяжёлая деревянная дверь, обитая изнутри старым, потрескавшимся дерматином, из дырок лезет утеплитель. Сени. Пустые бочки, какая-то пыльная посуда, газовая плита с подключённым баллоном. Шкаф с посудой. Понятно. Летняя кухня.

Металлическая старая самодельная лестница с широкими ступенями на чердак, люк открыт.

Дверь из сеней. Тяжёлая, с двух сторон обита дерматином старым.

Кухня. Но толком не успела рассмотреть, только большая русская печь, давно белённая, — быстро в комнату. Два старых металлических стула прикручены к полу и стене.

«Готовились, значит!» — мелькнула мысль в голове у Эли.

Опять страх подкатил к горлу комком, и обдало жаром изнутри. Ладошки стали мокрыми, струйка пота побежала по виску.

Девочек грубо бросили на стулья и тут же примотали к ним прочным широким скотчем. Бесцеремонно сорвали скотч с губ.

— Ой!

— Ай!

Девочки почти синхронно вскрикнули, когда сорвали скотч. Больно!

Эля рассмотрела похитителей. Это была та парочка, что приставала к ней, когда было нападение на старую учительницу Анну Алексеевну.

Девочки молчали. Им было страшно, и одновременно они были злы.

Парень подошёл к Эле, приблизился к лицу, взял за подбородок:

— Ну что, маленькая паршивка, узнала? Вижу, что узнала.

Эля дёрнула головой, выдернула голову из ладони. Это хватание за лицо её взбесило, страх ушёл мгновенно, пришла ярость, в глазах появилась красная пелена.

— Убери руки, мерзавец!

— О! Заговорила.

Он снова протянул руку к лицу Эли, но девушка резко остановила его:

— Убери руки!

Парень резко обернулся, проговорил зло:

— Что ты сказала?!

Маша тоже зла, глаза горят:

— Гера! Не смей их трогать! Не смей!

Тот остановился, сбавил тон:

— Машка, ты чего? Я же её бить не буду. Так, повоспитываю.

— Не трогай их.

Тот пожал плечами:

— Не ори. Не буду, — и, обращаясь к девочкам: — Ну что, юные мартышки, рассказывайте!

— О чём?

— Где золото? Где?

— Какое золото?

— Жёлтое! Ты дурочку-то не валяй?! Где кулон? Отвечайте!

— Какой кулон? — почти хором спросили Эля и Наташа.

— Тот самый, что вы на кладбище нашли. Откопали между могилами! Я всё знаю! Где кулон?! Отвечайте!

Он полез в сумку Эли, достал распечатки:

— Вот это что? Что это, я вас спрашиваю?!

— Реферат на лето задали, про исторические места города! Вот что это! — выпалила Лошадка.

— Не врите мне, маленькие дряни!

Он замахнулся на Наташу, грозный окрик Маши:

— Я тебе говорю, не смей их трогать!

Остановил удар на полпути, медленно убрал руку:

— Ладно. Я предупреждал!

Гера выскочил из комнаты в сени, через минуту, раздался грохот. Дверь распахнулась.

Затащил в комнату огромное ружьё. Угрожающих размеров. На конце ствола был приварен дульный тормоз квадратной формы. Спереди сошки, сбоку ручка для переноса, пистолетная рукоятка. Очень не похоже на обычное ружьё или карабин.

Он поставил его на стол, снял с плеча чёрную матерчатую сумку, достал оттуда патрон большого калибра.

Девочки смотрели испуганно. У Элины промелькнула мысль: «Карабин смотрится игрушкой по сравнению с этим ружьём!»

Преступник не спеша продемонстрировал патрон, резко поднял рукоять затвора, умело, видно, что он это делал не один раз, вставил патрон в патронник, двинул затвор ружья вперёд, резко опустил рукоять затвора, прицелился в девочек.

Огромно отверстие ствола уставилось на девочек. Чёрное отверстие ствола ружья было огромным. Ужасным. Пугающим. Оно то смотрело на одну, то потом перемещалось на вторую.

— Не хотите по-хорошему, значит, будем по-плохому. Вы знаете, что это за ружьё?

— Не охотничье! — пришла в себя Эля; злость, казалось, выливалась из ушей.

— Верно, мартышка, — ухмыльнулся преступный элемент. — Противотанковое ружьё Дегтярёва! Калибр четырнадцать с половиной миллиметров. Выстрелю — от вас ничего не останется, только ошмётки мяса по стенам!

Лошадка тоже стала закипать от гнева, она подёргалась плечами, телом, ногами, пытаясь освободиться от пут, — не получилось.

— И откуда у тебя оно? Я в кино видела. Немецкие танки подбивали из такого. В клочья! — шипела она, пытаясь вырваться от скотча.

— Не дёргайся! Это знаменитое ружьё! Не простое! Время есть, а вы послушайте! Всё началось в тысяча девятьсот восемнадцатом году здесь, в Красноярске. Был на железной дороге Лессинг. Немец. Когда Ада Лебедева драпанула с городской казной из города, отход её прикрывали железнодорожники. Командовал Старшевич. А тогда с ним был молодой, тринадцатилетний Миша Лессинг. Он слышал, как Ада рассказывала про золотых коней, куда зарыла золото казны. Взяли на борт малую часть. На него не обращали внимания — мальчишка мелкий. А он потом перебрался в Германию. Женился, дети родились. И запомнил он эту историю.

— И чего? — Эля тоже пыталась освободиться.

— Не дёргайся. А потом Гитлер к власти пришёл, а затем с ним и немецкие оккультисты из обществ «Туле» и «Аненербе». Мой предок активно участвовал в нацисткой партии.

— Так твой предок фашист? — возмущённо спросила Эля. — У меня прапрадеды воевали на войне против немцев! У тебя за них? Тьфу!

Эля плюнула в сторону преступника.

— Чтоб ты сдох! — подхватила Лошадка. — Мои предки тоже воевали и погибли на фронте!

Тот усмехнулся, глядя на жалкие потуги девочек.

— Дети, ничего вы не знаете и не понимаете! Моего предка сам Гиммлер отправил на выполнение задания! И задача была одна — найти золотых коней Батыя! Немцы тоже раскопали эту историю, и вышло, что здесь, в Красноярске, их спрятали! Вот тогда, сам Гитлер так считал, победа была бы обеспечена!

— Не нашёл, значит! — откровенно ехидничала Эля.

— Нет. Не нашёл. Что вы знаете про бой на Диксоне? — спросил потомок фашиста.

Девочки переглянулись, пожали плечами.

— Ничего вы не знаете ни про свою землю, ни про свой род. Ничего. Пустышки вы, Иваны, родства не помнящие. Немцы проводили операцию по блокированию Северного морского пути, назвали её красиво: «Вундерланд» — «Страна чудес».

Эля откровенно засмеялась, буквально залилась смехом.

Преступник, недовольный, что его перебили, нацелил на Элю ружьё:

— И отчего так стало смешно?

— У меня дед Слава иногда говорит слово «Вундервафля», я раньше не понимала, а спросить стеснялась, но очень похоже! «Вундервафля» и «Вундерланд»!

Эля снова рассмеялась, Лошадка тоже вслед подруге, искреннее рассмеялась.

Тот недовольно оборвал смех девочек:

— Твой дед — болван!

Эля резко ответила:

— Мой дед воевал, и он — полковник! И ранен дважды! И орден Мужества у него! А твой прадед предал Родину и что получил? Кол осиновый! Тьфу!

Эля вновь попыталась плюнуть в сторону гада.

— Молчи, маленькая обезьянка!

— Он ещё и дебил. Не может придумать никакого обзывательства, — широко улыбнулась Наташа. — Наверное, в школе его пинали. И считали недоумком!

Похититель взорвался:

— Я ненавижу школу и своих тупых одноклассников! Если бы не выиграли войну, то жили бы в Германии!

Подружки снова переглянулись, посмотрели как на больного:

— Почитай, что немцы писали про Россию: всех в пепел. По телевизору показывали.

— Ну ладно. Чего дальше-то было с твоим прадедом и этой… «Вундервафлей»?

Грозно зыркнул:

— Ой, не искушай! И Машка вас не спасёт! Бахну в ярости по одной, вторая обмочится, но всё выложит.

Обтёр губы тыльной стороной ладони.

— Абвер — это военная разведка вермахта — тогда разрабатывал мини-субмарины, маленькие подводные лодки, чтобы диверсии устраивать и разведку вести. И вот тогда они впервые, по указанию самого Гиммлера… — он поднял указательный палец вверх, как бы подчёркивая сей факт.

— И где твой Гиммлер? — перебила его Эля.

Тот посмотрел на неё уничтожительным взглядом: мол, что ты понимаешь, девчонка? И продолжил, игнорируя вопрос:

— …Пять подводных лодок и тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер» атаковали Диксон, что в Красноярском крае. Бой был сильный. А на самом деле всё было сделано, чтобы оттянуть внимание береговой охраны на себя. А подводная мини-лодка вошла в Енисей и дошла до Лесосибирска, посёлок Стрелка есть такой. И там высадили двух разведчиков — моего прадеда и его напарника. А сами ушли назад, в Германию. О как!

Эля с Наташей внимательно слушали его. И были красные от злости. Лошадка прошипела:

— Ненавижу. В Красноярске, значит, были фашисты?! Отвяжи — задушу!

Тот быстро схватил заряженное ружьё и направил на Наташу:

— Не искушай, ребёнок, а то палец дрогнет. Сиди и слушай!

Он явно наслаждался собой, было видно, что у него это давно накипело и ему надо было выговориться, пусть даже этим маленьким девочкам. Маша сидела со скучающим видом. Было видно, что эту историю она слышала неоднократно.

— Мой прадед устроился на железную дорогу, поселился вот здесь.

Он обвёл руками: мол, вот такой дом.

— У него была с собой радиостанция. Сейчас покажу.

Он снова метнулся в сени и принёс с собой сумку, раскрыл её.

— Тоже непростая. Абвер использовал её для связи со своими агентами по всему миру. SE-109/3.

Железная коробка оливкового цвета. С торца четыре небольшие ручки, сверху отверстия, из которых торчали оголовки трёх радиоламп, и какой-то цилиндр.

Девочки смотрели без восторга. А тот аж благоговел перед этой коробкой.

— Ей почти сто лет, а она всё равно работает! Мой прадед принимал шифрованные сообщения, у меня даже шифр-блокнот сохранился. На передачу, понятно, не было возможности. Он писал тайнописью письма.

— Молоком? — не удержалась и съязвила Эля.

— Сопля. Молоком — это Ада Лебедева могла писать. А тут специальные чернила. Дед передавал, какие эшелоны прошли с востока на фронт, какие части из Красноярска. Многое он сделал для Германии!

Опять он попытался принять позу победителя: грудь колесом, руки в боки, — но был смешон.

Девочки не удержались и прыснули от смеха.

— Что вы ржёте? — рассвирепел. — А потом ему прислали вот это ружьё!

Эля прыснула от смеха:

— Наградное?

Он похлопал по прикладу:

— Задание было. В город должен был приехать Берия, и прадед с напарником должны были расстрелять его. А ружьё немцы отбили у красных. Так что трофейное оно! Но дед заболел сыпным тифом и свалился в барак, еле выбрался.

— Значит, гад твой предок был. Родину предал, — подытожила Наташа.

— Не смей! Он женился здесь. Родился сын. Он рассказывал ему всё это. Тот затыкал уши и перестал общаться с отцом. И внук, когда узнал, тоже не стал общаться. А я — правнук его! И мне он поведал свою историю жизни! И про коней и клад Ады Лебедевой. Я нашёл потомков его в Германии. Они очень обрадовались, что он верой и правдой служил делу Германии. Звали в гости. Я имею право на получение немецкого гражданства! И меня назвали в честь Германии — Германом!

Он снова надулся, как индюк, но со стороны был жалок.

— Искал всё это время сокровища. Перерыл кучу архивов. Можно сказать, что стал краеведом, могу лекции читать. И вышел, как мой прадед говорил, на кулон, что вы, по описанию, нашли на кладбище. Вот мне удивительно, что мы столько лет искали, а вам вот так легко далось. Почему? А?

— Да, потому что Бог любит детей! — выпалила Лошадка.

Тот подался назад от такого напора:

— Верю. Ему виднее. Но сейчас у меня на руках все козыри. Где кулон? И что вы нашли?

Эля дёрнулась. В кармане обозначилось, что что-то есть.

— Маня, ты их обыскала?

Та очнулась от своих мыслей:

— На шеях у них ничего нет. Кресты нательные, кулонов нет, точно. В сумке тоже пусто.

— Карманы! Карманы ты смотрела? Вот у этой ты смотрела?!! — ствол ружья упёрся в Элю.

Мария нехотя поднялась, подошла к Эле, начала хлопать по передним карманам джинсов.

— Вроде что-то есть.

— Вроде что-то есть! — передразнил её преступник. — Тащи сюда.

Эля пыталась поднять ноги, чтобы не позволить вынуть из кармана кулон. Но ноги связаны и привязаны.

Маша не без усилия вынула из кармана кулон, отдала.

— Ну вот. Я же говорил, что эти обезьянки, что таскают каштаны из огня, добудут мне ключ к богатству и славе!

Он улыбался.

— Тащи штемпельную подушку и бумагу!!!

Маша принесла ему коробочку, такую, что когда ставят печать, сначала возят по ней. Подушечку, пропитанная чернилами. И несколько листов писчей бумаги.

Гера нажал одновременно на камень по центру и на два, что были снизу. Удерживая нажатие, повернул головку кулона, куда вставлялась цепочка, повернул её… И кулон распался на две части. Отвалилась задняя крышка. Он торжествовал:

— Видишь, любимая, я говорил, что так оно и будет! Прадед дело говорил, не врал! Он жизнь положил на эти поиски! А вот теперь само интересное!

Он прижал сначала внутреннюю часть задней крышки к штемпельной подушке. Девочки вытянули шеи, чтобы увидеть. А потом прижал к бумаге.

Затем повторил то же с внутренней частью передней крышки. И приложил сверху, где была отпечатана задняя часть. Торжествующе откинулся назад:

— Вот!

— Ух ты! Точно!!! — Маша, как маленькая девочка, запрыгала на месте, мелко хлопая в ладоши.

— Умно сделано. Даже если разделить медальон на две части, то без полного набора всей картины не увидишь. На одной половине гора, а на другой кони. И только наложив отпечатки друг на друга, поймёшь.

Девочки дёргались, тянулись всем телом, чтобы увидеть отпечатки от кулона.

— Покажи!!! — потребовала Эля. — Мы это тоже заслужили!

— Вы заслужили хорошей порки! Но дядя сегодня добрый!

Он показал лист бумаги. Чуть смещено, но видно, как справа и слева от вершины Караульной горы, которую в бинокль рассматривали Эля и Наташа, видны два коня. На тех же местах, где они предполагали!!!

Девочки, не сговариваясь:

— Это там!

— Мы правильно всё поняли!

Занервничал противник:

— Что вы поняли?!

Эля и Наташа торжествующе смотрели:

— А то, что твой фашист-прадед, что ты — неудачники! Это было всё у вас под носом много лет! Если бы изучили историю декабристов Василия Давыдова и Батенькова, то нашли бы без кулона! Ха-ха-ха!

Девочки искренне, от души рассмеялись в глаза врагу.

— Мы, маленькие, как говоришь, обезьянки, за месяц разгадали загадку. А ты в двух поколениях не смог! Так кто вы? Тупые большие обезьяны!!! Ха-ха-ха!!!

И девочки перестали бояться, несмотря на то, что были прочно прикручены к стульям.

Тот пыхтел от злости, рванулся к Элиной сумке, достал оттуда рисунки, сравнил со своим. Получалось, что маленькие девочки правы. В ярости бросил обратно.

— Смотрите, маленькие стервы! Я вернусь! И чтобы кони были на месте! Иначе!!! — он махнул в сторону ружья. — Вам всё! Хана! Лица вы наши видели, много знаете. Зачем мне вам жизнь сохранять?! Приеду и убью. Долго и с удовольствием! С наслаждением!!! Ждите, мармозетки!

Девочки, глядя в глаза безумца, поняли, что он не шутит. Он был в глубокой ярости, и ему было плевать на чужие жизни, судьбы.

Он заклеил скотчем рты девочкам. Вышли, дверь заперли на ключ, ружьё осталось на столе, ствол задран в потолок, сумка с патронами там же, на столе.

Девочки начали усиленно пытаться вырваться из пут, хотели сказать что-то друг другу, но скотч на рту не позволял. Вырывалось только мычание.

На девочек накатило отчаяние. Они одни, связанные, никто не знает, где они, и никто их не найдёт; даже если их просто бросить здесь, они умрут от жажды, голода и тоски.

Девочки смотрели в потолок, слёзы катились из глаз, тела содрогались от рыданий. Всё. Это конец. Им было жалко себя, своих родителей: как они будут переживать, что дети пропали! Как им потом жить?

Подружки посмотрели друг на друга. Они понимали уже, что дальше им не продвинуться. Они глазами прощались друг с другом и просили прощения, что так получилось. Эля сильно переживала, что втянула в эту историю Наташу.

Тихо стукнула рама окна. Девочки насторожились, смотрят. Тихо отворилось старое окно внутрь комнаты. Девочки переглянулись. Окно открылось — и никого. Окно само не могло открыться.

Страшно. Привязаны. Не пошевелиться. Не закричать, не позвать на помощь.

Голос с улицы тихо спросил:

— Эй! Кто там есть? Живые есть?

Эля и Наташа громко, как могли, замычали, затопали по полу, чтобы показать, что есть живые, помогите!

В окно просунулась крашеная голова, а потом влезла сама… Беляшик!!! Привязанные громко замычали, продолжили топать.

Белла подошла к ним, оторвала пластыри у подруг.

— Беллка! Как я рада тебе!

— Хватай нож, он в сенях, режь скорее!

Белла сбегала, срезала скотч, освободила девочек.

— Ой, спасибо!

— Как ты здесь очутилась?

— У нас тут дача. Я с бабушкой приехала. Смотрю, Гера с Машкой приехали. Хотела подойти, а они из багажника вас достают. Вот я рядом и крутилась, пока они не уехали. Хотела полицию вызвать, да тут связи нет. Нужно идти далеко.

— Ну, сейчас пойдём, будем полицию звать, чтобы перехватить этих слизней.

— А они ещё и не уехали далеко,— махнула рукой Беляшик.

— Как это?

— Дорога узкая, а машина низкая, задом не развернёшься, а ворота у них во двор давно не открываются. Нужно пару километров вперёд проехать, там большая площадка, они там машину обычно оставляли, развернуться и так же медленно поехать мимо этого дома. А чего?

Эля задумалась, смотрит на противотанковое ружьё.

— А ничего! Будем бить фашистов!

— Как?

— Может, лучше полицию вызвать?

— Вызовем, но потом. Кулон надо отобрать!

— И что станешь делать? Выйдешь на дорогу?

— Нет,— покачала головой Эля и рукой показала на ружьё.

Наташа и Беляшик недоумённо посмотрели на подругу, не сошла ли она с ума.

— Чего стоите? В сенях лестница на чердак, там окно я видела. Схватили, потащили наверх!

Девочки схватили ружьё и тут же вернули на место.

— Ого! Оно тяжёлое!

— Мы не поднимем!

Эля разозлилась:

— Ещё раз! Ну же! Взяли! И раз!

Девочки подняли тяжёлое ружьё и понесли из комнаты, дотащили до лестницы.

— Белла, наверх, тяни, а мы снизу пихать будем! Да не стойте вы! Скоро он проедет, и всё напрасно! Ну! Взяли!!! И — раз!

И девочки медленно, шаг за шагом, поднимались наверх, затаскивая грозное оружие. На чердаке было много всякого хлама, стоял небольшой столик. Было видно, что раньше чердак был обжитой. Даже пол настелен. В углу стоял старый, продавленный топчан с ворохом каких-то тряпок, старый табурет.

Эля принялась командовать:

— Белла, стол к окну, открой его. Не откроется — я разобью.

Белла сделала, как сказала Эля, распахнула окно. Эля с Лошадкой водрузили ружьё на сошках на стол. Эля коленками встала на табурет, прижала приклад к плечу, стала прицеливаться. Время шло, а машины не было.

— Может, уже опоздали? И они проехали? — заметно нервничала Эля.

— Нет. Там дорога вообще разбитая. А на его колымаге там долго пробираться,— Беляшик подошла к окну.

— Отойди от окна, мешаешь! — Лошадка тоже нервничала.

— Элька, а ты будешь в голову стрелять? — Беляшик осматривала ружьё.

— Как получится,— буркнула Эля, не отвлекаясь.

Показалась знакомая машина. Она была ещё далеко, дом находился на пригорке, а с чердака было хорошо видно.

Эля посмотрела на прицел. Там было выбито только два числа: «400» и «1000»,— и прицельная планка могла находиться только в этих двух положениях. Сейчас она стояла на отметке в четыреста метров. Эля поёрзала, устраиваясь поудобнее.

— Едет внук фашиста!

— Не внук, а правнук,— поправила Лошадка.

— Плевать. Фашист!

Эля поймала в прицел, совместила с мушкой водителя. Медленный вдох, медленный выдох. Машину покачивало на ухабах, она шла вверх-вниз, вправо-влево, шлейф пыли поднимался за ней.

Эля стала выбирать люфт спускового крючка. В голове крутились мысли: «Обрабатывай выстрел! Стреляй между ударами сердца!»

Эля тянет крючок, но он тугой, вот уже и дыхание задержала, а нажать на спуск не получается. И вот выстрел почти готов.

В голове не всплыла, а как выстрелила даже не мысль, а образ деда и его вопрос: «Ты готова убить Вселенную?»

Элю как током ударило, она дёрнула крючок… пуля прошла выше машины. Грохот выстрела наполнил чердак, сильная отдача от выстрела ударила

Элю больно в плечо. Она бросила ружьё, левой рукой схватилась за плечо и застонала:

— М-м-м!

— Что, больно? — подскочили подруги.

Эля крикнула, превозмогая боль в плече:

— Патроны. Ещё патроны! Они в сумке, в комнате на столе! Быстро! А то уйдут!

Наташа и Белла побежали вниз за патронами. Эля потёрла плечо, с трудом повернула рукоять затвора вверх, потом потянула на себя, ожидая, что гильза вылетит вправо, но гильза выскочила снизу. Эля отпрянула от неожиданности.

Поднялись подруги, они вдвоём несли чёрную сумку с патронами, поставили на стол.

— Уф!

— Тяжёлая!

— Ага, и боялись, что уроним и они взорвутся!

Эля достала патрон и вставила в направляющие, стала двигать затвор вперёд, он шёл туго.

В голове вдруг появился голос. Незнакомый, с хрипотцой чуть простуженного человека, говор был у него не местный. Чуть заметный. Говорил неспешно, чуть нараспев, так в деревнях иногда говорят, обстоятельно, спокойно: «Ты, девонька, не бойся, чуть назад затвор — и снова вперёд, так легче пойдёт».

Эля послушалась, и затвор действительно легко пошёл вперёд, проталкивая патрон в патронник.

Голос в голове продолжил: «И рукоять сразу не дави вниз, чуть вверх, а затем она сама на место встанет, чуть придавишь только».

Эля делала всё в точности, как говорил неведомый голос. Странно, но голос как-то успокоил её. Она, памятуя об отдаче, крепко вдавила приклад в плечо, стала целиться.

Снова возник голос: «Не спеши. Ружьё чуть вверх задирает. Бери ниже. В землю. И тогда точно в каток немецкого танка попадёшь. Не переживай. Ружьё тебе само поможет. Его же в плен фрицы захватили, осквернили, против своих воевать заставили. И оно сейчас зло и хочет поквитаться. Поэтому целься, девочка, спокойно. Говори про себя: „Врёшь, внук фашиста! Не уйдёшь!“ и тяни спуск, он тугой».

Эля тянет на себя спусковой крючок, выбрала люфт, а вот тут он плохо идёт, точно тугой!

Выстрел слышала парочка в машине и, как можно было по плохой дороге, прибавила скорость.

Эля стала целиться, боковым зрением увидела какое-то жёлтое пятно на огородах, моргнула, снова сфокусировалась на машине. Вдох, выдох: «Я — пуля!» Она снова представила, как летит и попадает в колесо. Открыла глаза, и в этот момент как раз подъехала машина, Эля затаила дыхание и выстрелила!!!

Отдача была уже ожидаемая и не такая сильная. Пуля попала в переднее колесо, ушла наверх, в двигатель, и там взорвалась. Капот оторвало, бросило на лобовое стекло, куски двигателя пробили обшивку и вошли в салон, ранив похитителей. Машина резко сбросила ход, медленно остановилась, с задержкой сработали подушки безопасности спереди, отбросив водителя и пассажира назад.

Голос в голове с удовлетворением произнёс: «И Гитлеру капут, и его внукам тоже!»

Девочки закричали радостно:

— Элька! Ты попала!

— Эля, ты молодец!

— Конечно, она молодец, со второго выстрела попала!

— А ты их убила?

— Идём посмотрим, заодно и кулон вернём! Скотч захватить надо, он на столе.

— А зачем?

— Бесов вязать, чтобы не убежали. Заодно пусть почувствуют, каково оно.

Девочки быстро спустились вниз, по дороге Эля схватила скотч со стола:

— Маловато будет!

— Ничего, я скатерть возьму, на полосы пустим!

Наташа схватила скатерть со стола и нож.

— А нож-то зачем? — удивилась Беляшик.

— Вдруг обороняться придётся? От этих животных всего можно ждать.

Девочки выбежали из дома, бросились к развороченной машине. Решётка радиатора разлетелась в клочья. Одна фара висела на проводах, второй не было совсем.

Кипела охлаждающая жидкость, струи пара вырывались из трёх мест. Растекалось масло по земле. Удивительно, но она не взорвалась, не загорелась, из-под развороченного капота был виден разорванный двигатель. Двери передние распахнуты.

В странных позах лежат похитители. Ноги в машине, сами лежат на земле, руки заброшены за головы, вытянуты. Оба в крови. Маша тихо стонет.

Ещё на подходе девочки почувствовали резкий запах солярки. Остановились.

— А не рванёт?

— Не знаю.

— Может, ну их к лешему?

— Нет. Так нельзя. Они же люди. Хоть и плохие.

— А если они притворяются?

— У Лошадки нож, а ты, Беляшик, возьми дубину. И если что — бей по голове!

— Так убью же!

— Не бойся! Там мозгов нет, если на похищение детей решились!

Девочки осторожно подходят к разбитой машине, Наташа держит нож перед собой, Белла палку. Эля размотала скотч и держит перед собой натянутым. Девочки храбрятся, но готовы в любой момент быстро убежать.

Осторожно подходят к водителю.

— Как думаете, он живой?

— Ужас как боюсь покойников!

— Элька, ты его убила! И тебя посадят в тюрьму!

— Не убила!

Эля берёт палку у Лошадки, передаёт ей скотч. Аккуратно тыкает в тело палкой:

— Эй! Ты живой?

Никакой реакции.

Эля сильнее пихает палкой:

— Эй! Не смей умирать!

Тот тихо застонал:

— М-м-м-м!

— Жив, подлец!

— Уф! — смахнула пот со лба Лошадка.

Девочки стоят в растерянности.

— И чего делать?

— Я думала, что сейчас мы будем драться и связывать, а тут…

Наташа резко тряхнула головой:

— Чему сначала учат, когда пришла на занятия по верховой езде, так это тому, чтобы оказывать первую помощь. И так постоянно. Идём! Будете помогать!

— И свяжем! — мстительно сказала Эля, решительно двинулась к водительскому сиденью.

Девочки схватили Германа за руки, попытались вытащить из машины. Не получилось. Девочки упирались в землю, тянули, тело сдвинулось немного, тот застонал.

— Бросай! — скомандовала Эля.

Девочки отпустили руки преступника, и они с глухим стуком безжизненно упали на землю.

Наташа посмотрела на его ногу:

— Похоже на перелом. Вон, смотрите, как неестественно она лежит.

Порванная окровавленная штанина оголила голень, было видно, что сломанная кость изнутри упёрлась в кожу, на этом месте был бугор и большая опухоль.

Беляшик с трудом сглотнула слюну:

— Меня сейчас вырвет.

— Могло быть хуже. Ногу бы оторвало и он истёк кровью,— покачала головой Лошадка.— Было бы много крови. Но я видела переломы похуже. Новички, пока тренера нет, пускали лошадь в галоп, а потом слетали. Помогали собирать кости все, пока скорая не забирала. Нам бы только его вытащить!

— Я помогу! — из-за машины, опираясь на неё одной рукой, медленно, пошатываясь, держась второй рукой за голову, вышла Маша.

— Давай помогай. Только подальше, а то из бака всё больше вытекает. Вдруг рванёт!

— Давайте!

— Ты только это… без фокусов!

— Никуда я не побегу без него,— кивнула Маша на лежащее тело.

Девочки и Маша оттащили его от машины, прислонили к забору. Наташа разрезала штанину, стала осматривать ногу. Покачала головой:

— Кость надо вправить на место и шину наложить.

— И как мы, по-твоему, снимем колесо, чтобы оттуда шину выдернуть? — Беляшик возмущённо смотрела на колесо.

— Другая шина. Одинаково называется. Медицинская,— пояснили Лошадка.

— Так и её тоже я рядом не вижу,— развела руками Беляшик, осматривая улицу.

— Это тугая повязка, чтобы зафиксировать кость.

— И где мы её возьмём?

— А вот!

Лошадка дёргает штакетину из забора. Не получается.

— Помогите же! — пыхтит Наташа, пытаясь вырвать.

Маша подошла, шатается, негромко постанывает:

— Дай я.

Дёргает, не с первого раза получается. Отрывает, кидает на землю, отрывает вторую.

Наташа тем временем с помощью подружек режет скатерть на полосы. Разрезает штанину.

— Ого! Тут, помимо перелома, ещё и порезы.

— Может, ранения? Кусками металла.

— Как вы на это можете смотреть?

Беляшик отходит в сторону, зажимая рот рукой, сдерживая порывы рвоты.

— Нормально. Смотрим и делаем.

Наташа стала бинтовать порезы.

— Белла, тебе делать нечего. Сбегай, где связь, вызови скорую. Вот,— Эля достаёт из кармана джинсов смятую визитную карточку участкового инспектора Гаврилова.— скажи ему, что поймали тех, кто напал на учительницу.

— Родителям нашим позвони, скажи, что всё в порядке.

— Ага. В порядке,— весело помахала Белла визиткой в воздухе.— Я сейчас всем позвоню — тут такое начнётся! Может, и на телевидение сразу?

Беляшик откровенно веселилась.

— Так всё же в порядке. Злодеев поймали.

— Родители приедут — такое нам устроят!

— Ну не убьют же!

— Но гулять мы долго не будем!

— По компьютеру общаться будем.

— Точно! Не привыкать!

— Сейчас, я только бабушке скажу, что поймали, и побегу звонить! — Беляшик побежала в сторону своей дачи.

Лошадка и Эля перевязали порезы Герману и принялись устанавливать шину.

— Ты, это… Потерпи! Сейчас больно будет!

Наташа с двух сторон ноги приложила палки:

— Эля! Дави со своей стороны, чтобы кость встала!

Эля давит, злодей морщится, закричал. Громко. Эля от испуга бросила палку.

— Ну его. Испугал до жути! Чуть сердце не разорвалось.

Наташа грозно, как с конём, без церемоний:

— Тпру! Стоять! Тьфу! Лежать! А ну-ка! Чего орёшь?! Лежи, молчи! Как детей воровать — тебе не было больно? Вот теперь почувствуй, как нам было больно и страшно! Маша! Помоги!

Маша подходит и начинает гладить его по голове.

— Чего ты его гладишь? — продолжила негодовать. — Бери палку, дави. Ты его знаешь, тебя он не испугает.

— Потерпи, потерпи! — погладила по голове Маша. — Сейчас немного больно будет, но нужно потерпеть.

Взяла палку, Эля рядом.

— Как давить?

— Пока кость не встанет на место. Вон она под кожей и мясом торчит.

Эля хмыкнула:

— Скажешь тоже. «Под мясом».

— Я не знаю, как у человека это называется. Про коня я бы сказала. Ну чего смотришь? Дави! Я здесь фиксирую! Ну?!

Маша сильно надавила, кость ушла, встала на место.

— О! Теперь другое дело! Держите вот так крепко!

Лошадка берёт скотч и приматывает палки к ноге.

Закончила, вытерла пот со лба:

— Уф! Ну всё! Жить будешь!

Посмотрела Машу:

— Давай и тебя перевяжем. Скатерть ещё осталась.

— Да так затянется. Девочки, а может, вы нас отпустите, а? — жалобный голос и жалкий вид.

— Чего?

— Что ты сказала?!

Эля подобрала нож с земли.

— Вы нас украли, это чучело на нас заряженное ружьё наставляло. Внук фашиста! Мерзавец! Чмо!

— Где кулон, Маша?!

Маша развела руками:

— А у нас его нет.

— Как нет?!

— А где он?!

— Бауэр забрал.

— Какой такой Бауэр?

— Ну, сосед. Он — внук напарника. Ну, того, которого забросили в войну. Михаил Бауэр.

Девочки смотрели ошарашенно на Машу, друг на друга:

— Так. Подожди. Он тоже охотился за сокровищами?

— Ну да. Всегда стоял рядом, страховал. Он же старый, — пожала Маша плечами.

— И когда вы меня поймали и сумку осматривали, он тоже был рядом? — нахмурила бровки Эля.

— Да, он был во дворе. Если бы кто-нибудь появился, он должен был отвлечь.

— Это в таком дурацком жёлтом свитере, берете? На Мурзилку же похож.

— Да, это он. Специально тогда так оделся, чтобы привлечь внимание и отвлечь. Вон его свитер сохнет, — махнула Маша рукой.

Эля посмотрела. Действительно, на верёвке сохнул жёлтый знакомый свитер. Теперь понятно, почему её так раздражало жёлтое пятно. Подсознание опознало его, но не осознало.

— Я, когда целилась, боковым зрением увидела. И когда по двору тащили, тоже. Что-то в голове проскочило, где-то видела… А оно вон как! — покачала головой. — М-да. И где его теперь искать?

— Не знаю, — пожала плечами Маша. — У него небольшая фирма. Ну, там, грузовики, краны, экскаваторы. Они с сыном командуют.

Прибежала запыхавшаяся Беляшик:

— Уф! Ну всё! Всем позвонила! Такого наслушалась! Скорая приедет, а то и две. Твой полицейский, Эля, тоже приедет и ещё возьмёт, когда услышал, что расстреляли из ружья машину. Ваши родители тоже примчатся. Ну всё! Сейчас начнётся! Готовьтесь.

— Белла, только крепись, — начала Эля. — У нас нет кулона.

— Как нет?! — Беляшик была в ярости.

— Вот так. Их напарник спёр. Тьфу!

— Это как?! Машка! Ты втёрлась ко мне в доверие, змея подколодная! Это когда я к тебе приходила и монетку показывала, рассказала про учительницу, а ты, оказывается, давно уже обхаживала её! Я с тобой всем делилась! Как со старшей подругой! А ты?! Дрянь такая! И ты подзудила меня, чтобы я кулон отобрала! И поссорила меня с подругами!!! Так?! — кричала Белла на всю улицу.

В конце улицы показалась группа людей, человек десять. Беляшик увидела:

— Ну всё. Моя бабуля собрала всех соседок. Сейчас они вас убивать будут, — снова обращаясь к Маше: — Так кто украл?

— Дядя Миша Бауэр.

— Дядя Миша? — Белла была искренне удивлена.

— Да, — подтвердила Маша.

— Как же он вытащил-то кулон?

— Когда пуля попала, машина остановилась. Он подбежал, вытащил из машины. Но не чтобы спасти, а чтобы кулон, бумаги забрать.

— Точно дрянь.

— А если бы машина взорвалась? Он почему вас не вытащил, не помог?

— А чего ты хочешь? Внук фашиста и правнук фашиста. А ты как туда попала, Маша?

Маша внимательно посмотрела на Наташу:

— Это долгая история.

— Советую поторопиться,— усмехнулась Беляшик.— Сейчас добежит моя бабушка со своими подругами, тогда не поговоришь, крика будет — хоть уши затыкай.

— Всем нужна любовь,— начала Маша.— Растениям — тепло и любовь, животным, людям. Всем нужна. А когда живёшь в деревне, в которой всё развалилось, разрушилось, школа в соседней деревне, медицины нет,— тоска. Устроилась работать к родственнику на бензозаправку. Сутки через трое. Не трасса, а так, дорога между сёлами. В основном для заправки тяжёлой техники. Тоска тоже, но хоть с работой.

— Поторопись,— предупредила Эля.

— И вот однажды приезжает он! На чёрном, сверкающем «Мерседесе», заблудился. Увидел. Сразу влюбился. Позвал, я и поехала.

— Принц на чёрном «Мерседесе»? — усмехнулась Лошадка.

— Да,— коротко ответила Маша.— У него была маленькая мастерская, он ремонтировал телефоны, компьютеры. Не искал сокровища. А так получилось, что он вышел на мою далёкую родственницу Анну Алексеевну Громницкую. И тогда он обезумел, и всё дело рухнуло. Только о сокровищах и говорил сутки напролёт, связался с этим… Мурзилкой. И вот…

Маша развела руками, охнула, села на землю.

— Эх, Машка, Машка! — вздохнула Белла.— Наверное, правду говорят, что любовь зла, полюбишь и козла.

— Найди меня лет через десять-пятнадцать и расскажи о своём избраннике,— горько усмехнулась Маша.

— Не переживай! Вот такого я точно не выберу! — кивнула Беляшик на Германа.

— Поживём — увидим,— Маша устало откинулась на забор.

— Ладно. Мы скажем в полиции, что ты защищала нас, не давала нас обижать,— пыталась ободрить пленницу Лошадка.

— Я всё равно его люблю и буду ждать,— с любовью посмотрела Маша на своего избранника.

Эля непонимающе покачала головой, развела руками:

— Не понимаю!

Маша посмотрела на Элю:

— Ты ещё маленькая. Вот подрастёшь и влюбишься.

— Но только не так! — рассмеялась Эля.

— И ты тоже вспомни наш разговор лет через десять.

Их прервала толпа бабушек, которые дошли до места аварии. Девочкам пришлось встать перед ними, чтобы те не учинили самосуд над парочкой преступников.

Вдалеке послышался вой сирен.

— Ну всё. Началось!

— Ага!

— А так всё хорошо было! Ещё бы кулон остался, мы бы сами всё сделали!

Медленно двигалась колонна: впереди две машины полиции, затем две машины скорой помощи, и затем кавалькада из десятка машин.

Полицейские были вооружены, женщина с собакой, из машины вышло много мужчин, они были тоже вооружены кто чем, некоторые были с ружьями, кто-то с бейсбольными битами, металлическими прутьями, лопатами.

— О, мой папа и дедушка. И их друзья! — Эля приложила руку к бровям «козырьком».

— Ага, и мой папка с друзьями! О! Тренер тоже! — узнала Наташа.

— И мои тоже приехали,— радостно сообщила Белла.— Эх. Не отпустят нас гулять!

— Точно не отпустят!

Полицейские оцепили машину, девочек, преступников, не пуская разъярённую толпу родственников. Подошли медики.

Девочки быстро, одновременно стали рассказывать:

— Мы стреляли.

— Подбили машину.

— У него нога сломана.

— Ага! Перелом со смещением.

— Мы шину наложили.

— Стоп, девочки! — остановил их врач.— Ещё раз: что вы сделали?

— Мы шину наложили. На сломанную ногу.

— Так. Понятно,— он начал рассматривать шину.— Удивительно.

— Это Наташа придумала!

Врач внимательно посмотрел на Лошадку:

— Подумай насчёт медицинского. У тебя получится.

— Подумаю. Я вообще-то на ветеринарный хотела поступать. Но людей тоже лечить хорошо.

Участковый Гаврилов стоял рядом, он осматривал развороченную машину.

— О! Тебя же Элина зовут? Правильно?

— Да. Мы с вами во дворе разговаривали, когда на учительницу напали.

— Помню.

— Я попросила, чтобы вам позвонили. Это они напали на неё. И нас украли, вернее, похитили. Сюда привезли. Привязали к стульям, обокрали.

— И телефоны разбили! — встряла Наташа.

— Да, и телефоны раздолбили об асфальт. Вдребезги.

Гаврилов помечает на листочке в папке:

— Так. А кто стрелял? Откуда? Где оружие?

— Мы стреляли. Ну, точнее, я,— сделала шаг вперёд Эля.— Подружки мне помогали.

— Ты?! — у полицейского глаза полезли из орбит. — Как?!

— Со второго выстрела попала, — горделиво выпрямилась Эля.

— А где оружие? Из чего так можно всё разнести?

— Из противотанкового ружья.

— Что?!!

Полицейские подошли поближе. Недоумённо смотрели на машину, на маленьких девочек, не веря своим ушам, думая, что девочки врут.

— Ружьё там, — показала она рукой на распахнутое чердачное окно.

Полицейские начали фотографировать место происшествия, раненых погрузили в скорые. Часть полицейских пошла с ними. Девочки побежали к своим родным.

Папа с дедушкой обняли Элю, прижали к себе, зацеловали.

К ним подошло семеро мужчин:

— Мужики! Тут и без нас полиция разберётся. Мы поедем?

— Спасибо!

— Да ладно. Обошлось же.

— Ну, Эля, ты — молодец! Такого немца завалила со второго выстрела!

— Класс!

Мужчины сели в машины и уехали.

— Ну как, сильно испугалась? — дед Слава прижал внучку, папа гладил её по голове.

— Сначала очень сильно. А потом ничего. Когда целилась, тебя вспомнила, что людей убивать нельзя. Вот и в колесо. А ещё представила себя пулей.

— Умница. Не надо брать грех на душу убийством.

— Знаешь, дед, когда я целилась, как будто дух ружья меня успокаивал, подсказывал, что оно задирает вверх, поэтому в землю надо было целиться. Оно говорило со мной!

Дед погладил по голове внучку:

— Нет у оружия души. Оно железное. У тебя адреналин от волнения и страха был в крови. Ты привыкла, что тебе кто-то говорил в тире, вот подсознание тебе и подсказало, как успокоиться, что ты не одна.

— Наверное, ты прав, — согласилась Эля.

— Видишь, Эля, ни я и никто из моих друзей не стрелял из противотанкового ружья. А ты стреляла и попала. Молодец. Уникальный опыт.

Элина улыбнулась деду:

— Так вон оно стоит. Иди, бахни!

— Уже нельзя. А ты не растерялась, собралась и грамотно выстрелила. Даже шкуру не попортила нацисту.

Подошёл папа Эли.

— Я должен с тобой серьёзно поговорить, Эля! — папа Женя присел. — Давай начистоту сейчас рассказывай. Всё как было! Только без вранья!

Эля тяжело вздохнула и начала рассказывать.

А на чердаке, возле ружья, стояли две серые прозрачные тени, одетые в форму красноармейцев. Они смотрели на суету внизу:

— Ну что, Игнат, ты хорошо подсказал девочке, она и попала.

— Она — боец. Видно, что наша кровь!

— Эх. Ну всё, наверное. Нам пора.

— Подожди, я посмотрю ещё раз. Жаль, что не могу унести с собой всю эту красоту.

— Да мы и так задержались здесь. До сих пор не могу себе простить, как я танк сбоку не увидел!

— Не кори себя, сколько раз тебе говорить. Мы хорошо повоевали. Но на то и война.

— Главное, что ружьё не опоганило себя выстрелом по нашим.

— Поэтому мы и были рядом. Как нас убило, так и не поняли толком, что умерли. А вот как немцы ружьё к себе в тыл поволокли, так сразу и за ним. Куда с нашим оружием?! И потом рядом были. Как могли, вредили немцам. Как целились в наш танк, так и осечка сразу! Помнишь?

— Как это забудешь? М-да. Прощай, ружьё! Мы тебя «Дашей» называли. Прощай!

— Прощай, «Даша»! Спасибо тебе за всё! Наш путь теперь точно окончен, да и твой, получается, тоже.

Души медленно идут к стене.

— Как думаешь, спросят с нас?

— За всё спросят. Но, может, что-нибудь и зачтётся.

— Ты боишься?

— Не то чтобы боюсь — грехи вспоминаю. Их много получается, оказывается. И за дело спросят, и за каждую поганую мысль тоже.

— Да. По делам и спрос будет.

Фигуры уходят в стену. А с рукояти затвора, невесть откуда взявшаяся, скатилась капля прозрачного ружейного масла, повисела секунду на кругляше и упала на стол, растеклась жирным пятнышком. Ружьё простилось со своим расчётом.

С грохотом по лестнице стали подниматься полицейские.

Полицейские слушали рассказы девочек и только покачивали головой, а когда вынесли противотанковое ружьё, то все были в шоке. Никто не мог поверить, что такое возможно.

Эля уже устала от расспросов.

— Поехали уже за сокровищами!

— Поехали, поехали, — поддержала Беляшик.

— Не зря мы же страдали! — подхватила Лошадка.

Длинной кавалькадой машин, во главе колонны полиция с мигалками, сиреной, поехали на Караульную гору, к часовне.

Эля с Наташей сидели рядом в машине.

— Когда в багажнике были, я испугалась. Думала, что всё.

— Ага, особенно когда не удалось ничего сделать. Темно, душно, страшно и непонятно. Тоже думала, что умру.

— И что ты делала?

— Молилась Богу. А ты?

— Тоже молилась. И когда бандиты ушли, а мы привязаны, сидим, никто не знает, где мы. Только я толком молитв не знаю. Как могла.

— Я тоже просто просила помощи.

— Бог любит детей!

— Это точно. И помогает.

— Как только помощи попросили, так и Беляшик появилась. Не случайно же они на дачу с бабушкой поехали.

— Значит, Бог-то есть.

— Конечно, есть. А ты сомневалась? Вспомни, сколько раз ты могла себе шею свернуть, но как-то всё образовалось.

— Не сомневалась. Просто ещё раз убедилась.

Уже на подъезде к часовне было видно с двух сторон большие кучи земли, вырытые огромные ямы.

Когда подъехали, то было видно, что там поработала тяжёлая техника, но её не было рядом.

Все подошли к огромным ямам, заглянули. Пусто. По углам были видны четыре узких углубления. Как будто трубы были воткнуты, а потом их вытащили.

Наташа показала пальцем возбуждённо:

— Вон! Это же, это же ноги коня там были! Как раз тот размер!!!

Эля же смотрела в другую сторону. На склоне лежал мужчина. Она дёрнула папу за рукав:

— Папа! Вон видишь, дядя спит? Этот он! Мурзилка! Бауэр. Внук фашиста.

Папа внимательно посмотрел, толкнул деда Славу, и они пошли, наклонились, вернулись, подошли к полицейским, показали.

— Эля, не смотри туда.

— Он спит?

— Нет. Он умер, — папа прижал дочь к себе и развернул в сторону города.

— Его убили? — голос дрогнул.

— Сердце. Сердце не выдержало. Синие губы. Я уже видел на работе такое, и не раз.

— Получается, что если фирма у него с сыном, то он его так бросил? Сын бросил отца?

— Да, Эля, получается так.

— Фашистская семейка. Если вот так папу можно бросить. Как сбитую собаку на дороге. Папа! Я тебя никогда не брошу! Обещаю!

— Знаю, дочка, знаю.

— А кулон? Кулон у него?

— Нет. Мы с дедушкой осмотрели, ни на шее, ни в карманах нет ничего.

Эля помолчала.

— Жаль, что коней мы не нашли! Эх!

— Вы всё сделали правильно. Но если бы не играли во взрослых, а рассказала всё мне, то и коней бы мы нашли. Вот. Согласна?

— Да, папа, — послушно кивнула Эля.

Тем временем суматоха нарастала, кто-то суетился вокруг трупа, полицейские разматывали красную ленту, огораживая место происшествия. Приехала бригада скорой помощи. Осмотрели тело, накрыли простынёй, увезли.

Вокруг образовалась толпа зевак. Многие снимали на телефоны. Всем было любопытно.

Приехало несколько машин с местных телевизионных каналов, оперативно развернули камеры, журналисты говорили в камеры, операторы снимали.

Раздвигая людей подобно ледоколу, двигались Катя Краснова и её подпевалы.

Лошадка толкнула в бок Беллу:

— О! Твоя подруга бывшая объявилась.

Беляшик обернулась:

— Кто? А, эти…

Белла развернулась и призывно помахала им, широко улыбаясь, скорчила ехидную мордочку.

Операторы тут же сняли всех трёх подруг, которые радостно улыбались, явно издевались над Красновой и её компанией.

Три подруги отвернулись. Белла посмотрела на то место, где лежал труп.

— Знаете, девчонки, интересно получается. Вот на Эльку когда бандиты напали, Бауэр был рядом. Помните, когда мы в доме Катьку Краснову ждали, я сказала, что дядя Миша мимо прошёл?

— Ну да.

— И чего? Совпадение?

— Это второй раз. Да ещё поздно вечером, — продолжила Беляшик. — Забыла сказать, что когда на кладбище я фотографировала с Наташкой памятник, то прихожан, в церковь идущих, тоже. Дома просматривала и его тоже там увидела.

— Получается, что он всё время крутился рядом с нами с этим Германом и Машей. И оставался в тени. Незаметным.

— Точно.

— А как у него получалось?

— Дедовская школа. Диверсант немецкий.

— Эх, жаль, что коней не нашли!

— А так всё хорошо начиналось!

— Это я во всём виновата! Не сказала бы Машке, она бы и не узнала!

— А где Андрюша?

— Мы с ним расстались. Когда я снова с Катькой связалась, так он и ушёл. Ну и правильно сделал. Я тоже от них ушла.

— А чего так?

— А-а-а-а! Пустые они. Только о тряпках, модах, мальчиках разговоры да посплетничать о ком-нибудь.

Подумала.

— Надо будет с Андреем помириться. Он — настоящий!

— Волосы отмой для начала, а то как у попугая оперение.

— Не отмываются. Я чем только не пробовала. Надо будет покрасить во что-нибудь культурное. Родители будут рады. Папа хотел побрить мне голову, — она усмехнулась. — Тогда всё лето дома провела бы.

Наташа наморщила лоб:

— Как странно получается. Аду Лебедеву поймали возле Лесосибирска. Ну, тех деревень, что там были. И немецкие диверсанты тоже высадились возле Лесосибирска. Как думаете, совпадение?

Беляшик мотнула головой за спину:

— После этого дяди Миши Бауэра я уже перестала верить в совпадения.

Эля молча достала бинокль, стала смотреть, рассеянно слушала разговор подруг, не отрывая взгляда от Чёрной сопки.

Сопка была на другом конце города, как раз напротив часовни. Две вершины друг напротив друга.

Элина улыбнулась, вспомнила запись из тетради Ады Лебедевой.

— Куда смотришь, подруга? — обратилась к Эле Беляшик.

— Туда, — кивнула она.

— А, Чёрная сопка. Папа говорил, что когда здесь были пленные японцы, они говорили, что похожа на их Фудзияму, и молились на эту гору. Чего там старательно рассматриваешь?

— Думаю, что мы ещё найдём тонну золота Ады Лебедевой, — улыбнулась Эля.

— Так пошли! Чего мы ждём? — Лошадка нетерпеливо стала всматриваться в сопку.

— Нет. Тут спешить не нужно. Оно там сто лет лежит, ещё полежит, подождёт. Нас всё равно сейчас не будут пускать гулять, неделю точно, потом родители с нами будут ходить. Полиция будет вызывать на допросы-опросы. Может, и Катька Краснова какие-нибудь козни, гадости против нас устроит. Андрей нам нужен. Мужская сила. Он верный, крепкий. Поэтому, Беляшик, тебе придётся с ним помириться.

Белла улыбнулась:

— Я и сама хотела. Он действительно похож на настоящего мужчину, не то что эти… с которыми я общалась недавно.

— Ты понимаешь, что тебе придётся извиниться? — подначивала подружку Лошадка.

— Ну, это мы ещё подумаем и придумаем, кому из нас придётся извиняться, — заразительно рассмеялась Белла.

— Так когда пойдём? — азартно потёрла ладошки Беляшик. — Очень хочется найти много золота и сделать себе золотую корону.

— Зачем тебе корона?

— Всю жизнь мечтаю о короне. Хочу корону, и всё! — топнула она ножкой. — Когда пойдём?

— Тебе же сказала Эля — когда всё успокоится. И Андрей, как тягловая сила, вернётся в нашу компанию, — Лошадка всматривалась в Чёрную сопку, щурилась, пытаясь рассмотреть, где спрятан клад.

— Тягловая сила, — фыркнула Беляшик. — Ты на всё как на лошадей смотришь!

Эля обернулась к подругам, улыбнулась:

— Правильно, девчонки. Когда всё стихнет, про нас и наши приключения все забудут, перестанут следить, сможем снова много гулять… А вот потом уже мы и пойдём!

Три подруги стояли, обнявшись, глядя на раскинувшийся под ними Красноярск. Город, полный тайн, загадок, спрятанных сокровищ, город с многовековой историей.

У Эли зазвонил телефон, она не глядя ответила на звонок:

— Алло. Анна Алексеевна? Здравствуйте! Да, мы нашли коней. Вернее, место, где они были спрятаны. Хорошо. Как вернётесь, звоните, я приду.

Посмотрела на подруг:

— Анна Алексеевна, учительница, звонила. Скоро вернётся с лечения, наслышана уже про нас. Хочет встретиться, послушать и дать ещё пару подсказок.

— На что?

— Каких подсказок?

— А на что она может ещё дать подсказку? На клады, конечно! В её тетради столько написано, столько зашифровано!

Девочки вновь смотрят на город, но уже другими глазами; казалось, что они видят признаки, где по городу спрятаны сотни кладов, и они ждут их, трёх подруг, — Элю, Лошадку и Беляшик.

Автор выражает признательность за помощь в написании книги Карпухину Константину Владимировичу

Алексей Пчелёнок

Молчание

...вслушайся в твою последнюю радость...
К. Кавафис

— Ты ужинать-то будешь, а? — старческим, слегка хрипловатым от долгого молчания голосом спросила она.

«Гав!» — радостно отозвался шпиц, уже не ожидавший услышать человеческую речь в этот вечер.

— Да не ты! — с глубокой злостью ответила уже немолодая женщина лет семидесяти, хозяйка собачки. — Извини, — добавила она почти мгновенно и уже спокойнее.

Галина умела мастерски извиняться и выказывать внешнее уважение. За долгие сорок лет совместной жизни она привыкла сглаживать углы тяжёлых характеров мужчин своей семьи, и что-что, а собой владела с редким талантом. «А что я чувствую от происходящего? Чего хочу?» — таких вопросов она не задавала, но угадывать чужие желания и настроения умела даже по звуку шагов и шарканью ботинок на придверном коврике. Сейчас это не пригождалось. В доме уже восемь лет как жила одна она, и только комнатная собачка время от времени отвечала на слова хозяйки — как сегодня вечером.

● ● ●

Когда ты сорок лет жизни готовишь ужины — рука набивается сама собой, и единожды заведённый механизм начинает работать уже помимо твоей воли. Галина исправно варила супы каждые пару дней, лепила домашние котлеты со слегка подрумяненным луком; выходные дни озаряли весь подъезд запахом свежей сдобной выпечки. «Готовить меня научила соседка-монголка, с которой мы жили в одном общежитии после распределения в замужестве! — обычно отвечала хозяйка на вопросы о своём мастерстве. — До Алексея Алексеевича я и думать-то не хотела о готовке — я же дочка председателя колхоза! Какие мне постряпушки?» Сейчас, спустя восемь лет после смерти мужа, постряпушки снова стали необязательны, но останавливаться она не умела и не считала нужным.

Галина — отличная хозяйка и все дела по дому, которые они с мужем когда-то определили как женские, выполняла исправно. В детских комнатах уже взрослых детей до сих пор идеальный порядок: заправленные кровати с отглаженным постельным бельём; каждый сезон стираемые шторы и оттираемые до скрипа стёкла окон. Пыль... пыли в этом доме будто бы не водилось, и это даже вошло в семейную шутку, повторявшуюся на когда-то многолюдных застольях. «В хорошем месте у вас, Галина Николаевна, квартира: будто бы тут и не летит пыль!» — с улыбчивым задором восхищения и зависти к хозяину твердили гости. Идеальную картинку дополнял всегда полный холодильник, прямо ломившийся от еды: рог изобилия современности, масло, холст. Наверху холодильника — вечный блок сигарет, покупать который было также её обязанностью. Сама Галина никогда не курила.

● ● ●

«Курить я начал во втором классе, Лёшка, — подмигивая внуку, сказал Алексей Алексеевич. — А ты смотри мне! Все смолим, как паровозы, — не смотри на нас».

Было в этом предостережении много тепла и заботы: Алексеевич своих пацанов любил как никого другого, и только себя любил больше. Любить себя умел! Он не отказывал себе ни в сигаретах, ни в посиделках с друзьями — да и ходили слухи по округе, что гулял этот примерный семьянин по-чёрному. Вечный балагур и душа компании, красавец-мужчина, передовик производства — к комплиментам он привык и внутренне считал их чем-то должным.

«Ну а сейчас, мелкий, вместе до гаража сходим, солений домой возьмём: дом должен быть всегда полной чашей!»

«А можно будет мне самому гараж открыть, деда?» — пропустил мимо ушей жизненные мудрости внук.

«Почему же нельзя? Мужик — он с детства сильным расти должен. А не сможешь ключ провернуть — так тебе я или соседи всегда поможем!»

● ● ●

Дом — место особой гордости для Алексеевича. Сюда можно привести друзей и быстро обнаружить в них завистников — отчего обрадоваться ещё больше. Без этой обильной приправы

чужих эмоций счастье будто бы было неполным и отдавало постной едой: душеполезной, но совершенно неприятной. Чтобы отойти от формата поста ещё дальше, поводом для собраний друзей было или домашнее вино, или что ещё хмельное. Всё — за счёт хлебосольного, радушного хозяина.

Такие собрания Галина, возвращавшаяся с работы позже мужа, узнавала по густому смогу сигаретного дыма, выходившего аж в лестничный пролёт. Дело, обычно пахнущее керосином, для неё чётко ассоциировалось с запахом «Беломора». Этот же запах был почти что алхимическим признаком: всё, бывшее в холодильнике, — домашние котлеты с луком, недельный суп, купорки — уже улетучивалось к этому моменту и опровергало аристотелевское «природа не терпит пустоты». Пустота холодильника к этому моменту была абсолютной.

«Галочка, а мы тут с мужиками немного посидели! Они ж по домашней еде соскучились, а у нас дом-то всегда чаша полная — не убудет!» — и было что-то то ли от немой сцены «Ревизора» в происходящей сцене, то ли от пейзажей Запорожской Сечи — того же Гоголя.

Обычно после таких праздников жизни супруги обижались друг на друга: Галина — на транжирство мужа, а муж — на обиду жены. И даже ругались они как образцовая семья — не повышая голоса. Если быть точным — они просто прекращали разговаривать на несколько месяцев.

• • •

Галина поставила перед собачкой миску с остатками супа. Шпиц с энтузиазмом принялся за еду, изредка поглядывая на хозяйку. Женщина села за стол, накрытый белой скатертью, — привычка, уходящая корнями в сорок лет совместной жизни. Перед ней стояла тарелка с остывающими котлетами, её любимыми, со слегка подрумяненным луком. Она взяла вилку, но есть не стала, просто смотрела на котлеты как на давно забытые фотографии.

В памяти всплыли другие ужины, другие столы, другие люди. Молодой Алексей, только что приехавший из города, с застенчивой улыбкой и блеском в глазах рассказывал о своей работе. Она помнила, как волновалась, представляя, как он встретится с её родителями, строгими и молчаливыми крестьянами. Как она помогала ему гладить рубашку, как он пытался шутить, чтобы разрядить обстановку. Как её отец, Николай, долго и пристально смотрел на него, прежде чем задать свой вечный вопрос: «А ты, молодой человек, любишь ли мою дочь?» Алексей, немного смутившись, ответил: «Люблю, пап. Очень люблю».

Она помнит, как после этого её отец наконец улыбнулся, похлопал Алексея по плечу и сказал: «Хорошо, раз любишь — присаживайся. Котлеты как раз готовы».

Сейчас же эти котлеты — лишь воспоминание, такое же далёкое, как её юность, как тот деревенский дом с резным крыльцом и яблонями во дворе. А перед ней — лишь тарелка с остывающими котлетами. Она вспомнила, как Алексей, уже будучи её мужем, часто засиживался за поздними ужинами, рассказывая о работе, о своих проблемах, о своих мечтах. Говорил много, порой без умолку, и она слушала, кивала, стараясь понять, что он чувствует, чего хочет. Она всегда умела это делать — угадывать чужие желания и настроения, сглаживать углы, поддерживать, заботиться. Это было её призванием, её судьбой.

Теперь же — тишина, только тиканье часов да спокойное чавканье собачки. И эта тишина давит сильнее, чем любой гром. Нет, не давит, а заполняет собой всё, поглощая, растворяя, стирая…

Она вдруг вспомнила, как Алексей говорил о своей поездке в командировку, о женщине, с которой познакомился там. Он долго молчал, а потом сказал: «Она такая… лёгкая, как бабелька. Совсем не такая, как ты». Он не сказал «я люблю её», но его интонации говорили сами за себя. Это был холодный удар, резкий и неожиданный, словно ледяной дождь в разгар лета. Этот дождь прошёл, оставив за собой лишь мокрые следы и пустоту. Она тогда просто кивнула и продолжила готовить ужин, стараясь, чтобы Алексей ничего не заметил.

Она отложила вилку. Шпиц, доев свою порцию, лизнул ей руку. Галина погладила его за ухом. «Хорошо, что ты есть, моя радость», — прошептала она, голос её был еле слышен. В доме, где когда-то звучал смех и разговоры, теперь оставались только эта тихая, невыразимая печаль и запах остывающих котлет. Запах, который, возможно, больше никогда не будет сопровождаться ничьим голосом, ничьим прикосновением, ничьим теплом.

Яна Миронова

Сон

1.

Зимний вечер. Тишина… Слышно размеренное и глубокое дыхание степи, погружённой в долгий зимний сон. Изредка налетал ветер. Едва уловимы были его лёгкие неспешные шаги по хрустящему снегу и мягкий голос, что-то шепчущий степи.

В этом безмолвии медленно и торжественно садилось солнце. Огненное небо пылало, разбрасывая яркие звенящие искры на вершины белоснежных гор, сиявших в мелодии лучей заходящего солнца, свет которого тихим шорохом ложился на бескрайние снежные поля. Всё вторило этому чудесному закату. Казалось, всё здесь согласилось воедино, всё жило и дышало в едином ритме… ритме волшебного зимнего сна…

Вот последний луч скрылся за горизонтом, и солнце исчезло. Постепенно остывало раскалённое небо. Розовая полоска, оставленная солнцем на западе, была всё менее заметна, пока совсем не растворилась во тьме.

Звонко хрустя снегом, два человека шли по дороге. Один из них был подросток лет пятнадцати, его звали Александр, а рядом с ним шла его двоюродная сестра Катрин, ей было девять лет. И вот они вдвоём, вдоволь наигравшись в снежки и накатавшись на коньках, возвращались домой, еле волоча ноги. Они только сегодня утром прибыли из города к бабушке в деревню, чтобы отмечать Новый год.

Катрин с Александром подошли к дому. Белый дым валил из трубы и устремлялся в холодное тускнеющее небо. Толстая снежная шапка покрывала крышу. От мороза стены дома кое-где покрылись инеем и переливались под светом уличного фонаря.

Они вошли в дом. Маленький коридор вёл на кухню, где что-то готовила бабушка, из кухни — в зал, самую большую комнату в доме. А из-за зала шла лестница, ведущая на второй этаж, где находились ещё три комнаты.

Раздевшись в коридоре, брат с сестрой проследовали в зал. Катрин было приятно после долгой зимней прогулки вновь вернуться домой. На улице уже темно и холодно, а дома тепло и хорошо. И у неё появлялось невероятное чувство чего-то родного, светлого и радостного. Всё казалось другим в привычной обстановке, всё приобретало какой-то особенный смысл. Катрин побежала к камину, стала греть свои окоченевшие руки.

Александр прошёлся по залу. Лицо его выражало глубокую усталость и вместе с тем серьёзную тревогу. Он будто что-то хотел сказать сестре. Он смотрел, как она греется у камина. Детские глаза блестели, глядя на его танцующее пламя. Как бы ему сейчас хотелось почувствовать то, что чувствует она. Как бы хотелось остановить, удержать это мгновенье, словно воспоминание из его детства.

Вдруг голос бабушки позвал Катрин на кухню.

— Скоро приду,— сказала она брату и вышла из комнаты.

Александр остался совсем один. Подошёл к окну — уже смеркалось. В камине весело трещали дрова. Пахло берёзой и елью. Мягкий золотой свет заполнял пространство. Всё блестело, всё ждало праздника, и что-то необычное, казалось, витало вокруг, только Александр этого не замечал. Он отошёл от окна, сел в кресло… задумался.

С ним что-то происходило. Он чувствовал какую-то утрату. Не было уже того прежнего сердечного трепета, который он испытывал раньше в предпраздничную пору. Ведь только Новый год и вся эта атмосфера заставляли верить его в чудо, в настоящее волшебство… Однако всё чудесное, каким бы оно ни было, беспощадно поглощается реальностью… Александр понял главное: всё необыкновенное, чего мы так постоянно хотим и ждём, ушло безвозвратно, а точнее, растворилось в обыденном мире.

Теперь Новый год для Александра не оставлял ощущения теплоты и чуда. В мерцании огней Александр уже перестал видеть что-то необычное, что всегда так радовало его, наполняло его сердце какой-то необыкновенной лёгкостью. Теперь этот праздник стал казаться ему фальшивым, а его блеск и украшения — лишь бессмысленной декорацией, за которой ничего нет.

Раньше он долго не мог оторваться от наряженной ёлки. Александр следил, как переливается каждый огонёк, как свет его расходится по тонким иголочкам ели. Он долго рассматривал каждую игрушку, думая: «А вдруг перед Новым годом они оживают?..»

Сейчас Александр в душе смеялся над своей наивностью. Он равнодушно посмотрел на ёлку. Она всё так же, как и раньше, мигала маленькими огоньками. Всё те же игрушки висели на ней, но теперь не было в ней чего-то волшебного и загадочного.

«Это просто дерево с мишурой… — подумал Александр. — Теперь уже ничего не хочется… Зачем всё это? Кажется, что всё пустое, всё потеряло смысл… А ведь он был… Когда он был? Уже не важно… Этого всё равно больше нет, и её тоже уже нет…»

«Длиньк», — вдруг что-то прозвенело… Александр очнулся от своих мыслей, встал с кресла, прошёл по комнате. Ничего не было такого, что бы могло издать такой приятный, мелодичный звук. Александр подошёл к камину. Дрова издавали тот же треск, скрипя лопавшейся берёзовой корой. Он повернул голову в сторону ёлки… Снова звон… Александр вздрогнул. «Уж не кажется ли мне всё это?» — подумал он.

Александр обернулся, обвёл взглядом всю комнату — ничего особенного, всё как обычно. Складывалось такое ощущение, будто звук пронёсся с той стороны, где стояла ёлка. Он подошёл к ней. Посмотрел под неё и за ней, но ничего не обнаружил… Прозвенело опять.

«Да что же это? — недоумевал Александр. — Может быть, это чья-то глупая шутка?» Он случайно повернул голову в сторону окна и… замер…

На окне блестел снежный узор, будто чьё-то холодное дыхание застыло на стекле.

«Откуда он взялся? — подумал Александр. — Его же не было здесь…»

По крохотным кристаллам узора скользили жёлтые лучи от огней ёлки. И этот свет так причудливо играл, что Александр невольно заулыбался, хотел подойти ближе к окну…

— Александр! — послышалось с кухни.

Он опомнился. Звали к ужину. Он отошёл от окна и направился в сторону кухни. Вдруг Александр остановился. Медленно обернулся. Затем посмотрел на окно… Узора не было. Мурашки пробежали по телу. Он протёр глаза, посмотрел вновь — на окне также ничего не было…

После ужина Александр старался забыть о том, что произошло с ним. Он не хотел придавать этому событию особого значения, полагал, что, скорее, усталость вызвала и эти странные звуки, и это непонятное видение.

Уже было поздно. Бабушка легла спать, только брат с сестрой ещё оставались в зале. Александр сидел в кресле с книгой. Но читать ему уже не хотелось. Текст плыл, буквы куда-то рассыпались, было уже тяжело уловить смысл. Он закрыл книгу, откинулся на спинку кресла. Думал о чём-то… Несколько минут он просидел так. Затем повернул голову и посмотрел на сестру. От жара камина на её бледных щёчках появился румянец. Она была так удивительно мила в этом свете. Катрин, задумавшись, смотрела на ёлку, и глаза её блестели, разглядывая множество маленьких огоньков и новогодних украшений.

«Чудесные глаза», — думал Александр каждый раз, смотря в них. Они были такие же зелёные, как у него. В них чудилось Александру что-то такое таинственное, то, что, наверное, ему никогда не суждено было разгадать. Сейчас её глаза блестели, искрились, глядя на ёлку, были полны невыразимой мечтательности и вместе с тем тоски. Он заметил, что какая-то мрачная мысль пробежала в её голове и сестра тяжело вздохнула.

— Что случилось, Катрин?

— Да так… думаю…

— О чём?

Тут сестра посмотрела на него так пристально, что он даже немного смутился. Глаза её, яркие, заряженные светом ёлочных огней, заглядывали прямо в душу, они с лёгкостью проникали в самые её глубины, видели всё её тайны… Всё, что казалось Александру закрытым от окружающих, видела Катрин.

Чудесные глаза моргнули, посмотрели куда-то в сторону, и Катрин наконец сказала:

— Что такое чудо, Александр?

Какой-то странный, несколько неразумный детский вопрос заставил его растеряться.

— Я… я не знаю… — тихо сказал брат и после некоторого молчания добавил: — А ты?.. Ты как думаешь?

— Я сама не знаю, — ответила Катрин. — Но так хотела бы узнать! Хотя… Ты знаешь, есть вещи, которые нам никогда не получится узнать.

— Почему ты так решила?

— Да потому что есть вещи, которые нельзя увидеть, потрогать, их можно только почувствовать.

— И ты думаешь, что…

— Чудо нельзя понять, а увидеть — тем более… только почувствовать! Я бы так этого хотела…

— Да, я тоже, — со вздохом произнёс Александр.

Они вдвоём вдруг замолчали. Александр видел, что Катрин уже устала.

— Катрин, иди ложись спать.

Сестра встала. Потёрла глаза. Александр подошёл к ней, поцеловал в лоб и пожелал спокойной ночи. Катрин уже собиралась идти наверх, в свою комнату, но, обернувшись, сказала:

— Мне вчера такой странный сон приснился.

— Какой?

— Будто кто-то рисует узоры на наших стёклах. А я стою у окна, пытаюсь понять, кто это делает, но ничего не вижу…

— Ты фантазёрка! — улыбнувшись, сказал Александр. — Иди спать. Это всего лишь сон.

— Но, может быть, их правда кто-то рисует, а люди этого не видят. Взрослые вообще мало что видят.

— Может быть… Теперь иди…

Катрин вздохнула и поплелась наверх.

Александр подошёл к ёлке… думал о том, что сказала сестра.

«Не может быть такого… Всё это глупости. То, что я увидел сегодня, — это просто усталость. Да и зачем думать о том, что такое чудо, если чудес не бывает?»

Он смотрел на ёлку и вспоминал… Вспоминал детство, как раньше приезжал сюда с мамой отмечать Новый год. Александр хорошо помнил, как ещё мальчишкой, лет девяти, он просыпался пораньше, когда все ещё спали, и скорее бежал к ёлке, чтобы найти там подарки… К этой самой ёлке, которая сейчас стоит перед ним, которая тогда была особой связью с чем-то удивительным. И мама была здесь, рядом… Они с мамой много читали. Мама знала много сказок. Одну из них он хорошо знал и вспоминал сейчас. Перед Новым годом мама рассказывала ему о том, что где-то далеко есть место, где живёт добрый волшебник, и он со своими помощниками перед праздником приносит детям подарки. Она описывала это всё так ярко, словно была там сама. И душа Александра наполнялась радостным ожиданием чуда — не потому, что он получит подарок, а потому, что его принесут волшебники…

Но два года назад мамы не стало. Кончились и сказки, и волшебство. Отца Александр не знал… Воспитанием его начал заниматься дядя, в семье которого Александр не находил понимания. Это были обычные люди с обычными бытовыми проблемам. Жизнь их день за днём проходила одинаково и серо: они работали, ели, спали, смотрели телевизор, считали, сколько на Александра будет уходить денег.

И весь тот необыкновенный мир, в котором жил Александр раньше, перестал существовать. Осталась только ужасная и всепоглощающая пустота и одиночество, оттого что никто не понимает… Тогда он сам начинал убеждаться, что чудес не бывает, что всё это глупости, выдуманные людьми неизвестно для чего. Есть только реальный мир и люди со своими мелкими потребностями. Тогда он понял, что пора взрослеть и переставать верить в сказки, которые рассказывала ему мама.

Сидя около ёлки, Александр думал, как сделать для сестры что-то необычное и в то же время настоящее. Ему не хотелось обманывать сестру, говоря, что подарок её принёс какой-то волшебник, которого на самом деле не существует. Он слишком любил Катрин. Александр верил, что эти сияющие глаза, в которых была бесконечная вера во что-то светлое, радостное, спасут его, не дадут его душе погибнуть и он не потеряет себя.

«Ах, если бы не Катрин…» — задумался он и подсел к камину, смотря на огонь. Его грудь сильно сдавило. Словно там, внутри неё, вновь стало что-то шевелиться. «Если бы не Катрин, — продолжал думать Александр, — не знаю даже, что бы со мной стало. Ведь тогда, после смерти матери, когда казалось, что мир полностью разрушен, когда казалось, что в нём нет ничего, кроме боли… Когда я вновь вернулся в этот дом, в эту степь, где можно быть самим собой, я встретил сестру. Да если бы не она… — тут в груди Александра задавило ещё сильнее, — если бы не она, то душа моя, и так потерявшая всю её полноту и силу, истончилась бы вовсе, а затем исчезла бы совсем… Любимая сестра, что же я могу для тебя сделать? Ты живёшь и не знаешь, что каждый день не даёшь моей душе угаснуть, не даёшь ей навсегда забыться беспробудным и бессмысленным сном в том мещанском мире, в котором приходится мне жить с моей новой семьёй. Даже когда тебя нет рядом, одно лишь воспоминание о тебе не даёт мне упасть в глубокую темноту… Если бы я смог достать для тебя хоть какое-нибудь чудо, если бы я смог сотворить его сам, если бы я ещё знал, что это такое!..»

Александр вздохнул. Он понимал, что эти мысли о чуде, а также о попытке найти его нелепы и безнадёжны. Он ещё несколько минут продолжал сидеть и размышлять о другом, более реальном. Он вспоминал последние дни в школе, думал о том, что через полгода сдавать экзамены и прочее.

Александру уже хотелось спать. Он думал, что сейчас же встанет и пойдёт в постель. Но сон валил его так сильно, что он не мог подняться. Он не заметил, как лёг около ёлки. Тело его расслабилось, голова была пуста. Опять пронёсся тот самый звон, который он уже слышал сегодня. Звук за звуком — и постепенно, понемногу всё слилось в прекрасную мелодию. Но Александр думал, что ему это снится. Последнее, что он увидел, прежде чем уснуть, — как на окне вновь появился тот чудесный узор, но Александру было уже всё равно. Он закрыл глаза, музыка, казалось, уносила его куда-то, всё больше отделяя от реального мира. Через минуту им уже овладел крепкий сон…

2.

Было утро тридцатого декабря. Катрин уже не спала, но глаза её были закрыты. Это то необычайное состояние, когда человек уже пробудился, однако тело всё ещё расслаблено и голова до сих пор объята сладостным сонным дурманом.

Белый свет с улицы, которого становилось всё больше и больше, заставил Катрин окончательно проснуться. Она открыла глаза. Для неё этот день всегда был каким-то призрачным, словно продолжение сна. Она поднялась с постели и подошла к окну. Солнца не было видно. Холодный густой

туман сжимал мощные горы, всё сильнее скрывая их под своей серой пеленой.

Катрин, одевшись, пошла в комнату брата, но там его не оказалось, постель была заправлена — значит, Александр уже встал.

Спустившись в зал, Катрин посмотрела на ёлку. Она обошла вокруг, рассмотрела каждый шарик, каждую игрушку на ёлке, она чувствовала её запах, её волшебство. Ей вспомнилось, как в прошлом году они отмечали Новый год здесь с Александром. Как они ровно год назад в этот день вместе с братом сидели у ёлки и загадывали желания. Потом, на следующий день, она, проснувшись ещё до рассвета, разбудила Александра и потащила полусонного брата к ёлке смотреть подарки.

Для Катрин Александр был не просто родственником, он стал для неё другом. Кроме него, друзей у Катрин больше не было. Даже в семье она чувствовала себя чужой, ей был непонятен этот странный мир взрослых. Они всё спешат, гонятся за чем-то. Они слишком много говорят о любви, а потом предают друг друга. Говорят о дружбе, но часто расстаются со своими друзьями. Они думают, что всё знают, но не могут разобраться даже в себе.

Всё время взрослые создают иллюзии любви, дружбы и самих себя. Катрин просто хотелось иметь друга, но не как у взрослых, а настоящего друга. Именно им стал Александр. И она так надеялась, что сегодня они, так же как и в прошлом году, будут сидеть под ёлкой и загадывать желания.

Катрин пошла на кухню, думая, что брат там. Бабушка уже позавтракала. Катрин села за стол и спросила, где Александр.

— Его нет, — ответила бабушка.

— А где он?

— У себя дома, наверное, — сказала бабушка. — Он ведь не приезжал. Он хотел приехать в этом году, но потом передумал.

Катрин промолчала, думая, что это просто шутка. Как же это так? Вчера, она прекрасно это помнила, Александр приехал вместе с ней, потом она пошла с ним на улицу, и вернулись они только вечером. Катрин целый день вчера провела с братом здесь, а сегодня ей говорят, что он не приезжал вовсе! Всё это было очень странно.

Вдруг она услышала звон. Она выбежала с кухни в зал. Опять звон… Она посмотрела на окно около ёлки… Перед Катрин рисовался удивительной красоты узор. Она медленно, с опаской, подходила к окну. Через ледяные перья узора золотилось солнце, отчего он весь блестел, наполняя комнату волшебным светом.

«Невозможно, — подумала она. — Всё это не более чем сон».

Всё пространство за спиной её стало зыбким и призрачным, как будто его вовсе не существовало. Только таинственный узор. Казалось, за ним скрывалось что-то настоящее, правдивое, возможно, то самое чудо, которого она так ждала.

Катрин приложила руку к стеклу. Вдруг всё тело её затрепетало. Приятное волнение охватило её сердце. И ей казалось, будто что-то чудесное, таинственное, иное скрывалось за этим узором, отчего всё в Катрин зашевелилось, задрожало… Снова звон… Она вдруг увидела ещё одну ладонь, прижатую к стеклу с другой стороны окна. Девочка чувствовала тепло, которое исходило от невидимой руки и от которого плавился ледяной узор.

Александр уже не спал, но веки его были закрыты. Всё было тихо, спокойно. Он чувствовал, что лежит на чём-то мягком и тёплом, свет падал прямо на него, и сон, наконец, его оставил.

Александр открыл глаза. Он увидел перед собой комнату, совершенно ему незнакомую. Он поднялся, сел, протёр глаза ещё раз, но ничего не изменилось — всё та же комната, в которой было так тепло, уютно и сонно. Около небольшого светлого дивана, где он сидел, стоял круглый столик, на его поверхности расплывалось множество бликов от небольших огоньков, которыми, как маленькими горошинами, была усыпана новогодняя ёлка, стоявшая напротив. Трещал камин. По краям он был украшен ёлочными ветками, по которым бегали и сливались с его светом жёлтенькие огоньки. С одной и с другой стороны от камина уходили вверх, почти под самый потолок, два широких окна. Вся комната отражалась и блестела в их стёклах и постепенно наполнялась светом приближавшегося восхода.

Александр встал с дивана, прошёлся по комнате. Ещё толком не отойдя ото сна, он и не хотел думать о том, что это за место и почему он здесь. Александр подошёл к окну, потёр глаза ещё раз. За окном только начинало светать. Он увидел незнакомый ему пейзаж. Кругом были белоснежные горы. Тонкая нить розовых облаков вилась над ними, и первый красно-оранжевый луч солнца отражался на их вершинах. Внизу стройные, укрытые толстым слоем снега тёмно-зелёные ели ещё дремали под тенью высоких гор.

«Что же это за место?» — думал Александр. Он повернул голову и сильнее прислонился к окну, чтобы рассмотреть само здание, где он находится. Но ничего увидеть не смог.

«Может, это всё сон?.. — мелькнуло у него. — Ну конечно, сон! Ничего другого и быть не может. Я точно помню, как заснул вчера вечером в зале под ёлкой, а сейчас нахожусь где-то… непонятно где. Но как же я мог попасть сюда, если бы всё это было бы по-настоящему? Никак, и это очевидно. Поэтому всё, что я вижу, — не более чем игра моего подсознания, причём очень хорошая. Ведь сон такой правдоподобный; если бы мне так

приснилось нечто хорошо знакомое, то я бы точно не смог отличить сон от реальности».

Александр подошёл к двери, осторожно взялся за ручку и аккуратно повернул её. Он открыл дверь и вышел из комнаты.

Он оказался в длинном светлом коридоре и пошёл прямо, но точно не понимал, куда и зачем идёт. Ему казалось, что есть у него какая-то цель. Наконец он вышел из коридора и очутился в огромной зале. По периметру были расположены большие окна, лестницы и двери, из которых выходили и входили опять люди. Всё суетилось в этой большой зале. Ничего удивительного здесь не было. Но в душе Александра что-то зашевелилось, правда. Он свернул на ближайшую лестницу и начал спускаться по ней.

Казалось, что это место было ему знакомо. Он понимал, что никогда не был здесь, но будто бы слышал о нём. Однако он старался не думать об этом.

У него не было ни малейшего сомнения в том, что это сон. Удивляло его только то, что он слишком был похож на реальность. Александр ощущал каждое движение своего тела, каждый запах… Вот сейчас, кстати, он тоже что-то почувствовал… Пахло хвоей, апельсинами и ещё чем-то приятным. Он поспешно спустился вниз и оказался среди елей. Они стояли огромной тёмно-зелёной стеной. Среди них ходили люди, осматривали и поливали растения. Причём эти люди не замечали Александра, это больше убеждало его в том, что всё это ему просто снится. Он не знал почему, но так приятно ему было находиться среди огромных ёлок, проходить сквозь их густые хвойные стены, вдыхать их чудесный аромат, от которого постепенно просыпалось его сердце. Вновь, кажется, начал зарождаться в нём тот самый нежный трепет, который когда-то исчез.

Вдруг прозвенело. Опять… опять тот самый звук. И было непонятно, откуда он исходит. Звук шёл будто бы сверху, но растворялся повсюду и старался проникнуть в сердце.

Александр не заметил, как вновь оказался перед лестницей. Когда он поднялся, перед ним открылась огромная комната. Здесь делали ёлочные украшения, и он вспомнил ту сказку, которую рассказывала ему мама перед Новым годом.

«Ведь она же говорила мне об этом! Вот почему это место показалось мне знакомым! Но какая разница… рассказ мамы или мой сон? Всё это не по-настоящему, всё это только в моей голове. И почему это не может быть реальностью? Мне бы так хотелось, чтобы всё это было на самом деле, чтобы я смог найти чудо для Катрин».

— Подписать для вас шар? — спросили его.

Около Александра сидела девушка, расписывая стеклянный шарик.

— Это вы мне? — удивился Александр, до сей поры думая, что его никто здесь не видит.

— А кому же? — тут она улыбнулась. — Так подписать для вас шар?

— Да, наверное… — растерянно начал Александр.

Он подошёл ближе к столу. «Хотя — есть ли смысл? — думал он. — Ведь я проснусь, и всё это исчезнет».

— Что будем писать?

Александр задумался. Он хотел бы подарить этот шар сестре, на миг даже забыв, что всё это сон. И ему хотелось, чтобы на нём написали что-то такое простое, но и в то же время со смыслом.

— А напишите слово *«Тебе»*.

— *«Тебе»*? — спросила художница.

— Ну да. Просто *«Тебе»*.

Художница усмехнулась. Взяла свой инструмент и начала роспись. Закончив её, она положила шарик в коробочку.

— Пусть этот шар будет напоминанием об этом месте, — сказала она, отдавая его Александру. — Разумеется, когда вы проснётесь.

— Что? — спросил Александр, не поняв её слов.

Но ответа не последовало, художница уже занималась другой работой, словно не замечая его.

Александр пошёл дальше, поднялся ещё на этаж.

Там было тихо. Идя по коридору, озарённому белым светом окон, он слышал только свои глухие шаги. Вдруг опять тот самый звон, а затем тишина. Александр замедлил шаг. Сердце сильно колотилось. Казалось, только его бешеный ритм и было слышно. Он чувствовал что-то. «Сейчас, — думал он, — должно что-то произойти…» Опять звон. Александр прошёл дальше. Звон приближался, он больше походил на хруст. Ему сразу вспомнился вчерашний вечер и узор, который внезапно появился на окне.

Он прошёл дальше и увидел, что у одного из окон стояла молодая женщина. Она водила своими белыми пальцами по стеклу, а на нём появлялись те самые узоры, которые видел Александр, но поразило его больше всего не это.

«Не может этого быть…» — подумал Александр. Она так походила на маму. Женщина стояла боком, и он не мог толком разглядеть её лица, но всё напоминало в этом профиле знакомый образ.

Он решил подойти ближе. Женщина повернулась в его сторону.

«Это *она*!.. — пронеслось в голове у Александра. — Это точно *она*!»

Мама медленно подошла к нему, прижимая указательный палец к губам. В белом свете зимнего дня она была похожа на ангела. Он вновь увидел её доброе лицо, её светлый взгляд — эти горящие глаза, с теплотой смотрящие на него.

Александр хотел что-то сказать ей, но не мог, он хотел закричать от радости, обнять её, но всё тело будто бы сковало. Он просто смотрел на неё и не хотел верить, что это сон, что он проснётся — и всё исчезнет, и её опять не будет.

Они молчали, глядя друг другу в глаза. Тут мама взяла его за руки. Он ощутил теплоту и нежное прикосновение её ладоней, как в детстве. Он вновь почувствовал себя ребёнком.

«Нет, это не сон… — подумал он. — Знаю точно, что это не сон. Последние годы моей жизни — вот что было сном».

3.

Катрин проснулась очень рано. Как приятно ей было просыпаться зимой до восхода. Особенно перед Новым годом, потому что именно утром чувствуется какое-то особое приближение волшебства.

За окном было ещё очень темно. Серебрился снег. Такая безмятежность была во всём. Тихая дрожь пробежала по телу Катрин. Она чувствовала одновременно волнение и спокойствие. Мысли её, неторопливо блуждавшие в голове, не могли связаться друг с другом. И она не заметила, как постепенно вновь начала засыпать.

Сон уже совсем близко подошёл к Катрин, но вдруг раздался звон. Она открыла глаза. Прозвенело вновь… Она в испуге вскочила с дивана, узнав тот самый звон.

Она крадущимися шагами прошла в соседнюю комнату.

Опять звон…

Катрин вздрогнула. Снова он пронёсся мимо неё. Ей стало страшно. Девочке показалось, что звон был с первого этажа. Она медленно подошла к лестнице. Посмотрела вниз. Ступени уходили в темноту. Ничего не было видно. Тело Катрин дрожало. Казалось, что-то неизведанное скрывалось за этой густой, необъятной тьмой. Катрин осторожно поставила ногу на ледяную ступень и начала спускаться. Она еле дышала. В голове напряжённо пульсировало. Сердце её колотилось так сильно, что его частые удары раздавались в каждой части тела.

Катрин оказалась внизу. В комнате царило спокойствие. Только беспокойное биение её сердца нарушало его тишину. Она вздохнула, звук этот эхом отразился по комнате, и опять тишина. Катрин уже хотела идти наверх.

«Шах-х», — послышалось вдруг и разбежалось множеством звуков по стенам комнаты.

«Шух», — прошептало где-то в темноте.

Откуда эти звуки? Словно сквозь густую тишину комнаты что-то пыталось прорваться, но слышны были только странные шорохи. Вдруг послышался треск: на окнах начали появляться узоры. И в темноте что-то промелькнуло.

«Неужели я всё ещё сплю?!» — с ужасом подумала Катрин.

«Дзынь…» — разнеслось по всей комнате. Катрин вдруг стало не по себе. Она спряталась за лестницу и осторожно выглядывала из-за неё.

«Это всё — сон», — думала она.

«Дзынь…» — золотистая искра появилась в комнате и сразу же растворилась во тьме.

«Дзынь…» — ещё одна. «Дзынь… динь-динь… дзынь…» — ещё и ещё, они появлялись из ниоткуда одна за другой, исчезали, затем возникали вновь. Искры скользили по хрустальным узорам и, словно тысячи звёзд, бесконечным золотым потоком лились из тёмной бездны. Они стремительно мчались по залу, освещая всё его пространство и заряжая комнату волшебством. Сам собой вспыхнул огонь в камине. Засветилась ёлка. Всё ожило, всё блестело, всё искрилось. Катрин была поражена. Она словно заворожённая смотрела по сторонам и не могла понять, в действительности ли всё это происходит.

Вдруг появился *он*…

Тот самый волшебник, который и сотворил все эти чудеса. Он стоял в другом конце комнаты, весь покрытый золотом огней. Глаза его были ясными. На его губах была детская улыбка.

«Нет… не может быть», — подумала Катрин. Тут в душе Катрин вдруг что-то разорвалось. Слёзы хлынули из глаз её.

— Александр! — закричала она и, сорвавшись с места, подлетела к нему, кинулась на шею к брату и громко зарыдала, уткнувшись ему в плечо.

«Неужели он сделал всё это? — думала она. — Я не хочу, чтобы это был просто сон. Пусть это странно, необъяснимо, невозможно!.. Пусть… Взрослые постоянно говорят о том, что чудес не бывает. Ведь это не так! Я не хочу этому верить. Я лишь хочу знать, что всё то необычное, что я увидела, было по-настоящему».

Катрин не знала, почему она плакала. Слёзы лились из её глаз, и в их прозрачном потоке расплылось всё вокруг. Она обхватила руками шею брата и прижалась к нему, ей уже стало не важно это волшебство. Она чувствовала безграничное счастье, наконец-то поняв, что такое чудо.

Александр, держа сестру, тоже чувствовал это. Он убедился, что все эти огни, украшения, подарки — это ещё не настоящие чудеса. Какое-то чувство, некогда отжившее в душе Александра, вновь ожило в ней, разлилось чем-то тёплым и приятным по его груди и наполнило всё его существо невыразимой радостью. Сейчас он был как никогда счастлив. Он понял, как во многом заблуждался. Мир, в котором он существовал, состоял лишь из предрассудков, оценок окружающих. Этот мир был словно нарисован всеобщим людским воображением. Всё, что он видел как бы

во сне, было реальностью. А сном являлась жизнь его до этого момента.

Но Александр точно знал, что он безгранично любит свою сестру — это маленькое чудо, которое он держал в руках, которое вновь спасло его, помогло ему проснуться. Он был счастлив, как и она.

Утро тридцать первого декабря. Александр уже проснулся. Он ещё лежал в постели, и в его голове смутно проносились отрывки вчерашнего дня. Во всём теле была давно не испытываемая им лёгкость. Ему казалось, будто бы он видел во сне что-то очень важное, но никак не мог вспомнить что.

В комнату влетела Катрин.

— Ты ещё спишь? Как ты можешь спать? — сказала она и села к брату на кровать. — Что тебе сегодня снилось?

— Не помню.

— А мне приснилось знаешь что?

— Что?

Катрин подсела к нему поближе и шёпотом сказала:

— Я видела чудо!

Вдруг Александру что-то начало вспоминаться. Бывает так, что именно в этом инобытийном пространстве нам открывается истина. Он чувствовал, что она была именно там, но никак не мог вспомнить.

Катрин предложила ему посмотреть подарки. Он сразу же согласился. Спускаясь вниз, Александр улыбался, как ребёнок, чувствуя в сердце своём то самое волнение, которое испытывал в детстве.

Когда они спустились вниз. Александр заметил, что в зале что-то переменилось, словно что-то волшебное произошло здесь и оставило свой сказочный след на всём пространстве комнаты. Голубоватый утренний свет струился из окон, за прозрачными стёклами которых крупными хлопьями валил снег. Александр глядел на ёлку и не мог оторваться. Он смотрел, как шары и другие игрушки причудливо висели на тонких зелёных веточках, блестели постоянно сменявшие друг друга электрические огоньки. Что-то необыкновенное было за всей этой красотой, что-то непостижимое, до которого, казалось, невозможно добраться. Тут Александр посмотрел на подарки, среди их множества в глаза ему бросилась небольшая коробочка. Он взял её, открыл, достал оттуда ёлочный шар, на котором была надпись: *«Тебе»*.

И тут в голове его пронеслись слова: «Пусть этот шар будет напоминанием об этом месте… когда вы проснётесь». Вдруг он вспомнил всё. Картинка за картинкой живо представлялись ему события вчерашнего дня и сегодняшнего раннего утра.

«Значит, это был не сон… — думал Александр. — Всё то, что я видел, было по-настоящему. И маму я тоже видел по-настоящему. Ничего от нас не уходит. Оно всё здесь, всё рядом, только мы не способны это увидеть».

— Это *тебе*, Катрин, — сказал он, протягивая сестре шар.

— Я поняла, что такое чудо, — сказала она, принимая шар и глядя брату прямо в глаза.

— Да, я тоже знаю теперь.

Александр сел около ёлки. Ему не хотелось распаковывать подарки, он был слишком счастлив, чтобы обращать внимание на эти мелочи, за которыми постоянно гонятся люди, как будто во сне, не замечая ничего вокруг себя. Ему нужно было попасть непонятно куда, в какое-то сказочное место, которое находится неизвестно где, чтобы понять, что настоящее чудо всё это время было рядом с ним и не давало его душе угаснуть, помогло ей проснуться.

«Не будь тебя, Катрин, — думал Александр, глядя на то, как сестра, сидя под ёлкой, загадывает желание, — жизнь моя так и осталась бы сном…»

Удачи в игре по имени Жизнь!

Сочинения юных авторов Красноярского литературного лицея (мастерская Е. В. Тимченко)

Маргарита Данилина
11 класс

Прежде чем самоудалиться…

На самом деле я не очень люблю игры. «Настолки» ещё куда ни шло, они хотя бы развивают логическое мышление или память. В подвижных играх от меня всегда было мало толку: меня догоняли и находили первой, а убегали с лёгкостью. Компьютерные игры тоже не вызывают у меня интереса, но одна просто покорила меня и продолжает удивлять до сих пор.

Думаю, когда я опишу её, вы поймёте, о чём я.

Когда вы только заходите в игру, вам выпадает рандомный персонаж с неизвестными характеристиками. У каждого персонажа свой предел для каждой характеристики, вы можете достичь его, развиваясь. Но в самом начале все они на нуле. Освоиться вам помогут опытные игроки, они рассказывают вам о механике игры, помогут прокачать навыки, победят с вами первых монстров. Как правило, они становятся вашими первыми друзьями и соклановцами, однако ничто не мешает вам после достижения определённого уровня откинуть их и вступить в другой клан.

Немаловажной частью игры является взаимодействие с другими игроками. Начиная с первых уровней, вы взаимодействуете со своими наставниками, затем заводите друзей среди соклановцев, ходите с ними в рейды, проводите время в тавернах за беседой. Вы постоянно взаимодействуете с владельцами лавок, магазинов и банков, а с определённого уровня вам предлагают стать наставником для нового игрока.

Поэтому просто ходить и рубить всех направо и налево здесь не получится.

В этой игре ты можешь быть кем угодно! В пределах человеческих возможностей, конечно же, так как все персонажи в игре — люди. Ты можешь открыть свой магазин или таверну, стать солдатом и воевать с другими кланами, можешь быть строителем и развивать города своего клана…

В общем, занятия на любой вкус!

Однако самой интересной особенностью игры являются так называемые «черти». Они встречаются каждому игроку на любом уровне. Порой они возникают внезапно, иногда их появление можно предугадать. Они могут быть разными: маленькими и большими, опасными и не очень, могут прийти группой, парой или вообще в одиночестве. Но каждый рано или поздно встречает их, и тогда мирной швее или официанту приходиться браться за меч, вспоминать навыки фехтования, освоенные за время ученичества, и сражаться с этой напастью. Иногда своих сил недостаточно, и приходится звать на помощь друзей или соклановцев.

Способов смерти в этой игре также масса. Можно неудачно упасть с транспортного средства, можно умереть в бою с монстром, «чёртом» или на войне с другим кланом, можно съесть так аппетитно выглядящий гриб и отравиться… Выбирай что хочешь! Однако множество игроков доходят до высших (около сотого) уровней, и игра самостоятельно выкидывает их.

Так как уровни присваивается независимо от достижений, задержаться в игре дольше сотого уровня мало у кого получилось. Что происходит с умершими игроками, никому неизвестно. Этой теме посвящено множество обсуждений на тематических форумах. Одни думают, что после смерти игрок просто теряет все свои навыки и начинает всё сначала. Другие почему-то думают, что игра даёт игроку только один шанс на прохождение, и после смерти он самоудаляется. Некоторые считают, что после окончания одной игры начинается другая. В общем, теорий множество, а правду знает разве что создатель.

Вот такая игра. Думаю, вы уже догадались, о чём я говорю. Поэтому я пожелаю вам удачи в вашей игре.

Игре Жизнь.

Екатерина Гришко
10 класс

Русско-кошачий словарь

В мире существует множество самых разнообразных языков, и сейчас благодаря переводчику даже люди разных наций могут с лёгкостью понять друг друга. Но задумывались ли вы о существовании кошачьего языка? Ведь эти пушистые создания не просто так мяукают, мурлыкают, скалятся, размахивают хвостом и двигают ушками. Люди, не имеющие у себя дома кошки, наверное, уверены, что кошачий лексикон ограничен словом «мяу». Но я-то знаю свою хвостатую подружку от и до и сейчас докажу вам, что кошачий язык очень разнообразен.

Значение слова «мяу» полностью зависит от интонации, положения тела и выражения мордочки, с которым оно произносится. Вот, например, тихое, милое, даже жалобное «мяу» в сочетании с поднятым хвостом, торчащими ушками и глазами «по пять копеек», смотрящими прямо в душу, означает, что кошка хочет есть. Обычно оно сопровождается наматыванием кругов животным вокруг ваших ног.

«Мяу» с лёгким призвуком «р-р-р», похожее больше на звук «мур-р-р», называется мурлыканием и используется кошкой для выражения высшей степени удовольствия. Обычно сопровождается вибрациями всей кошки и невероятно довольным выражением её моськи.

Если кошка нервно машет хвостом и в слове «мяу» делает акцент на звук «а», явно выделяя его громкостью голоса среди остальных, — она раздражена. Причины раздражения могут быть различными, но в такие моменты с кошкой лучше не связываться.

Но если вы вдруг доведёте вашу кошку до высшей стадии гнева, готовьтесь к «мяу», похожему на завывание двигателя мотоцикла. Кошка прижимает уши к голове, амплитуда и частота колебаний её хвоста увеличиваются раза в два (кажется, ещё немного — и она взлетит на нём, как на пропеллере). Её шерсть на загривке встаёт дыбом, глаза прямо-таки пожирают тебя взглядом, полным ярости, тело принимает дугообразное положение, и кошка начинает двигаться боком. До такого состояния мою Бусю лучше не доводить — мало не покажется.

Ещё одно смешное значение слова «мяу» появляется, когда даёшь кошке понюхать или попробовать что-то ну очень невкусное. Такую забавную моську моя кошка иногда выдаёт. Просто представьте: Буся максимально втягивает шею (как будто это чем-то поможет), её ушки ходят ходуном, носик чересчур мило морщится, и «мяу» приобретает оттенок брезгливости в сочетании с беспомощностью.

Но самое моё любимое «мяу» — это игривое «мяу». Когда кошка хочет повеселиться, по ней это сразу видно. Её зрачки расширяются, движения становятся резкими и отрывистыми, и Буся сразу начинает носиться по дому так, как будто за ней гонится какой-нибудь доберман. Но в её глазах читается не страх, а безудержное веселье. В таком «мяу» можно услышать улыбку, смех и даже «ну давай уже, кидай мне игрушку!».

Это был краткий сборник значений слова «мяу». А вообще мне кажется, что кошек очень легко понять, ведь это совершенно искренние создания. Они не умеют притворяться и что-либо скрывать. Людям стоило бы у них поучиться…

Агнесса Ахмедова
8 класс

Сокровенная комната

— Ну что, коллеги, все единогласно принимают летопись судьбы индивида номер 270409 ААГ? Прошу внимательно перечитать все испытания первой и второй фазы, а также коэффициент *ЧДИ*[1], и уже потом осмысленно голосовать.

— Друзья, я считаю, нашему индивиду будет очень трудно в этом жестоком мире. Мы сделали его внутренний мир слишком уязвимым, а показатель чистоты души — высоким. Он очень добрый и искренний, а всю его судьбу мы сделали коварной и добавляли ему трудности раз за разом.

— Уланс, ты же отлично знаешь, все эти испытания сделают его характер выносливым, закалят его. Ведь потом его ждёт преодоление главного препятствия, которое в дальнейшем сделает его счастливым.

— Понимаю, но всё же боюсь, что первоначальные испытания сломают его тонкую душевную организацию. И, как это случилось с большей половиной индивидов, которых мы запустили кристально чистыми и добрыми, наделив их прирождённым благородством, испытания первой фазы погубят его. Создав и запустив миллионы индивидов, я ни к кому так не привязывался, как к этому номеру. Мы его так долго и упорно разрабатывали, да ещё и для такой важной миссии. Хотелось бы сохранить его человечность.

— Хм, подумать, конечно, можно, но что ты предлагаешь?

1 ЧДИ — Чистота Души Индивида.

— Считаю, нашему творению нужно место, где оно сможет морально отдохнуть, восполнить зелёную энергию добра. А также это место может стать источником коэффициента чди. Например, собрать все его тёплые воспоминания из летописи, которые будут воспроизводиться в этом хранилище по мере того, как они будут происходить у нашего индивида.

— Неплохая идея. Кто — за? Так… Возражений нет, приступай, Уланс!

Младший создатель принялся за разработку хранилища энергии. Он изучил все биологические особенности индивида, ему было легко это сделать, ведь он помогал конструировать будущую анатомическую проекцию номера. В конце концов он выбрал подходящее расположение для источника энергии, которое автор не собирается раскрывать, чтобы читатель не искал его у себя (священная тайна, сами понимаете).

Создание комнаты было нелёгким. Уланс обустроил её механизм следующим образом: когда подвид пожелает получить светлую энергию, ему стоит лишь уединиться в мыслях и сосредоточиться на хорошем. Тогда комната автоматически откроет двери и запустит в неё индивида. В комнате всё обустроено по последнему слову техники, в ней имеется прожектор виртуальной реальности, что поможет созданию прокручивать все тёплые события с абсолютной точностью. Данный механизм будет напоминать о тёплом и сокровенном, не давая горячему сердцу охладеть от трудностей жизни.

— Уланс, да вы просто небесный гений! Вам удалось создать лучшее место для индивида, причём оно совершенно не требует его перемещения в дальние места. Потрясающе. Я обязательно запрошу для вас вознаграждение у Создателя, я уверен, он оценит ваши старания.

— Благодарю. Я хотел бы согласовать название данного механизма. У меня совершенно иссякло воображение.

— Кажется, я имею подходящий вариант. Уланс, что вы скажете о *ксв*[2] — Комнате Счастливых Воспоминаний?

— Мне очень нравится это название, давайте возьмём его.

С этого момента каждому подвиду, вне зависимости от масштабности его предназначения, стали вводить ксв. Этот механизм, разработанный Улансом, есть в каждом из нас. Может, у кого-то его наличие не так ярко выражено, но всё же мы прибегаем к нему. Для каждого человека это поистине ценная комната, в которую доступ есть только у него. И как же часто она помогает нам преодолеть препятствия, сохранив в себе всё хорошее и человечное.

2 ксв — Комната Счастливых Воспоминаний.

Арина Скрипникова
9 класс

Паспорт — это вам не шутки

Мои родители — не самые обычные люди. Нет, они не работают на какой-нибудь необычной работе, и нет, мы не путешествуем по России в доме на колёсах и точно не ходим каждые выходные на «Столбы». Просто мои родители любят шутить, даже не шутить, а убеждать меня, доверчивого человека, во всевозможных выдумках.

Вы, наверное, подумали, что речь пойдёт о том, как родители уверяли меня маленькую, что если буду себя плохо вести, то меня заберёт Баба Яга, или что на Новый год подарки приносит Дед Мороз? Такое, конечно, было, но давно-давно. А вы попробуйте убедить подростка, который учится уже в средней школе, в какой-нибудь ерунде, но не сказочной. Думаю, у вас не получится, ведь перед вами почти взрослый человек, имеющий какое-то представление об устройстве нашего мира. Но мои родители смогли.

Однажды, мы ехали с родителями куда-то, я уже и не помню куда. Но отчётливо помню, что мне было скучно, и тут я вспомнила о том, что все люди получают паспорт и что я тоже смогу его получить, когда мне будет четырнадцать. Я сказала об этом родителям, но они посмотрели на меня удивлёнными глазами и спросили:

— А ты готова получить паспорт?

— Конечно. Вот будет мне четырнадцать, пойду куда-то, заполню что-то — и вот мой паспорт.

— Нет, дорогая, это так не работает. Тебе нужно сдать тест на знание конституции, — сказала мама.

— Что? Такого не может быть! — ответила я.

— Может. Вот я в четырнадцать лет знал всю конституцию, сдал тест и имею паспорт, — объяснил мне папа.

— Тогда назови мне что-нибудь из неё.

— Легко. Статья сорок третья Конституции Российской Федерации гласит о том, что каждый имеет право на образование.

Я побледнела. Во-первых, я не имела чёткого представления, что значит это слово. Во-вторых, даже если я узнаю, что оно значит, её же нужно выучить, это же тест, а тесты я терпеть не могу. Дальше мы ехали молча, а я смирилась с тем, что я останусь без паспорта, ведь я не смогу выучить конституцию от корки до корки.

И так я жила с тем, что паспорт мне не светит, до своего четырнадцатилетия, я даже уже забыла об этом случае, но мама мне напомнила.

— Ну что, выучила конституцию? — спросила она.

— Нет, лучше буду ходить без паспорта, чем всё это учить, не так уж мне он нужен.

И вдруг мама рассмеялась. Я не могла понять, почему она смеётся.

— Ты правда в это поверила? — спросила мама.

— А это что, неправда, что ли?..

— Конечно.

Меня обманули? Это что же, всё неправда? Как я могла в такое поверить?

Сейчас, оглядываясь назад, мне очень смешно от этой истории, я часто её вспоминаю и невольно начинаю улыбаться своей доверчивости и глупости. Когда я стану родителем, обязательно тоже буду разыгрывать своего ребёнка, заставляя верить во всякое такое, а может, ещё во что-то более смешное.

Юлия Ковалёва
10 класс

И сердцу стало так тепло

Люди каждый день работают, учатся, пытаются угнаться за бешеным ритмом жизни. Человек — не вечный двигатель и не робот. Мы устаём, грустим, злимся. Иногда кажется, что всё ужасно и ничего нельзя с этим сделать. Но порой, чтобы хоть ненадолго вырваться из порочного круга рутины, нужно всего лишь остановиться, посмотреть на мир вокруг: есть же оно, доброе и светлое!

Торопилась я как-то на занятие по подготовке к экзамену (десятый класс, что тут скажешь). Нужно было как можно быстрее добраться от дома до остановки. Я спустилась по лестнице, со скоростью пули вылетела из подъезда… И замерла. На несколько секунд меня охватило оцепенение.

…На площадке перед моим домом две девочки качались на качелях. На вид им было не больше семи лет. Одна — в малиновом комбинезоне с белым меховым воротничком, другая — в розовом костюме с цветочками. Казалось бы, самая тривиальная картина. Но нет. Девочки не просто качались на качелях — они держались за руки. Каждая из них пыталась не отстать от подруги и не обогнать её (никакой конкуренции!). Кроме того, девчонки даже не разговаривали. Они просто качались на качелях, держались за руки и улыбались.

Детство… Такое длинное, когда тебе семь, и такое до невозможности короткое и мимолётное, когда тебе почти семнадцать.

Я шла на остановку и улыбалась, думала о том, как всё-таки прекрасен мир, в котором ещё живут искренность, дружба и верность.

До выхода из дома я ощущала сильную усталость и подавленность. Но после увиденного на площадке у меня будто камень с плеч свалился — такое впечатление произвела эта славная картинка из мира детства.

Прогулки с Пушкиным и другие рассказы

Сочинения участников Красноярского краевого конкурса «Суперперо»

Дмитрий Залож
школа № 141, 6 класс

«Зимнее утро» зимним вечером

Снова задали учить наизусть стихотворение Пушкина! Сколько же он стихов написал?! Каждый год учим, учим… И не лень же ему было! Что на этот раз задали?

Мороз и солнце; день чудесный!

Конечно, день чудесный! А я сижу дома и учу стихотворение. Эх, сейчас бы погулять…

Ещё ты дремлешь, друг прелестный…

И поспать тоже бы не отказался.

Пора, красавица, проснись:

Открой сомкнуты негой взоры…

Взоры?!.. Глаза, что ли? По-русски нельзя сказать — глаза? Великий русский поэт! А нега — что такое? Наверное, опечатка в учебнике! «Нугой» должно быть. Нугой покрыты взоры. От этой сладости так взоры сомкнутся, что долго не разлепишь.

Навстречу северной Авроры,

Звездою севера явись!

Заклинания какие-то пошли…

Где моя волшебная палочка? Пушкин, звездою севера *явись*!!! Ха-ха-ха!

— Здравствуй, отрок!

— Вы кто, дяденька? Как вы сюда попали? Я сейчас полицию вызову!

— Я Александр Сергеевич Пушкин! Ты меня позвал — я пришёл. А полицию не надо. С меня как раз надзор полицейский сняли. Я теперь волен!

— Очень смешно! Похож, конечно. Но только все знают, что Пушкин ещё в тысяча восемьсот тридцать седьмом году на дуэли погиб.

— Не надо было волшебной палочкой махать. Сказок няниных наслушался? Зачем приглашал? Зачем стихи мои искажаешь? Не нравится — не читай.

— Ага, не читай! Их ещё и наизусть учить заставляют! А то двойку поставят, а родители накажут.

— Кто заставляет? Я не для того стихи писал, чтобы отроков неразумных из-за них наказывали!

— А для чего?

— Понимаешь, это порыв души! Вот, например, «Зимнее утро», которое ты читаешь… Я его за один день написал. Как сейчас помню. Мы приехали в Павловское. Погода чудесная. Лёгкий морозец. Снег. Солнце. Настроение такое, хоть самому в сани впрягайся — и вперёд… В поля, навстречу солнцу… И эти строки сами полились. Я так мыслю, так чувствую… Понимаешь? Я готов был весь мир обнять! Бывает у тебя такое?

— Ну, наверное, бывает. Только стихи у меня не льются от этого.

— А что ты делаешь, когда тебе хорошо и весело на душе?

— Я? Не знаю… танцую.

— О-о! Так ты тоже талантливый! Танцы — это же искусство! А что танцуешь? Мазурку? Я очень мазурку люблю.

— Какую ещё мазурку? Не знаю никакой мазурки.

— Хочешь, научу?

— Некогда мне танцевать. Мне стихотворение учить надо.

— Извини. Я забыл. А тебе совсем мои стихи не нравятся? Может, я тебе почитаю и объясню?

И Александр Сергеевич начал читать… Он так это делал, что я сам невольно оказался в санях, укутанный в тулуп. Мы летели по утреннему снегу. А Пушкин всё читал и читал. И так мне стало радостно на душе, что захотелось танцевать! Я поднялся во весь рост в санях и… вывалился в сугроб!

Проснулся оттого, что лбом ударился об стол. За окном уже стемнело. А стихотворение ещё не выучено.

Я начал снова его читать, но теперь мне оно было понятно. Словно Пушкин не во сне, а наяву растолковал. Стихотворение я выучил очень быстро!

На следующий день, когда я шёл в школу, на улице было чудесное зимнее утро! И строки из стихотворения сами всплывали в моей голове:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит…

Мне снова захотелось танцевать… Я потёр шишку на лбу, улыбнулся и, весело приплясывая, побежал в школу.

За чтение стихотворения я получил «пять»! Спасибо Вам, Александр Сергеевич, за Ваши стихи! Теперь, когда мне радостно, я не только танцую, но и читаю стихи… Пушкина, конечно!

Любовь Горлова
гимназия № 13, 9 класс

Пушкин на Енисее

В тот пасмурный день, когда я решила прогуляться по городу, невозможно было и предположить, что моя прогулка вдоль Енисея превратится в увлекательное путешествие во времени.

Я шла по набережной, наслаждаясь свежим воздухом, красотой позолоченных осенью берёз и лиственниц. Мимо меня проходили влюблённые парочки, родители с детьми, оживлённо болтающие друзья и одинокие, как я, люди. И вдруг одна фигура заставила меня остановиться. Это был невысокий молодой человек в старомодном костюме. В одной руке он держал лёгкую тросточку, в другой — книгу. На голове у него был цилиндр.

— «Горе от ума» — превосходная вещь Грибоедова! — воскликнул прохожий. — Правда, умный человек там всего один — непосредственно сам автор. Вы знакомы с этой пьесой, прекрасная незнакомка?

— О да, имею честь быть знакома, — ответила я, подражая старинному слогу.

Конечно, я узнала в странном прохожем самого Александра Сергеевича Пушкина. Удивительное дело — люди вокруг не обращали на нас никакого внимания и продолжали прогуливаться, разговаривать, играть. Я представилась Александру Сергеевичу и спросила, как он оказался в нашем времени и почему невидим для многих.

— «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой», — вспомнил поэт собственные стихи. — Меня, к счастью или к сожалению, знает в лицо каждый, от дошкольника до бабушки. Поэтому, когда я обрёл способность перемещаться во времени, то решил, что видеть меня смогут только настоящие ценители литературы. И вы, Люба, одна из них.

Я была польщена таким комплиментом.

— Расскажите, как вы жили в Санкт-Петербурге много лет назад? — спросила я прославленного поэта. — Ведь родились вы в Москве и могли бы вернуться туда.

— Да, в Москве я провёл первые одиннадцать лет своей жизни, и она осталась в моём сердце навсегда, — задумчиво ответил Пушкин. — Однако потом волею судьбы я попал в Царскосельский лицей и окончил его осьмнадцатилетним юношей. И мне хотелось веселиться! А где веселье, как не в Петербурге?! Там жили мои друзья, там можно было встретить замечательных, интересных людей. Но главное, что я люблю этот город за его красоту и историю. «Люблю тебя, Петра творенье!»

Мы продолжили нашу прогулку по центральным улицам Красноярска, где каждый дом напоминал о великих людях прошлого.

— Знаете, Александр Сергеевич, а ведь наш город немного старше Петербурга, — похвасталась я. — Если быть точным, то на семьдесят пять лет.

— Не знал, не знал, — покачал головой Пушкин.

— Но самое интересное в другом: здесь, в нашем сибирском городе, жили в ссылке декабристы, ваши товарищи. Я покажу вам улицу, названную в их честь.

Мы вышли от набережной наверх и попали через улицу Бограда как раз в начало улицы Декабристов.

— Здесь жили Михаил Фотиевич Митьков, который вёл в Красноярске метеонаблюдения, Михаил Фонвизин, племянник известного драматурга, и герой Бородинской битвы Василий Львович Давыдов.

— Василий жил здесь? Это же мой друг! — изумился Пушкин.

Александр Сергеевич с восторгом смотрел на Органный зал, старые деревянные дома улицы, стену городского сада.

— Как велика наша Россия! — сказал он. — Проходят годы, а благодаря умным и ответственным людям сохраняются культура и история для будущих поколений. Мы ещё встретимся, дорогая Люба! А пока, пожалуй, я отправлюсь в Томск — ваши слова о декабристах вызвали во мне воспоминания о Гаврииле Батенькове, также моём славном товарище… До встречи!

И Александр Сергеевич, сняв с головы цилиндр, раскланялся.

Андрей Машкович
школа № 72 им. М. Н. Толстихина,
4 класс

Машка!

Всё в нашей жизни когда-то случается в первый раз! Три года назад я впервые с родителями поехал в деревню к родственникам. Я городской житель и раньше никогда в деревне не был. И деревню видел только на картинках в журналах и в моём

любимом мультфильме «Простоквашино». Я был в восторге, в предвкушении путешествия и невероятных приключений. Внутри меня кипели разные чувства и эмоции, я не мог дождаться выходных.

И вот спустя три часа пути мы на месте. Маленькая деревенька, разделённая речкой, старые домики, больше половины домов заброшены. Магазина, почты, школы и детсада здесь нет. Такие деревни ещё называют вымирающими. Живут здесь старички и домашние животные. Коровы, лошади, овцы и свиньи гуляют свободно по всей деревне и ведут себя по-хозяйски. Это другой мир, другая реальность, всё для меня в новинку, новые запахи, новые звуки, всё по-другому, как будто я попал в прошлое, словно я во сне.

После сытного обеда я вышел на улицу во двор и был очень удивлён. Дед сидел на скамейке и чесал за ушком огромную, лопоухую, кареглазую свинку. Свинка, уткнувшись своим розовым пятачком в деда, щурила глаза от удовольствия и нежно похрюкивала. Дед сказал: «Знакомься! Моя любимица — Машка!»

«Ручная свинка! — подумал я. — Во чудеса!» Тогда ни я, ни Машка ещё не представляли, чем закончится наше знакомство.

Первый чудесный день в деревне близился к концу, я, довольный, сидел на скамейке и жевал булочку. Подошла Машка, в её глазах я увидел вопрос: «Угостишь булочкой?» Я дал ей кусочек, потом ещё и ещё и так скормил ей всю булку. Я осторожно погладил Машку по спинке, почесал за ушком, её щетинки были жёсткие и колючие, похожи на щётку.

Я не знаю, как объяснить свои дальнейшие действия и как мне могла прийти в голову такая мысль: возможно, это деревенский воздух вскружил мне голову и толкнул меня на столь необдуманный поступок. Сразу вспомнились слова моего преподавателя по английскому языку обо мне, что я невероятно любознателен, люблю всё новое и толерантен к риску; она считала, что эти прекрасные качества позволят мне стать успешным предпринимателем в будущем. Но в настоящем эти качества сыграли со мной злую шутку.

Думаю, вы уже догадались, как будут развиваться события дальше. Мне очень захотелось прокатиться на Машке верхом. Я медленно и осторожно спрыгнул со скамейки на спину Машке. Внутри меня всё ликовало, я предвкушал необычную поездку. Но не тут-то было. Машка несколько секунд не шевелилась — видимо, не могла поверить в происходящее. Затем резко, как будто в неё попала молния, с визгом стартанула со скоростью спортивного болида «Формулы-1». Я чуть не свалился от неожиданности и бешеной скорости. Какая-то неведомая мощная сила сносила меня назад. Я пытался удержаться как мог, обвил ногами тело Машки, вцепился в щетину. Машка с жутким визгом неслась по двору, мечась из стороны в сторону, пытаясь сбросить меня и найти убежище. Я был растерян и напуган, все мысли смешались в моей голове, и вдруг меня прорвало, я стал громко кричать: «Машка!!! Ма-а-а-аша-а-а-а-а, Ма-а-а-а-ашенька-а-а-а!!! Сто-о-о-ой!!! Сто-о-оп!!! Остано-о-ови-и-ись!!!» Но Машка не думала останавливаться.

Со стороны, наверное, наблюдать эту картину было ужасно весело и забавно. Но мне было ужасно страшно. Я болтался на Машке, как сосиска, и ничего не мог поделать. К счастью, мои крики и визг Машки услышал дед, он чинил забор в огороде. Дед пытался догнать Машку и мне помочь, но догнать Машку смог бы только Усейн Болт, и то если бы не испугался.

Силы мои заканчивались вместе с верой в хороший исход событий. Машка неслась под телегу, я понимал, что Машка под телегой пролезет, а я нет. Машка нырнула под телегу, сильный удар — и я падаю на землю вверх ногами. Некоторое время я не мог прийти в себя, все чувства, мысли и эмоции перемешались в моей голове, всё как в тумане. Подбежал дед, осмотрел меня, и только тогда я стал приходить в себя. На коленке красовалась кровавая ссадина, локоть был содран, волосы взъерошены, и от удара о телегу, а может, от переизбытка чувств, было тяжело дышать. Переломов не было, но тело предательски ныло и тряслось. Никто меня не ругал и не читал мне нравоучений, все были рады, что руки и ноги у меня на месте. Дед подмигнул, говорит: «Что же ты не сказал, что верхом прокатиться хочешь? Я бы тебе лошадь заседлал!»

Перед отъездом домой я набрался смелости и пошёл попрощаться с Машкой, извиниться. Машка, увидев меня, насторожилась. Я присел рядом с ней, протянул булочку, принёс свои извинения; она внимательно слушала и смотрела на меня своими карими глазами со снисхождением и укором. Как будто хотела сказать: «Ох уж эти городские! Дикари… Что с них возьмёшь?»

Эта была удивительная поездка, многое случилось со мной впервые. Давно я не испытывал столько разных ярких чувств и эмоций одновременно.

Уже следующим летом я, облачившись в шлем и защиту, под чутким руководством деда осваивал верховую езду на лошади. Но это уже совсем другая история.

Анастасия Воробьёва
гимназия № 2, 6 класс

Колоски

«За околицей деревни в чистом поле у реки дети шумною гурьбою собирали колоски…» Чтобы понять смысл этой фразы из стихотворения

Н. Ермолаева, надо было родиться в конце тридцатых годов прошлого века и к началу Великой Отечественной войны десятилетним ребёнком оберегать Родину в тылу…

Мне смысл этих строчек открылся благодаря участию в театрализованном представлении, посвящённом 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, которое проходило в Большом концертном зале Красноярской краевой филармонии двадцатого сентября 2024 года.

За представлением на сцене всегда стоит долгая работа на репетициях. Мне это чувство знакомо, так как я занимаюсь в театре танца «Жар-птица» уже шесть лет. В этот раз всё начиналось так же. За две недели до представления руководитель привела нас на первую репетицию. И я сразу ощутила особый дух предстоящего мероприятия. Каждый человек здесь — режиссёр, постановщик, костюмер, реквизитор, артист — выполнял работу, которая становилась вкладом в одно большое дело. Труд одного человека был ценным, так как являлся частью целого.

Название представления, в котором нам предстояло участвовать, звучало как надпись с плаката военных лет: «Победа рождалась на фронте, оружие ковалось в тылу!»

Много песен, стихов и прозы заслуженно посвящено героям войны — солдатам. Но важен и труд стариков, женщин и детей, оставшихся в тылу. Нам, участникам представления, была поставлена задача — донести смысл этого высказывания до каждого зрителя.

Встречаясь на репетициях, прослушивая песни, примеряя костюмы, мы всё глубже погружались в атмосферу военных лет. Даже лица наших мальчишек становились серьёзнее. Надев военную форму (костюм), с оружием в руках (пусть и реквизитом), они, словно настоящие солдаты, умирали в последнем бою под слова и музыку М. Ножкина:

Ещё немного, ещё чуть-чуть,
Последний бой — он трудный самый.
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!..

А «девичья» часть нашего коллектива олицетворяла колоски в номере, который рассказывал о работе в тылу. Это танец о том, как после собранного урожая дети выходили на поля и собирали колоски пшеницы, чтобы каждое зёрнышко можно было перемолоть в муку и испечь хлеб.

…Настал день представления. С самого утра мы собрались в Большом концертном зале. Было волнительно, тревожно и в то же время радостно, что мы дошли до конца. И вновь я ощутила радость от сопричастности к большому делу и испытала такой прилив сил, который, наверное, и ощущали люди, работающие в тылу, и солдаты, воюющие на фронте.

На сцене, двигаясь плавно в хороводе под музыку С. Рахманинова, с засушенным колоском в руках, я как будто на две минуты переместилась в далёкий 1942 год… Холодный осенний день, усталость от работы, тревожный завтрашний день, угрюмые лица взрослых вокруг. Лишь зёрна пшеницы, как пятна от солнца на чёрной земле, согревают и вселяют надежду.

Мысли в моей голове стали словно из военного времени, в голове звучало одно: как бы тяжело ни было, надо сделать то, что от меня ждут. В мой труд верят, надеются на меня, и я не могу подвести!

…Уходя со сцены, я чувствовала себя уставшей, но обновлённой, так как теперь точно понимала смысл фразы: «За околицей деревни в чистом поле у реки дети шумною гурьбою собирали колоски…»

стр. 22
Ампилогов Олег Константинович
Красноярск, 1952 г. р.

Профессор Сибирского федерального университета, почётный работник высшего профессионального образования, лауреат Золотого знака профессора главы города Красноярска П. И. Пимашкова. В 1978 году окончил Московский полиграфический институт. Художник-график. Оформил свыше 130 книжных изданий. Призёр международных, российских и региональных художественных конкурсов. Участник Красноярских международных музейных биеннале. Участник международных, российских, региональных художественных выставок. Участник международных биеннале, триеннале современной графики в Новосибирске. Работает в сфере визуальных искусств: книжная графика, графика, фотография, проектирование, кино и видео.

стр. 38
Андюсев Борис Ермолаевич
Красноярск, 1953 г. р.

Родился в селе Балахтон Красноярского края. С 2004 года является организатором и заведующим общевузовской кафедрой современных технологий обучения КГПУ имени В. П. Астафьева. С 2007 года — член экспертного совета по книгоиздательской деятельности «Книжное Красноярье» при администрации Красноярского края. В 2015 году окончил докторантуру КГПУ по проблеме «Ментальные основания культуры русских старожилов Сибири XVIII — начала XX вв.» В 2007–2016 годах — руководитель грантовой программы исторического факультета «Устная история». С 2016 года и по настоящее время работает в должности доцента кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

стр. 132
Арбатская Тамара
с. Казанцево (Красноярский край)

Печаталась в районных и областных газетах Забайкалья. С 2014 года живёт в Красноярском крае. С 2017 года по июль 2020 года возглавляла шушенское литературное объединение «Вдохновение». Печаталась в альманахах и сборниках «Сибирская лира», «Стрежень на Енисее», «Краски души», «Новый Енисейский литератор», на портале «Российский писатель», в историко-литературном журнале «Годы и люди» и в других изданиях. Лауреат конкурса короткого рассказа «Нового Енисейского литератора» (2020).

стр. 8
Гаммер Ефим Аронович
Иерусалим (Израиль), 1945 г. р.

Прозаик, поэт, журналист, художник. Родился в Оренбурге. Жил в Риге. Окончил Латвийский госуниверситет (отделение журналистики). Работал журналистом в газетах «Латвийский моряк» (Рига, Латвия), «Ленские зори» (Киренск, Восточная Сибирь, Россия). С 1978 года живёт в Израиле. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп». Входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается», «ИСРАГЕО» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Автор 29 книг стихов и прозы, в том числе романа «Приёмные дети войны» (отмечен Фондом «Русский мир»), юмористических произведений, очерков, эссе. Печатается в журналах, альманахах и сборниках России, Израиля, США, Франции, Германии, Австрии, Бельгии, Англии, Канады, Австралии, Швеции, Дании, Финляндии, Молдавии, Украины, Белоруссии, Латвии. Лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Член Союзов писателей, журналистов, художников Израиля и международных союзов журналистов и художников ЮНЕСКО. Член правления Международного союза писателей Иерусалима.

стр. 62
Громова Екатерина Андреевна
Петрозаводск, 1993 г. р.

Поэт, руководитель Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России. Автор сборника стихов «Север внутри». Лауреат молодёжного конкурса «Северная звезда» журнала «Север», III Международного литературного конкурса-фестиваля «ЛитКузница», призёр II Международной литературной премии имени А. Серафимовича, лауреат VI международной поэтической премии «Фонарь-2024». Произведения публиковались в литературных журналах «Север», «Сибирь», «Волга — XXI век», «Берега», «День и ночь», «Подъём», «Аврора», «Дрон», в альманахах «Царицын», «Земляки», «Образ», «Солнечный круг».

стр. 96
Денисенко Кристина
Юнокоммунаровск (ДНР, Россия), 1983

Печаталась в поэтических сборниках, литературно-художественных журналах, литературной периодике. Автор нескольких книг. Победитель, лауреат, дипломант поэтических конкурсов. Член Межрегионального союза писателей.

стр. 60
Искоростинская Анисья Ивановна
Назарово, 1952 г. р.

Поэт, прозаик. Родилась в селе Малые Кныши Идринского района Красноярского края. Училась

в школе № 5 в Красноярске. Окончила Хакасский педагогический институт (филологический факультет). Автор стихов и прозы. Печаталась в газетах «По ленинскому пути» (Идринский р-н), «Советская Хакасия», «Хакасия», «Южно-Сибирский вестник», «„Экран-Информ“-Регион», «Советское Причулымье». Дипломант альманаха «Новый Енисейский литератор» в номинации «Проза» за 2017 год.

стр. 127 **Касецкая (Воробьёва) Алла Георгиевна**
Вологда, 1973 г. р.

Родилась в деревне Гончарка Вологодской области. Окончила Вологодский губернаторский колледж народных промыслов. Занимается изготовлением авторских кукол, иллюстрацией книг, увлекается литературным творчеством. Печаталась в журнале «Подъём», региональных изданиях. Автор двух книг: «Любящим посвящается» (2013) и «Снег пахнет небом» (2021). Печаталась в журналах «Вологодский Лад», «Подъём», «Двина», участвовала в различных поэтических конкурсах и семинарах, стала финалистом Всероссийской литературной премии «В начале было слово» сразу в двух номинациях — «Поэзия» и «Малая проза». Член Союза писателей России с 2022 года.

стр. 65 **Кеосьян Людмила Васильевна**
Красноярск, 1941 г. р.

Родилась на Урале. Окончила Уральский политехнический институт. По профессии инженер-конструктор. В юности публиковалась в местной прессе, «Комсомольской правде», с переездом в Красноярск — в «Красноярской газете», альманахе «Русло», журнале «День и ночь». Автор трёх книг: «Реабилитированные», «Право на крылья» и «Самарины». Лауреат конкурсов короткого рассказа за 2020 и 2021 годы.

стр. 69 **Кузичкин Сергей Николаевич**
Красноярск, 1958 г. р.

Родился в Тайшете Иркутской области. Первый рассказ «Совсем простая история» был напечатан в местной газете «Заря коммунизма» 2 января 1980 года. В 1979–1983 годах входил в состав литературного клуба «Бирюса». Печатался в центральных газетах, в городских, районных и многотиражных газетах Иркутской области, Красноярского и Алтайского края; в коллективных сборниках столичных издательств, в журналах «Енисей», «День и ночь», «Новое и старое» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), «Мир Севера» (Москва), «Соотечественник» (Берген, Норвегия), в еженедельниках «Литературная Россия» (Москва), «Обзор» (Чикаго). Автор проекта нескольких литературных альманахов. Автор трилогий «Избранники Ангела» и «Времена и бремена», а также сборника стихов и нескольких книг повестей и рассказов. В 2005 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. В 2006 году в московском издательстве «Амадеус» отдельной книгой вышел роман «Андрей + Наташа». Лауреат «Московского Парнаса» за 2006 год в номинации «Проза». Лауреат Всероссийского конкурса литературного творчества «Золотой листопад-2008» (Иркутск), дипломант международного литературного конкурса по детской литературе имени А. Н. Толстого (2009). С 2006 года — автор проекта и редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), детского альманаха «Енисейка» и ряда приложений. Член Союза писателей России. С 2023 года — председатель Красноярского регионального отделения организации.

стр. 136 **Лукожева Залина Тимуровна**
Кабардино-Балкария

Журналист, прозаик, драматург. Автор книг «Сказки Волшебного леса», «Нартшао и Дуней», «Блуждающие звёзды» (на двух языках); нескольких театральных постановок. Публикации в журналах «Литературная Кабардино-Балкария». «Солнышко», «Нур», «Проспект», «Дарьял», «Сундук».

стр. 54 **Малов Иван Петрович**
Оренбург, 1956 г. р.

Родился в селе Кинделя Ташлинского района Оренбургской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор поэтических книг «Под белым парусом пера», «Голубиные шаги», «Бегущей строкой», «Я слышу степь», «По любви» и других. Публиковался в «Литературной газете», альманахах «День поэзии — XXI век», «Поэзия», «Истоки» и др., антологиях «Ты, солнце святое, гори!», «Шёл отец…», «Антология русской поэзии» и других центральных и региональных изданиях. Лауреат региональной литературной премии имени П. И. Рычкова, премии «Золотое перо Руси» и национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Лирика», а также Международного поэтического конкурса «45-й калибр». Член Союза писателей России.

стр. 142 **Миронов Вячеслав Николаевич**
Красноярск, 1966 г. р.

Родился в городе Кемерово, в семье военнослужащего. В 1993 году окончил Высшие курсы военной контрразведки Министерства безопасности Российской Федерации (Новосибирск), а в 2004 году — Сибирский юридический институт МВД России. Военную службу проходил в Кишинёве, Кемерово, Новосибирске, Красноярске, с 1993 года — как офицер-контрразведчик. Принимал участие в боевых действиях в Баку (1990), Цхинвале (1991), Приднестровье (1992), Чечне (1995). Был дважды ранен, получил несколько контузий.

Награждён орденом Мужества, медалями. Писать начал в 1998 году. В первой книге «Я был на этой войне. Чечня, год 1995» описал своё участие в первой чеченской войне, в штурме Грозного. Книга выдержала несколько изданий, переведена на болгарский язык. Публиковался в литературных журналах «Звезда», «День и ночь». Член Союза российских писателей.

стр. 181 **Миронова Яна Александровна**
Красноярск, 2000 г. р.

В 2023 году окончила филологический факультет КГПУ имени В. П. Астафьева. Пишет прозу с 11 лет. Сегодня занимается литературой как автор и как исследователь. Является членом Красноярского отделения Совета молодых литераторов.

стр. 104 **Мясникова Оксана Борисовна**
Нижний Тагил, 1968 г. р.

Родилась в Новосибирске. Детство провела на Брянщине у бабушки, в деревне Надва. В 1975 году приехала с матерью на Урал, в Нижний Тагил. В 1989-м окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Преподавала русский язык и литературу в сельских школах Северного и Среднего Урала, нижнетагильских средних школах, горно-металлургическом колледже имени Е. А. и М. Е. Черепановых. С 2001 года работает в научно-технической библиотеке АО «НПК „Уралвагонзавод“ имени Ф. Э. Дзержинского».

стр. 179 **Пчелёнок Алексей**
Красноярск

Студент филологического факультета Сибирского федерального университета.

стр. 3 **Ромашков Юрий Валерьевич**
Красноярск, *1988* г. р.

Родился в Красноярске. Затем переехал в деревню Старая Кузурба Ужурского района. В конце 1990-х новый переезд — на этот раз Шарыповский район, деревня Александровка. В 2009 году окончил исторический факультет Енисейского педагогического колледжа. После службы в рядах Вооружённых сил РФ поступил на исторический факультет Красноярского педагогического университета имени В. П. Астафьева, который окончил в 2014 году. В этом же году вышел первый сборник стихов «Стихи из-под шкафа». Имеет ряд историко-краеведческих публикаций в журнале «День и ночь». Лауреат Фонда Астафьева (2019). Ныне проживает в Красноярске, сотрудник Мемориального комплекса В. П. Астафьева в Овсянке.

стр. 13 **Саввиных Марина Олеговна**
Красноярск, 1956 г. р.

Родилась в Красноярске. В 1978 году окончила с отличием филологический факультет Красноярского педагогического института (ныне — университет имени В. П. Астафьева). Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея (1998–2011). С 2007 года — главный редактор красноярского литературного журнала «День и ночь». Поэт, прозаик, публицист. Первая публикация — в сентябре 1973 года (молодёжка «Красноярский комсомолец»). Первый лауреат Благотворительного фонда имени В. П. Астафьева (1994). Публикации в журналах «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Уральский следопыт», «Дети Ра», «Юность», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), «Крещатик» (Германия), еженедельнике «Обзор» (Чикаго), антологиях «Лёд и пламень» (Москва), «Русская сибирская поэзия. XX век» (Кемерово). Автор более десятка книг стихов, прозы, художественной публицистики, множества статей о творчестве современных русских писателей. Лауреат Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014), X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Лауреат газеты «Поэтоград» (2010), журнала «Дети Ра» (2011) и др. Обладатель краевого губернаторского гранта за заслуги в области культуры (2008). Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена орденом общественного признания имени Достоевского I степени и несколькими медалями за литературную и общественную деятельность. Обладатель высшей награды Всеславянского литературного форума «Золотой Витязь» (2020). Член Союза писателей России.

стр. 125 **Соловьёва (Побежимова) Виктория Гелиевна**
Красноярск, 1965 г. р.

Родилась в городе Красноярске. Окончила Красноярский институт цветных металлов по специальности «Металловедение и термическая обработка металлов» и Московский государственный технологический университет «Станкин» по специальности «системотехник». Публиковалась в литературном альманахе «Нижегородский литератор», журнале «День и ночь», на портале «Подлинник», а также в различных литературных альманахах и коллективных сборниках. Лауреат конкурса имени И. Д. Рождественского (2019) в номинации «Поэзия». Лауреат международного конкурса «Поэзия ангелов мира» (2020).

стр. 100 **Сурай Андрей**
Казань, 1976 г. р.

Публиковался в журнале «Идель» (Казань), на портале Prosōdia, на сайте проекта «Точка зрения». Включён в премиальный список Волошинского конкурса-2022 в поэтической номинации «При жизни быть не книгой, а тетрадкой…». Вошёл в лонг-лист всероссийских поэтических конкурсов

«Согласование времён», «Узнай поэта», «Хижицы», литературной премии имени В. П. Астафьева в номинации «Поэзия». В 2024 году опубликована книга стихотворений «Свидетели абсурда».

стр. 33

Татарников Евгений Феликсович

Ижевск, 1959 г. р.

Родился в Удмуртии. После школы в 1976 году поступил в МВТУ имени Баумана, которое окончил в 1982 году, и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога. В 1988 году окончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Проживает в Ижевске. Печатался в альманахе «Ковчег», в журналах «День и ночь», «Север», «Звезда Востока» (Узбекистан), «Новая литература», «На русских просторах», «Кольцо „А“», «Берега», «Семь искусств», журнал-газете «Мастерская», «Белая скала», «Москва», «Южная звезда», «Традиции и Авангард», «Истоки», «Бийский вестник», «Живописная Россия», «Царицын», «Литкультпривет», «Автограф», «Чайка» (США), «Великороссъ», «Клаузура», «Александръ» и др. Лауреат «Золотого пера Руси» (2024).

стр. 102

Торопов Игорь Валентинович

Тюмень, 1960 г. р.

С детства увлечён литературой. По образованию — геодезист, топограф. В настоящее время трудится в области картографии и кадастра. Публиковался в ряде интернет-изданий.

стр. 98

Черных Наталия Борисовна

Москва, 1969 г. р.

Родилась в Челябинске-65 (ныне Озёрск), с 1987 года живёт в Москве. Работала библиотекарем в Литературном институте имени А. М. Горького, техником на киностудии «Союзмультфильм», преподавателем в средней школе, переводчиком в издательстве, рецензентом и т. д. В 1990 году дебютировала в самиздате сборником стихотворений «Абсолютная жизнь», в 1993 году состоялась первая официальная публикация её стихов — в парижской газете «Русская мысль». С 1999 года выступает также как автор статей и эссе о русской классической и современной литературе. С 2005 года — куратор интернет-проекта «На Середине Мира», посвящённого современной русской поэзии.

стр. 56

Шихалёв Алексей Павлович

Ижевск, 1980 г. р.

Родился в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области. Инженер по специальности «Проектирование, сооружение и эксплуатация газонефтепроводов и газонефтехранилищ». Работал в нефтегазовых компаниях (Ямал — строительство объектов ПАО «Газпром», Удмуртия — ПАО «Роснефть»). В данный момент работает ведущим инженером в Центральном банке РФ. Публиковался в региональных и столичных литературных изданиях.

стр. 58

Щитов Иван

Санкт-Петербург, 1989 г. р.

Родился в селе Усть-Ишим Омской области. Обучался в Омском государственном аграрном университете. Автор сборника стихотворений «Моё Отечество — деревня», выпущенного в 2020 году в Москве при поддержке Министерства культуры РФ. Выступал со своими стихами в Законодательном собрании Санкт-Петербурга. Победитель Всероссийской поэтической премии имени Николая Рубцова «Звезда полей» (Вологда, 2021), Четвёртого Всероссийского конкурса молодых поэтов имени Бориса Богаткова (Новосибирск, 2020), Всероссийского открытого литературного конкурса, посвящённого 150-летию И. А. Бунина, «Вернись на Родину, душа!» (Орёл, 2020), а также многих других всероссийских литературных конкурсов и фестивалей. Активный участник различных литературных совещаний, семинаров и чтений. Стихи опубликованы на многих поэтических интернет-площадках, в том числе на литературном портале «45-я параллель». Член Союза писателей России.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Марина Наумова-Саввиных
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Дмитрий Косяков
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Дарья Преснякова

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Владислава Васильева
КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:
Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:
Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Анастасия Астафьева
Костромская область
Наталья Ахпашева
Абакан
Юрий Беликов
Пермь
Александр Герасимов
Калининград
Лидия Довыденко
Калининград
Вера Зубарева
Филадельфия
Ирина Ивасьскова
Анапа
Александр Кердан
Екатеринбург
Станислав Колчин
Калуга
Сергей Кузичкин
Красноярск
Екатерина Малиновская
Красноярск
Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург
Татьяна Масс
Париж
Евгений Минин
Иерусалим
Миясат Муслимова
Махачкала
Александр Орлов
Москва
Анна Сафонова
Южно-Сахалинск
Андрей Тимофеев
Москва
Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы репродукции картин Сергея Форостовского

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 57; Медиацентр

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.04.2025
Дата выхода в свет: 30.04.2025
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт» г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340 эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Сергей Форостовский | Судак. Сентябрь. 70х80, холст, масло. 2021 г.

Сергей Форостовский | Церковь Двенадцати Апостолов. 49х60, холст, масло. 2020 г.

Сергей Форостовский

Утро в Севастополе. 70x70, холст, масло. 1998 г.

на обложке:

Сергей Форостовский

Старый Севастополь. 70x70, холст, масло. 1998 г.